

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (59)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2018

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),
член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),
д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаилов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2018
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2018
  - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (59)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2018

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Alexander Stroeve* (Paris),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 5–11
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 5–11
© Автор(ы) 2018

ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ В 1975 г.

О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
helga-mir@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной серии погребальных комплексов античной Фанагории – так называемым захоронениям в каменных ящиках. Такие погребения встречаются в Фанагории нечасто, что в немалой степени связано с дефицитом строительного камня и его вероятной дороговизной в древности. Каменные ящики, как правило, находятся недалеко от поверхности и нередко разрушаются в результате природных и антропогенных факторов. За редким исключением, все они ограблены в древности. В статье впервые вводятся в научный оборот материалы трех погребений, исследованных в 1975 г. на разных участках некрополя Фанагории. Рассматриваемые захоронения весьма монолитны в морфологическом и конструктивном отношении. Все ящики были сооружены из тесанных известняковых плит и ориентированы по оси запад-юго-запад – восток-северо-восток. Стены и перекрытие формировались из камня, пол оставался земляным. Прослеживается и хорошо заметное сходство между ними в погребальном обряде. Каменные гробницы в виде замкнутой прямоугольной в плане конструкции из тесанных каменных блоков, перекрытых каменными же плитами, характерны для погребального обряда эллинистической эпохи. Известны случаи их вторичного использования в римское время. Все публикуемые захоронения подверглись ограблению еще в древности. Уцелела лишь незначительная часть погребального инвентаря. Несмотря на это погребения имеют

Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии Российской академии наук.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-01108.

большое значение для реконструкции погребального обряда жителей столицы Азиатского Боспора во 2 в. до н.э. Они пополняют немногочисленную серию каменных гробниц, принадлежащих не рядовым жителям эллинистической Фанагории.

Ключевые слова: Фанагория, некрополь, эллинизм, погребальный обряд, каменные ящики

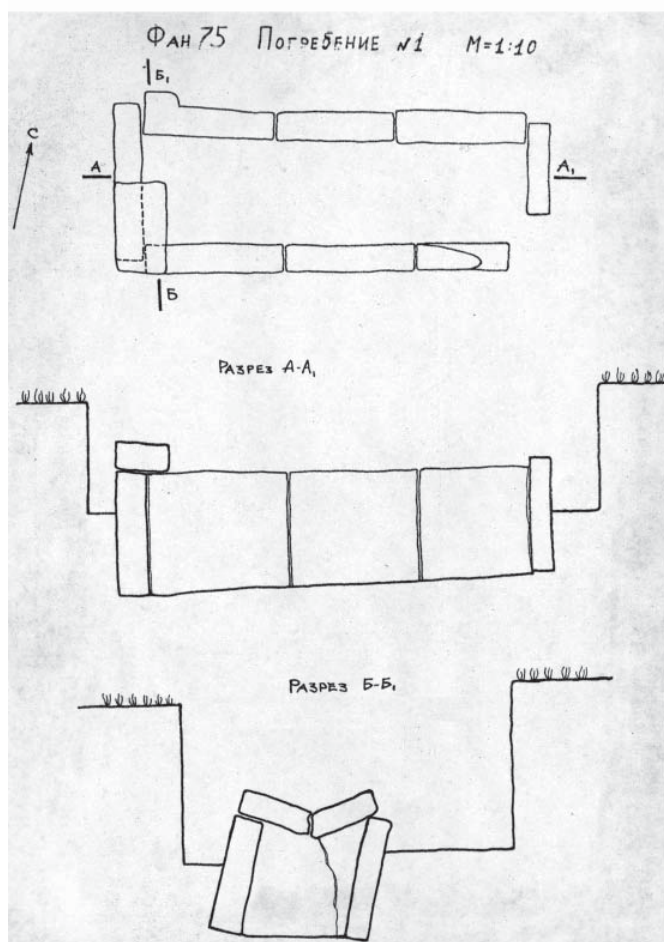
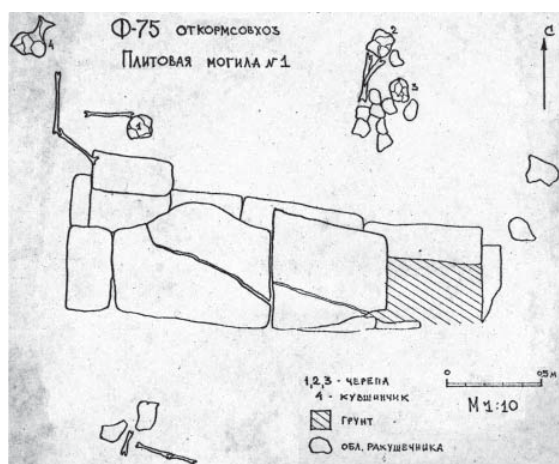
Среди разнообразных погребальных сооружений, изученных в ходе раскопок некрополя столицы Азиатского Боспора, выделяются так называемые захоронения в каменных ящиках. Такие погребения встречаются в Фанагории не часто, что, в первую очередь, связано с дефицитом строительного камня и его вероятной дороговизной в древности. Каменные ящики, как правило, находятся недалеко от современной поверхности и нередко разрушаются в результате природных и антропогенных факторов (оползни, плантажная распашка, строительные работы и т.п.). Так, в 1975 г. Фанагорийской экспедицией под руководством В.С. Долго-рукова были проведены охранно-спасательные работы на территории некрополя. На разных участках древнего кладбища были доследованы три захоронения в каменных ящиках.

Погребальные сооружения рассматриваемой группы имели единую конструкцию и ориентировку. Все ящики были сделаны из тесанных известняковых блоков и ориентированы продольными сторонами по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Продольные стороны ящиков были сформированы тремя вертикально установленными прямоугольными плитами, торцевые – одной. Сверху находилось каменное перекрытие из таких же плит, горизонтально уложенных на верхний торец стен. Пол оставался земляным. Некоторые конструктивные особенности подобного типа гробниц Фанагории уже описывались нами ранее¹.

Все исследованные в 1975 г. захоронения подверглись ограблению еще в древности. Один ящик зафиксирован в ходе строительных работ западнее железнодорожной станции Тамань (рис. 1, 1-2). Захоронение найдено на глубине 1,10 м от современной поверхности. Каменный ящик имел длину 2,30 м, ширину 0,70 м и был сложен из известняковых плит размером: 0,70×0,60×0,15 м; 0,60×0,50×0,18 м. Плита перекрытия на восточном краю могилы и боковые плиты юго-восточного угла ящика отсутствовали. Вблизи погребения зафиксированы кости человека, обломки каменных плит, верхняя часть глиняного кувшина. Здесь же, до начала раскопок, строителями был обнаружен бронзовый (?) предмет (вероятно, подвеска) в виде трех последовательно пропущенных друг в друга колец (рис. 1, 3) и стеклянные полихромные бусы (рис. 1, 4-6). Все кольца по внешней стороне декорированы тремя равно удаленными друг от друга скоплениями сферических выступов. Кроме того, одно из крайних колец снабжено кольцевидной петлей, расположенной с внешней стороны между двух декоративных элементов. Металлическая подвеска и стеклянные бусы, судя по обстоятельствам находки, происходят из рассматриваемого комплекса и по аналогиям могут быть датированы концом 2 в. до н.э., возможно, началом 1 в. до н.э.².

¹ Ворошилов, Ворошилова 2016, 25–27.

² Дашевская 2014, 54, 242, табл. 133, 3; табл. 47, 19; 254, 61, табл. 145, 2.

Еще два ящика были обнаружены в том же году в результате вспашки поля. Одно из этих погребений выявлено на восточном некрополе Фанагории (вблизи участка, исследованного в 1974 г., – Некрополь «М»). Частично сохранилась лишь северо-восточная продольная стена ящика длиной 1,80 м, она состояла из трех известняковых плит размером 0,60×0,30×0,10 м. Сохранилась часть торцевой плиты длиной 0,50 м. Каменный ящик ориентирован продольными стенами по оси северо-восток – юго-запад. Погребального инвентаря и остатков скелета обнаружено не было.

Еще один комплекс (рис. 2, 1), выявленный при возделывании земли, располагался к западу от Майской горы (Блевака) на небольшой возвышенности, протянувшейся с запада на восток. Погребение зафиксировано на глубине 0,40 м от современной поверхности. Ящик имел длину 2,40 м, ширину 0,70 м и был сложен из известняковых плит размером 0,60-0,70×0,35×0,10 м. Перекрытие состояло из аналогичных плит, большая часть которых была разрушена. Сооружение ориентировано по оси северо-восток – юго-запад. На дне погребения обнаружены фрагменты двух потревоженных скелетов, головами обращенных на северо-восток. В центральной части ящика, у южной продольной стены, найдена бронзовая (?) декорированная пряжка (рис. 2, 2), в области пояса – железное кольцо. У ног погребенных находился следующий инвентарь: лягинос, красноглиняная пелика, кувшин с витой ручкой, лекана с крышкой, тарелка, унгентарий веретенообразной формы (рис. 2, 3-9), железный нож, проколка³. Подобный набор посуды типичен для фанагорийских поздне-эллинистических погребальных комплексов⁴. Бронзовая (?) пряжка (к сожалению, ее точные размерные характеристики не удалось восстановить по архивным материалам) имеет близкие аналогии среди инвентаря позднескифских погребений Крыма 2–1 вв. до н.э.⁵

Рассмотренные каменные ящики имеют единую конструкцию и относятся к малоизвестной группе памятников Фанагории⁶. Большинство погребений в каменных ящиках были ограблены еще в древности, некоторые не единожды. На сегодняшний день открыто лишь несколько сооружений, не потревоженных древними и современными грабителями⁷. В этих гробницах часто встречается набор керамической посуды, располагавшийся у стоп погребенного человека. Среди типичных для их инвентаря предметов следует упомянуть монеты, бронзовые пряжки, железные перстни, ножи, стеклянные бусы, каменные оселки, свинцовые гири и др. Большинство захоронений в подобных каменных конструкциях были совершены во 2 в. до н.э. Публикуемые погребальные комплексы пополняют группу каменных гробниц, принадлежащих не рядовым жителям эллинистической Фанагории.

³ Долгоруков 1975, 25–26.

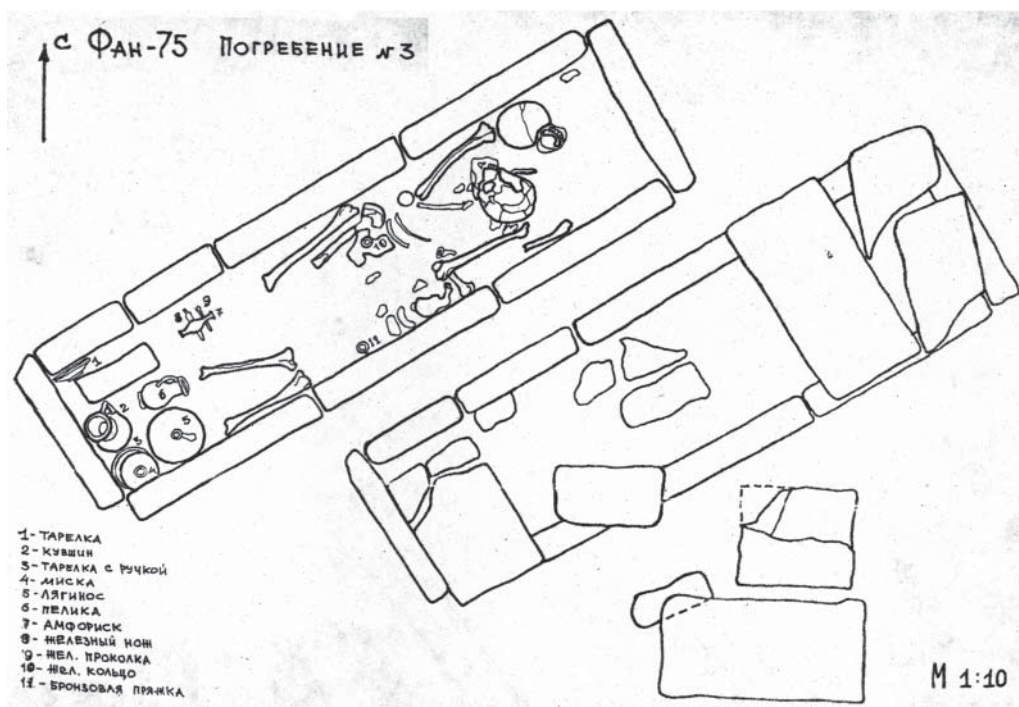
⁴ Медведев 2013, 234, рис. 1.

⁵ Зайцев 2003, рис. 93, 7; Пуздровский 2007, рис. 25, II, 2; рис. 65, II, 1.

⁶ Шавырина, Ворошилова 2013, 476–478, рис. 33; Ворошилов, Ворошилова 2015, 64–65, 72; 2016, 23–28.

⁷ Ворошилов, Ворошилова 2016, 23–28.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2015: Некрополь. В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Альбом*. М., 60–75.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2016: О новых находках эллинистических каменных «ящичков» в Фанагории. В кн.: Д.В. Журавлев (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7–8 июня 2016 г.* М., 23–28.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Долгоруков, В.С. 1975: *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции*. Архив ИА РАН. Р-1. № 5578, 12–26.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь скифский (II в. до н.э.–III в. н.э.)*. Симферополь.
- Медведев, А.П. 2013: Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.). В кн.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, 232–237.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э.–III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 г.). В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований*. М., 415–481.

REFERENCES

- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa* [Necropolis of Belyaus]. Simferopol.
- Dolgorukov, V. 1975: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii* [Report on the work of the Phanagorian expedition]. Archive of IA RAS. R-1. No. 5578, 12–26.
- Medvedev A.P. 2013: Ellinisticheskiy nekropol' Fanagorii: voprosy khronologii i periodizatsii (v svete raskopok 2005–2007 gg.). In: V.Yu. Zuev (red.), *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Bosporan phenomenon. Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroads: Proceedings of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 232–237.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e.–III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd c. BC. – 3rd c. AD. Funerary monuments]. Simferopol.
- Shavyrina, T.G., Voroshilova O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 g.). In: V.D. Kuznetsov (red.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy* [Phanagoria. Results of archaeological research]. Moscow, 415–481.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2015: Nekropol'. In: V.D. Kuznetsov (red.), *Fanagoriya. Al'bom* [Phanagoria. Album]. Moscow, 60–75.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2016: O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamennykh «yashchikov» v Fanagorii. In: D.V. Zhuravlev (red.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban'ye v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola 7-8 iyunya 2016 g.* [Asian Bosporus and Kuban in the pre-Roman period. Materials of the International Round Table on June 7–8, 2016]. Moscow, 23–28.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e.–III v. n.e.)* [Scythian Neapolis (from the 2nd c. BC to the 3rd c. AD)]. Simferopol.

THE 1975 EXCAVATIONS AT PHANAGORIA: BURIALS IN STONE BOXES

Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
helga-mir@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the insufficiently studied series of funeral complexes found in Phanagoria – the burials in stone boxes. Such burials in Phanagoria are rare, which is largely due to the lack of building stone and its probable high cost in antiquity. Stone boxes, usually located near the surface, are often destroyed because of natural and anthropogenic factors. Almost all of them were robbed in antiquity. The author for the first time introduces the materials of three burials, discovered in 1975 in different sites of Phanagoria necropolis. The burials are rather monolithic in a morphological and constructive way. All boxes were built of limestone slabs and oriented in the west-southwest – east-north-east direction. Their walls and the ceiling were made of stone, the floor remained earthy. There is a well-marked similarity between them in the funeral rite. Stone tombs in the form of a closed rectangular in terms of construction from the hewn stone blocks, covered with stone slabs, are characteristic for the funeral rites of the Hellenistic period. There are cases of their secondary use in the Roman times. All published burials were robbed in ancient times. Only a small part of the funeral inventory survived. Despite this, burials are of great importance for the reconstruction of the burial rite in the Asian Bosphorus in the 2nd century BC. They replenish a small series of stone tombs belonging not to ordinary inhabitants of the Hellenistic Phanagoria.

Keywords: Phanagoria, necropolis, Hellenism, funeral custom, stone boxes

---

К ОЦЕНКЕ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ НА АНТИЧНОМ БОСПОРЕ

Г.П. Гарбузов

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
g_garbuz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос оценки урожайности зерновых в основных областях античного Боспора. Отправной точкой работы является тезис о том, что наиболее правдоподобным ориентиром для искомых оценок служат урожайности, типичные для местного российского земледелия конца XIX – начала XX в. Исходя из этого, для Восточного Крыма (Европейский Боспор) и низовий Кубани (Азиатский Боспор) по достаточно обширной урожайной статистике дореволюционного времени построены ряды ежегодных урожайностей трех основных зерновых культур (озимая и яровая пшеница, ячмень), охватывающие большую часть периода 1870–1915 гг. Этот набор данных предоставил возможность рассмотреть ключевые характеристики региональной урожайной статистики: средние и экстремальные значения, временную изменчивость, пространственную неоднородность. Среди выявленных особенностей интересны частые в Восточном Крыму случаи инверсии урожайности, при которых высоким урожаям озимых соответствуют низкие урожайности яровых, и наоборот. Такие случаи демонстрируют особую значимость одновременного возделывания озимых и яровых культур в рискованном для земледелия климате Боспора. Все существенные особенности российской урожайной статистики могут быть с той или иной степенью уверенности распространены на античное земледелие. Для наиболее важной характеристики, средней урожайности, рекомендовано использовать при переходе от российских показателей к соответствующим античным понижающую поправку, которая определена в размере 10–15%. В целом проведенный анализ позволил предложить для античного Боспора обоснованные практикой количественные оценки урожайности зерновых и выделить некоторые свойства местной урожайной статистики, имевшие, по всей вероятности, универсальное значение.

Ключевые слова: Боспорское царство, Европейский Боспор, Азиатский Боспор, земледелие, урожайность, сельскохозяйственная статистика

Нет необходимости доказывать, что те немногочисленные сведения об урожайности зерновых в Греции и Италии, которые известны нам из трудов античных авторов, нельзя прямо использовать для Боспора, природные условия кото-

---

Гарбузов Геннадий Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Южного научного центра РАН.

Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН I.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № гр. проекта AAAA-A18-118011990322-1).

рого сильно отличаются от средиземноморских. Гораздо разумнее в подобной ситуации обратиться к опыту местного земледелия, используя для приближенной оценки урожайности зерновых в основных областях Боспора данные сельскохозяйственной статистики второй половины XIX – начала XX в. В пользу этого подхода говорит невысокий в целом уровень российского дореволюционного земледелия, которое всегда носило экстенсивный характер и продуктивность которого во многом определялась текущими климатическими условиями. Полученные таким образом оценки можно критиковать, но они, по крайней мере, не являются спекулятивными и обоснованы местной земледельческой практикой.

Сведения российской урожайной статистики для Крыма в целом и Евпаторийского уезда Таврической губернии были обобщены ранее В.А. Кутайсовым¹. Отличием нашей работы является использование для территории Боспора выборки дореволюционной статистики меньшего временного размаха, с учетом только тех сведений, о достоверности которых есть хоть какое-то представление². Кроме того, при оценке античной урожайности по статистическим данным российского времени мы сочли необходимым использовать понижающую поправку.

Анализ урожайной статистики проведен для двух территорий, моделирующих Европейскую и Азиатскую части Боспора: Феодосийского уезда Таврической губернии (далее ФУ)³ и Темрюкского/Таманского уезда/отдела Кубанской области (далее ТО)⁴. Выраженные в центнерах на гектар (ц/га)⁵ урожайности основных зерновых культур (оз. пшеница, яр. пшеница⁶ и ячмень) за период 1870–1915 гг. представлены на рис. 1, здесь же показано изменение общей урожайности этих трех культур, исходя из их суммарных сборов и суммарной посевной площади⁷.

¹ Кутайсов 2001; 2002.

² Сведения о посеве и сборе хлебов в российской административной статистике до земской реформы 1860-х годов и образования ЦСК МВД были большей частью «совершенно произвольны» и признавались «неудовлетворительными и даже ниже всякой критики» (Ершов 1875, I).

³ Без учета Керчь-Еникальского градоначальства (КЕГ), случаи использования статистики для КЕГ оговариваются в тексте.

⁴ Темрюкский уезд с 1869 г., Темрюкский отдел с 1888 г., Таманский отдел с 1910 г.

⁵ Данные источников, приведенные в виде объемов сбора и сева, пересчитаны в ц/га на основе указанной в выпусках «Урожай ... года» ЦСК МВД информации о норме высева (с 1883 г. для ФУ, с 1892 г. для ТО) и весе четверти зерна (с 1888 г. для ФУ, с 1892 г. для ТО). В случае пересчета ранних данных использованы соответствующие среднемноголетние показатели ЦСК МВД.

⁶ Посевы яр. пшеницы в ФУ были незначительны. В Крыму «яровые пшеницы ... занимают последнее место в полеводстве, потому что почти нигде и никогда посевы их не дают хороших результатов» (Янсон 1870, 17), на плохие урожаи яр. пшеницы указывал еще Паллас (1999, 165). В начале 1870-х годов объем сева этой культуры в ФУ был в среднем в 3 раза меньше, чем оз. пшеницы (Ершов 1875, 22–23), а с 1893 г. по данным ЦСК МВД ее доля в общих посевах превышала 1% только в 1898–1901 гг. В ТО по сведениям ПККО в 1870-х годах яр. пшеницы высевалось лишь немногим меньше, чем озимой, на Таманском полуострове яровые хлеба в это время преобладали (Серафимович 1876, 31; Ланд 1876, 69). Однако уже в 1890-х годах по данным ЦСК МВД посевы оз. пшеницы в ТО стали в 2–3 раза превышать посевы яровой (по показаниям ПККО сокращение объемов сева яр. пшеницы было еще значительнее, см. также Тимонин 1900, 80–81), на второе место вышел ячмень, который затем (в 1906–1914 гг.) стал доминирующей культурой.

⁷ Для ФУ использованы: за 1870–1872 гг. сведения (Ершов 1875, 22–23), за 1884–1885 гг. и 1887–1892 гг. сведения ПФЗУС, за 1893–1915 гг. сведения выпусков «Урожай ... года» ЦСК МВД. Для ТО учтена следующая информация: за 1872–1878 гг. и 1880 г. сведения ПККО, за 1889 г. и 1892 г. сведения ЦСК, за 1891 г. сведения ОНК, за 1893–1915 гг. сведения выпусков «Урожай ... года» ЦСК МВД. Всего и для ФУ, и для ТО учтены данные по 34 сезонам из 46. Начиная с 1893 г., т.е. с момента, когда в ЦСК МВД наконец сложилась полноценная методика сбора сельскохозяйственной стати-

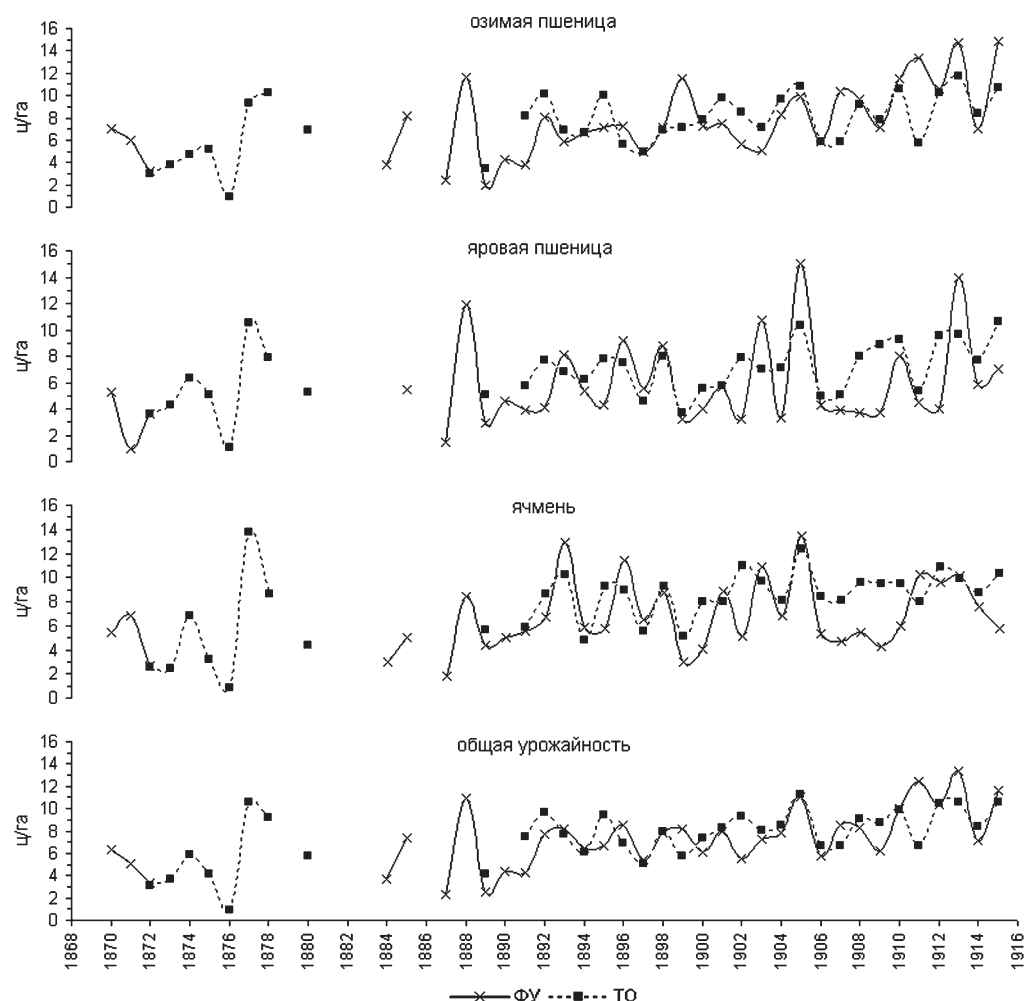

Рис. 1. Урожайность зерновых в Феодосийском уезде (ФУ) и низовьях Кубани (ТО)

На рис. 1 заметен тренд на увеличение урожайности, наиболее выраженный для оз. пшеницы. Он формируется за счет высоких урожаев в 1910–1915 гг.⁸ и низкой, насколько можно судить по неполным данным, средней урожайности зерностики, рисунок основан только на данных ЦСК МВД, так как, несмотря на некоторое занижение урожайности по сравнению с фактическими показателями, эти сведения признаются специалистами наименее спорными (Виноградова 1925; 1926; Кузнецов 2012). Известные нам данные для КЕГ, также как и сведения по ФУ, собранные статистическим бюро Таврического губернского земства, нашли применение (см. далее) в расчетах среднееголетних показателей. Статистика Министерства (Департамента) земледелия, большей частью завышавшая урожайность из-за специфической выборки корреспондентов и способа усреднения результатов (Иванцов 1915; Оболенский 1915, 2–3; Виноградова 1925; Кузнецов 2012), нигде нами не учтена.

⁸ Урожайность в эти годы могла повыситься вследствие интенсификации производства. В хозяйствах было уже много высокопроизводительных орудий труда (современные плуги, сеялки, косилки, молотилки и т.п.), что прямо влияло на урожайность. В условиях Крыма и Тамани, например, только за счет быстрой уборки можно было существенно увеличить объемы сбора и качество (вес) зерна.

новых в первой половине рассматриваемого периода (до 1893 г.), на которую выпадает несколько очень плохих урожаев. В выборке наблюдений за 1893–1909 гг. повышательный тренд почти не проявляется. Учитывая, что этому отрезку времени соответствует неизменно высокий уровень посевных площадей, усредненные урожайности для 1893–1909 гг. мы примем за характеристику продуктивности дореволюционного земледелия на этапе полностью сложившегося экстенсивного зернового производства. Средние урожайности до 1893 г. будут примерной и, к сожалению, ненадежной из-за пропусков данных характеристикой продуктивности при становлении товарного земледелия.

В табл. 1 приведены средние значения и среднеквадратичные отклонения (STD)⁹ урожайности зерновых для всего ряда данных за 1870–1915 гг. и для указанных выше двух этапов: стадии развитого товарного зернового производства (1893–1909 гг.) и предшествующей фазы наращивания посевных площадей (1870–1892 гг.). Территориально, помимо ТО и ФУ в целом, в табл. 1 для периода 1893–1909 гг. выделены Керченский полуостров (КП), КЕГ и Цюрихтальская волость ФУ (ЦРХТ), смысл появления которой будет понятен из дальнейшего изложения.

Таблица 1. Средняя урожайность зерновых в Феодосийском уезде (ФУ) и низовьях Кубани (ТО)

область	Источник	ц/га							
		оз. пшеница		яр. пшеница		ячмень		по трем культурам	
		средн.	STD	средн.	STD	средн.	STD	средн.	STD
1870–1915 гг. ^a									
ТО		7.5	2.6	6.8	2.2	7.8	2.9	7.5	2.4
ФУ		7.7	3.3	5.8	3.3	6.7	2.9	7.3	2.7
1870–1892 гг. ^a									
ТО		6.0	3.2	5.7	2.5	5.7	3.7	5.9	3.0
ФУ		5.5	3.0	4.4	3.0	5.0	2.0	5.3	2.6
1893–1909 гг.									
ТО	ЦСК МВД	7.7	1.7	6.8	1.7	8.6	2.0	7.8	1.6
ФУ	ЦСК МВД	7.5	1.9	6.0	3.3	7.2	3.2	7.4	1.4
ФУ	ПФУЗС ^b	7.3	1.8	5.1	1.9	7.4	3.8	7.2	1.2
ФУ	Бененсон 1910; 1911 ^c	7.5	2.3	4.0	1.4	5.7	3.6		
КЕГ	ПККЕГ 1914 ^d	7.3	2.9			6.8	3.1	7.3	2.8
КП ^e	ПФУЗС ^b	6.8	2.5	5.0	2.6	6.7	3.5	6.7	1.5
ЦРХТ	ПФУЗС ^b	8.2	3.2			8.5	3.9	8.2	2.1

^a источники те же, что и для рис. 1, см. примечание выше;

^b 1893–1904 гг.;

^c 1899–1909 гг.;

^d 1903–1909 гг.;

^e Петровская и Сарайминская волости ФУ

⁹ STD показывает разброс значений относительно выборочного среднего. При нормальном распределении случайной величины в пределах $\pm$ STD находится около 68% значений всей выборки.

Помимо среднелетних значений¹⁰, важны и другие характеристики, например, изменчивость урожайности со временем, ее наименьшие и наибольшие величины, частота подобных случаев, а также пространственная вариация. Из рис. 1 видно, что в наступлении повышенных или пониженных урожаев присутствует цикличность двух основных типов: с коротким (чередование урожаев с небольшим отклонением от среднего) и длинным (повторяющиеся значительные отклонения от среднего) периодами, в обоих случаях циклы неравномерные. Общий ритм чередования величины урожайностей иногда нарушался за счет нескольких сезонов подряд с относительно низкой продуктивностью, также отражавших, возможно, какой-то специфический цикл. Подобные сбои наблюдаются в урожайности яровых культур в ФУ на отрезках 1889–1892 гг. и 1906–1909 гг. В связи с яровыми отметим, что на развитом этапе товарного производства их урожайность в ТО была более стабильна, чем в ФУ (см. значения STD в табл. 1). Это хорошо соответствует более сложным, чем на Тамани, условиям Керченского полуострова для возделывания яровых хлебов¹¹.

С короткопериодическими циклами связано одно существенное обстоятельство. В нашей выборке данных нередко наблюдаются инверсии урожайности, т.е. слабые урожаи оз. пшеницы при хороших урожаях яровых, и наоборот. К примеру, по данным ЦСК МВД в 1899 г. в ФУ был прекрасный средний урожай оз. пшеницы 11.7 ц/га, при этом урожай ячменя составил всего 3.0 ц/га, яр. пшеницы 3.3 ц/га; в 1893 г. урожай оз. пшеницы был посредственный – 5.8 ц/га, урожай же ячменя достиг 13 ц/га, яр. пшеницы – 8.1 ц/га. Явных случаев инверсии по паре оз. пшеница/ячмень за 1870–1915 гг. в ФУ было не менее 12, что составляет более трети всей учтенной выборки. В ТО подобный эффект проявлялся гораздо слабее: продуктивности озимых и яровых здесь тесно связаны, в учтенной выборке фиксируется всего 3–4 случая сильной инверсии урожайности.

Причиной инверсий можно считать разную реакцию озимых и яровых посевов на погодные аномалии: ранневесенние засухи не так сильно влияли на урожай озимых, а неудачная зимовка пшеницы не отражалась на состоянии яровых. Важно, что инверсии на практике оказывали стабилизирующее влияние на общую урожайность зерновых. Это проявлялось в уменьшении разброса общей урожайности относительно ее среднелетнего уровня по сравнению с перепадами урожайности каждой из отдельных культур. Разделение посевов на озимые и яровые служило, таким образом, определенной страховкой от недобора зерна. Очевидно, что этот прием давал неплохие результаты, особенно в Восточном Крыму, позволяя хозяйствам с меньшими потерями переживать довольно частые по отдельности случаи низких урожаев яровых или озимых. Примером служат отмеченные выше два сезона (1893 и 1899 гг.) с сильными противоположными инвер-

¹⁰ Основанные на местной урожайной статистике среднелетние показатели для Крыма и Евпаторийского уезда, которые приводит В.А. Кутайсов (2001; 2002), в случае оз. пшеницы весьма близки к данным табл. 1 по ФУ, для ячменя же они несколько меньше наших цифр.

¹¹ Указанная разница условий опосредованно проявляется в товарных характеристиках. В ФУ четверть зерна объемом 209.9 л весила для оз. пшеницы 159.4 кг, для яр. пшеницы 155.6 кг и для ячменя 132.3 кг (усреднено по выпускам «Урожай ... года» ЦСК МВД за 1888–1915 гг.), в ТО эти величины были 159.7 кг, 159.9 кг и 146.5 кг соответственно (усреднено за 1892–1915 гг.). Как мы видим, яровые в ТО более полновесны, чем в ФУ: отличие на 2.8% для яр. пшеницы и на 10.7% для ячменя, при этом, что симптоматично, оз. пшеница в двух областях весила практически одинаково.

сиями урожайности в ФУ: общая урожайность основных хлебов в эти годы почти не изменилась, составив 8.1–8.2 ц/га.

Длительные циклы описывают другую заметную особенность региональной урожайной статистики – случавшиеся время от времени богатые урожаи. За 40 лет (1870–1909 гг.) для каждой из основных культур такие урожаи наблюдались, судя по нашему неполному статистическому ряду, не менее трех раз с интервалами 11–16 лет¹². Если не брать в расчет 1910–1915 гг., то в изобильные годы средняя урожайность оз. пшеницы достигала 10–12 ц/га в ФУ и 11 ц/га в ТО¹³; для яр. пшеницы в ФУ средняя урожайность однажды (1905 г.) достигла 15 ц/га¹⁴, в ТО она приближалась к 11 ц/га; ячмень и в ФУ, и в ТО мог дать средние урожаи до 11–14 ц/га¹⁵. Максимальные средние урожайности зерновых, рассчитанные по суммарным сборам трех основных культур, лежали для обеих областей в диапазоне 10–11 ц/га. Что касается минимальных значений средней урожайности, то иногда они падали ниже 2–3 ц/га, вплоть до абсолютного неурожая, не возвращающего семена – таким примером служит сезон 1876 г. в ТО.

Пространственная неоднородность в распределении урожайности заметна по усредненным данным в табл. 1. Но гораздо резче неоднородность урожайности обнаруживается по ежегодным показателям, в этом случае отмечаются значительные изменения продуктивности в пределах территориально-административных единиц всех уровней. Например, согласно сведениям за 1899–1908 гг. три степных уезда Крыма (Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский) имели весьма близкие усредненные за 10 лет урожайности оз. пшеницы, однако ежегодные величины этой урожайности изменялись в уездах довольно несогласованно. Это иллюстрируют синхронные показатели для ФУ и Евпаторийского уезда: в 1900 г. в первом средняя урожайность оз. пшеницы была 7.6 ц/га, во втором – 3.7 ц/га, а в 1906 г. 3.4 ц/га и 9.4 ц/га соответственно¹⁶. Неоднородность обнаруживается и в самих уездах, она проявляется, к примеру, в статистике по волостям ФУ. При переходе же к самым мелким объектам учета – тысячам отдельных хозяйств, пестрота результатов только усугубляется (см. примечание выше)¹⁷.

¹² Ср. с распространенным среди крымских земледельцев мнением, что «десятый урожай вознаграждает за девять неурожая» (Янсон 1870, 19; Вернер 1886, 43).

¹³ В уездах и волостях было множество самостоятельных хозяйств, все они отличались друг от друга размерами, уровнем агротехники, качеством почвы и т.д. Величины ежегодной урожайности, которые указаны в наших источниках, получены усреднением, обычно на основе выборочного анкетирования, продуктивности всех таких непохожих друг на друга хозяйств в пределах той или иной административной единицы. Из определения средней величины следует обязательное наличие некоторой доли хозяйств с урожайностью, заметно отклоняющейся от усредненной, поэтому в рассматриваемые особо удачные сезоны какое-то число хозяйств всегда имело урожайность много выше той, что приведена в источнике.

¹⁴ По данным ЦСК МВД посевы яр. пшеницы составили в ФУ в 1905 г. всего лишь 480 га (ячменя, например, посеяли в этот год 45 тыс. га), поэтому об усреднении по многим хозяйствам, нивелирующем случайные факторы, здесь говорить не приходится.

¹⁵ В 1893 г. в двух волостях ФУ (Цюрихтальской и Шейх-Монахской) средний урожай ячменя был более 17 ц/га (расчет по данным ПФУЗС).

¹⁶ Бененсон 1911, 70.

¹⁷ В источниках, основанных на анкетировании, иногда приводятся, помимо среднего значения, низшие и высшие значения из присланных ответов, которые показывают размах изменения урожайности среди отдельных хозяйств. Например, в 1899 г. в ФУ по показаниям добровольных корреспондентов о собственных хозяйствах размах изменения урожайности оз. пшеницы по 26 хозяйствам

Закономерным отражением этой пестроты являются сообщения в краеведческой литературе об урожайностях, сильно превышавших типичные усредненные показатели. Ю.Э. Янсон пишет, что в лучшей местности ФУ (от р. Мокрый Индол до Ак-Монайского перешейка) оз. пшеница давала сам-26½ (1863 г.), сам-20 (1865 г.), сам-22 и «местами» даже сам-30 (1867 г.), причем последний случай при посеве 1 четверти на десятину, что означает урожайность до 44 ц/га¹⁸. По сообщению Б.М. Городецкого, основанному на опросах местного населения, в восточной части ТО урожай пшеницы получался до 200 пуд/дес (30 ц/га), ячменя до 120 пуд/дес (18 ц/га)¹⁹. Ф.Ф. Ланд указывает, что в 1868 г. на одном из хуторов у Бугаза (Таманский полуостров) яровая твердая пшеница дала урожай сам-33, а оз. пшеница в округе станицы Тамань показала урожайность до сам-20, для 1870-х годов у того же автора можно найти ряд упоминаний о высоких урожайностях в хозяйствах центральной и восточной частей Таманского полуострова: для ячменя сам-18 (1874 г.), сам-19 (1877 г.) и сам-20 или 140 пуд/дес, т.е. 21 ц/га (1879 г.), для пшеницы до сам-16²⁰.

Получив представление об основных особенностях российской урожайной статистики, посмотрим, какого рода оценки античной урожайности можно сделать на ее основе. Отметим еще раз, что результаты труда земледельца зависели в рассматриваемом регионе, особенно в Крыму, в основном от «своевременных дождей»²¹. Такая зависимость, однако, не отменяет влияния на урожайность уровня агротехники. Поэтому, даже предположив равенство природных условий в период сбора нашей статистики и, например, в IV в. до н.э., нельзя обойти вопрос степени соответствия традиционного российского земледелия боспорскому. Понятно, что каким бы отсталым ни казалось нам местное дореволюционное земледелие, оно, хотя бы в части используемых орудий труда, являлось более развитым, чем античное. Разница в технической оснащенности непременно выражалась в конечном итоге в некотором увеличении средней урожайности, хотя это увеличение не могло быть слишком значительным, так как в целом с агрономической точки зрения российское земледелие в Крыму и на Тамани все-таки было очень далеко от совершенства.

Количественно выразить то влияние, которое при тех же почвенных и климатических условиях оказывал на урожайность более высокий уровень агротехники и культуры земледелия, позволяет пример Цюрихтальской волости ФУ. Она не имела сплоченной территории и представляла собой административное объединение немецких колоний, размещавшихся в западной части уезда²². В этих колониях придерживались прогрессивных по местным меркам способов обработки земли и уборки урожая с использованием усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. В предреволюционные годы немецкие хозяйства характеризуются как

был 1.5–15.1 ц/га, яр. пшеницы по 6 хозяйствам 0.1–4.2 ц/га, ячменя по 27 хозяйствам 0.1–12.0 ц/га (Блеклов 1900, табл. 18, 20, 21), в 1909 г. сборы оз. пшеницы для 98 хозяйств находились в диапазоне 0.3–16.8 ц/га, размах урожайности ячменя по 66 хозяйствам был 0.2–7.5 ц/га (Бененсон 1910, табл. IV).

¹⁸ Янсон 1870, 4, 20.

¹⁹ Городецкий 1912, 320.

²⁰ Ланд 1876, 69; 1891, 121–166.

²¹ Вернер 1886, 43. См. также Янсон 1870, 19; Бененсон 1919, 24–25.

²² Вернер 1886, 46.

«полукапиталистические», экономически сильные, с большим количеством земли, инвентаря и «твердой, хотя и не очень интенсивной, системой полеводства»²³. Влияние подобной улучшенной агротехники на продуктивность мы видим по величинам средней урожайности в табл. 1. Специальный расчет по данным ПФУЗС за 1884–1904 гг. позволяет получить уточненные цифры: средняя урожайность в Цюрихтальской волости по сравнению с тем же показателем в остальной части ФУ была выше на 0.9 ц/га для оз. пшеницы, 1.4 ц/га для ячменя и 1.1 ц/га для общих сборов этих двух культур.

Если предположить, что среднестатистическое дореволюционное хозяйство превосходило античное по продуктивности приблизительно в той же мере, как немецкие колонии ФУ превосходили своих соседей, то усредненные показатели урожайности ФУ и ТО второй половины XIX – начала XX в. должны быть выше соответствующих показателей античного времени примерно на 10–15%. Отсюда следует наша очень приблизительная экстраполяция данных табл. 1 на боспорское земледелие: на Керченском полуострове в момент максимальной распашки и экспорта крупных партий зерна (IV – начало III в. до н.э.) среднеемноголетние значения урожайности пшеницы и ячменя не превышали 6 ц/га²⁴, для обычного состояния земледелия, по существу натурального, обслуживающего лишь внутренние продовольственные потребности, эти показатели были не выше 5 ц/га, в округе Феодосии среднеемноголетние урожайности в обоих случаях могли быть на полцентнера больше, т.е. 6.5 ц/га и 5.5 ц/га соответственно. На Азиатском Боспоре, с почвами лучшего качества и с лучшей обеспеченностью осадками, среднеемноголетние урожайности, возможно, доходили до 7 ц/га (товарное земледелие) и 6 ц/га (натуральное хозяйство), при, скорее всего, более сильных урожаях ячменя по сравнению с пшеницей²⁵.

Наибольшие усредненные по крупным областям Боспора урожайности зерновых были в античности, надо полагать, близки к показателям дореволюционного периода: до 12 ц/га для пшеницы и до 14 ц/га для ячменя, при этом на античный Боспор распространяются и остаются в силе все рассуждения о неизбежности необычайно высоких урожаев на полях отдельных земледельцев²⁶. Особо выда-

²³ Бененсон 1919, 18–19.

²⁴ В этой фазе развития земледелия средняя урожайность предполагается относительно более высокой как из-за действия рыночных стимулов, так и из-за увеличенной площади распашки, что уменьшало влияние случайных факторов, например, локальных неурожаев.

²⁵ Для разных областей античного Северного Причерноморья ранее предлагался ряд оценок средней урожайности зерновых, их критический обзор дал В.А. Кутайсов (2001, 255–257; 2002, 296–297). Все они явно завышены, иногда очень сильно. Для того, чтобы наши варианты оценок боспорской средней урожайности не казались такими уж низкими, приведем средние урожайности для ряда регионов Греции за 1921–1932 гг.: Аттика и Беотия – 4.9 ц/га пшеница, 6.3 ц/га ячмень; Пелопоннес – 5.1 ц/га пшеница, 5.7 ц/га ячмень; Эвбея – 4.1 ц/га пшеница, 4.9 ц/га ячмень; Лесбос – 5.6 ц/га пшеница, 5.9 ц/га ячмень; в среднем по Греции (без Македонии, Фракии и Эпира) – 5.1 ц/га пшеница, 6.4 ц/га ячмень (Ruschenbusch 1988, Taf. 1–2); в области исторической Ионии в 1927 г. средний урожай пшеницы составлял 6 ц/га (Жуковский 1933, 748).

²⁶ В этой связи знаменитое свидетельство Страбона о продуктивности крымских степей (VII. 4. 6) представляется уже не столь странным и непонятным, т.е. оно, конечно, является художественным преувеличением, но вместе с тем у него есть определенная опора в реальности. Если, исходя из известных особенностей местного хозяйства, условно дополнить это свидетельство некоторыми очевидными положениями, оно станет почти документально точным: <в урожайный год> даже кое-как возделанное поле <у некоторых земледельцев> дает урожай сам-30.

ющиеся урожаи в среднем вряд ли были чаще, чем раз в десять лет. В периоды максимальной распашки, когда большие посевные площади относительно равномерно распределялись по всей территории Боспора, вероятность неурожая снижалась, основное значение имели здесь продолжительность и масштаб весенних засух. Описанные выше инверсии урожайности должны были быть обычными для боспорского сельского хозяйства²⁷, в котором практиковались как озимые, так и яровые хлеба (Thphg. HP.VIII. 4. 6). Большинство греческих колонистов прибывало на Боспор из Ионии, где земледелие основывалось исключительно на зимнем вегетационном периоде, т.е. на возделывании озимых зерновых²⁸. Когда у боспорских греков появились в севообороте яровые культуры, сколько времени это заняло, сказать сложно²⁹, ясно только, что введение в севооборот яровых хлебов представляло собой важную часть стратегии выживания переселенцев в новых непривычных условиях. В пространственной картине распределения урожайности мы видели по дореволюционным данным значительную неоднородность, подобного рода неоднородность, несомненно, наблюдалась и в античное время: по средней урожайности разные области Боспора, также как и сельские округа отдельных полисов, могли существенно отличаться друг от друга, это отличие в силу случайных причин достигало наибольшей степени в ежегодных показателях.

В заключение отметим, что предложенные нами оценки средней боспорской урожайности, несколько меньшие, чем обычно принято считать, вовсе не подрывают представление о высоком земледельческом потенциале Боспора – такой уровень урожайности при значительных размерах посевных площадей вполне способен был обеспечить большие сборы зерна. Но, на наш взгляд, не на средние значения сами по себе следует обращать внимание. Естественной особенностью античного Боспора была нестабильность урожаев, и средние урожайности отвлекают от ряда важных вопросов: каким образом, например, боспорская экономика переживала указанную нестабильность, как на эту экономику влияли аномально высокие и аномально низкие урожаи, и как на фоне сильной урожайной аритмии можно было из года в год поддерживать значительный хлебный экспорт.

ЛИТЕРАТУРА

- Бененсон, М.Е. (ред.) 1910: *Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1909 год*. Симферополь.
- Бененсон, М.Е. (ред.) 1911: *Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за десятилетие 1899–1908 гг. по данным текущей статистики*. Симферополь.
- Бененсон, М.Е. 1919: *Экономические очерки Крыма*. Симферополь.
- Блеклов, С.М. (ред.) 1900: *Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1899 год*. Симферополь.
- Вернер, К.А. (ред.) 1886: *Сборник статистических сведений по Таврической губернии*. III. Симферополь.
- Виноградова, Н.М. 1925: Русская урожайная статистика. *ВС XXIII* (10–12), 29–84.
- Виноградова, Н.М. 1926: Русская урожайная статистика (продолжение). *ВС XXIV* (1–6), 51–104.

²⁷ Можно предполагать, что наиболее часто они отмечались на Европейском Боспоре.

²⁸ Жуковский 1933, 137.

²⁹ См. Одрин 2005.

- Городецкий, Б.М. 1912: Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе Кубанской области. В сб. Л.Т. Соколов (ред.), *Кубанский сборник* XVII. Екатеринодар, 289–370.
- Ершов, Г.Г. 1875: Сведения о посеве и сборе хлебов и картофеля в 1870–1872 годах и о численности скота в 1870 году в Европейской России. *Статистический временник Российской империи*. II (10). СПб., 1–87.
- Жуковский, П.М. 1933: *Земледельческая Турция (Азиатская часть – Анатолия)*. М.–Л.
- Иванцов, Д.Н. 1915: *К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных*. Петроград.
- Кузнецов, И.А. 2012: Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии. *Экономическая история: Ежегодник 2011/2012*, 190–228.
- Кутайсов, В.А. 2001: Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье. *БФ* 2, 255–260.
- Кутайсов, В.А. 2002: Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья. *ПИФК* XII, 291–307.
- Ланд, Ф.Ф. 1876: Тамань. В сб.: Е.Д. Фелицын (ред.), *Памятная книжка Кубанской области на 1876 год*. Екатеринодар, 47–95.
- Ланд, Ф.Ф. 1891: Климатические наблюдения в городе Темрюк. В сб.: Е.Д. Фелицын (ред.), *Кубанский сборник*. Т. II. Екатеринодар, 1–166.
- Оболенский, В.В. 1915: *Урожаи хлебов в южной России (1889–1912 гг.)*. Харьков.
- Одрин, А.В. 2005: Некоторые вопросы экологической адаптации хозяйства греческих колонистов к условиям Северного Причерноморья. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур* (Боспорские чтения VI). Керчь, 224–228.
- Паллас, П.С. 1999: *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах*. М.
- Серафинович, И. 1876: Обзор производительности бывшей Черномории Кубанской области. В сб.: Е.Д. Фелицын (ред.), *Памятная книжка Кубанской области на 1876 год*. Екатеринодар, 3–46.
- Тимонин, М. 1900: *Полевое хозяйство в северо-западной части Кубанской области (бывшая Черномория)*. Тифлис.
- Янсон, Ю.Э. 1870: *Крым, его хлебопашество и хлебная торговля*. СПб.
- Ruschenbusch, E. 1988: Getreideerträge in Griechenland in der Zeit von 1921 bis 1938 n. Chr. als Maßstab für die Antike. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 72, 141–153.

REFERENCES

- Benenson, M.E. (ed.) 1910: *Selskokhozyaystvenny obzor Tavricheskoy gubernii za 1909 god* [Agricultural review of the Taurida Gubernia in 1909]. Simferopol.
- Benenson, M.E. (ed.) 1911: *Selskokhozyaystvenny obzor Tavricheskoy gubernii za desyatiletie 1899–1908 gg. po dannym tekushchey statistiki* [Agricultural review of the Taurida Gubernia in 1899–1908 according to current statistics]. Simferopol.
- Benenson, M.E. 1919: *Ekonomicheskiye ocherki Kryma* [Economic essays on the Crimea]. Simferopol.
- Bleklov, S.M. (ed.) 1900: *Selskokhozyaystvenny obzor Tavricheskoy gubernii za 1899 god* [Agricultural review of the Tauride Gubernia in 1899]. Simferopol.
- Ershov, G.G. 1875: Svedeniya o poseve i sbore khlebov i kartofelya v 1870–1872 godakh i o chislennosti skota v 1870 godu v Yevropeyskoy Rossii [Information on sowing and collecting grain and potatoes in 1870–1872 and the number of livestock in 1870 in European Rus-

- sia]. In: L. Karachunskiy (ed.), *Statisticheskiiy vremennik Rossyskoy imperii* [*The Statistical chronicle of the Russian Empire*]. II (10). Saint Petersburg, 1–87.
- Gorodetsky, B.M. 1912: Krestyanskoye zemlevladieniye i zemleustroitelnye raboty v Tamanskoy oblasti [Peasant land ownership and land management in the Taman department of the Kuban region]. In: L.T. Sokolov (ed.), *Kubansky sbornik* [*Kuban Collection*]. XVII. Yekaterinodar, 289–370.
- Ivantsov, D.N. 1915: *K kritike russkoy urozhaynoy statistiki. Opyt analiza nekotorykh ofitsialnykh i zemskikh tekushchikh dannykh* [To criticism of Russian harvest statistics. The experience of analyzing some official and local current data]. Petrograd.
- Kutaysov, V.A. 2001: Ob urozhaynosti osnovnykh zernovykh kultur v Severnom Prichernomor'e [About productivity of the basic grain crops in Northern Black Sea Coast]. *Bosporsky fenomen* [*The Bosphorus phenomenon*] 2, 255–260.
- Kutaysov, V.A. 2002: Problemy agrarnoy istorii Severnogo Prichernomor'ya [Problems of agrarian history of the Northern Black Sea Region]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] XII, 291–307.
- Kuznetsov, I.A. 2012: Russkaya urozhaynaya statistika 1883–1915 gg.: istochnik v kontekste istoriografii [Russian harvest statistics 1883–1915: source in the context of historiography]. *Ekonomicheskaya istoriya: Yezhegodnik* [*Economic History: Yearbook*] 2011/2012, 190–228.
- Land, F.F. 1876: Taman' [Taman]. In: E.D. Felitsin (ed.), *Pamyatnaya knizhka Kubanskoy oblasti na 1876 god* [*Memorable book of the Kuban region for 1876*]. Yekaterinodar, 47–95.
- Land, F.F. 1891: Klimaticheskiye nablyudeniya v gorode Temryuk [Climatic observations in Temryuk]. In: E.D. Felitsin (ed.), *Kubansky sbornik* [*Kuban collection*] II. Yekaterinodar, 1–166.
- Obolensky, V.V. 1915: *Urozhai khlebov v yuzhnoy Rossii (1889–1912 gg.)* [*Yields of grain in Southern Russia (1889–1912)*]. Kharkov.
- Odrin, A.V. 2005: Nekotorye voprosy ekologicheskoy adaptatsii khozyaystva grecheskikh kolonistov k usloviyam Severnogo Prichernomor'ya [Some issues of ecological adaptation of the economy of the Greek colonists to the conditions of the Northern Black Sea Coast]. In: V.N. Zinko (ed.), *The Bosphorus Cimmerian and the barbarian world during the epoch of the Antiquity and the Middle Ages. Interaction of cultures* (Bosporan Readings VI). Kerch, 224–228.
- Pallas, P.S. 1999: *Nablyudeniya, sdannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [*Observations made during a trip to the southern governorship of the Russian state in 1793–1794*]. Moscow.
- Ruschenbusch, E. 1988: Getreideerträge in Griechenland in der Zeit von 1921 bis 1938 n. Chr. als Maßstab für die Antike. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 72, 141–153.
- Serafinovich, I. 1876: Obzor proizvoditelnosti byvshey Chernomorii Kubanskoy oblasti [Overview of the productivity of the former Chernomoriya of the Kuban region]. In: *Pamyatnaya knizhka Kubanskoy oblasti na 1876 god* [*Memorable book of the Kuban region for 1876*]. Yekaterinodar, 3–46.
- Timonin, M. 1900: *Polevoye khozyaystvo v severo-zapadnoy chasti Kubanskoy oblasti (byvshey Chernomoriya)* [*Field farming in the north-western part of the Kuban region (former Chernomoriye)*]. Tiflis.
- Verner, K.A. (ed.) 1886: *Sbornik statisticheskikh svedeny po Tavricheskoy gubernii* [*Collection of statistical data on the Taurida Gubernia*]. III. Simferopol'.
- Vinogradova, N.M. 1925: Russkaya urozhaynaya statistika [Russian harvest statistics]. *Vestnik statistiki* [*Herald of Statistics*] XXIII (10–12), 29–84.
- Vinogradova, N.M. 1926: Russkaya urozhaynaya statistika (prodolzheniye) [Russian harvest statistics (continued)]. *Vestnik statistiki* [*Herald of Statistics*] XXIV (1–6), 51–104.

- Yanson, Yu.E. 1870: *Krym, ego khlebopashestvo i khlebnaya trgovlya* [*Crimea, its arable farming and grain trade*]. Saint Petersburg.
- Zhukovsky, P.M. 1933: *Zemledelcheskaya Turtsiya (Aziatskaya chast – Anatoliya)* [*Agricultural Turkey (Asian part – Anatolia)*]. Moscow–Leningrad.

THE EVALUATION OF GRAIN YIELDS IN THE ANCIENT BOSPORUS

Gennady P. Garbuzov

Federal Research Centre, Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
g_garbuz@mail.ru

Abstract. The article discusses the issue of assessing the productivity of cereal in the main areas of the Bosporan Kingdom. The most appropriate benchmark for such assessments is the recognized crop yields obtained by local farmers. A good example here is large Russian pre-revolutionary agriculture statistics on the yield of cereals. This data allowed restoring the yields of the three main crops (winter and spring wheat, barley) for 1870-1915 in the Eastern Crimea (European Bosphorus) and the lower reaches of Kuban (Asian Bosphorus). The analysis of indicated series of productivity made it possible to propose more reliable quantitative estimates of yields for the classical time.

Keywords: Bosporan Kingdom, European Bosphorus, Asian Bosphorus, agriculture, crop yield, agricultural statistics

---

О ДРЕВНИХ ПРОЕЗДАХ ЧЕРЕЗ УЗУНЛАРСКИЙ ВАЛ

Т.Н. Смекалова

*Институт Всеобщей истории РАН; Национальный исследовательский центр
«Курчатовский институт», Москва, Россия
tnsmek@mail.ru*

Аннотация. В 2016 г. был обнаружен древний каменный мост через Узунларский вал. Данное открытие стимулировало новый интерес к исследованию этой монументальной по своей протяженности фортификационной линии. В статье на основании анализа дорожной сети, представленной на старинных картах Керченского п-ва, рассматривается возможная связь древних проездов через Узунларский вал с местами пересечений его дорогами XIX в. Для проверки этой гипотезы в программах MapInfo и Google Earth Pro были совместно изучены все доступные геореферированные карты XVIII и XIX в. с нанесенными на них дорогами. Выявленные возможные проезды через вал затем изучались на космических и архивных аэрофотоснимках для того, чтобы определить особенности местности, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположение о наличии древнего проезда через вал. Первым подтверждением выдвинутой гипотезы послужил тот факт, что только что обнаруженный античный мост через ров и вал действительно служил активно действующим проездом вплоть до конца XIX в. Наиболее информативными оказались карты полковника Бетева 1842 г., трехверстовая военно-топографического депо 1847 г., полуверстовая 1897 г. На них удалось наметить 16 предполагаемых проездов, в районе которых при визуальных автомобильно-пеших разведках, а также по космическим и архивным немецким трофейным аэрофотоснимкам 1942 г. обнаружены сопутствующие археологические структуры, характерные для районов ворот.

Ключевые слова: Узунларский вал, Боспор, древние проезды, исторические карты, современные космические снимки, архивные трофейные немецкие аэрофотографии 1942 г.

Как известно, 2016 г. ознаменовался замечательной находкой древнего каменного моста через Узунларский вал¹. Открытие этого проезда исследователи относят к счастливой случайности, однако настолько ли непредсказуемым был этот результат? В данной статье на основании анализа дорожной сети, представленной на старинных картах Керченского п-ва, рассматривается возможная связь древних проездов через Узунларский вал с местами пересечений его дорогами XIX в.

Смекалова Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН.

Работы проводились при финансовой поддержке проекта, поддержанного РНФ №18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида греческие колонии в негреческом окружении динамика взаимодействия разнотипных обществ».

¹ Супренков 2016.

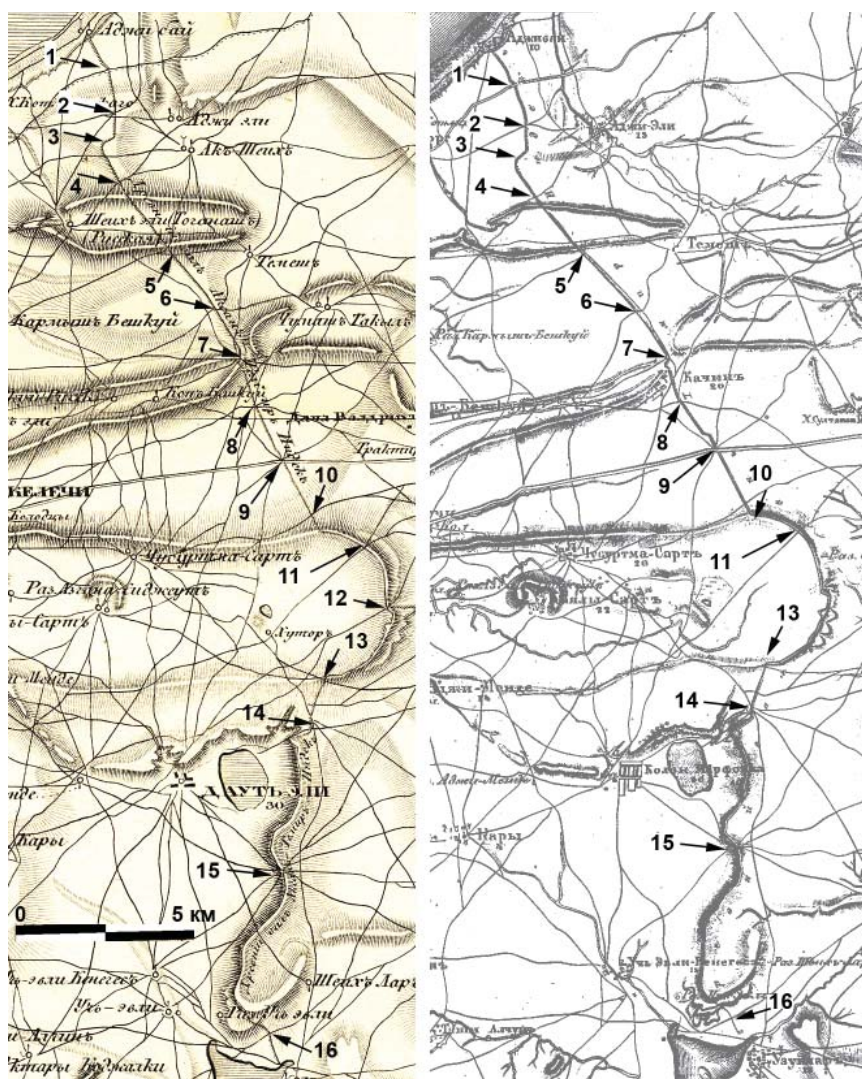

Рис. 1. Узунларский вал, показанный на картах полковника Бетева 1842 г. (а) и трехверстовой военно-топографического депо (ВТБ) 1847 г. (б). Цифрами обозначены возможные проезды через вал.

Узунларский (Аккосов, Турецкий, Киммерийский) вал полностью отсекает восточную часть Керченского п-ва от остальной части Крыма и простирается от Азовского побережья (в районе с. Ново-Отрадное, бывш. д. Аджи-Бай) до северного берега Узунларского оз. (в районе бывш. д. Узунлар) (рис. 1). Вал был проложен с максимальным учетом рельефа и гидрогеологической ситуации местности. Его длину удалось сократить на четверть, включив в линию обороны Узунларское озеро длиной в меридиональном направлении почти 10 км. Вал поражает не только своей протяженностью (35 км), но и прекрасной сохранностью насыпи и рва, достигающих местами высоты 2,5–3 м и глубины до 2 м соответственно.

Рис. 2. Башня (1) на Узунларском валу на южном гребне, ограничивающем Таганашскую котловину и рядом с ней вышка ветроэлектростанции. Космический снимок 2011 г.

Исследователей и картографов, начиная с XVIII в., неизменно привлекал этот выдающийся памятник древней фортификации Крыма². В конце 1990-х и начале 2000-х гг. было предпринято широкомасштабное исследование вала под руководством А.А. Масленникова, результатом которого явилась монография³. В этом проекте принимала участие и автор данной статьи; в нашу задачу тогда входили магнитные съемки предполагаемых башен на валу. Полученный чрезвычайно ясный и информативный магнитный план одной из нераскопанных башен, располагавшейся на южном гребне Таганашской котловины, свидетельствует о высокой степени стандартизации башенных построек вдоль вала⁴. К сожалению, в 2011 г. в самой непосредственной близости от этой башни была воздвигнута вышка ветряной «мельницы», разрушившая восточную округу башни (рис. 2). Археологи, проводившие предварительные исследования перед строительством ветроэлектростанции, по-видимому, не были знакомы с опубликованными результатами этих работ, что вызвало существенные повреждения важного археологического объекта, входившего в систему Узунларского вала.

Как показали раскопки 2016 г., проведенные по проекту магистрального газопровода, Узунларский вал хранит еще много тайн и требует продолжения исследований. Недостатком предшествующих работ по изучению этой важной форти-

² Бларамберг 1848; Марти 1926; Гайдукевич 1949; Блаватский 1954; Мосейчук 1983; Ланцов, Голенко, 1999; Колтухов, Труфанов, Ужинцев 2003.

³ Масленников 2003.

⁴ Масленников 2003, с. 99.

фикационной линии следует, вероятно, признать отсутствие изучения ее как части крупной инфраструктуры, главную роль в которой играет сам ров и вал. Для того чтобы понять все особенности вала, необходимо изучать его положение в древнем и уже сложившемся культурно-историческом ландшафте. Как и другие протяженные археологические структуры, исследовать вал необходимо с использованием всего арсенала дистанционных и картографических методов – космических снимков, архивных аэрофотографий и обязательно старинных и современных карт. Обнаруженные особенности необходимо проверять в ходе автомобильно-пеших разведок, геофизических съемок и выборочных раскопок.

В данной работе в фокусе исследования было изучение старинной дорожной сети в районе Узунларского вала с целью обнаружения возможных древних проездов через него. В качестве рабочей гипотезы служило предположение о том, что проселочные дороги, пересекавшие вал и ров издавна вплоть до наших дней, должны были использовать уже существующие древние мосты через ров и проезды в валу. Действительно, ров и вал были препятствием для гужевого транспорта и всадников не только на протяжении античной эпохи, но и вплоть до XIX в. И сейчас эта фортификационная линия является преградой для движения автомобилей. В силу монументальности капитально построенных в древности проездов, они могли использоваться еще долгое время после окончания функционирования этой античной линии обороны.

Для проверки этой гипотезы в программах MapInfo и Google Earth Pro были совместно изучены все доступные геореферированные карты XVIII и XIX вв. с нанесенными на них дорогами (карты Федора Черного 1790 г., генерал-майора Мухина 1817 г., полковника Бетева 1842 г., трехверстовая военно-топографического депо (ВТБ) 1847 г., полуверстовая 1897 г., карта Генштаба Красной Армии 1933–1934 гг. масштаба 1:100 000, карта съемки 1957 г. масштаба 1:25000). Выявленные возможные проезды через вал затем изучались на космических и архивных аэрофотоснимках для того, чтобы определить особенности местности, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположение о наличии древнего проезда через вал. К числу таких особенностей относятся видимые разрывы в линии вала, наличие всхолмлений в непосредственной близости от него с восточной (внутренней, защищенной) стороны, изломы и резкие изгибы линии вала и рва, наличие «бастионов», уширений и т.п. неоднородности.

Первым подтверждением выдвинутой гипотезы послужил тот факт, что только что обнаруженный античный мост через ров и вал действительно служил активно действующим проездом вплоть до конца XIX в. Об этом свидетельствуют все имеющиеся карты: Бетева 1842 г., ВТБ 1847 г. и полуверстовая 1897 г. (рис. 1, 3а). Дорога, устремляющаяся к этому проезду, маркировалась курганами, отмеченными на полуверстовой карте, что говорит о древности маршрута (рис. 3а, 1). Проезд находился в 1,6 км вдоль по линии вала от основной шоссейной дороги Феодосия–Керчь. На карте 1897 г. с юго-восточной стороны у проезда обозначена курганообразная возвышенность высотой 1,1 сажени (2,34 м) (рис. 3а, 3). На космическом снимке от 25 мая 2015 г. эта возвышенность хорошо видна, а также ясно просматривается и проезд в валу (рис. 3б, 1, 3). Так «Ворота на Боспор» выглядели до начала масштабных раскопок по проекту газопровода. Согласно резуль

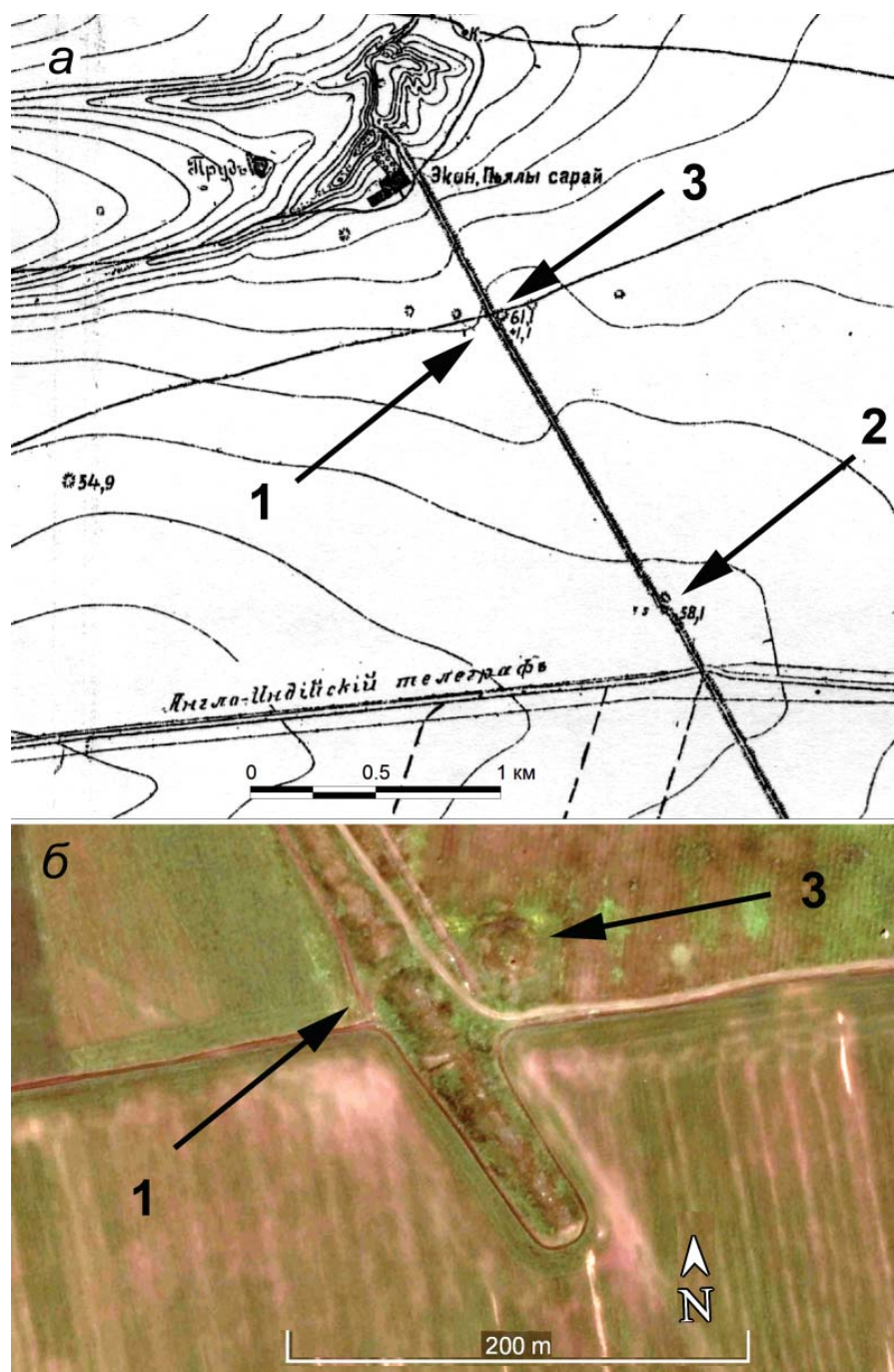

Рис. 3. *а* – Полуверстовая карта Проезда (№8) в Узунларском валу к северу от шоссе Федосия–Керчь, раскопанного в 2016 г. *б* – Космический снимок от 15.04.2011 г. этого проезда. 1 – проезд в валу, 2 – насыпь и излом вала; 3 – возвышенность, скрывавшая башню и курган.

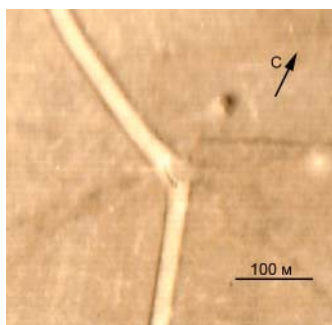

Рис. 4. «Проезд 1» через Узунларский вал и возвышенность к северо-востоку от него на трофейном немецком снимке 1942 г.

татам раскопок 2016 г. возвышенность оказалась курганом с двумя кольцевыми каменными обкладками, на вершине которого была сооружена сторожевая башня стандартного плана и примерно таких же размеров, как и две другие башни на южном и северном краях Таганашской впадины⁵.

Вдохновленные удачей, мы продолжили анализ старинных карт и современных космических снимков с целью нахождения других возможных проездов через ров и вал. Наиболее информативными оказались карты Бетева, ВТБ (рис. 1) и полуверстка. На них удалось наметить 16 предполагаемых проездов, в районе которых при визуальных автомобильно-пеших разведках, а также по космическим и архивным немецким трофейным аэрофотоснимкам 1942 г. обнаружены сопутствующие археологические структуры, характерные для районов ворот. Начнем рассмотрение этих гипотетических проездов с севера.

«Проезд 1». Находится в 1,5 км вдоль по линии вала от Азовского побережья. Вал пересекается дорогами на картах Бетева и трехверстовой военно-топографической депо (ВТБ) (рис. 1, 1) и полуверстовой. В этом месте зафиксирован излом Узунларского вала, так что он делает резкий поворот к западу на 40°. Высота предполагаемого проезда над уровнем моря – 51,4 м. В 120 м к северо-востоку от «проезда» находится крупный курган высотой до 4,5 м (рис. 4, 5). В нем А.А. Масленников много лет назад наблюдал каменный ящик с «елочным» орнаментом, нанесенном черной краской⁶. Курган сильно разрушен капониром времен войны.

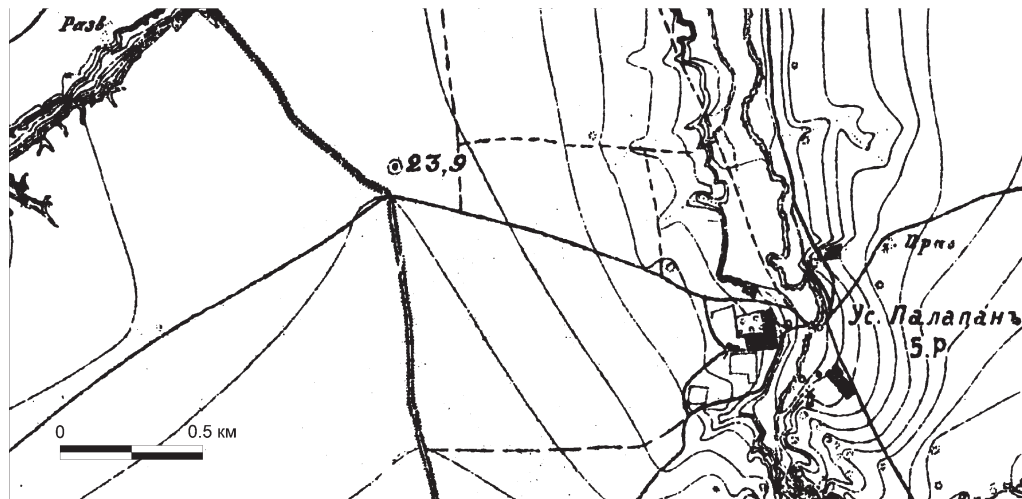

Рис. 5. «Проезд 1» через Узунларский вал и возвышенность к северо-востоку от него на полуверстовой карте 1897 г.

⁵ Супренков 2016, 330; Масленников 2003, 99.

⁶ Масленников 2003, 57.

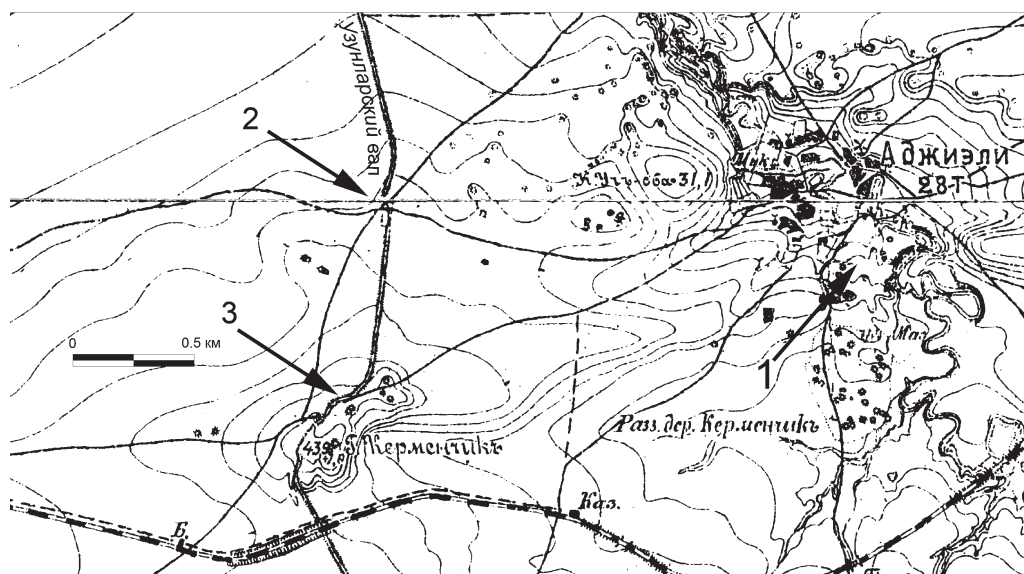

Рис. 6. «Проезды 2 и 3» через Узунларский вал к северу от железной дороги. Городище Белинское отмечено цифрой 1.

«Проезд 2». Находится в 1,6 км к югу вдоль по линии вала от предыдущего «проезда». Его абсолютная высота – 65 м над уровнем моря. Здесь вал пересекается многочисленными дорогами, показанными на картах Бетева, ВТБ (рис. 1, 2) и полуверстке (рис. 6, 2). В 1,8 км к востоку-юго-востоку от этого проезда располагается крупное городище Белинское позднеантичного времени (рис. 6, 1), с которым, вероятно, этот проезд непосредственно связан. «Проезд 2» на полуверстовой карте детально показан в виде не просто разрыва в линии вала, а как совершенно определенное смещение оси северной части вала относительно оси южной (рис. 6, 2). Отмечено также какое-то утолщение южной оконечности вала, которое хорошо заметно и на космическом снимке. В 60 м от «проезда» с внутренней стороны находилось небольшое всхолмление, которое, как обнаружили раскопки 2000 г., оказалось прямоугольной башней (внешними размерами 11,8 x 9,8 м), разделенной на два помещения, с находками второй половины I в. до н.э.⁷

«Проезд 3». Находится в 860 м к югу от предыдущего «проезда» вдоль линии вала в том месте, где вал огибает с запада возвышенность высотой 92,8 м над уровнем моря, носящую имя Керменчик (рис. 1, 3). Здесь вал пересекают дороги, показанные только на полуверстовой карте. Этот «проезд» оформлен в виде полукруглого «бастиона», который прекрасно виден как в рельефе местности⁸, так и на космическом снимке. Он показан и на полуверстовой карте в виде круто отогнутой линии вала (рис. 6, 3). На г. Керменчик могла находиться сторожевая башня, аналогичная встреченным у «проезда 2» и по обеим сторонам Таганашской впадины.

⁷ Масленников 2003, 77.

⁸ Масленников 2003, 96.

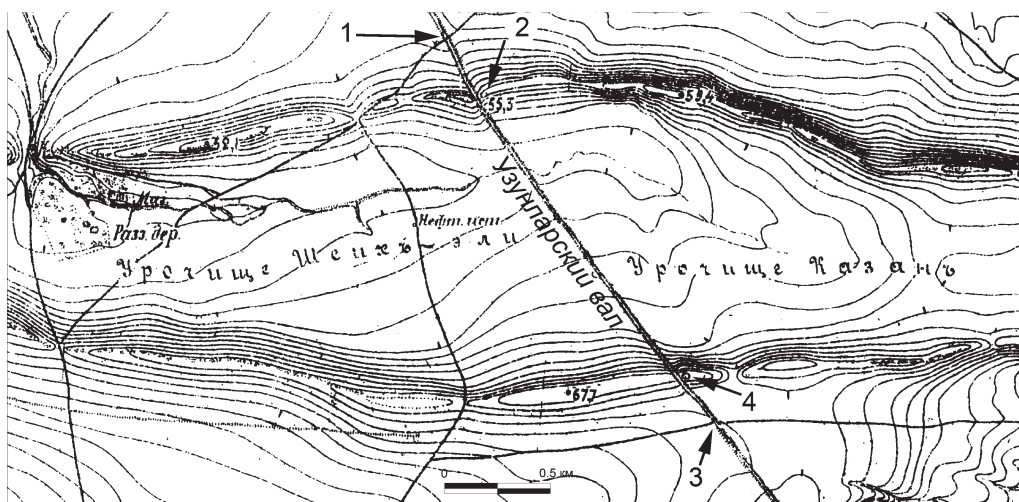

Рис. 7. «Проезд 4» (1), башня (2), «проезд 5» (3) и башня, обнаруженная с помощью магнитной съемки (4).

«Проезд 4». Находится в 1,6 км от предыдущего вдоль линии вала, с северной стороны Таганашской впадины. Дороги пересекают здесь вал на всех рассмотренных картах (рис. 1, 4; 7, 1). Как известно, на северном гребне, ограничивающем впадину, на вершине 117,3 м над уровнем моря, находилась сторожевая башня, которая была раскопана в 2000 г.⁹. Вероятно, эта башня и охраняла проезд через ров и вал.

«Проезд 5». Отстоит от предыдущего проезда на 2,11 км. Проходит с южной стороны Таганашской впадины (рис. 7, 3) и находится «под присмотром» уже упоминавшейся стандартной башни, выявленной магнитной съемкой на вершине южного гребня высотой 143,9 м, ограничивающего впадину (рис. 7, 4). В этом месте на всех рассмотренных старых картах дороги пересекают Узунларский вал (рис. 1, 5).

«Проезд 6». Находится в 2,3 км вдоль линии вала от предыдущего «проезда». На картах Бетева, ВТБ и полуверстке дороги пересекают вал в этом месте (рис. 1, 6; 8, 1), причем дороги маркируются курганами, показанными на полуверстовой карте (рис. 8). Это весьма примечательно, так как здесь, с восточной, внутренней, стороны вала, находятся рядом два кургана, один из которых имеет высоту 7 м и диаметр 45 м, другой несколько меньших размеров (высота 4 м и диаметр 30 м). На полуверстовой карте видно, что дорога проходит между курганами (рис. 8, 1).

«Проезд 7». Находится в 1,3 км от предыдущего «проезда» вдоль по линии вала, у северного подножья возвышенности (178,3 м над уровнем моря). Эту возвышенность занимает городище, предполагаемый боспорский городок Савроматий. На всех исторических картах, да и в наше время, дороги пересекают вал в этом месте (рис. 1, 7; 8, 2). С южной стороны городища вал делает резкий излом, но «проезда» в этом месте на старых картах не наблюдается. Вероятно, данная особенность вала имеет отношение к фортификации городища.

⁹ Масленников 2003, 99.

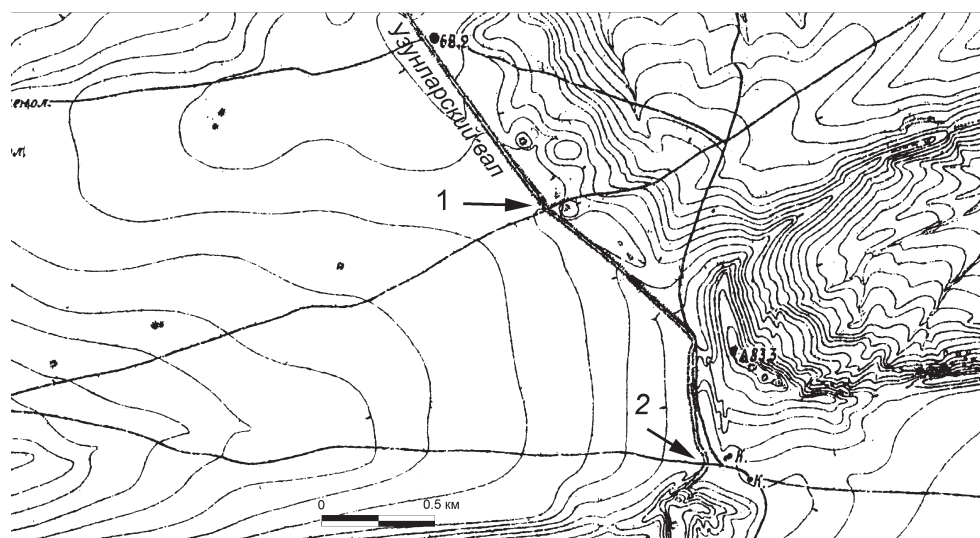

Рис. 8. «Проезд 6» (1) и «Проезд 7» (2) в Узунларском валу, показанные на полуверстовой карте 1897 г.

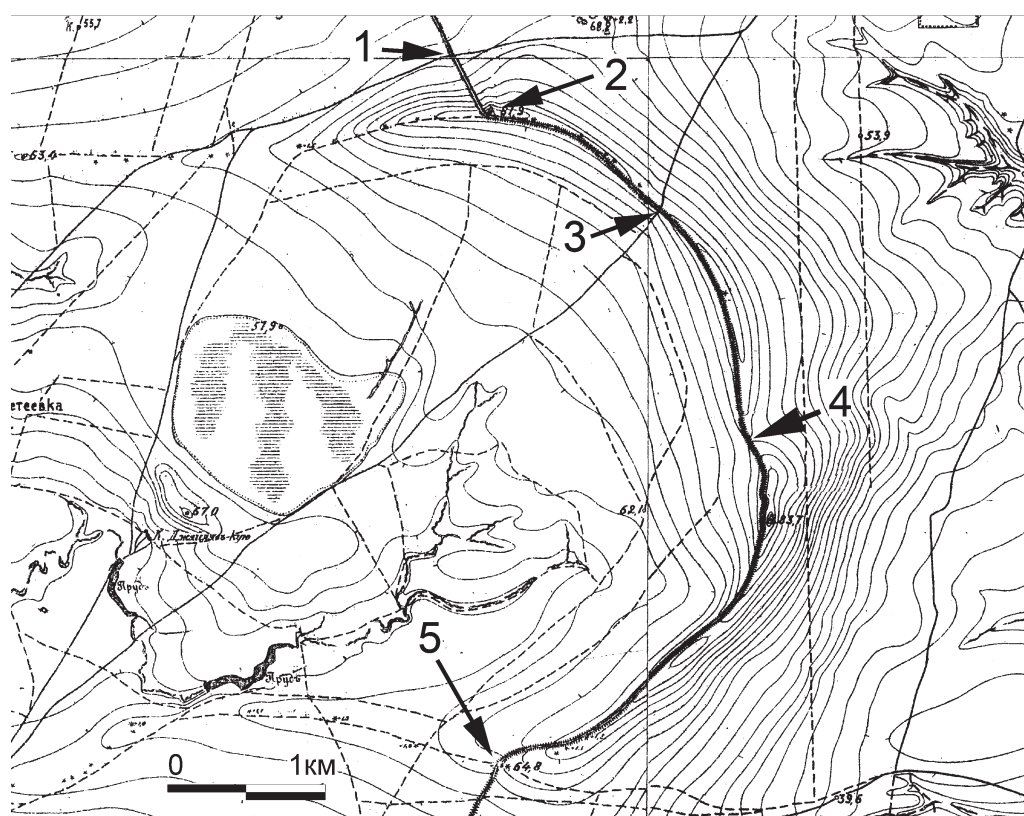

Рис. 9. «Проезд 10» (1), насыпь (2), «Проезд 11» (3), «Проезд 12» (4), «Проезд 13» и курган (5) в Узунларском валу, показанные на полуверстовой карте 1897 г.

Почти сразу за этим проездом, в 88 м к юго-востоку вдоль гипотетической линии вала, он уничтожен современной распашкой на протяжении 940 м. Вал снова виден только у самого шоссе, в 600 м от последнего.

Рис. 10. «Проезд 10» (1) и «Проезд 11» (2), показанные на карте масштаба 1:25000 1957 г.

¹⁰ Супренков 2016, 329.

«Проезд 9». Один из главных проездов через Узунларский вал проходил, вероятно, на месте шоссейной дороги Феодосия–Керчь, которая не только помечена на всех рассматриваемых картах, но и поныне является главной магистралью Керченского п-ва (рис. 1, 9). Абсолютная отметка высоты у проезда – 125 м. «Проезд 9» отстоял от «Боспорских ворот» на 1,68 км. В 1827 г. И.Г. Бларамберг сделал три разведывательные траншеи в 50 шагах вправо и влево от дороги, в которых он обнаружил остатки стены из грубых камней, служивших, возможно, основой земляной насыпи. Во второй траншее были открыты «признаки стены или фундамента из тесаных камней, без цемента, но образующих строение, по системе кладки одного над другим». В третьей траншее находилась стена, которая «была подкреплена полукруглой башней, прикрывающей ограду и защищающей «анфиладою» ров¹¹. Не являются ли все эти остатки еще одним каменным мостом через ров и частями сторожевой башни, наподобие таких же объектов, раскопанных в 2016 г.?

Не исключено, однако, что древний проезд находился в 300 м к северу от шоссе, там, где на всех картах отмечен изгиб вала. Особенно ясно он виден на полуверстовой карте, кроме того, здесь также обозначена какая-то продолговатая насыпь с восточной, внутренней, стороны (рис. 3а, 2).

«Проезд 10». Следующий «проезд» находится уже к югу от шоссе, в 2-х км к юго-востоку вдоль по валу, у начала подъема на полукруглую в плане возвышенность высотой 174,8 м (рис. 1, 10). На всех рассматриваемых картах здесь отмечены дороги, пересекающие ров и вал (рис. 9, 1). На карте 1957 г. масштаба 1:25 000 здесь показан разрыв в линии вала (рис. 10, 1).

На вершине возвышенности, на перегибе линии вала с восточной (внутренней) стороны, на полуверстовой карте отмечена небольшая насыпь (курган ?) (рис. 9, 2). С западной стороны к этой точке подходит целая цепочка курганных насыпей, идущих по вершине естественного поднятия.

Далее вал проходит в более сложных рельефных и гидрогеологических условиях. Поднявшись на вершину восточной оконечности Парпачского гребня, он точно повторяет плавный изгиб этой естественной возвышенности.

«Проезд 11». В 1,58 км вдоль по линии вала от предыдущего проезда находится еще один «проезд», который отмечен на всех рассматриваемых картах (рис. 1, 11; 9, 3). В начале 2000-х гг. здесь была построена газоперекачивающая станция и через вал проложена ветка газопровода¹². На карте 1955 г. масштаба съемки 1:25000 показано явное понижение рельефа гребня не менее чем 5 м (абсолютная высота 165,0 м) (рис. 10, 2). По верхушке гребня идут многочисленные курганы. Не исключено, что какие-то из них могут содержать в себе сигнальные сторожевые башни.

«Проезд 12». Находится в 1,6 м от предыдущего, если считать вдоль по линии вала. Он находится приблизительно посередине дуги возвышенности. На полуверстовой карте (рис. 9, 4), а также на космическом снимке здесь отображаются естественное понижение гребня не менее чем 5–7 м, а также резкие локальные изгибы вала и рва и небольшая насыпь, примыкающая к валу с восточной (внутренней) стороны (рис. 1, 12).

¹¹ Бларамберг 1848, 10; Масленников 2003, 39–41.

¹² Колтухов, Труфанов, Ужинцев 2003.

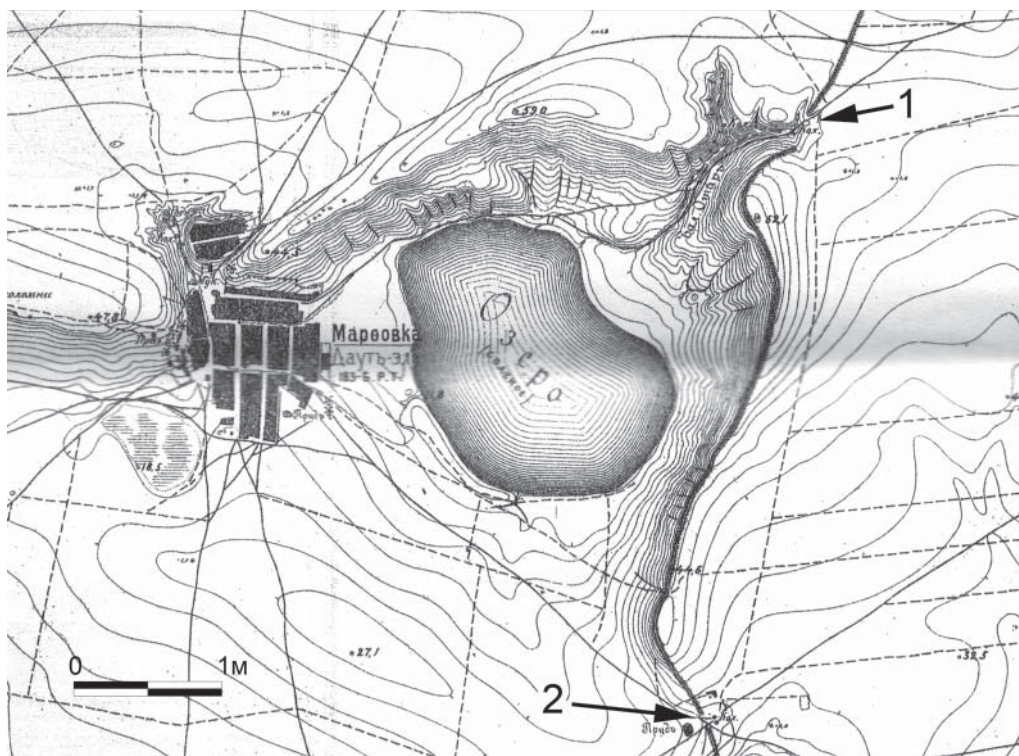

Рис. 11. «Проезд 14» (1) и «Проезд 15» (2), показанные на полуверстовой карте 1897 г.

«Проезд 13» находится в 2,9 км от предыдущего, в том месте, где дуга естественной возвышенности понижается более чем на 40 м (высота в районе проезда 137,6 м). На всех рассматриваемых картах дороги пересекают в этом месте вал и ров (рис. 1, 13; 9, 5). Невдалеке от предполагаемого «проезда» имеются две небольших возвышенности, одна из которых, высотой 4 м, очень четко видна на космических снимках. Возможно, именно здесь в 1926 г. провел исследования директор Керченского музея Ю.Ю. Марти в связи с находкой в кургане захоронения с богатым набором вещей «готского стиля». Он указывал, что здесь в линии вала существовал разрыв, или ворота, фланкированные двумя круглыми «усеченными» возвышенностями, усеянными черепками. Рядом исследователь отмечал наличие на линии вала двух курганообразных насыпей в 120 шагах к северу и всего в 30 шагах к востоку¹³.

«Проезд 14» находится в 1,42 км от предыдущего, с северной стороны Марфовской котловины. На всех картах у этого места показаны дороги, ведущие в обход озера с северной стороны и выходящие по склону к прерывающейся в районе оврага линии вала и далее на восток (рис. 1, 14). Здесь на полуверстовой карте отмечено несколько колодцев. Абсолютная высота проезда – 132,5 м.

¹³ Марти 1926, 91.

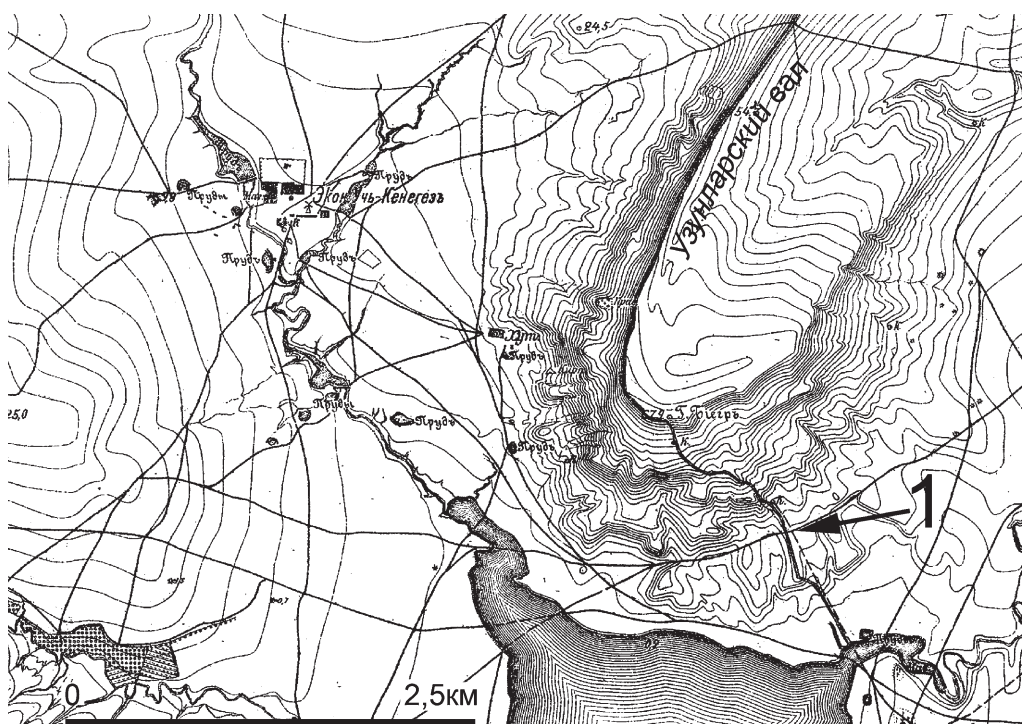

Рис. 12. «Проезд 16» (1), показанный на полуверстовой карте 1897 г.

«Проезд 15» находится на расстоянии 4,5 км от предыдущего «проезда» и располагается с южной стороны Марфовской котловины, в месте естественного понижения природных гребней. На всех картах здесь через вал проходят дороги (рис. 1, 15). Поблизости от «проезда» на полуверстовой карте отмечены колодцы, в 360 м к востоку – возвышенность (курган?). В этом месте вал поврежден современной асфальтовой дорогой на Марьино. Далее вал снова следует по гребню естественной возвышенности и проходит через г. Биегр высотой 144,2 м. Затем вместе с гребнем возвышенности вал спускается к оз. Узунлар, где и находится последний предполагаемый «проезд» через него.

«Проезд 16» расположен на склоне, в 5,04 км от «проезда 15». Здесь его пересекают дороги, что показано на всех старинных и более современных картах (рис. 1, 16). На полуверстовой карте в данном месте отмечен колодец.

Выводы. Предполагаемые проезды в Узунларском валу идут с фиксированным интервалом, равным в среднем 2-м км, несколько нарушаемым только природными особенностями местности. Интересно, что в северной части среднее расстояние между проездами меньше и равно 1,6 км. Возможно, этот интервал, близкий к 10 греческим стадиям¹⁴, был «заложен» в первоначальном проекте сооружения рва и вала и скорректирован при перенесении проекта на реальную местность с ее рельефными и гидрогеологическими особенностями. Почти возле

¹⁴ Греческий стадий равен примерно 178 м.

каждого предполагаемого проезда имеется возвышенность, которая может таить в себе сторожевой пост в виде башни стандартных размеров и планировки. Предполагаемые «башни» находятся в системе прямой визуальной связи, что нами проверено с помощью viewshed анализа в программе MapInfo и ее приложении Vertical Mapper. В силу большой протяженности вала в дальнейшем необходимо применять дистанционные методы исследования, среди которых особенно эффективным может оказаться лазерное сканирование поверхности с земли и воздуха, микротопографическая прецизионная и геофизическая съемки.

ЛИТЕРАТУРА

- Бларамберг, И. 1848: Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. *ЗООИД* II 1, 1–19.
- Блаватский, В.Д. 1954: *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Колтухов, С.Г., Труфанов, А.А., Ужинцев, В.Б. 2003: Новые материалы к строительной истории Узунларского вала. *Древности Боспора* 6, 176–183.
- Ланцов, С.Б., Голенко, В.К. 1999: О западной границе Боспора в IV в. до н.э. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, Е.Я. Рогов, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции*. СПб, 177–180.
- Марти, Ю.Ю. 1926: *Сто лет Керченскому музею*. Симферополь.
- Масленников, А.А. 2003: *Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма*. М.
- Мосейчук, С.Б. 1983: Аккосов вал. *КСИА* 174, 74–76.
- Супренков, А.А. 2016: Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола*. СПб, 328–333.

REFERENCES

- Blaramberg, I. 1848: Zamechaniya na nekotorye mesta drevney geografii Tavridy [Remarks on some places of the ancient geography of Tauris]. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities] II. 1, 1–19.
- Blavatskiy, V.D. 1954: *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [Essays on military affairs in the ancient states of the Northern Black Sea Region]. Moscow.
- Gaidukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Koltukhov, S.G., Trufanov, A.A., Uzhencev, V.B. 2003: Novye materialy k stroitel'noy istorii Uzunlarskogo vala [New materials for the construction history of the Uzunlar Rampart]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 6, 176–183.
- Lantsov, S.B., Govenko, V.K. 1999: O zapadnoy granitse Bospora v IV v. do n.e. [The western border of the Bosporus in the 4th BC]. In: V.Ju. Zuev, E.Ja. Rogov, V.A. Khrshanovskiy (ed.), *Bosporskiy Fenomen. Grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Bosporus phenomenon. Greek culture on the periphery of the ancient world. Proceedings of the International scientific conference]. Saint Petersburg, 177–180.

- Marti, Ju.Ju. 1926: *Sto let Kerchenskomy Muzeyu* [One hundred years to the Kerch Museum]. Simferopol.
- Maslennikov, A.A. 2003: *Drevnie zemlyanye pogranično-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kruma* [Ancient boundary and defensive earthworks of the Eastern Crimea] Moscow.
- Moseichuk, S.B. 1983: Akkosov val [Ak-Kos Rampart]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Akademii Nauk SSSR* [Essays of the Institute of archaeology Academia of Science SSSR] 174, 74–76.
- Suprenkov, A.A. 2016: Bosporskie vorota – noveyshee otkrytie pri raskopkakh na Uzunlarskom valu [The Bosporan Gate is the newest opening during excavations on the Uzunlar Rampart]. In: V.Ju. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (ed.), *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Elite of the Bosporus and Bosporan elite culture. Materials of the International Round Table]. Saint Petersburg, 328–333.

ON THE ANCIENT GATEWAYS THROUGH USUNLAR RAMPART

Tatyana N. Smekalova

*Institute of World History, National Research Center “Kurchatov Institute”,
Moscow, Russia
tnsmek@mail.ru*

Abstract. The discovery of an ancient stone bridge over the Uzunlar Rampart in 2016 has stimulated new interest in the study of this monumental fortification. The investigation presented in the article is based on the analysis of the road network marked on the old maps of the Kerch Peninsula. The possible connection of the ancient passages through the Uzunlar Rampart with the intersection of the 19th century roads is considered. To test this assumption all available georeferenced maps from 18th and 19th centuries were studied in MapInfo and Google Earth Pro programs. Possible passages through the rampart were studied with help of satellite images and archival aerial photographs to identify particular areas that could confirm the assumption of the existence of an ancient passage through the rampart. The first confirmation of this hypothesis was the fact that the newly discovered ancient bridge over the moat and rampart of the Uzunlar Rampart really served as an active passage up to the end of the 19th century. The most informative maps appeared to be the Betev's map of 1842, three-*verst* map of the Military Topographic Depot of 1847 and half-*verst* map of 1897. Sixteen possible driveways were identified in the area. The visual exploration, as well as the analysis of modern satellite images and archive German aerial photos of 1942 contributed to find associated archaeological structures characteristic of the gate areas.

Keywords: Uzunlar Rampart, Bosporus, ancient gateways, historical maps, modern satellite images, archive German aerial photos of 1942

О НАХОДКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОСТЕЙ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н.э.

В.В. Мокробродов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
mokroborodov@yahoo.com

Аннотация. В представленной статье автором анализируются археологические данные по погребальной обрядности оседлого населения среднеазиатского региона в эпоху раннего железа. Долгое время находки подобного рода были практически неизвестны, на основании чего был сделан ряд выводов. Систематизация разрозненных свидетельств о находках человеческих костей на поселениях и ряд новейших находок этого типа позволяют выделить основные черты ритуала – стремление к изоляции останков от земли, неполные костяки (преимущественно черепов), деформация тел, происходившая до разложения останков, смешение человеческих останков с костями животных и пр. На основании анализа сведений из источников, рассмотрения выявленных элементов, исключений и аналогий автором делается вывод о непротиворечии обнаруженных свидетельств маздеистским погребальным практикам и о большом влиянии более ранних среднеазиатских традиций на сложение классического зороастрийского погребального обряда.

Ключевые слова: Средняя Азия, эпоха раннего железа, находки человеческих костей, сведения источников, зороастризм

У большинства исследователей, рассматривающих проблемы истории и археологии раннежелезного века Средней Азии, по мере погружения в тему складывается двоякое ощущение: с одной стороны, памятники данного периода широко известны и исследуются на протяжении многих десятилетий, накоплена солидная база по материальной культуре того времени, с другой стороны, существуют значительные пробелы, мешающие адекватной оценке исторической ситуации. Одним из таковых можно считать и вопрос, по поводу которого на протяжении последнего столетия было написано немало научных монографий, статей и заметок. Речь идет о погребальной обрядности – архиважнейшем источнике по духовной культуре и идеологическим воззрениям населения юга Средней Азии, в том числе и в хронологическом промежутке между позднебронзовым веком и греко-македонским вторжением, а также ее религиозном базисе.

Изначально указанный пробел был обусловлен кажущейся немногочисленностью археологических свидетельств о погребальной обрядности населения Средней Азии эпохи раннего железа. Долгое время считалось, что погребения

Мокробродов Виктор Валентинович – младший научный сотрудник Института археологии РАН.

для данного периода вовсе отсутствуют. Это породило мнение о коренном сломе характерной для эпохи поздней бронзы традиции ингумационных погребений в скорченном положении с сопроводительным инвентарем, что связывалось с бытованием уже в раннежелезном веке зороастрийского обычая выставления умерших. На основании совокупности сведений из источников (в том числе отсутствия археологических свидетельств о захоронениях) первым данную идею, по-видимому, наиболее полно сформулировал И.М. Дьяконов,¹ впоследствии теорию поддержали многие другие исследователи.

Помимо изысканий ученых, в первую очередь апеллирующих именно к отсутствию погребений на территориях с преимущественно оседло-земледельческим типом хозяйства, ранее предпринимались и попытки обобщений скудных археологических данных. Речь идет о работах Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаева и Р.Х. Сулейманова². Забегая вперед, отметим, что они также склонялись к большому влиянию на погребальный обряд воззрений маздаяснийского круга.

Вкратце напомним, что последователи зороастризма отличаются весьма специфическим отношением к захоронениям, связанным с желанием избежать осквернения мертвым телом священных для адептов данной религии стихий – огня, воды, земли. Ввиду этого стремления ими были разработаны известные нам по более поздним зороастрийским канонам и наблюдениями за позднесредневековыми парсами погребальные практики, заключавшиеся в помещении умершего на изолированную от земли и воды территорию либо на специально построенное здание («дахму») – т.н. обряд выставления. Там с помощью хищных птиц и животных-падальщиков происходил процесс очищения трупа от разлагающейся плоти. Далее кости помещались на также изолированную от чтимых стихий площадь в специальных постройках (наусах) или изделиях (оссуариях)³.

В 2006 г. в ходе раскопок расположенного на крайнем юге Узбекистана поселения Шортэпа (середина I тысячелетия до н.э.) нами были обнаружены человеческие кости – фрагменты черепов в небольшом углублении в материке, поверх которых в ненарушенном ямами культурном слое фиксировались многочисленные кости животных (преимущественно крупного рогатого скота) не в анатомическом порядке. По заключению антрополога Х. Бендесу-Сармиенто (CNRS), это были останки 4-х человек – часть черепа предположительно женщины-европеоида 30–35 лет, затылочный свод более крупного черепа, крупная нижняя челюсть мужчины со следами последовавшей до разложения останков деформации, нижняя челюсть ребенка 5–10 лет.

Эта находка, наряду с перманентно поступающими сведениями об обнаруже-

¹ Дьяконов 1971, 132.

² См., в частности, Ртвеладзе 1988, 21–22; Сагдуллаев 1990; Сулейманов 2000, 226–307.

³ По погребальным обрядам зороастрийцев существует обширная научная литература. Непосредственно для нашей территории следует выделить следующие работы: Богомолов 2007; Boucharlat 1988; Grenet 1984; Иваницкий 1992; Иностранцев 1909; Литвинский 1983; Литвинский, Седов 1984; Мейтарчиян 2001; Modi 1905; Пьянков 2005; Rapoport 1963; Рапопорт 1971; Ртвеладзе 1989; Rtveldaze 1987; Сагдуллаев 1990; Снесарев 1963; Teufer 2013; Хисматулин, Крюкова 1997. Важные данные по погребальным ритуалам содержатся и в общих работах по зороастрийской религии и времени ее бытования в Средней Азии – см. соответствующие главы: Бойс 1987; Ртвеладзе 1988; Сулейманов 2000; Herzfeld 1947 и мн. др. Главным источником по канонам зороастрийцев является Видевдат – одна из частей Авесты, состоящая из 22 глав (фрагардов), посвященных прежде всего борьбе против осквернений и ритуальной чистоте (Ртвеладзе и др. 2008).

ниях фрагментов человеческих скелетов в слоях с материалами середины I тысячелетия до н.э.⁴, побудила нас обратиться к данной теме. В 2008 г. автором этих строк в рамках исследовательского проекта IFEAC был произведен поиск и анализ всех известных данных по захоронениям и останкам людей вне погребений для периода раннего железа на территории современного Узбекистана, – а таких, вопреки неполным и устаревшим данным, оказалось не так уж и мало.

Обобщив приводившиеся археологами данные с новыми находками и теми признаками погребальных обрядов, которые ускользали от исследователей, только для одной из наиболее изученных зон Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. – долины Сурхандарьи получаем следующую картину распространения человеческих останков. На крупнейшем в этой зоне памятнике эпохи раннего железа – Кизылтепа были выявлены разрозненные кости скелета человека в небольшом углублении под обмазкой пола нежилого помещения – либо специально погребенные, либо находившиеся в земле до строительства⁵. В округе поселения, близ объекта Кизылча I, отмечены фрагменты черепной коробки человека, предположительно относящиеся к раннежелезному веку⁶. На Кучуктепа, помимо многочисленных «...костей человека, в основном от черепа, валявшихся на полах»⁷, обнаружены останки трех человек (погребение, датируемое VI–IV вв. до н.э.) и фрагменты двух черепов (старика-европеоида и ребенка) из раннего помещения⁸. Верхняя часть могильной ямы погребения разрушена, однако, по всей вероятности, оно впускное. Яма довольно глубокая, дно могилы выложено галькой. Покойник (мужчина-европеоид 30–35 лет) лежал на спине, головой на север, со слегка согнутыми правыми рукой и ногой, на левом плече и у левой ноги найдено по одному бронзовому трехлопастному черешковому наконечнику⁹. Фрагменты человеческих костей также были обнаружены в слоях поселений Бектепа (Бандыхан II)¹⁰, Широбтепа¹¹, Талашкантепа I¹², Пшактепа¹³. Исходя из пока неопубликованных результатов остеологических определений материалов раскопок Байсунской экспедиции, человеческие кости присутствуют на Газимуллатепа, Кизылтепа и Киндыктепа¹⁴.

⁴ К примеру, вскоре после указанной находки в ранних слоях Кампыртепа (1 км от Шортепа) были найдены компактно расположенные останки нескольких людей в виде разрозненных черепов и костей (Двуреченская 2012, 67–68).

⁵ Сагдуллаев 1990, 34–35.

⁶ Сагдуллаев 1990, 34–35.

⁷ Альбаум 1969, 23.

⁸ Ходжайов 1980, 104–108.

⁹ Альбаум 1969, 72; Аскарлов, Альбаум 1979, 11; Ходжайов 1980, 104–105, рис. 2.

¹⁰ Ртвеладзе 1988, 21–22; Сверчков, Бороффка 2007, 119.

¹¹ Ртвеладзе 1988, 21–22.

¹² См. Ртвеладзе 1988, 21–22. Не совсем понятно, что представляет собой скелет с деформированным черепом, без могильной ямы над верхним полом башни № 7 Талашкантепа I (на уровне пола головой на север, культурный слой выше не нарушен – Шайдуллаев 2000, 52, 58). Хотя сам автор раскопок в другом месте этой публикации относит все погребения в верхних слоях данной крепости к позднему средневековью (Шайдуллаев 2000, 50), с учетом приведенных обстоятельств обнаружения скелет, скорее всего, следует отнести к последствиям насильственной гибели крепости (о следах мощного пожара и последующего запустения на этом памятнике см. Ртвеладзе, Пидяев 1993, 133–147; Шайдуллаев 2000, 50–63), к погребальной обрядности отношения не имеющей.

¹³ Аскарлов 1982, 38.

¹⁴ Устная информация проф. Н. Бороффка (DAI-БАЭ).

Учитывая относительную немногочисленность подобного рода находок,¹⁵ приведем факты об обнаружениях человеческих костей на поселениях периода раннего железа из других областей Средней Азии¹⁶. С Яздепе известны останки по крайней мере двух людей – расчищено погребение в слоях периода Яз II (женский скелет в скорченном положении на боку с сопроводительным инвентарем (сосудик и зернотерка))¹⁷; найдены останки юноши в слоях V–IV вв. до н.э.¹⁸. При раскопках ранних слоев Тиллятепа было найдено захоронение черепа в цилиндрическом сосуде VI в. до н.э.¹⁹. На поселении Тамошотепа (V–II вв. до н.э.) обнаружено несколько групп погребений, из которых древнейшая представлена десятью захоронениями в ямах под полами помещений, в том числе с сопроводительным инвентарем (сосуд баночной формы)²⁰. Близ усадьбы Дингильдже отмечен фрагмент человеческого черепа – по мнению М.Г. Воробьевой, это все, что осталось от захоронения (труположения) в алебастровом ящике-саркофаге, опущенном в опаленный грунт; рядом найдены бронзовые и каменные украшения, набор керамики, а также фрагменты костей животных и три собачьих черепа²¹. Детский череп в яме со слоями пепла был найден на Кюзелигыре²². Нередки находки отдельных человеческих костей на Еркургане, первичное залегание которых Р.Х. Сулейманов относит к слоям середины I тысячелетия до н.э.²³. Из наиболее ранних слоев Афрасиаба происходят следующие материалы: погребение периода Афрасиаб I, от которого остались следы могильной ямы и череп²⁴; погребение (труположение на спине головой на юг в неглубокой яме, обложенной и перекрытой фрагментами сырцового кирпича, у головы найден лощеный банковидный бокал) и человеческие кости (два целых и пять частично сохранившихся черепов на дне протекавшего близ описанного погребения древнего канала; обломки пяти черепов в слоях, перекрывающих уровень погребения) из слоев раннего этапа периода Афрасиаб II²⁵. При анализе остеологического материала с поселения Сангиртепа, датированного авторами раскопок IX–VIII вв. до н.э., были выявлены разрозненные остатки костей (5 фрагментов) скелета человека²⁶. На Нуртепа было вскрыто два захоронения – погребение (труположение на спине головой на запад с согнутой правой рукой) в перекрытой сырцом яме с подбойной камерой, с сопро-

¹⁵ Для сравнения можно привести следующие цифры по расположенным на тех же территориях объектам эпохи поздней бронзы. С Сапаллитепа известно 138 погребений, на могильнике Джаркутан вскрыто более 800 могил, на близлежащих Бустанских могильниках – около 100 (Аванесова 2001; Аскаров 1977, 57–59; Аскаров, Абдуллаев 1983; Ходжайов 1977 и др.).

¹⁶ Рассмотрение и описание обряда многочисленных курганных захоронений середины I тысячелетия до н.э., оставленных носителями иной по типу хозяйствования культуры, за исключением приводимого ниже ряда контекстных аналогий, выходит за рамки данной работы.

¹⁷ Массон 1959, 32.

¹⁸ Обстоятельства находки не ясны, имеются только краниологические данные (череп европеоидный, отмечена искусственная деформация кольцевого типа) – Зезенкова 1959, 107–108.

¹⁹ Сарианиди 1989, 37–38, рис. 11.

²⁰ Абдуллаев 1976, 41.

²¹ Воробьева 1973, 83–86, рис. 29.

²² Вишневская, Рапопорт 1997, 157.

²³ Сулейманов 2000, 239.

²⁴ Кошеленко (ред.) 1985, 289.

²⁵ Шишкина 1969, 227–228.

²⁶ К сожалению, опубликованные данные не содержат ни контекста находки, ни каких-либо иных сведений (Ермолова 1987, 100).

дительным керамическим инвентарем (двумя кувшинами и цилиндроконическим бокалом)²⁷ и предполагаемое Т.В. Беляевой свидетельство человеческих жертвоприношений в виде найденных в обложенной фрагментами керамики V–IV вв. до н.э. яме (2×2 м, глубина 1,6 м) беспорядочных, неполных и отчасти обгорелых фрагментов скелетов шести людей – двух женщин и малолетних детей²⁸.

Итак, какую же информацию об обрядах и верованиях древнего населения несут данные находки и в чем можно (если можно вообще) усмотреть свидетельства зороастрийского характера погребального обряда?

В первую очередь, стоит отметить, что довольно часто мы имеем дело с неполными костяками. Весьма вероятно, что это свидетельствует о предваряющих погребение манипуляциях с трупом, скорее всего производившихся в соответствии с эволюционировавшими позже практиками выставления. Более внимательный анализ останков позволяет утверждать это с большой уверенностью, причем дело не ограничивается выявленным на Шортэпа фактом. Находки преднамеренно очищенных костей известны на раннетулхарском могильнике²⁹, расчлененные костяки зафиксированы на Чустском поселении³⁰ и ряде других ранних памятников (см. также в заключении). Раскопки могильника Тарым-кая I поздней фазы т.н. Куюсайской культуры оседлых скотоводов, наряду с погребениями и трупосожжениями под курганными насыпями, выявили «подхоронения» расчлененных костяков в баночных сосудах с сильно разрушенными костями, относимые исследователем к рубежу V–IV вв. до н.э. и впоследствии сменяемые «захоронениями оссуарного типа» в обложенных камнями сосудах³¹. Исследователи синхронных кочевнических погребальных памятников также акцентировали внимание на находках неполных скелетов³². Из числа последних подобных обнаружений на территории Средней Азии можно отметить находку предварительно очищенных костей в группе курганов раннежелезного века Мешекли³³.

Весомым доводом в пользу превалирования зороастрийского погребального обряда могло бы послужить обнаружение мест для отделения костей от плоти (дахма), однако подобные для интересующего нас времени не были найдены. Отсутствие дахм для раннежелезного века Средней Азии можно объяснить недостаточной изученностью территорий или, что более вероятно, выставлением тел либо просто на земле, либо на естественных возвышенностях. Кроме того, следует отметить тот факт, что за срытие дахмы верующим полагалась своеобразная индульгенция (Видевдат, 7)³⁴, в чем, возможно, и кроется причина столь малого ко-

²⁷ Кошеленко (ред.) 1985, 201; Негматов и др. 1982, 98.

²⁸ Беляева 1994, 21; Беляева 2004, 45–46.

²⁹ Мандельштам 1968, 39–40, 126.

³⁰ Заднепровский, Матбабаев 1984, 61.

³¹ Вайнберг 1979, 29 и сл.

³² Гуцалов 2011, 89; Яблонский 1996, 63 и мн. др. Л.Т. Яблонский усматривает аналогии данному виду захоронения предварительно очищенных костей в северокавказских курганных могильниках II–I тысячелетий до н.э. Заметим, что в памятниках раннежелезного века Дагестана, помимо указанного обряда, отмечена и изоляция человеческих останков от земли, что позволило исследователям предположить в целом зороастрийский характер погребений (Давутов 1974, 54–57).

³³ Баратов 2013, 43–44.

³⁴ Существует, правда, и иная трактовка данного постулата – поощрялось разрушение незороастрийских гробниц, однако, помимо автора этой идеи Х. Хумбаха (Humbah 1961, 100–101), она, насколько нам известно, практически не имеет сторонников.

личества археологических источников по погребальной обрядности того далекого времени.

Крайне важным свидетельством нам видится выявленное на Кучуктепа, Тиллятепа, Дингильдже, Нуртепа и некоторых более ранних памятниках (в частности, на Чустском поселении³⁵ или еще более раннем некрополе Гонура³⁶) стремление изолировать останки от земли. Данное явление впоследствии эволюционировало в оссуарный обряд погребения или в близкий ему и не менее распространенный (особенно в северной части региона) обряд захоронения костей в крупных сосудах³⁷ и отчасти сохранилось в качестве многочисленных пережиточных явлений в современных среднеазиатских погребальных обрядах³⁸. Помещение костей в сосуды, на подстилки и камни в целом удовлетворяло требованию защиты земли от скверны.

Ни одно животное не было чтимо адептами зороастризма выше, чем собака. Приведем лишь некоторые выдержки из Видевдата, 13-й фрагмент которого полностью посвящен этому животному (а по всему своду собака упоминается неизменно число раз): *«Собака – сторож и друг, данный тебе... Она не просит у тебя ни одежды, ни обуви. Она помогает тебе ловить добычу, она караулит твоё имущество, она забавляет тебя, когда ты отдыхаешь. Горе тому, кто ее обидит или пожалеет для нее здоровой пищи. Душа такого человека после смерти будет бродить вечно в уединении»*.³⁹ Обряд оглядывания собакой трупа (*sagdid*) – одна из главнейших составляющих комплекса канонических зороастрийских посмертных ритуалов. Судя по религиозным текстам, над телом мертвой собаки совершали такой же похоронный обряд, как и над телом человека (Видевдат 1, 4 и др.) Таким образом, продемонстрированное на Дингильдже особое отношение к собачьим черепам также вполне укладывается в русло зороастрийских воззрений. Более того, дингильджинская находка далеко не единственная. Известны захоронения собак, в том числе вместе с людьми, на Гонурдепе⁴⁰. К середине I тысячелетия до н.э. относятся захоронение собаки на Хумбузтепе⁴¹ и погребение собаки в хуме на Хантепа у кишлака Сават⁴². Для немного более позднего времени крайне интересным не только в этом контексте кажется захоронение в заброшенных керамических печах на Саратепа (Самаркандский Согд) человеческих черепов с костями собак и черепом свиньи, датированное II в. до н.э. Данные погребения их исследователем определенно связываются с зороастрийскими верованиями (причем И. Иваницкий считает топочные камеры наусами для человеческих черепов и

³⁵ Заднепровский, Матбабаев 1984, 61.

³⁶ Сарианиди 2010, 47.

³⁷ Козенкова 1961 и др.

³⁸ Снесарев 1963, 136 и сл.

³⁹ Цит. по: Плахов К.Н., Плахова А.С., <http://rus-katana-dogs.narod.ru/poroda/pg13.html>. Также см. подборку тематических выдержек из Видевдата (Крюкова 1994).

⁴⁰ Сарианиди 2001, 95 (цит. по: Антонова 2005, 114); Сарианиди 2010, 63, 66–68.

⁴¹ Болелов 1999, 86; 2002. Автор раскопок интерпретирует захоронение (датируемое им VI в. до н.э.) как очистительную жертву перед строительством здания. Немаловажным с точки зрения защиты земли от мертвой плоти является то, что под скелетом собаки выявлены остатки подстилки.

⁴² Грицина 1990, 33.

дахмами для собачьих останков)⁴³. В Хорезме (Токкала и Миздакхан) были найдены помещенные рядом оссуарии с костями человека и собаки⁴⁴.

Помимо данных соответствий, в приведенных выше примерах есть и определенные положения, на первый взгляд, обряду зороастрийцев противоречащие. В первую очередь речь идет о захоронении останков в землю. Действительно, в 3 фрагарде Видевдата в списке пяти самых неблагоприятных мест на земле названы *«более всего оскверненные закопанными в ней останками собак и людей»* и *«То, где больше всего дахм»*. Также отметим отрывок из 6 фрагарда, где предусмотрено суровое наказание за то, что человек бросает на землю часть тела мертвого человека (или фактически приравненной ему собаки) размером более верхнего сустава мизинца. При желании этот список можно расширить.

Однако на деле законы осквернения земли были не столь суровы, как может показаться при первом приближении, и сопровождались значительными послаблениями⁴⁵. В частности, правила, по-видимому, не распространялись на *«... сухую землю, где реже всего бывали стада, огонь, барсом и верующий»*, на определенном (в зависимости от обстоятельств) расстоянии от перечисленных объектов, рекомендуемую для временного положения выловленного из воды трупа и помещения оскверненных субстанций (Видевдат, 8)⁴⁶. Более того, при определенных условиях фактически допускается и то, что в зороастрийской религиозной традиции считалось и считается тягчайшим грехом, – погребение. В 8 фрагарде есть описание временной могилы в доме (неглубокая яма в сухой земле с покрытым пеплом или навозом дном и сверху кирпичом, камнем или сухой землей). Интересным также кажется отрывок из 6 фрагарда: *«Если верующие не могут осилить это [постройку костехранилища], должны они положить мертвого [точнее, то, что от него осталось после ритуального очищения] на землю, на ковер и подушку его, одетого в свет небес и смотрящего на солнце...»*⁴⁷. Здесь необходимо обратиться к источникам о погребальных обрядах древних народов, которые заподозрить в «незороастризме» весьма сложно. Как отмечал И.В. Пьянков, «...реальный зороастрийский похоронный обряд сасанидских персов, описанный Агафием (II, 22–23), ближе к древнему бактрийскому обряду, нежели к обряду Видевдата»⁴⁸. В одной из работ о раннесредневековом зороастризме читаем: «...в позднесасанидском Парсе, цитадели Сасанидского зороастризма <...> вскрыто

⁴³ Иваницкий 1992, 55–57. Отметим и еще одно замечание этого исследователя: он настаивает, что захоронение отдельных черепов подразумевает предварительное расчленение тел, очищение последних от плоти.

⁴⁴ Рапопорт 1971, 29.

⁴⁵ В.Г. Шкода, анализируя среднеперсидское сочинение «Арда-Вираз намак», по этому поводу замечал, что «...в описании всех многочисленных благих дел праведников и прегрешений грешников никому не ставится в заслугу догматическое совершение похоронного обряда и не порицается иная погребальная практика, хотя указываются другие прегрешения в сфере ритуальной чистоты» (Шкода 2009а).

⁴⁶ Данное сообщение уже рассматривалось на предмет маздаяснийского характера погребальной обрядности Средней Азии эпохи раннего железа. Так, по мнению автора раскопок куюсайского могильника Тарым-кая I, зафиксированная на памятнике ситуация (см. выше) не противоречила общим предписаниям зороастризма, т.к. «погребения совершались лишь на возвышенностях, где не было ни воды, ни возделываемой земли», а сжигали «иноплеменников» (Вайнберг 1979, 52).

⁴⁷ В случае с временным погребением земля после считалась нечистой на протяжении 50 лет, в случае с труположением – лишь 1 год.

⁴⁸ Пьянков 2005, 362.

огромное разнообразие погребений: от нескольких типов захоронений костей с предшествующим выставлением трупов, до погребений в земле, сурово осуждаемых письменной зороастрийской традицией»⁴⁹.

Схожие факты можно привести и в отношении более ранних периодов. Так, Помпей Трог, писавший о парфянах в I в. н.э. сообщает, что «*общепринятое погребение [состоит в том, что трупы отдают] на растерзание птицам или собакам и в землю закапывают только голые кости*» (Justin. XLI. 3. 5). О населении же Ахеменидского Ирана Геродот пишет следующее: «...сведения о погребальных обрядах персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп персы **придают погребению** только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. ...Во всяком случае, персы **предают земле** тело покойника, покрытого воском» (Herod. I. 140). Преобладанию обряда захоронения в Иране середины I тысячелетия до н.э. имеются и другие, в том числе археологические, свидетельства⁵⁰.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что захоронение очищенных костей либо тел умерших в землю (или помещение на землю) для погребальной обрядности середины I тысячелетия до н.э. было возможно не поощряемой, но все же нормой⁵¹. Это подтверждает наиболее популярный пассаж о погребальной обрядности Средней Азии середины I тысячелетия до н.э., восходящий к Онесикриту (известен в передаче Страбона): «*В древности согдийцы и бактрийцы не очень отличались от кочевников по образу жизни и обычаям, хотя у бактрийцев они были немного мягче. Однако и о последних Онесикрит и ему подобные не говорят ничего похвального; [сообщают,] что тех, кто стали беспомощными из-за старости и болезни, они бросают живыми на съедение собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке называют «погребателями»; что за стенами главного города бактрийцев земля выглядит чистой, а внутри **большая часть [пространства] полна человеческих костей**; что Александр уничтожил этот обычай*» (Strabo. XI. 11. 3)⁵². Однако бесспорно и то, что уже тогда предпринимались меры по ограничению контакта праха с землей, впоследствии вылившихся в запреты, принятие которых на практике было постепенным. Отголоски древнейших обрядов сохраняются, видимо, в классическом зороастризме в виде исключений и вынужденных мер.

Перейдем к кажущемуся небезынтересным следующему из приведенного выше перечня факту доминирования среди находок именно черепов. В позднейшей практике упокоения очищенных от плоти костей в оссуариях или керамических сосудах также либо отмечают только черепа, либо они занимают первенствующее место поверх других костей. К примеру, в наусах Тепаишахского и Ялангтушского некрополей найдено значительное количество черепов, наряду с редчайшими находками прочих костей⁵³. Известно захоронение черепа в одном

⁴⁹ Шкода 2009, 14.

⁵⁰ Дандамаев, Луконин 1980, 321–323. Там же см. многочисленные ссылки на работы, посвященные этому вопросу.

⁵¹ Существует предположение, что мотивы ингумации у зороастрийцев состояли во вручении покойника Матери-Земле для перерождения (Богомоллов 2007, 79).

⁵² Вокруг данного высказывания велась определенная полемика, на настоящий момент оно считается весьма достоверным (см., например, Литвинский, Седов 1983, 107–108).

⁵³ Мейтарчиян 2001, 71–73.

из помещений Дильберджина⁵⁴. О черепах с Шорттепа, Кампыртепа, Дингильдже, Афрасиаба, Тиллятепа и других объектов середины I тысячелетия до н.э. говорилось выше. Свойственны подобные захоронения и для эпохи бронзы. Так, в крепостной стене цитадели Джаркутана был найден череп ребенка в хуме⁵⁵. Раскопки Алтындепе демонстрируют особое внимание к черепакам, часть которых помещена в ниши погребального комплекса⁵⁶. На ферганских поселениях Чустской культуры также весьма часто встречаются захоронения отдельных черепов и их скопления, что позволило Ю.А. Заднепровскому увидеть в них отражение «общеизвестного обычая культа черепов, веры в их магическую силу <...> свойственной многим первобытным народам»⁵⁷. Позднее эта теория была поддержана и развита другими исследователями погребальной обрядности⁵⁸.

О культе черепов имеется огромное количество исторических и этнографических свидетельств, потому остановимся только на некоторых аспектах, интересных в контексте нашей проблемы. Действительно, если существует почитание предков (а у зороастрийцев оно было в виде почитания фравашей – душ умерших)⁵⁹, часто подразумевающее стремление сохранить умершего близ себя, то наиболее логичным было бы при невозможности сбережения всего тела желание хранить именно голову, как наиболее полно передающую индивидуальные особенности человека и наиболее, если можно так выразиться, мистически-функциональную часть тела (трудно предположить, что наши далекие предки имели четкое представление о роли заключенного в черепную коробку мозга, однако не заметить, что от головы исходит речь, зависит зрение и пр., они не могли). В отношении взглядов последователей Зороастра заметим, что, согласно канонам этой религии, покинувшая бренное тело душа проводит в преддверии индивидуального суда три дня в размышлениях и молитвах именно у головы трупа⁶⁰. Более того, несмотря на прямое указание удалить прах на определенное расстояние от священных предметов (в первую очередь от огня), содержащееся в Видевдате, в наиболее фундаментальном комментарии авестийских текстов «Бундахишн» имеется пожелание о помещении огня «...горящим в течение трех ночей до наступления дня на том месте, где была его голова»⁶¹. Не свидетельствуют ли косвенным образом эти факты о том, что отношение к голове, как последнему прибежищу души, в

⁵⁴ Кругликова, Пугаченкова 1977, 47.

⁵⁵ Ширинов 2000, 40.

⁵⁶ Массон 1974, 5–10.

⁵⁷ Заднепровский 1962, 22–24, 99. Что касается разрозненных остатков других частей человеческих скелетов, то данный исследователь отвергает бытовавшее ранее предположение о вероятном каннибализме населения Ферганы в эпоху бронзы (Спришевский 1957, 72), объясняя их позднейшими перемещениями и разрушениями.

⁵⁸ См., в частности, Рапопорт 1971, 35–36 (эта работа включает в себя и рассмотрение сведений из различных источников на данную тему, в том числе важное свидетельство Геродота о культе черепов у современного ему восточноиранского племени исседонов); Сулейманов 2000, 240–241, 304–305 и др.

⁵⁹ Вероятностная связь культа фравашей с зороастрийскими погребальными обрядами уже предполагалась исследователями (см., например, Рапопорт 1991, 39). Справедливости ради заметим, что существует точка зрения, отрицающая высокую роль культа предков в догматическом зороастризме (Лелеков 1992, 40–41, 139, 214).

⁶⁰ Мейтарчиан 2001, 44 и сл. Там же см. многочисленные ссылки на обрядовые тексты по данному вопросу.

⁶¹ Мейтарчиан 2001, 45.

среде зороастрийцев в смысле ритуальной нечистоты и загрязнения благой среды, было не столь суровым и однозначным?

Отмеченное смешение человеческих останков с костями животных также может показаться чуждым зороастрийскому комплексу воззрений. Традиционными являются следующие объяснения: в подобных случаях мы либо имеем дело со случайными последующими перемещениями культурных пластов с костями животных⁶², либо со свидетельствами жертвоприношений и остатками погребальных тризн. Вторая точка зрения распространена намного больше: например, все костные останки животных в погребениях Сапалли и Джаркутана (а таковые отмечены приблизительно в 25 % изученных могил) безоговорочно считаются свидетельствами жертвоприношений⁶³; все многочисленные находки костей животных в наусах принято связывать с ритуалами жертвоприношения и поклонения⁶⁴ и т.д. Есть косвенные упоминания о жертвоприношениях у населения Средней Азии и в античных источниках⁶⁵.

Не касаясь весьма известного среди кочевого населения евразийских степей обряда захоронения лошадей в курганах⁶⁶ и предположенного выше непротиворечия духу зороастрийских верований обряда погребения чтимых собак по соседству с людьми, рассмотрим вероятные объяснения этой составляющей погребальной обрядности с точки зрения соответствия указанным воззрениям. Для этого, видимо, следует обратиться к исконной индоевропейской религии, определенные ритуалы которой, не принятые классическим зороастризмом, известны нам по индоарийским культам ведийского толка. Именно их реликты склонен видеть Р.Х. Сулейманов в ритуальном погребении человеческих черепов в сочетании с костями лошади, коровы и козы, отмеченном на одном из памятников чустской культуры Ферганы⁶⁷. Согласно ему, прямой аналогией указанному обряду является замуровывание головы человека с костями четырех разновидностей домашнего скота в жертвенные алтари древнего индийского Агни⁶⁸. Возможно, определенные отголоски данного обряда можно видеть в сообщениях античных авторов о погребальных обрядах массагетов – для населения севера и востока Средней Азии раннежелезного века некоторые ведийские ритуалы, вероятно, были далеко не чужды. Вот как сообщает о них Геродот «...когда кто-нибудь очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают» (Herod. I. 216). Схоже с этим и восходящее к Гекатею Милетскому сообщение Страбона: «Самою лучшею смертью считается у них та, когда дожившие до старости изрубиваются вместе с бараниной и в таком

⁶² Так, к примеру, считал еще Ю.А. Заднепровский, удивлявшийся «варварскому» отношению древнего населения к человеческим останкам, проявлявшемуся, по его мнению, в отмеченных на поселениях Чуст и Дальверзин смешениях костей животных и человека в хозяйственных ямах (Заднепровский 1962, 99).

⁶³ Ср. Аскаров, Ионесов 1991; Ширинов 2000, 40; Антонова 2005 и др.

⁶⁴ Мейтарчиян 2001, 111 со ссылкой на Пугаченкова 1987, 50, 53.

⁶⁵ См. сведения Геродота о массагетском культе Солнца и описание обрядов близких сакам скифов (Herod. I. 216).

⁶⁶ Ср. Таиров 2005, 9–10, 42–43 и др.

⁶⁷ Сулейманов 2000, 243. Об указанном погребении см. Кошеленко (ред.) 1985, 195.

⁶⁸ Сулейманов 2000, 243–244 со ссылкой на: Лелеков 1992, 185.

виде поедаются» (Strabo. XI. 8. 6)⁶⁹. Не исключено, что кости благих животных могли выполнять и своеобразную функцию защиты от злых духов. В качестве возможного подтверждения позитивного влияния животных можно привести один из важнейших погребальных ритуалов зороастрийцев – *sagdid*. В данном контексте полезными могут оказаться этнографические наблюдения. В частности, для излечения последствий психического заболевания (изгнания злого духа) киргизы раскрашивали черепа собаки и лошади, дабы приманенные таким образом духи покинули недужного⁷⁰. Туркмены и киргизы, принося животных в жертву, считали, что болезнь переселяется в жертвенное животное, кости которого необходимо сохранить⁷¹. Кроме перечисленных предположений, можно допустить, что данные находки связаны с тайными аспектами культов того времени, непостижимыми при нашем уровне знаний о них.

В представленном перечне находок костей есть два элемента, еще менее соответствующих зороастрийским канонам. Речь об обгорелых костях с Пшактепа и Нуртепа, а также о фрагментах человеческого скелета, найденных вблизи от священного огня храма Киндыктепа. На основании находок данного рода на Пшактепе исследователи объекта предположили в качестве его основной функции мемориально-погребальную, с «крематорием» в центральном закрытом коридоре. Весьма обоснованные сомнения предлагаемой А.А. Аскаровым функциональной интерпретации Пшактепа уже высказывались многими учеными⁷². Мы отметим лишь что, несмотря на все разночтения с дошедшими до нас канонами, огнепоклонники юга Средней Азии вряд ли бы позволили себе подобное отношение к наиболее чтимой из стихий – огню⁷³. Единственное возможное объяснение данного нонсенса может состоять в том, что на объектах с обгорелыми костями обитали чуждые основному населению исследуемой территории носители верований, характерных для более раннего населения северной и восточной окраин Средней Азии⁷⁴, а также ведийской Индии⁷⁵, что в случае с сурхандарьинским

⁶⁹ Ю.А. Рапопорт (1971, 25–27) склонен видеть в данных обрядах пережитки первобытных тотемических верований.

⁷⁰ Мейтарчян 2001, 173 со ссылкой на Баялиева 1972, 111.

⁷¹ Басилов 1992, 105, 152–154 и др.

⁷² См., в частности, Аршавская 1987, 93–95.

⁷³ См. также Сагдуллаев 1990, 30–31, 36.

⁷⁴ Для указанных среднеазиатских территорий обряд кремации или ритуального возжигания огня близ трупоположения считается свойственным племенам позднеандоновской культурной общности эпохи поздней бронзы; связь культа огня с погребальными курганами характерна для раннесакского населения современного Казахстана; значительную роль огня (вплоть до сожжения трупов вместе с погребальными сооружениями) исследователи отмечают для погребальных обрядов низовьев Сырдарьи первой половины I тысячелетия до н.э. (Сулейманов 2000, 228, 241. Там же см. ссылки на соответствующие публикации). Симбиоз трупоположения и трупосожжения в кочевнических могильниках (т.н. биритуализм) является весьма широко распространенной практикой фактически по всей степной полосе Евразии эпохи поздней бронзы и раннего железа (см., к примеру, Яблонский 1996, 21–26).

⁷⁵ См. соответствующую подборку религиозных текстов и рассмотрение вопроса их влияния на погребальную обрядность андроновской культуры (Кузьмина 1986, 74–80 и сл.). По данной проблеме существует значительное количество и узкоспециальных статей.

Пшактепа крайне маловероятно⁷⁶. Все же нам кажется, что данные находки связаны не с конкретным ритуалом, но с процессом разрушения объекта.

Схожее объяснение наиболее логично и для находки фрагментов человеческих костей на Киндыктепа, несмотря на наличие уже упоминавшихся возможностей соседства священного огня с трупом и вероятности существования обрядов, неизвестных нам из более поздних канонов. Более того, Киндыктепа был храмом не все время и возводился на издревле обжитой территории, таким образом, попадание костей в слои, скажем, в процессе забутовки, или, что не менее возможно, в момент разрушения храма как такового, исключать нельзя никоим образом.

Нами уже приводились многочисленные примеры аналогий определенным составляющим погребальных практик населения юга Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. в более ранних местных комплексах. Действительно, большинство обрядов, выявленных для нашего периода, генетически восходят к традициям, фиксируемым у среднеазиатского населения эпохи поздней бронзы. Остановимся лишь на характерных не только для периода раннего железа, но и для канонического зороастризма моментах. Говоря о практике захоронения предварительно расчлененных трупов, помимо уже перечисленных соответствий, уместно вспомнить и о погребениях на некрополе Джаркутан IVB, Бустан Ш, на Тоголок 21, где кости умерших открыты не в анатомическом порядке, а в своеобразных кучках. В могильнике Кокча 3 отмечен схожий обряд, причем кости умерших лежат не на земле, а на циновке⁷⁷. Нельзя не отметить, что определенные составляющие фиксировались и ранее эпохи поздней бронзы – времени, когда все эти имеющие древние корни обряды широко распространяются по Средней Азии. Так, захоронение расчлененных костей человеческого скелета известно с энеолитического Саразма⁷⁸. Предлагались и более ранние параллели. В частности, «...в археологии неолитической Гиссарской культуры, переросшей в культуру южнотаджикистанских горных поселений поздней бронзы, равно как и в археологии близкой к ним бурзахомской культуры Кашмира, мы находим все то, о чем говорилось выше по поводу погребального обряда бактрийцев и родственных им народов: отсутствие могильников, наряду с находками предварительно очищенных костей людей и собак и редких скорченных погребений в пределах поселений»⁷⁹. Вместе с тем к середине I тысячелетия до н.э. в погребальных обрядах оседлоземледельческого населения Средней Азии практически был изжит неприемлемый для зороастризма ритуал трупосожжения, характерный для кочевников эпохи поздней бронзы – раннего железа. Все это свидетельствует о том, что проявившийся в погребальной обрядности комплекс воззрений не только прошел длительный процесс становления со свойственными ему определенными изменениями, но и оказался настолько близким и важным для носителей традиционных для юга Средней Азии культур,

⁷⁶ Для Нуртепа, учитывая периферийную по отношению к сельскохозяйственному ареалу локализацию этого объекта, данное объяснение исключать нельзя, и, если дальнейшие исследования указанного памятника преподнесут схожие находки, мы будем вынуждены констатировать проявление на границе «авестийской» Средней Азии «ведийских» традиций не только в эпоху поздней бронзы, но и в период активного утверждения чуждых последним верований и культов, близких, в том числе, раннему кочевническому биритуализму.

⁷⁷ Ширинов 2000, 40–41.

⁷⁸ Исаков 1991, 45.

⁷⁹ Пьянков 2005, 364.

что сумел, наряду с некоторыми другими составляющими духовной и материальной культуры, пережив долгий период, характеризующийся кардинальными изменениями во многих областях жизни (время бытования комплексов типа Яз I), дать мощный импульс развитию дальнейших обрядов и практик, характерных для Среднего Востока на протяжении многих веков.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать следующие факты: для середины I тысячелетия до н.э. мы имеем сложную, видимо, весьма регламентированную (практически все выявленные составные признаки не единичны), но во многом еще не устоявшуюся систему погребальных обрядов, с преобладанием имеющих местные корни традиций, где-то полностью соответствующую, а в целом не противоречащую погребальным практикам последователей Зороастра. Таким образом, на основании исследованных материалов, можно подтвердить тезис об определенном влиянии на погребальные обряды Средней Азии исследуемого периода комплекса маздаяснийских воззрений, высказывавшийся нашими предшественниками. В то же время мы не можем однозначно определить обряд как зороастрийский, даже несмотря на то, что на территории Средней Азии и Восточного Ирана еще долгое время (а кое-где и никогда вовсе) погребальный обряд не соответствовал требованиям писаных канонов данной религии. Уместнее будет определить соответствие погребальных практик комплексу древних индоевропейских воззрений с отчетливой ролью тех элементов, которые в недалеком будущем составили основные постулаты праведного зороастризма⁸⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, А. 1976: Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. *Археологические работы в Таджикистане* XII, 38–47.
- Аванесова, Н.А. 2001: Результаты исследования некрополя Бустон VI. *Археологические исследования в Узбекистане – 2000 г.* 1. Самарканд, 31–37.
- Альбаум, Л.И. 1969: К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа. *История материальной культуры Узбекистана* 8, 69–79.
- Антонова, Е.В. 2005: Об останках животных в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. В сб.: Е.А. Антонова, Т.К. Мкртычев (ред.), *Центральная Азия. Источники, история, культура*. М., 105–118.
- Аршавская, З.А. 1987: Заметки об архитектуре Бактрии эпохи бронзы – раннего железа (К характеристике типологических схем). В кн.: А.С. Сагдуллаев (ред.), *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент, 91–96.
- Аскаров, А.А. 1977: *Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана*. Ташкент.
- Аскаров, А.А., Альбаум, Л.И. 1979: *Поселение Кучуктепа*. Ташкент.
- Аскаров, А.А. 1982: Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана. *История материальной культуры Узбекистана* 17, 30–41.

⁸⁰ Вполне вероятно, что установленные архаичные черты в погребальной обрядности Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. в сочетании с отчетливо выделяемыми местными предпосылками для ряда составляющих погребальных ритуалов, могут послужить дополнительными доводами к ответу на один из интереснейших вопросов о времени и месте сложения зороастрийской религии и объяснить определенные расхождения между «среднеазиатским вариантом зороастризма» и его «классическим вариантом» не столько сектантским характером или периферийным положением первого, сколько его исконностью и первичностью.

- Аскарлов, А.А., Абдуллаев, Б.Н. 1983: *Джаркутан. (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана)*. Ташкент.
- Аскарлов, А.А., Ионесов, В.И. 1991: Жертвоприношения животных в погребальной практике оседлых земледельцев древней Бактрии. *История материальной культуры Узбекистана* 25, 22–33.
- Баратов, С.Р. 2013: Новые данные по археологии Южного Хорезма. *Археология Узбекистана* 6, 27–59.
- Басилов, В.Н. 1992: *Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана*. М.
- Баялиева, Т.Д. 1972: *Доисламские верования и их пережитки у киргизов*. Фрунзе.
- Беляева, Т.В. 1994: О раскопках на Нуртепа и в Худжанте. *Археологические работы в Таджикистане* XXV, 19–22.
- Беляева, Т. 2004: Нуртепа-Кирополь (из истории исследования). В сб.: А. Саидов, А. Хакимов, Э.В. Ртвеладзе (ред.), *Transoxiana. История и культура*. Ташкент, 43–47.
- Богомолов, Г.И. 2007: Из истории зороастрийского погребального обряда. В сб.: Т.Ш. Ширинов, Ш.Р. Пидаев (ред.), *Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития*. Самарканд–Ташкент, 77–81.
- Бойс, М. 1987: *Зороастрийцы. Верования и обычаи*. М.
- Болелов, С.Б. 1999: Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепа. *Общественные науки в Узбекистане* 9–10, 85–90.
- Болелов, С.Б. 2002: Ритуальное захоронение на Хумбузтепа (Южный Хорезм). *Общественные науки в Узбекистане* 3–4, 83–86.
- Вайнберг, Б.И. 1979: *Памятники Куюсайской культуры. Кочевники на границах Хорезма*. (Труды ХАЭЭ–XI). М., 7–76.
- Вишневская, О.А., Рапопорт, Ю.А. 1997: Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. *ВДИ* 2, 150–173.
- Воробьева, М.Г. 1973: *Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме*. М.
- Грицина, А.А. 1990: Древнеуструшанский компонент в интеграции согдийской культуры. В сб.: Ю.Ф. Буряков (ред.), *Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда*. Ташкент, 33–34.
- Гуцалов, С.Ю. 2011: Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI–V вв. до н.э.: истоки. В сб.: Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии* (МИАЮР 3). Ростов-на-Дону, 88–104.
- Давудов, О.М. 1974: *Культуры Дагестана эпохи раннего железа*. Махачкала.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. 1980: *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Двуреченская, Н.Д. 2012: Масштабное сооружение раннеэллинистического периода на Кампыртепа. *Археологические исследования в Узбекистане-2008–2009* 7, 64–74.
- Дьяконов, И.М. 1971: Восточный Иран до Кира (к возможной новой постановке вопроса). В сб.: Б.Г. Гафуров (ред.), *История Иранского государства и культуры*. М., 122–153.
- Ермолова, Н.М. 1987: Костные остатки из памятников раннего железного века (Южного Узбекистана). В кн.: А.С. Сагдуллаев (ред.), *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент, 99–100.
- Заднепровский, Ю.А. 1962: *Древнеземледельческая культура Ферганы* (МИА 118). М.–Л.
- Заднепровский, Ю.А., Матбабаев, Б.Х. 1984: Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950–1982 гг.). *История материальной культуры Узбекистана* 19, 46–71.
- Зезенкова, В.Я. 1959: Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. *Труды ЮТАКЭ IX*, 107–131.

- Иваницкий, И.Д. 1992: Зороастрийский погребальный обряд Самаркандского Согда. В сб.: Ю.Ф. Буряков (ред.), *Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация»*. Тезисы докладов. Ташкент, 55–57.
- Иностранцев, К.А. 1909: О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. *Журнал министерства народного просвещения. Новая серия* XX, 95–121.
- Исаков, А.И. 1991: *Саразм. (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зерафшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.))*. Душанбе.
- Козенкова, В.И. 1961: К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. *СА* 3, 251–260.
- Кошеленко, Г.А. (отв. ред.) 1985: *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. Серия Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.
- Кругликова, И.Т., Пугаченкова, Г.А. 1977: *Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.)*. Ч. 2. М.
- Крюкова, В.Ю. (пер. с авест. и комм.), 1994: *Авеста. Видевдат*. Фрагмент тринадцатый. *Восток* 2, 151–157. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avesta.isatr.org/avesta/0011301.htm>
- Кузьмина, Е.Е. 1986: *Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня*. Фрунзе.
- Лелеков, Л.А. 1992: *Авеста в современной науке*. М.
- Литвинский, Б.А. 1983: Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях). В сб.: Б.А. Литвинский (ред.), *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности*. М., 81–123.
- Литвинский, Б.А., Седов, А.В. 1984: *Культы и ритуалы кушанской Бактрии*. М.
- Мандельштам, А.М. 1968: *Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане* (МИА 145). Л.
- Массон, В.М. 1959: *Древнеземледельческая культура Маргианы* (МИА 73). М.
- Массон, В.М. 1974: Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. *Советская археология* 4, 3–22.
- Мейтарчян, М.Б. 2001: *Погребальные обряды зороастрийцев*. М.–СПб.
- Негматов, Н.Н., Беяева, Т.В., Мирбабаев, А.К. 1982: К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа. В сб.: Н.Н. Негматов, В.А. Ранов (ред.), *Культура первобытной эпохи Таджикистана*. Душанбе, 89–111.
- Пугаченкова, Г.А. 1987: *Из художественной сокровищницы Среднего Востока*. М.
- Пьянков, И.В. 2005: О погребальном обряде бактрийцев. В сб.: В.П. Никаноров (отв. ред.), *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов*. Археология, история, этнология, культура. СПб., 360–364.
- Рапопорт, Ю.А. 1971: *Из истории религии древнего Хорезма* (Труды ХАЭЭ VI). М.
- Рапопорт, Ю.А. 1991: *Религия древнего Хорезма. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук*. М.
- Ртвеладзе, Э.В. 1988: *Древняя Бактрия – Средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития (по материалам амударьинского правобережья)*: автореферат докторской диссертации. М.
- Ртвеладзе, Э.В. 1989: Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане. В сб.: Г.А. Пугаченкова (отв. ред.), *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана*. Ташкент, 53–72.
- Ртвеладзе, Э.В., Пидяев, Ш.Р. 1993: Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I. *Российская археология* 2, 133–147.
- Ртвеладзе, Э.В., Саидов, А.Х., Абдуллаев, Е.В. (адаптированный перевод, исследование и комментарии) 2008: *Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат)*. СПб.
- Сагдуллаев, А.С. 1987: *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент.

- Сагдуллаев, А.С. 1990: К изучению культовых и погребальных обрядов Средней Азии эпохи раннего железа. В сб.: З.И. Усманова (ред.), *Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры)*. Ташкент, 29–38.
- Сарианиди, В.И. 1989: *Храм и некрополь Тиллятепе*. М.
- Сарианиди, В.И. 2001: *Некрополь Гонура и иранское язычество*. М.
- Сарианиди, В.И. 2010: *Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане)*. М.
- Сверчков, Л.М., Бороффка, Н. 2007: Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. *Труды Байсунской научной экспедиции* 3, 97–132.
- Снесарев, Г.П. 1963: Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. В сб.: Б.Г. Гафуров (пред. ред. колл.), *Труды XXV международного конгресса востоковедов* III, 134–140.
- Спришевский, В.И. 1957: Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. *Известия АН СССР. Серия общественных наук* I, 65–72.
- Сулейманов, Р.Х. 2000: *Древний Нахшаб (Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Самарканд–Ташкент.
- Таиров, А.Д. 2005: *Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.*: автореферат докторской диссертации. М.
- Хисматулин, А.А., Крюкова, В.Ю. 1997: *Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме*. СПб.
- Ходжайов, Т.К. 1977: *Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитена*. Ташкент.
- Ходжайов Т.К. 1980: *К палеоантропологии древнего Узбекистана*. Ташкент.
- Шайдуллаев, Ш.Б. 2000: *Северная Бактрия в эпоху раннего железного века*. Ташкент.
- Ширинов, Т.Ш. 2000: Средняя Азия во II тысячелетии до нашей эры и протозороастризм. *История материальной культуры Узбекистана* 31, 35–48.
- Шишкина, Г.В. 1969: Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба. В сб.: Я.Г. Гулямов (отв. ред.), *Афрасиаб* 1, 221–246.
- Шкода, В.Г. 2009: *Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII века)*. СПб.
- Шкода, В.Г. 2009: Погребальный обряд зороастрийцев. *Митра* 10 (14). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zoroastrian.ru/node/1344/>
- Яблонский, Л.Т. 1996: *Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников)*. М.
- Boucharlat, R. 1988: Pratiques Funeraire dans l'Iran Sasanide. In: P. Bernard, F. Grenet (eds.), *UNESCO colloque Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique*. Paris.
- Grenet, F. 1984: *Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale sedentaire de la conquete greque a l'islamisation*. Paris.
- Herzfeld, E. 1947: *Zoroaster and his world*. Princenton.
- Humbah, H. 1961: Bestattungsformen in Vidêvdât. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 77, 100–101.
- Modi, J.J. 1905: *The funeral ceremonies of the Parses, their Origin and Explanations*. Bombay.
- Rapoport, Y.A. 1963: Some aspects of the evolution of zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds). В сб.: Б.Г. Гафуров (пред. ред. колл.), *Труды XXV международного конгресса востоковедов*. Т. III. М., 127–134.
- Rtveladze, E.V. 1987: Les edifices Funeraires de la Bactriane serpentriale et leur rapport au zoroastrisme. In: F. Grenet (ed.), *Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale preislamique*. Paris, 29–41.
- Teufer, M. 2013: Vom Grab als Totenhaus zum «Haus des Lobliedes» im jenseits. Überlegungen zum Aufkommen des Zoroastrismus aus archäologischer Sicht. In: G. Lindström, S. Han-

sen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (eds.), *Zwischen Ost und West Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Archäologie in Iran und Turan 14*. Darmstadt, 1–41.

REFERENCES

- Abdullaev, A. 1976: Otchet o raskopkakh Tamosho-tepe v 1972 g. [Report on the excavations Tamosho-Tepe in 1972]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological research in Tajikistan] XII, 38–47.
- Albaum, L.I. 1969: K datirovke verkhnego sloya poseleniya Kuchuktepa [The Dating of the upper layer of the settlement Kuchuktepa]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 8, 69–79.
- Antonova, E.V. 2005: Ob ostankakh zhivotnykh v pamyatnikakh Baktriysko-Margianskogo arkheologicheskogo kompleksa. [The animal remains in the sites of Bactria-Margiana archaeological complex]. In.: E.A. Antonova, T.K. Mkrtichev (eds.), *Tsentral'naya Aziya. Istochniki, istoriya, kul'tura* [Central Asia. Sources, history, and culture]. Moscow, 105–118.
- Arshavskaya, Z.A. 1987: Zametki ob arkhitekture Baktrii epokhi bronzy – rannego zheleza (K kharakteristike tipologicheskikh skhem). [Notes on the architecture of Bactria bronze age - early iron age (characteristics of the typological schemes)]. In.: A.S. Sagdullaev (ed.), *Usad'by drevney Baktrii* [Manors of ancient Bactria]. Tashkent, 91–96.
- Askarov, A.A. 1977: *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana* [Ancient agricultural culture of bronze age southern Uzbekistan]. Tashkent.
- Askarov, A.A., Albaum, L.I. 1979: *Poselenie Kuchuktepa* [The Kuchuktepa settlement]. Tashkent.
- Askarov, A.A. 1982: Raskopki Pshaktepa na yuge Uzbekistana [Excavations of Pshaktepa in the South of Uzbekistan]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 17, 30–41.
- Askarov, A.A., Abdullaev, B.N. 1983: *Dzharkutan. (K probleme protogorodskoy tsivilizatsii na yuge Uzbekistana)* [Djarkutan. (The problem of protourban civilization in the South of Uzbekistan)]. Tashkent.
- Askarov, A.A., Ionesov, V.I. 1991: Zhertvoprinosheniya zhivotnykh v pogrebal'noy praktike osedlykh zemledel'tsev drevney Baktrii [The sacrifice of animals in the funerary practices of sedentary farmers of ancient Bactria]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 25, 22–33.
- Avanesova, N.A. 2001: Rezul'taty issledovaniya nekropolya Buston VI [The results of the study of the necropolis Buston VI]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane – 2000 g.* [Archaeological research in Uzbekistan – 2000]. Samarkand, 31–37.
- Baratov, S.R. 2013: Novye dannye po arkheologii Yuzhnogo Khorezma [New data on the archaeology of southern Khorezm]. *Arkheologiya Uzbekistana* [Archaeology of Uzbekistan] 6, 27–59.
- Basilov, V.N. 1992: *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow.
- Bayalieva, T.D. 1972: *Doislamskie verovaniya i ikh perezhitki u kirgizov* [The pre-Islamic beliefs and their survivals among the kirghiz]. Frunze.
- Belyaeva, T.V. 1994: O raskopkakh na Nurtepa i v Khudzhante [On the excavations on Nurtepa and Hujant]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological research in Tajikistan] XXV, 19–22.
- Belyaeva, T. 2004: Nurtepa-Kiropol' (iz istorii issledovaniya) [Nurtepa-Kiropol (history of research)]. In.: A. Saidov, A. Hakimov, E.V. Rtveladze (eds.), *Transoxiana. History and culture*. Tashkent, 43–47.

- Bogomolov, G.I. 2007: Iz istorii zoroastriyskogo pogrebal'nogo obryada [About the history of the Zoroastrian funerary rite]. In.: T.Sh. Shirinov, Sh.R. Pidaev (eds.), *Rol' goroda Samar-kanda v istorii mirovogo kul'turnogo razvitiya* [The role of the city of Samarkand in the history of world cultural development]. Samarkand–Tashkent, 77–81.
- Bolelov, S.B. 1999: Nekotorye itogi arkheologicheskikh rabot na Khumbuztepa [Some results of archaeological work on Humbuztepa]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan] 9-10, 85–90.
- Bolelov, S.B. 2002: Ritual'noe zakhoronenie na Khumbuztepa (Yuzhnyy Khorezm) [The ritual burial at Humbuztepa (South Khorezm)]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan] 3-4, 83–86.
- Boucharlat, R. 1988: Pratiques Funeraires dans l'Iran Sasanide [Practices Funerary in Iran's Sasanide]. In: Bernard, P., Grenet, F. (eds.), *UNESCO colloque Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique* [UNESCO symposium History and cults of the Central Asian pre-Islamic]. Paris.
- Boys, M. 1987: *Zoroastriysy. Verovaniya i obychai* [The Zoroastrians. Beliefs and customs]. Moscow.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana* [Culture and economy of Ancient Iran]. Moscow.
- Davudov, O.M. 1974: *Kul'tury Dagestana epokhi rannego zheleza* [The culture of Dagestan, the early iron age]. Makhachkala.
- Dvurechenskaya, N.D. 2012: Masshtabnoe sooruzhenie ranneellinisticheskogo perioda na Kampyrtepa [Large-scale structure of the early Hellenistic period at Kampyrtepa]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane* [Archaeological research in Uzbekistan] 7, 64–74.
- Dyakonov, I.M. 1971: Vostochnyy Iran do Kira (k vozmozhnoy novoy postanovke voprosa) [Eastern Iran before Cyrus (a new question)]. In.: B.G. Gafurov (ed.), *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury* [History of the Iranian state and culture]. Moscow, 122–153.
- Ermolova, N.M. 1987: Kostnye ostatki iz pamyatnikov rannego zheleznogo veka (Yuzhnogo Uzbekistana) [The fossil remains of the monuments of the early iron age (southern Uzbekistan)]. In.: A.S. Sagdullaev (ed.), *Usad'by drevney Baktrii* [Manors of ancient Bactria]. Tashkent, 99–100.
- Grenet, F. 1984: *Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale sedentaire de la conquete greque a l'islamisation* [The practice funerary in the Central Asian sedentary conquest Greek was the islamisation]. Paris.
- Gritsina, A.A. 1990: Drevneustrushanskiy komponent v integratsii sogdiyskoy kul'tury [Ancient ustrushanian component in the integration of Sogdian culture]. In.: Yu.F. Buryakov (ed.), *Kul'tura drevnego i srednevekovogo Samarkanda i istoricheskie svyazi Sogda* [The culture of ancient and medieval Samarkand and the historical ties of the Sogd]. Tashkent, 33–34.
- Gutsalov, S.Yu. 2011: Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI–V vv. do n.e.: istoki [The funeral ceremony of nomads of the southern Urals at the end of 6th–5th centuries BC: the origins]. In.: G.G. Matishov, L.T. Yablonskiy, S.I. Lukyashko (eds.), *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [The burial rite of the early nomads of Eurasia]. Rostov-on-Don, 88–104.
- Herzfeld, E. 1947: *Zoroaster and his world*. Princeton.
- Khismatulin, A.A., Kryukova, V.Yu. 1997: *Smert' i pokhoronnyy obryad v islame i zoroastrizme* [Death and funeral rite in Islam and Zoroastrianism]. Saint Petersburg.
- Khodzhayov, T.K. 1977: *Antropologicheskiy sostav naseleniya epokhi bronzy Sapallitepa* [Anthropological composition of the population of the bronze age Sapallitepa]. Tashkent.
- Khodzhayov T.K. 1980: *K paleoantropologii drevnego Uzbekistana* [The paleoanthropology of ancient Uzbekistan]. Tashkent.

- Humbah, H. 1961: Bestattungsformen in Vidêvdât. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 77, 100–101.
- Inostrantsev, K.A. 1909: O drevneiranskikh pogrebal'nykh obychayakh i postroykakh [On the ancient Iranian burial customs and buildings]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of national education. New series] XX, 95–121.
- Isakov, A.I. 1991: *Sarazm. (K voprosu stanovleniya rannezemledel'cheskoy kul'tury Zerafshan-skoy doliny (raskopki 1977–1983 gg.))* [Sarazm. (To the question of the formation of the early agricultural culture of Zerafshan valley (excavations of 1977–1983 gg.))]. Dushanbe.
- Ivanitskiy, I.D. 1992: Zoroastriyskiy pogrebal'nyy obryad Samarkandskogo Sogda [A Zoroastrian funerary rite of the Samarkand Sogd]. In.: Yu.F. Buryakov (ed.), *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Srednyaya Aziya i mirovaya tsivilizatsiya»* [International conference «Central Asia and the world civilization»]. Thesis. Tashkent, 55–57.
- Koshelenko, G.A. (ed.) 1985: *Drevneyshie gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii* [Ancient States of the Caucasus and Central Asia]. *Seriya Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya* [Series of the archaeology of USSR from ancient times to the middle ages]. Moscow.
- Kozenkova, V.I. 1961: K voprosu o khumakh s zakhoroneniymi kostey na territorii Sredney Azii [The issue of hum with the burial of the bones in the territory of Central Asia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 3, 251–260.
- Kruglikova, I.T., Pugachenkova, G.A. 1977: *Dil'berdzhin (raskopki 1970–1973 gg.)* [Dillberjin (excavations 1970–1973)]. Vol. 2. Moscow.
- Kryukova, V.Yu. (transl. from avest. and commentary) 1994: Avesta. Videvdat. Fragarid trinadcatyy [Avesta. Videvdat. Fragarid 13]. *Vostok* [East] 2, 151–157.
- Kuzmina, E.E. 1986: *Drevneyshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya* [A most ancient cattle-breeders from the Urals to the Tian Shan]. Frunze.
- Lelekov, L.A. 1992: *Avesta v sovremennoy nauke* [Avesta in modern science]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 1983: Pogrebal'nye sooruzheniya i pogrebal'naya praktika v Parfii (k voprosu o parfyano-baktriyskikh sootvetstviyakh) [Burial construction and funerary practice in Parthia (on Parthian-Bactrian correspondence)]. In.: B.A. Litvinskiy (ed.), *Srednyaya Aziya, Kavkaz i zarubezhnyy Vostok v drevnosti* [Central Asia, the Caucasus and foreign East in ancient times]. Moscow, 81–123.
- Litvinskiy, B.A., Sedov, A.V. 1984: *Kul'ty i ritualy kushanskoy Baktrii* [Cults and rituals of Kushan Bactria]. Moscow.
- Mandelshtam, A.M. 1968: Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tadzhikistane [Sites of the bronze age in southern Tajikistan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR] 145. Leningrad.
- Masson, V.M. 1959: Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Margiany [Ancient agricultural culture of Margiana]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR] 73. Moscow.
- Masson, V.M. 1974: Raskopki pogrebal'nogo kompleksa na Altyn-depe [Excavation of the burial complex at Altyn-Depe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 4, 3–22.
- Meytarchiyan, M.B. 2001: *Pogrebal'nye obryady zoroastriytssev* [Funeral rites of the Zoroastrians]. Moscow – Saint-Petersburg.
- Modi, J.J. 1905: *The funeral ceremonies of the Parses, their Origin and Explanations*. Bombay.
- Negmatov, N.N., Belyaeva, T.V., Mirbabaev, A.K. 1982: K otkrytiyu goroda epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza Nurtepa [Opening of the city of the late bronze age and early iron age Nurtepe. In.: N.N. Negmatov, V.A. Ranov (eds.), *Kul'tura pervobytnoy epokhi Tadzhikistana* [The culture of the primitive age in Tajikistan]. Dushanbe, 89–111.

- Plakhov, K.N., Plakhova, A.S. *Istoriya sobakovodstva yugo-zapadnoy Azii* [History of the dog breeding in South-West Asia], <http://rus-katana-dogs.narod.ru/poroda/pg13.html>
- Pugachenkova, G.A. 1987: *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka* [From the artistic treasures of the Middle East]. Moscow.
- Pyankov, I.V. 2005: O pogrebal'nom obryade baktriytsev [About the funeral rites of the Bactrians]. In.: V.P. Nikanorov (ed.), *Tsentrāl'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov. Arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids. Archaeology, history, ethnology, culture]. Saint Petersburg, 360–364.
- Rapoport, Y.A. 1963: Some aspects of the evolution of zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds). In.: B.G. Gafurov (ed.), *Trudy XXV mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Essays of the 25 international congress of orientologists]. Vol. III. Moscow, 127–134.
- Rapoport, Yu.A. 1971: *Iz istorii religii drevnego Khorezma* [From the history of the religion of ancient Khorezm]. Moscow.
- Rapoport, Yu.A. 1991: *Religiya drevnego Khorezma* [Religion of ancient Khorezm]. Research report submitted as a thesis for the degree of doctor of historical sciences. Moscow.
- Rtveladze, E.V. 1987: Les edifices Funeraires de la Bactriane serpentriale et leur rapport au zoroastrisme [Funerary constructions of Bactria and their relation to Zoroastrianism]. In: F. Grenet (ed.), *Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale preislamique*. Paris, 29–41.
- Rtveladze, E.V. 1988: *Drevnyaya Baktriya – Srednevekovyy Tokharistan. Dinamika istoriko-kul'turnogo razvitiya (po materialam amudar'inskogo pravoberezh'ya)* [The Ancient Bactria – Medieval Tokharistan. The dynamics of the historical and cultural development (on materials of Amu Darya right bank)]. PhD Thesis. Moscow.
- Rtveladze, E.V. 1989: Pogrebal'nye sooruzheniya i obryad v Severnom Tokharistane [Burial structures and the rite in Northern Tokharistan]. In.: G.A. Pugachenkova (ed.), *Antichnye i rannesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana* [Ancient and early medieval antiquities of southern Uzbekistan]. Tashkent, 53–72.
- Rtveladze, E.V., Pidaev, Sh.R. 1993: *Drevnebaktriyskaya krepost' Talashkan-tepe I* [Ancient bactrian fortress Talashkan-Tepe I]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 2, 133–147.
- Rtveladze, E.V., Saidov, A.H., Abdullaev, E.V. (adapted from the translation, study and commentary) 2008: *Avesta. «Zakon protiv dekhvov» (Videvdat)* [Avesta. «The law against the Devas» (Videvdat)]. Saint Petersburg.
- Sagdullaev, A.S. 1987: *Usad'by drevney Baktrii* [Manors of ancient Bactria]. Tashkent.
- Sagdullaev, A.S. 1990: K izucheniyu kul'tovykh i pogrebal'nykh obryadov Sredney Azii epokhi rannego zheleza [The study of religious and funeral rites of the early iron age of Central Asia]. In.: Z.I. Usmanova (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya arkheologiya Sredney Azii (K probleme istorii kul'tury)* [Ancient and medieval archaeology of Central Asia (To the problem of cultural history)]. Tashkent, 29–38.
- Sarianidi, V.I. 1989: *Khram i nekropol' Tillyatepe* [The Temple and the necropolis of Tillyatepe]. Moscow.
- Sarianidi, V.I. 2001: *Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo* [Necropolis of the Gonur and Iranian paganism]. Moscow.
- Sarianidi, V.I. 2010: *Zadolgo do Zaratushtry (Arkheologicheskie dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane)* [Long before Zarathustra (Archaeological evidence of protozoroastrianism in Bactria and Margiana)]. Moscow.
- Shaydullaev, Sh.B. 2000: *Severnaya Baktriya v epokhu rannego zheleznogo veka* [Northern Bactria in the Early Iron Age]. Tashkent.

- Shirinov, T.Sh. 2000: Srednyaya Aziya vo II tysyacheletii do nashey ery i protozoroastrizm [Central Asia in the II Millennium BC and protozoroastrianism]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 31, 35–48.
- Shishkina, G.V. 1969: Materialy pervykh vekov do n.e. iz raskopok na severo-zapade Afrasiaba [Materials of the first centuries BC from excavations in the North-West of Afrasiab]. In.: Ya.G. Gulyamov (ed.), *Afrasiab*. Vol. 1. Tashkent, 221–246.
- Shkoda, V.G. 2009: Pendzhikentskie khramy i problemy religii Sogda (V–VIII veka) [The temples of Penjikent and the problems of religion of Sogdiana (5–8th century)]. Saint-Petersburg.
- Shkoda, V.G. 2009: Pogrebal'nyy obryad zoroastriytssev [Funeral ceremony of the Zoroastrians]. *Mitra* [Mitre] 10 (14), <http://zoroastrian.ru/node/1344/>
- Snesarev, G.P. 1963: Mazdeistskaya traditsiya v pogrebal'nom obryade narodov Sredney Azii [Mazdenian tradition in the burial rites of the peoples of Central Asia]. In.: B.G. Gafurov (ed.), *Trudy XXV mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Essays of the 25 international congress of orientologists]. Vol. III. Moscow, 134–140.
- Sprishhevskiy, V.I. 1957: Raskopki Chustskogo poseleniya epokhi bronzy v 1955 g [Excavations of the Chust settlement of the bronze age in 1955]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [News of Academy of Sciences of the USSR. Series of social sciences] I, 65–72.
- Suleymanov, R.H. 2000: *Drevniy Nakhshab (Problemy tsivilizatsii Uzbekistana VII v. do n.e. – VII v. n.e.)* [Ancient Nakhshab (Problem of civilization of Uzbekistan in 7th century BC – 7th century AD)]. Samarkand–Tashkent.
- Sverchkov, L.M., Boroffka, N. 2007: Arkheologicheskie issledovaniya v Bandykhane v 2005 g. [Archaeological research of Bandikhan in 2005]. *Trudy Baysunskoy nauchnoy ekspeditsii* [Essays of the Baysun scientific expedition] 3, 97–132.
- Tairov, A.D. 2005: *Rannie kochevniki uralo-kazhstanskikh stepey v VII-II vv. do n.e.* [The early nomads of Ural-Kazakhstan steppes in 7–2th centuries BC]. PhDD Thesis. Moscow.
- Teufer, M. 2013: Vom Grab als Totenhaus zum «Haus des Loblides» im jenseits. Überlegungen zum Aufkommen des Zoroastrismus aus archäologischer Sicht [From the grave as house of the dead to «the house of the Loblides» in the afterlife. Considerations for the advent of Zoroastrianism from an archaeological point of view]. In: G. Lindström G., Hansen S., Wiczorek A., Tellenbach M. (eds.), *Zwischen Ost und West Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Archäologie in Iran und Turan* 14, 1–41.
- Vaynberg, B.I. 1979: *Pamyatniki Kuyusayskoy kul'tury. Kochevniki na granicakh Khorezma* [The sites of Kuyusay culture. Nomads on the borders of Khorezm]. Moscow, 7–76.
- Vishnevskaya, O.A., Rapoport, Yu.A. 1997: Gorodishche Kyuzeli-gyr. K voprosu o rannem etape istorii Khorezma [The Kiuzeli-Gyr settlement. To the question on the early history of Khorezm]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 150–173.
- Vorobeva, M.G. 1973: *Dingil'dzhe. Usad'ba serediny I tysyacheletiya do n.e. v drevnem Khorezme* [Dingildje. Manor of the middle of the Ist millennium BC in the ancient Khorezm]. Moscow.
- Yablonskiy, L.T. 1996: *Saki Yuzhnogo Priaral'ya (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [Saki the southern Aral Sea area (the archaeology and anthropology of the cemeteries)]. Moscow.
- Zadneprovskiy, Yu.A. 1962: *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Fergany* [Ancient agricultural culture of Fergana]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR] 118. Moscow–Leningrad.
- Zadneprovskiy, Yu.A., Matbabaev, B.H. 1984: Osnovnye itogi izucheniya Chustskogo poseleniya v Fergane (1950–1982 gg.) [Main results of the study of the settlement of Chust in Fergana (1950–1982.)]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 19. Tashkent, 46–71.
- Zezenkova, V.Ya. 1959: Kraniologicheskie materialy s territorii drevnego i srednevekovogo Merva [The craniological materials from the territory of ancient and medieval Merv]. *Trudy*

Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ehkspeditsii [Essays of South Turkmenistan archeological complex expedition] IX, 107–131.

FINDINGS OF HUMAN BONES AT THE CENTRAL ASIAN SETTLEMENTS OF THE MIDDLE OF THE FIRST MILLENNIUM BC

Victor V. Mokroborodov

Institute Archaeology of RAS, Moscow, Russia
mokroborodov@yahoo.com

Abstract. The author analyzes the archaeological evidences on burial rites of the not nomadic population of Central Asia in the Early Iron Age. For a long time findings of this kind were almost unknown; due to their probable absence a number of conclusions were made. Systematization of scattered information about findings of human bones on Central Asian settlements and the recent such finds allows us to indicate the main features of the ritual. They are as following: the desire for isolation of the remains from the ground; finds of partial skeletons (mostly skulls); evidence of deformation of the corpses prior to decomposition of the remains; mixing human remains with bones of animals, etc. Based on the analysis of sources, the consideration of the identified elements, exceptions and analogies, the author draws a conclusion that identified evidence of Mazdenian funerary practices influenced greatly on the formation of the classical Zoroastrian funerary rite traditions in Central Asia.

Keywords: Central Asia, Early Iron Age, the finds of human bones, Mazdaism

---

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ОДНОМ ТИПЕ МОНЕТ МИТРИДАТА I КАЛЛИНИКА, ЦАРЯ КОММАГЕНЫ

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
kornelitta@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изображениям на одной из групп немногочисленных халков царя Коммагены Митридата I Каллиника (100–70 гг. до н.э.). На аверсе первого типа этих монет представлен кадуцей Гермеса, на реверсе – сидящий орел, держащий в когтях пальмовую ветвь, в клюве – венок победителя. Реверс второго типа тот же; на аверсе – изображение финиковой пальмы. Автор полагает, что изображения орла с пальмовой ветвью на реверсе у обоих типов копировало монеты селевкидского династа Ахея, правившего в Малой Азии с 220 по 214 гг. до н.э. Кроме того, автор считает, что изображение орла на этих монетах было связано с почитанием Зевса (или Зевса-Оромазда?) в Коммагене в период правления Митридата I, хотя присутствие его культа в царской идеологии может объясняться иранской традицией в Коммагене, засвидетельствованной в эпиграфике его сына, Антиоха I. Вероятно, как и Ахей, Митридат помещал на своих монетах символику военных успехов 90 г. до н.э., когда был отбит парфянский набег на Коммагену. Также автор считает, что и титул «Каллиник» был связан с военной символикой на монетах, хотя существует и иная интерпретация. Другие изображения на этих монетах – кадуцей и пальма – могут указывать на покровительство Аполлона-Гермеса этому царю. Аполлон-Гермес известен по надписям Антиоха I. Таким образом, Митридат I Каллиник, возможно, пытался придать своей особе героический статус, так как ничто не свидетельствует о его обожествлении.

Ключевые слова: эллинизм, Коммагена, Митридат I, монетные типы, царская идеология, религия, Гермес, Зевс, Геракл, Аполлон-Гермес

Среди немногочисленных монет царя Коммагены Митридата I Каллиника¹ особенно выделяется серия халков, которую можно условно разделить на две подгруппы по типам их аверсов. На реверсе обеих подгрупп представлен сидящий орел, держащий в когтях пальмовую ветвь, а в клюве – победный венок; на аверсе в одном случае изображен кадуцей Гермеса, а в другом – финиковая пальма

Обухов Сергей Владимирович – младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Коммагена – небольшая область, располагающаяся на границе современной юго-восточной Анатолии и северной Сирии. С 164/163 гг. до н.э. по 72 г. н.э. на ее территории находилось царство, в котором правила побочная ветвь сатрапской династии Оронтидов персидско-армянского происхождения, одним из представителей которой и был Митридат I Каллиник (Honigsmann 1924, 978–990; Тирацян 1956, 69–74; Wilcken 1932, 2213).

(рис. 1–2). На обеих подгруппах монет снизу от изображения помещена надпись по-гречески: βασιλέως Μιθριδάτου Καλλίνικου².

Целью настоящей статьи является попытка семантического анализа изображений на данных монетах, позволяющего выявить некоторые черты царской идеологии Митридата I Каллиника. Его следует начать с фигуры орла с пальмовой ветвью и венком, прочеканенного на реверсах обеих подгрупп. Наиболее близкой аналогией орлу на монетах Митридата I Каллиника является изображение на некоторых монетах селевкидского династа в Малой Азии Ахея (220–214 гг. до н.э.)³; отсюда можно полагать, что иконографической основой реверса анализируемого типа монет Митридата I Коммагенского послужили драхмы этого правителя. Отметим, что большинство монетных типов античной Коммагены было заимствовано из чеканки Селевкидов. Данный факт, вероятно, объясняется тем, что эта область входила в состав Селевкидской державы с 201 г. до н.э. по 164/163 гг. до н.э.⁴.

Как же интерпретировать изображение орла с пальмовой ветвью и венком на указанных монетах Митридата I Коммагенского? По-видимому, выбор этого типа диктовался тем, что орел находился в тесной связи с образом верховного греческого божества Зевса. Орел признавался символом мощи и власти, поэтому в искусстве эта величественная птица выступала постоянным атрибутом владыки

Рис. 1

Рис. 2

² Babelon 1890, CCXI, 217–218, pl. XXX, fig. 3–4.

³ Houghton, Lorber, Hoover 2002, 348, pl. 87. 955–957.

⁴ Тиращян 1956, 74; Facella 2006, 184–190, 199.

вселенной. Данная связь объясняется тем, что древние представляли себе молнию в образе орла⁵. Но не совсем ясно, подразумевается ли на халках Митридата Каллиника в качестве покровителя правящего властителя греческий Зевс, либо это – синкретическое греко-иранское божество Зевс-Оромазд, засвидетельствованное в коммагенской эпиграфике эпохи правления сына Митридата, Антиоха I Теоса (69–34 гг. до н.э.) (OGIS.I. 383–384, 404), ведь и в иранской религиозной традиции орел считался птицей Ахура-Мазды, но там он был связан с *хварно* царя, т.е. с той силой, которая наполняет и освещает его власть. При раскопках Персеполя иранскими археологами в 1960-е гг. была найдена пластинка из лазурита с изображением орла⁶. Одним из излюбленных был образ орла и в глиптике Ирана сасанидского времени⁷. В «Авесте», а именно в «Замйад-Яште» *хварно* в облике орла уносится от согрешившего Йимы – первого царя иранцев (Yāšt. XIX. 35). Поэтому данный вопрос следует оставить открытым.

Общий же смысл композиции, запечатленной на халках Митридата I Каллиника, можно представить следующим образом: вероятно, перед нами символы военных побед (или победы?) коммагенского царя. Мы можем опереться на аналогичную иконографию монет селевкидского династа Ахея, поместившего изображения орла с ветвью и венком на свои монеты в ознаменование своих побед над царями малоазийского Пергама⁸. Если это так, то Зевс или Зевс-Оромазд на монетах Митридата Каллиника может выступать в качестве покровителя воинской доблести и мощи царя, а, может быть, и покровителя царских воинов, как, к примеру, в Понтийском царстве, властители которого поклонялись греко-иранскому Зевсу-Стратию⁹. Правда, в коммагенских царских надписях эпитет «Стратий» («воинский») неизвестен.

Возможно, использование этой символики на халках Митридата было каким-то образом навеяно принятием коммагенским царем титула «Каллиник» («побеждающий справедливо»), вероятно, после отражения набега парфян на приевфратские области около 90 г. до н.э.¹⁰ Царица Лаодика, жена Митридата I и мать Антиоха I, дочь селевкидского царя Антиоха VIII Грипа (согласно надписям Антиоха из Нимруд-Дага (OGIS.I.383–398)), была вынуждена обратиться к Антиоху X Евсебию Филопатору, династу Южной Сирии, одному из потомков Антиоха VIII, за помощью против парфян. Тот откликнулся на призыв, однако захватчиков остановить не сумел, геройски пав в сражении (Jos. Ant. Jud. XIII. 13. 4). Передающий эти сведения Иосиф Флавий ничего не говорит о Митридате, что неудивительно, так как античные авторы вообще мало интересовались Коммагеной. Не описывает он и дальнейшие события, которые реконструируются лишь гипотетически. После гибели Антиоха X парфяне подошли к стенам Самосаты и осадили ее, но захватить и разграбить город им не удалось, и они удалились восвояси. За такой успех Митридат и получил данную эпиклезу. Не менее очевидна и связь этого титула с Гераклом. Тот же эпитет использовался Селевком II и Митридатом I Парфянским.

⁵ Кагаров 1913, 271–272.

⁶ Михалевич 1969, 302.

⁷ Борисов, Луконин 1963, 148, № 483–484.

⁸ Houghton, Lorber, Hoover 2002, 348.

⁹ Сапрыкин 2009, 49–56.

¹⁰ Дибвойз 2008, 60–61.

Как считает А. Ханиотис, царей на один уровень с богами ставила безопасность, которую они обеспечивали, и прошлый или потенциальный получатели признавали это, учреждая культ¹¹. Говорит ли эпиклеза «Каллиник» о том, что ее носитель был обожествлен при жизни? Вопрос этот не имеет однозначного ответа. С одной стороны, принятие Митридатом титула «побеждающий справедливо» ставит его на один уровень с Гераклом, который, к тому же, являлся и сыном Зевса; после совершения двенадцати подвигов и своей смерти Геракл по воле Зевса был причислен к рангу бессмертных богов и попал на Олимп¹².

С другой стороны, скорее, коммагенскому царю могли быть приданы отдельные черты Геракла как героя, побеждающего зло и состоящего под покровительством верховного божества. Уже Александр Македонский продекламировал свою божественную сущность в образе Геракла перед своими подданными, выступив в качестве его нового воплощения, что нашло отражение в памятниках искусства и монетах¹³. Это может служить одной из опор, на которой Антиох I, сын Митридата Каллиника, впоследствии построил централизованный государственный царский культ. Однако в любом случае это – только гипотеза.

Не менее показательны и изображения на реверсах обеих подгрупп халков Митридата I Коммагенского. Как уже говорилось, на реверсе одной из подгрупп прочеканен кадуцей греческого бога Гермеса – «доброго пастыря», по выражению Ф.Ф. Зелинского, божества, являющегося покровителем жизни на земле (еще с элевсинских мистерий)¹⁴; а на другой – финиковая пальма. Кадуцей Гермеса, к примеру, представлен на аверсе монет царя Пафлагонии Пилемена II (130–100 гг. до н.э.)¹⁵ и на серии оболлов царя Парфии Фраата IV (37–4 гг. до н.э.)¹⁶. Можно полагать, что Митридат I Коммагенский, Пилемен Пафлагонский и Фраат Парфянский таким образом прокламировали свою связь с культом этого божества. Гермес-Психопомп считался проводником душ умерших в Аид. Он был антиподом богов солнечного света, олицетворявших радость жизни и бессмертие владык. Гермес воспринимался как покровитель бессмертия царя в подземном царстве¹⁷.

Что касается изображения финиковой пальмы на халках второй подгруппы, то оно, возможно, являлось атрибутом греческого бога справедливого миропорядка, солнечного света и солнца Аполлона¹⁸. Названное растение было напрямую связано с Аполлоном с острова Делос¹⁹. Правда, весьма сомнительно, что у коммагенских царей наличествовали религиозные связи с Делосом. Вероятно, финиковая пальма появилась на коммагенских монетах в качестве распространенного символа Аполлона.

Вполне можно предполагать, что в монетной символике обоих типов реверсов халков Митридата I Коммагенского отразилась его приверженность к культу Аполлона-Гермес, или Гелиоса-Гермес, засвидетельствованного, в первую

¹¹ Ханиотис 2013, 126. Другая интерпретация: Обухов 2016, 67–85.

¹² Зайцев 1991, 277–283.

¹³ Lange 1938, 40–41; Пичикян 1983, 80–90, рис. 1; Трофимова 2012, 115–154.

¹⁴ Зелинский 2010, 246; Новосадский 1887, 38; Тахо-Годи 1991, 292–293.

¹⁵ Callatay 1993, fig. 1555–1556.

¹⁶ Bartolomaei 1926, taf. 10, 169.

¹⁷ Сапрыкин 2009, 93–94.

¹⁸ Wernicke 1897, 72; Harrison 1905, 3, 13; Токарев 1976, 401; Лосев 1991, 92–96.

¹⁹ Кагаров 1913, 129–130.

очередь, в царском манифесте Антиоха I Теоса из местечка Арсамея-на-Евфрате: Ἡλίου Ἑρμῆν²⁰. Культ этого божества фиксируется и по археологическому материалу из центров царского и династического культов в столице царства Самосате²¹, Софраз-Кее²² и Зевгме²³ (др. Селевкия-на-Евфрате).

Таким образом, иконография халков Митридата I Коммагенского типа орел-кадуцей, орел-пальма отображает попытки этого царя придать своей особе, по крайней мере, героический статус, так как о его обожествлении говорить вряд ли правомерно. Кроме того, если наши соображения верны, то следует констатировать, что культ Гелиоса-Гермеса, или Аполлона-Гелиоса-Гермеса, функционировал и до эпохи Антиоха I, играя при этом немаловажную роль покровителя и защитника царской власти Митридата I Коммагенского.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов, А.Я., Луконин, В.Г. 1963: *Сасанидские геммы*. Л.
- Дибвойз, Н.К. 2008: *Политическая история Парфии*. СПб.
- Зайцев, А.И. 1991: Геракл. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т.1. М., 277–283.
- Зелинский, Ф.Ф. 2010: *История античных религий*. Ростов-на-Дону.
- Кагаров, Е.Г. 1913: *Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции*. СПб.
- Лосев, А.Ф. 1991: Аполлон. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т.1. М., 92–96.
- Михалевич, Г.П. 1969: Раскопки иранских археологов в Персеполе и Пасаргадах. *СА* 2, 301–305.
- Новосадский, Н.И. 1887: *Элевсинские мистерии: Исследование в области древнегреческих культов*. М.
- Обухов, С.В. 2016: Артагн-Геракл-Арес в античной Коммагене. *ПИФК* 1, 67–85.
- Пичилян, И.Р. 1983: Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца). *СА* 1, 80–90.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.
- Тахо-Годи, А.А. 1991: Гермес. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т.1. М., 292–294.
- Тирацян, Г.А. 1956: Страна Коммагена и Армения. *Известия АН Арм. ССР. Сер. общ. наук* 3, 69–74.
- Токарев, С.А. 1976: *Религия в истории народов мира*. М.
- Трофимова, А.А. 2012: *Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма*. СПб.
- Ханиотис, А. 2013: *Война в эллинистическом мире*. СПб.
- Babelon, E. 1890: *Les Rois de la Syrie, d'Arménie et de Commagène*. Paris.
- Bartolomaei, I.A. 1926: *Monnaies des Arsacides. Werscheinlich zur einer projectirten monographie*. Berlin.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Harrison, J.E. 1905: *Religion of the ancient Greece*. London.
- Honigmann, E. 1924: Kommagenna. *RE*. IV, 978–990.
- Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. 2002: *Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue*. Pt I. *Seleucus I through Antiochus III*. Lancaster–London.
- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.

²⁰ Jalabert, Mouterde 1929, 49.

²¹ Waldmann 1973, 24–27, taf. 5.

²² Wagner 1975, 55–58, abb. 75.

²³ Rose 2013, 220–231, fig. 1–2.

- Lange, K. 1938: *Herrscher Köpfe des Altertums im Münzbild ihrer Zeit*. Berlin–Zürich.
- Rose, B.Ch. 2013: A New Relief of Antiochus I of Commagene and other stone sculpture from Zeugma. In: W. Aylwerd. (ed.), *Excavations at Zeugma Conducted by Oxford Archaeology*. California, 220–231.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königs kult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte*. 6, 51–59, 75–86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Wernicke, R. 1897: Apollon. *RE*. 2, 1–111.
- Wilcken, O. 1932: Mithridates I. *RE*. 15, 2213.

REFERENCES

- Babelon, E. 1890: *Les Rois de la Syrie, d'Arménie et de Commagène*. Paris.
- Bartolomaei, I.A. 1926: *Monnaies des Arsacides. Werscheinlich zur einer projectirten monographie*. Berlin.
- Borisov, A.YA., Lukonin, V.G. 1963: *Sasanidskie gemmy [The Sassanid gems]*. Leningrad.
- Dibvoyz, N.K. 2008: *Politicheskaya istoriya Parfiy. [The political history of Parthya]*. Saint Petersburg.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Harrison, J.E. 1905: *Religion of the ancient Greece*. London.
- Honigsmann, E. 1924: Kommagenna. *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. IV, 978–990.
- Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. 2002: *Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue*. Pt I. *Seleucus I through Antiochus III*. Lancaster–London.
- Jalabert, L., Mousterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Kagarov, E.G. 1913: Kul't fetishey, rasteniy i zhivotnykh v Drevney Gretsii [The cult of the fetishes, plants and animals in Ancient Greece]. Saint Petersburg.
- Khaniotis, A. 2013: *Voyna v ellinisticheskoy mire [The war in the Hellenistic World]*. Saint Petersburg.
- Lange, K. 1938: *Herrscher Köpfe des Altertums im Münzbild ihrer Zeit*. Berlin–Zürich.
- Losev, A.F. 1991: Apollon [Apollo]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira [The Myths of the Nations of the World]*. Vol. 1. Moscow, 92–96.
- Mikhalevich, G.P. 1969: Raskopki iranskikh arkheologov v Persepole i Pasargadakh [The Excavations of Iranian archeologists in Persepolis and Pasargadae]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]* 2, 301–305.
- Novosadskiy, N.I. 1887: *Elevsinskie misterii: issledovanie v oblasti drevnegrecheskikh kul'tov [The Eleusinian mysteries: The Study in the sphere of ancient Greek cults]*. Moscow.
- Obukhov, S.V. 2016: Artagn-Gerakl-Ares v antichnoy Kommagene [The Artagn-Herakles-Ares in the antique Commagene]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [The Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 67–85.
- Pichikyan, I.R. 1983: Aleksandr-Gerakl (greko-baktrijskiy portret velikogo polkovodtsa) [The Alexander-Heracles (the Greek-Bactrian portrait of the great general)]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]* 1, 80–90.
- Rose, B.Ch. 2013: A New Relief of Antiochus I of Commagene and other stone sculpture from Zeugma. In: W. Aylwerd. (eds.), *Excavations at Zeugma Conducted by Oxford Archaeology*. California, 220–231, fig. 1–2.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni. [The religion and cults of Pontus during the Hellenistic and Roman time]*. Moscow–Tula.
- Takho-Godi, A.A. 1991: Hermes [Hermes]. In: S.A. Tokarev (red.), *Mify narodov mira [The Myths of the Nations of the World]*. Vol. 1. Moscow, 292–294.

- Tiratsyan, G.A. 1956: Strana Kommagena i Armeniya [The land Commagene and Armenia]. *Izvestiya AN Arm. SSR. Seriya obshchesyvnykh nauk* [News of the Academy of Sciences of Armenian SSR. Ser. soc. sciences] 3, 69–74.
- Tokarev, S.A. 1976: *Religiya v istorii narodov mira* [The Religion in the history of world's nations]. Moscow.
- Trofimova, A.A. 2012: *Imitatio Alexandri. Potrety Aleksandra Makedonskogo i mifologicheskie obrazy v iskusstve ellinizma* [Imitatio Alexandri: the Portraits of Alexander the Great and mythological images in art of the Hellenistic epoch]. Saint Petersburg.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königs kult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. Sondernummer 6*, 51–59, 75–86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Wernicke, R. 1897: Apollon. *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 2, 1–111.
- Wilcken, O. 1932: Mithridates I. *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 15, 2213.
- Zaytsev, A.I. 1991: Gerakl [Hercules]. In: S.A. Tokarev (red.), *Mify narodov mira* [The Myths of the Nations of the World]. Vol. 1. Moscow, 277–283.
- Zelinskiy, F.F. 2010: *Istoriya antichnykh religiy* [The history of antique religions]. Rostov-na-Donu.

SOME COIN TYPES OF MITHRIDATES I CALLINICUS, THE KING OF COMMAGENE

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kornelitta@rambler.ru

Abstract. The author examines some depictions on a group of chalkoy of Mithridates I Callinicus (100–70 BC), the King of Commagene. The first type is ‘caduceus of Hermes/eagle, holding a palm branch in his claws and a wreath in his beak’. The second one is a ‘date palm/eagle’. The author supposes that the reverse type of the eagle with palm branch imitated the coins of Achaeus, the Seleucid dynast, who ruled in Asia Minor in 220–214 BC. The scholar believes the type of the eagle is associated with the worship of Zeus (Zeus-Oromazda) in Commagene during the Mithridates I's rule. This cult of the official royal ideology is to be linked with the Iranian tradition in Commagene that is indicated by the epigraphy of his son, Antiochus I. It seems likely that Mithridates, as well as firstly Achaeus, used in his coinage the symbols of his military successes in 90 BC, when the Parthians invaded Commagene were defeated. The author sure that the title «Callinicus» was also associated with the military symbolism, although there is another interpretation. Others coin types as the caduceus and date palm can emphasize the protection of Apollo-Hermes over the king. The inscriptions of Antiochus I record Apollo-Hermes. Thus, Mithridates I Callinicus possibly tried to give his own person the heroic status, while there is no evidence of his deification.

Keywords: Hellenism, Commagene, Mithridates I, coinage, coin types, cults of Zeus, Heracles, Hermes, Apollo-Hermes

---

МОНЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В АНТИЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ (к постановке проблемы)

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия
andrtereshhen@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой заметке ставится вопрос о назначении монет в могилах античного времени. Если одну монету в захоронении можно практически всегда интерпретировать как «обол Харона», то присутствие большего количества требует уже какого-то другого истолкования. В целом погребальные монетные заклады можно разделить на следующие группы:

1. Один или два экземпляра (наличие второй монеты можно истолковывать как вариант повышенного тарифа услуг перевозчика либо как оплату «обратной дороги»).

2. От трех до пяти/семи экземпляров. Предполагается, что при условии нефиксированной платы увеличенная сумма могла даваться усопшему для гарантированного пересечения границы мира мертвых. Не исключено также, что дополнительные деньги могли быть переданы мертвецу сторонними людьми в качестве оплаты за выполнение какой-то просьбы или услуги.

Данная характеристика для первых двух групп подтверждается примерами из античной литературы.

3. В захоронении больше семи монет (зафиксированы заклады порядка полутора сотен экземпляров). По поводу этих комплексов в современной науке сформировалось достаточно стойкое мнение, что это погребальные дары, которые мертвые могли бы использовать в предстоящей загробной жизни, а также – показатель социального статуса. Во всяком случае эти заклады демонстрируют искреннюю веру людей (что характерно, очень немногих) в то, что даже за смертной гранью возможно некое существование. Кроме того, еще раз подчеркивается мистическая власть денег, необходимых и в загробном мире.

Для каждой из этих групп представлены существующие на данный момент версии, объясняющие с той или иной степенью правдоподобности причины появления подобных «кладов».

Ключевые слова: античные монеты, захоронения, клады, монетные комплексы, Боспорское царство, «обол Харона», могилы

Несмотря на то, что монетные «клады» в могилах известны достаточно давно и неоднократно предпринимались попытки их истолкования, до сих пор так и не было предложено удовлетворительной интерпретации этого явления. Предлагае-

---

Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов, Государственный Русский музей.

мая заметка, впрочем, также не претендует на окончательное разрешение вопроса. Нашей целью является скорее описание сложившейся на сегодняшний день ситуации с решением данной проблемы, некоторая систематизация (и оценка) существующих объяснений и, наконец, приглашение к дальнейшей дискуссии.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, при каком количестве монет погребальный заклад уже может считаться комплексом, который требует особого рассмотрения.

Наличие в захоронении единственной монеты почти всегда можно объяснить обычаем (так называемый «обол Харона»¹), хорошо подкрепленным как литературными источниками, так и археологическими данными. Однако присутствие двух монет уже вызывает вопросы и требует специального истолкования.

1. Вариант повышенной платы. Отметим, что первый же греческий текст, прямо иллюстрирующий традицию снабжать умершего деньгами, – «Лягушки» Аристофана, представленные афинской публике на Ленеях 405 г. до н.э. – уже включает в себе не то пародию на существующий обычай, не то содержит какую-то другую издевку. В разговоре Диониса (который собирается посетить мрачное царство Аида) и Геракла (который дает ему не лишённые иронии советы) речь идет не об одном, а как раз о двух оболах (Arph. Ran. 137–142):

Ἦρ. ἀλλ' ὁ πλοῦς πολὺς.
εὐθὺς γὰρ ἐπὶ λίμνην μεγάλην ἤξεις πᾶν
ἄβυσσον.
Δι. εἴτα πῶς περαιωθήσομαι;
Ἦρ. ἐν πλοιαρίῳ τυννουτρί σ' ἀνὴρ γέρων
ναύτης διάξει δὺ' ὀβολῶ μισθὸν λαβών.
Δι. φεῦ,
ὥς μέγα δύνασθον πανταχοῦ τῷ δὺ' ὀβολῶ.
πῶς ἡλθέτην κάκεϊσε;
Ἦρ. Θησεὺς ἤγαγεν².

2. Версия «обратного билета» по хрестоматийному пассажиру из Апулея (VI, 18). Наставления Психее, которую посылают в царство мертвых:

Sed non hactenus vacua debebis per illas tenebras incedere, sed offas polentae mulso concretas ambabus gestare manibus at in ipso ore duas ferre stipes <...> Nec mora, cum

¹ «Обычай вкладывать умершему в рот монету очень древний и входит в систему так называемого права мертвых, неписаного, но традиционно соблюдавшегося...» (Винничук 1988, 310).

² «Геракл. А затем сразу ты подойдешь к огромному, бездонному озеру. Дионис. И как я через него переберусь? Геракл. На вот таком вот суденышке старый паромщик переправит тебя и возьмет плату в два обола. Дионис. Ничего себе! Как много могут повсюду эти два обола! Как они туда-то попали? Геракл. Ввел Тесей». Следует отметить многообразие толкований, предлагаемое ad locum комментаторами разного времени (Г. Фрицше, Й. Ван Лейвен, К. Довер, А. Соммерстейн и др.) в самых причудливых сочетаниях. Приведем только некоторые из возможных объяснений: насмешливая оценка военной инфляции; оплата не только за себя, но и за раба; аллюзии на привычные афинянину тарифы – «театральные» деньги («диобелия»), в конце концов цена за переправу из Пирея на Эгину, etc. Тем не менее большая часть ученых сходится в одном: в сцене последнего испытания Психеи – путешествия в царство мертвых (Apul. Metam. VI, 18–19) – Апулей несомненно апеллирует к указанному месту из «Лягушек». Однако предложенное Психее объяснение «двух монет во рту» (одну ты-де дашь перевозчику на пути «туда», а вторую – на обратном пути) слишком буквально и вряд ли совпадает с логикой Аристофана. Скорее перед нами определенное формальное удвоение (что подтверждают и две лепешки для Цербера), т.е. тот, кто проходит путь «в оба конца», должен иметь с собой двойной набор экипировки.

ad flumen mortuum venies, cui praefectus Charon protenus expetens portorium sic ad ripam ulteriorem sutili cumba deducit commeantes <...> Huic squalido seni dabis nauli nomine de stipibus quas feres alteram, sic tamen ut ipse sua manu de tuo sumat ore <...> Rursus remeans <...> avaro navitae data quam reservaveris stipe transitoque eius fluvio <...> ad istum caelestium siderum redies chorum³.

Отсюда можно предположить, что две монеты клались в могилу любимого человека в надежде на возвращение его души, его возрождение.

Учитывая вышеизложенное, погребальным монетным закладом, который уже нельзя однозначно трактовать как оплату Харону, должен считаться комплекс, содержащий не менее трех экземпляров. Тем не менее и в этом случае имеются свои «подводные камни». Дело в том, что монетные комплексы из захоронений в подавляющем большинстве включают в себя только три-четыре монеты⁴, что опять-таки ставит нас перед вопросом: с какой целью это сделано?

Если принять предположение о нефиксируемой плате за перевоз, высказанное Н.И. Сударевым и С.И. Болдыревым⁵, то большее количество монет давалось усопшему, чтобы пересечь границу мира мертвых, так сказать, с полной гарантией⁶. В качестве подтверждения можно привести отрывок из сатирических «Разговоров в царстве мертвых» Лукиана (*Luc. Mort. IV, 1*), где Гермес требует с Харона плату за разнообразные услуги:

Ἑρμῆς. ταῦτά ἐστιν, εἰ μὴ τι ἄλλο ἡμᾶς διέλαθεν ἐν τῇ λογισμῷ. πότε δ' οὖν ταῦτα ἀποδώσειν φῆς;

Χάρων. νῦν μὲν, ὦ Ἑρμῆ, ἀδύνατον, ἣν δὲ λοιμός τις ἢ πόλεμος καταπέμψῃ ἀθρόους τινάς, ἐνέσται τότε ἀποκερδᾶναι παραλογιζόμενον τὰ πορθμεῖα⁷.

Венчает этот диалог сентенция Харона, исключительно актуальная во все времена: «Да, деньги – вещь желанная...».

Еще один вариант объяснения: некоторая сумма давалась мертвецу в качестве оплаты за выполнение какой-то просьбы или услуги. Вновь обратимся к Аристофановским «Лягушкам» (*Ran. 170–177*):

Δι. καὶ γάρ τιν' ἐκφέρουσι τούτονι νεκρόν,
οὗτος, σὲ λέγω μέντοι, σὲ τὸν τεθνηκότα:
ἄνθρωπε βούλει σκευάρι' εἰς Ἄιδου φέρειν;
Νέκ. πόσ' ἅττα;
Δι. ταυτί.

³ «Конечно, не с пустыми руками следует тебе спускаться в страну теней – возьми в каждую руку по ячменной лепешке, замешанной на меду, а в рот положи две монетки <...> Не медли, и дойдешь до реки, где за главного Харон – тот, что сразу же требует плату за перевоз и <тогда только> на своей лодчонке переправляет подошедших на противоположный берег <...> Этому чумазому старику дашь одну из монеток, что у тебя с собой, в качестве платы за проезд – только следи, чтобы он своей рукой достал ее у тебя изо рта <...> А когда вернешься назад, вручив жадному перевозчику монетку, которую сохранила и, переправившись через реку, снова выйдешь под чистое звездное небо».

⁴ Пахомов 1940, №№ 7026, 726; 1954, № 1522; 1959, № 1040; Panagiotis 1996, 249–250.

⁵ Сударев, Болдырев 2009, 437.

⁶ См. напр.: Stevens 1991, 224.

⁷ «Гермес. Ну вот так, если что-нибудь у нас не потерялось <при подсчетах>. Когда, ты говоришь, отдашь мне это все? Харон. Сейчас, Гермес, никак не получится; а вот если какая-нибудь чума или война отправит к нам много народу, тогда можно будет кое-что заработать, обсчитав <народ> на перевозе».

Νέκ. δύο δραχμὰς μισθὸν τελεῖς;
 Δι. μὰ Δί' ἀλλ' ἔλαττον.
 Νέκ. ὑπάγεθ' ὑμεῖς τῆς ὁδοῦ.
 Δι. ἀνάμεινον ὦ δαιμόνι', ἐὰν ξυμβῶ τί σοι.
 Νέκ. εἰ μὴ καταθήσεις δύο δραχμάς, μὴ διαλέγῃς.
 Δι. λάβ' ἐννέ' ὀβολούς.
 Νέκ. ἀναβιοίην νυν πάλιν⁸.

Можно осторожно предположить, что диалог Покойника и Диониса написан не просто ради уморительного «чтоб мне вновь ожить!», но содержит определенное комическое отражение некоей существовавшей традиции, возможно, характерной для народной религии.

По поводу более крупных «кладов»⁹ на сегодняшний день сформировалось достаточно стойкое мнение, что это погребальные дары, которые мертвые могли бы использовать в предстоящей загробной жизни¹⁰. В частности, согласно одной из версий, первоначально «обол Харона» предназначался вовсе не самому Харону за перевоз, а «...служил символом той суммы денег, которая считалась *необходимой* [курсив мой – А.Т.] покойному в загробном царстве»¹¹. В качестве дополнения и развития этой гипотезы можно предположить, что размер «необходимого» каждый в принципе мог определять себе сам (хотя в реальности все, конечно, зависело от родственников).

Кроме того, большое количество монет в могиле рассматривается и как показатель социального статуса. П. Целекас отмечает: «На выбор ценности и количества монет для захоронения вместе с покойным, скорее всего, оказывала влияние степень благосостояния конкретного человека, степень уважения, проявленная <таким образом> к умершему, – или же практика конкретного общества»¹².

Яркие подтверждения этого тезиса мы встречаем на территории ближайшего соседа Боспорского царства, в сказочной Колхиде – Грузии. Например, в середине прошлого века в ходе археологических исследований в Мцхете был выявлен «...ограбленный каменный ящик <...> остатки погребального инвентаря (керамика, пастовые бусинки, обрывки золотых листочков и т. п.)». Закладной монетный комплекс, пропущенный грабителями, представлен статером Александра Македонского, денариями Октавиана Августа – 3 шт. и драхмой, приписываемой Готтарзу – 1 шт. (итого 1 золотая и 4 серебряных монеты). В 1951 г. на берегу Куры приблизительно в 30 м к востоку от железнодорожной станции Мцхета обнаружился грабленный мавзолей. Тем не менее и в нем были найдены остатки исключительно ценного инвентаря и больше шести десятков монет. Среди них: грубые подражания статерам Александра Македонского – 5 шт. (золото); римские ауреусы

⁸ Дионис. А вот и покойника какого-то несут. Эй, я к тебе обращаюсь, к тебе, почтенный умерший! Дружище, не желаешь снести поклажу до Аида? Мертвый. Смотря какую. Дионис. Вот эту. Мертвый. Две драхмы заплатишь? Дионис. Господи! А поменьше? Мертвый. Эй вы там! Несите дальше! Дионис. Подожди, голубчик, может, все-таки договоримся? Мертвый. Или плати две драхмы, или разговаривать не о чем. Дионис. Возьми девять оболов? Мертвый. Да чтоб мне вновь ожить!

⁹ Известны могильные «клады», содержавшие сто (Gkikaki 2013, 425) и даже полторы сотни монет (Stevens 1991, 226).

¹⁰ Panagiotis 1996, 249; Gkikaki 2013, 425.

¹¹ Винничук 1988, 310.

¹² Tselekas 1996, 250; Stevens 1991, 225.

– 4 шт. (золото); парфянские драхмы – 51 шт. (серебро), драхмы понтийского царя Полемона I – 2 шт. (серебро), денарий Октавиана Августа – 1 шт. (серебро)¹³».

Как видим, эти комплексы подчеркивают одновременно и статус упокоившегося, и, вероятно, предполагают посмертное использование им принадлежащего ему богатства. Необходимо добавить, что обычай помещать монеты (в том числе и крупные денежные суммы) в могилы, по наблюдению американской исследовательницы С. Стивенс, «более распространен на кладбищах римского периода»¹⁴.

Однако на Боспоре эта концепция опровергается данными, которые приведены Н.И. Сударевым и С.И. Болдыревым: «Количество монет отнюдь не всегда связано с богатством погребального инвентаря или качеством погребального сооружения. Так, в некрополе Кеп эллинистического периода встречено погребение № 27, в котором 11 монет стояло в 3-х столбиках. При этом остальной инвентарь состоял только из серьги <...> В некрополе Фанагории в погребении, открытом В.Г. Тизенгаузенем в 1872 г., в простой могильной яме <...> обнаружено 10 монет, и “простая патера и ваза, расписанная водяными красками” <...> В том же некрополе в погребении II в. до н.э. из раскопок 1980 г. в погребении типа I/4, № 62А обнаружено 19 монет, а также кувшин, унгентарий и нож. С другой стороны, многие, даже весьма богатые погребения, были лишены монет вообще»¹⁵.

В целом несомненным представляется только одно: после возникновения и распространения монеты в повседневной жизни людей (а произошло это чрезвычайно быстро) ее влияние упрочилось настолько, что деньги стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся даже на том свете, среди существ иного мира¹⁶. Чрезвычайно интересно и показательное заключение С. Стивенс: «<Волшебная башня объясняет Психее, что> алчность правит миром. Даже боги не станут ничего делать, не получив заранее плату. Нищета мира мертвых сосредоточена в образе сребролюбивого Харона. Ему нужно заплатить только одну жалкую монету, с помощью которой его можно подкупить, заставить сделать то, что запрещено, – т.е. забрать Психею обратно через реку. В самом деле, деньги заставляют подземный мир вращаться. Апулей поясняет, что обычай “обола Харона”, по сути, является единственным логическим ответом на жадность смерти. Деньги – единственный эффективный товар, имеющий ход в подземном мире»¹⁷.

Более того, к сегодняшнему дню появилось (излишне радикальное, на наш взгляд) мнение, что именно само существование денег породило миф о Хароне, «который со временем трансформировался и вошел в обряд погребения»¹⁸.

Вместе с тем крупные погребальные монетные заклады можно истолковать как один из маркеров, отмечающих неистовую жажду человека верить в то, что, не взвизывая на мрачную реальность смерти, даже за гранью возможно существование,

¹³ Капанадзе 1955, 172.

¹⁴ Капанадзе 1955, 172.

¹⁵ Сударев, Болдырев 2009, 437.

¹⁶ Ср.: в уже цитированной главе Apul. Metam. VI, 18 expressis verbis сказано: денежное обращение столь же актуально под землей, сколь и на земле среди живых («Ergo et inter mortuos avaritia vivit nec Charon ille <...> quicquam gratuito facit») [Есть место жадности и среди мертвых, и сам Харон ничего не делает задаром].

¹⁷ Stevens 1991, 223.

¹⁸ Сударев, Болдырев 2009, 437.

а также желание (естественно, у людей, занимавших достаточно весомое положение в обществе) хоть какого-то подобия прежней жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Винничук, Л. 1988: *Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима*. М.
- Капанадзе, Д.Г. 1955: Монетные находки Мцхетской экспедиции. *ВДИ* 1, 160–172.
- Пахомов, Е.А. 1940: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. III. Баку.
- Пахомов, Е.А. 1954: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. VI. Баку.
- Пахомов, Е.А. 1959: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. VIII. Баку.
- Сударев, Н.И., Болдырев, С.И. 2009: «Обол Харона» как археологический термин. В сб.: В.Н. Зинько и др. (ред.), *Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы X Боспорских чтений*. Керчь, 435–440.
- Gkikaki, M. 2017: Ancient Greek Coin Hoards: Insights into the History of Euboea. In: Ž. Tankosić, F. Mavridis, M. Kosma (eds.), *An Island Between Two Worlds: The Archaeology of Euboea from Prehistoric to Byzantine Times*. Athens, 421–430.
- Stevens, S.T. 1991: Charon's Obol and Other Coin in Ancient Funerary Practice. *Phoenix* 45, 3, 215–229.
- Tselekas, P. 1996: Grave Hoards of Greek Coins from Greece. *The Numismatic Chronicle* 156, 249–259.

REFERENCES

- Gkikaki, M. 2017: Ancient Greek Coin Hoards: Insights into the History of Euboea. In: Ž. Tankosić, F. Mavridis, M. Kosma (eds.), *An Island Between Two Worlds: The Archaeology of Euboea from Prehistoric to Byzantine Times*. Athens, 421–430.
- Kapanadze, D.G. 1955: Monetnye nakhodki Mtskhetskoy ekspeditsii [Coin findings of the Mtskheta expeditions]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 160–172.
- Pakhomov, E.A. 1940: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, provinces, and regions of the Caucasus area]*. Vol. III. Baku.
- Pakhomov, E.A. 1954: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, provinces, and regions of the Caucasus area]*. Vol. VI. Baku.
- Pakhomov, E.A. 1959: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, provinces, and regions of the Caucasus area]*. Vol. III. Baku.
- Stevens, S.T. 1991: Charon's Obol and Other Coin in Ancient Funerary Practice. *Phoenix* 45, 3, 215–229.
- Sudarev, N.I., Boldyrev, S.I. 2009: “Obol Kharona” kak arkheologicheskiy termin [“Charon's obol” as an archaeological term]. In: V.N. Zinko et al. (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy. Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Materialy X Bosporskikh chteniy [The Cimmerian Bosphorus and the barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. 10th Bosporan Readings]*. Kerch, 435–440.
- Tselekas, P. 1996: Grave Hoards of Greek Coins from Greece. *The Numismatic Chronicle* 156, 249–259.

Vinnichuk, L. 1988: *Lyudi, nrayi i obychai Drevney Gretsii i Rima* [*Men, morality, and customs of Ancient Greece and Rome*]. Moscow.

COIN ASSEMBLAGES IN ANCIENT BURIALS (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Andrey E. Tereshchenko

The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia
andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issue on the purpose of coins in the graves during the Antiquity. If a coin in the burial can usually be interpreted as the «Charon's obol», then the presence of bigger quantity requires some other interpretation. In general, the funerary coin deposits can be divided into three groups: one or two coins; three to five/seven coins; more than seven. The reasons for the emergence of such “treasures” have been given with varying degrees of credibility to each of these groups.

Keywords: ancient coins, burials, hoards, coin assemblages

К АТРИБУЦИИ МОНЕТ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЙ ВИНОГРАДНЫЙ 7 И ТАМАНЬ-16

М.М. Чореф

Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия
choref@yandex.ru

Аннотация. Автор уточняет атрибуцию монет Крымского ханства XVI–XVIII вв. из раскопок поселений Виноградный 7 и Тамань-16. Самые ранние из них происходят с поселения Виноградный 7. Это пара *акче*, выпущенных при Девлете Гирае I на монетном дворе г. Крым, а также *бешлык* Фетха Гирая II, отчеканенный в Бахчисарае. При раскопках Тамани-16 найден дореформенный *бешлык* Шахина Гирая бахчисарайского чекана.

Подобные монеты часто встречаются в Северном Причерноморье, прежде всего в Крыму и на Тамани. *Акче* Девлета Гирая I находились в обращении до середины XVII в. Для датировки средневекового слоя поселений важна позднейшая монета, выпущенная при Шахине Гирае, период обращения которой был коротким. На четвертом году правления хан провел денежную реформу, в ходе которой были выпущены серебряные и медные монеты машинной чеканки, вытеснившие из обращения все прежние выпуски.

Арабографичные монеты крымского чекана интересны разбросом метрологических характеристик, стилистикой своего оформления, а также разнообразием почерков резчиков штемпелей. Эти монеты являются свидетельством экономической и политической ситуации в Крымском ханстве.

Ключевые слова: Крымское ханство, Таманский полуостров, археология, нумизматика, *акче*, *бешлык*

На территории многослойных поселений на Таманском полуострове нередко встречаются позднесредневековые монеты с арабографичными легендами. Атрибуция таких монет иногда вызывает сложности из-за трудночитаемости надписей. Во-первых, заготовки для средневековых восточных монет нередко были меньше по площади штемпелей, используемых для их чеканки, и надписи целиком не оттискивались на монетных кружках. Во-вторых, штемпели для восточных монет резались вручную, и легенды выполнены множеством почерков, которые часто сложно разобрать. Наконец, в арабографичных легендах присутствуют многочисленные лигатуры, трудно поддающиеся дешифровке. Надписи на монетах Крымского ханства лучше всего поддаются прочтению, но и их легенды нередко достаточно сложны.

Чореф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований, Нижневартовского государственного университета.

Рис. 1. Монеты Крымского ханства, найденные во время раскопок античных поселений Виноградный 7 и Тамань-16: 1, 2 – акче Девлета Гирая I; 3 – бешлык Фетха Гирая II; 4 – до-реформенный бешлык Шахина Гирая.

В настоящей заметке уточняется атрибуция четырех монет Крымского ханства¹, найденных в ходе раскопок поселений Виноградный 7 и Тамань-16 в 2016 г. Из слоев первого происхождения следующие монеты:

1. Девлет Гирай I (957–985 гг. х., 1550–1577 гг.).

Л.с.: دولت [کرای] بن مبارک کرای – «Девлет [Гирай] сын Мубарека Гирая». Надпись приведена в три строки. В имени хана присутствует лигатура: буква «و» наложена на вертикальную черту «ل». Слово «بن» – «сын» представлено как разделительная линия между первой и второй строками. Она украшена шестиконечной звездочкой. В имени отца хана, оттиснутом в третьей строке, также присутствует лигатура: «ا» в буквосочетании «مبا» сочленена с «ك».

О.с.: в центре монетного поля – тамга хана П. К ее центральной поперечной перекладине крепится петлевидное украшение. Тамга вписана в линейную окружность. Вокруг нее различимы следы надписи: [ضرب قریم سنة ٩٥٧] – «чекан Кр[ыма] года 957». Легенда начинается в нижнем правом секторе монетного поля. Она обрамлена линейной окружностью.

Такой тип монет хорошо известен. Это билонный акче Девлета Гирая I Класа III, чеканенный в г. Крым². Судя по кладу из Центрального музея Тавриды (г. Симферополь), такие монеты находились в обращении еще во втор. пол. XVII в. (Чореф 2015: 67–68, рис. 2: 1, 2). Монета хорошей сохранности. Вес – 0,45 г, диаметр – 1,3 см (рис. 1, 1).

2. Девлет Гирай I (957–985 гг. х., 1550–1577 гг.).

Л.с.: دولت [کرای] بن مبارک کرای – «Девлет [Гирай] сын Мубарека [Гирая]» Надпись также дана в три строки. В имени хана заметна та же лигатура: буква «و» наложена на вертикальную черту «ل». Слово «بن» – «сын» представлено как разделительная линия между первой и второй строками. Она украшена шестиконечной звездочкой. В имени отца хана, оттиснутом в третьей строке, также присутствует традиционная лигатура: «ا» в буквосочетании «مبا» сочленена с «ك».

¹ Изданы М.Г. Абрамзоном и Н.И. Сударевым в: Абрамзон, Сударев 2017а, 374, 383, 385, 386, № 21–23, рис. 4, 13, 58, 59; Абрамзон, Сударев 2017б, 355, 363, № 25, рис. 2, 25. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность этим исследователям за возможность изучить интересные меня монеты.

² Чореф 2006, 77–81; 2007, 380; Retowski 1905, 89–91, No. 24–33, Taf. VII, 24, 26, VIII, 25–33.

О.с.: в центре монетного поля – тамга хана П. К ее центральной поперечной перекладине крепится петлевидное украшение. Тамга вписана в линейную окружность. Вокруг нее различимы следы надписи: [ضرب [قریم سنة ٩٥٧] – «чекан [Крыма года 957]». Легенда начинается в нижнем правом секторе монетного поля.

Это также билонный акче Девлета Гирая I Класа III, чеканенный в г. Крым³. Период обращения таких монет уже был указан выше. Монета хорошей сохранности. Вес – 0,49 г, диаметр – 1,1 см (рис. 1, 2).

3. Фетх Гирай II (1149–1150 гг. х., 1736–1737 гг.).

Л.с.: [خان [ف]تخ كراي بن [دولت] – «хан [Ф]етх Гирай сын [Девлета]». Надпись приведена в четыре строки. От букв слова خان – «хан», размещенной на первой из них, просматриваются только горизонтальные составляющие. Слова فتح كراي – «Фетх Гирай», размещенные на второй строке, вполне различимы. Только последние их символы потерты. Уверенно читается и слово «بن» – «сын» на третьей строке. Зато буквы четвертой строки совершенно стерты.

О.с.: в верхней части поля – тамга хана П. Ниже ее заметны следы трехстрочной надписи: [ضرب فی باغچه [سرای سنة ١١٤٩] – «чекан Бахч[исарая года 1149]». Ее буквы значительно стерты. Уверенно читается ضرب – «чекан» в первой строке. Ниже ее различимо вытянутое в линию فی – «в». От символов буквосочетания باغچه сохранились лишь верхние элементы. Расположенные ниже ее строки нечитаемые.

4. Шахин Гирай (1177–1197 гг. х., 1777–1783 гг.).

Л.с.: خان هينكراي شا – «хан Шахин Гирай». Надпись приведена в три строки. Слово خان – «хан», размещенное на первой из них, отделено от остального текста линией, изогнутой в левой части. Буквы потерты, но вполне различимы. Легенда обрамлена окружностями из мелких и крупных точек.

О.с.: в верхней части монетного поля различима цифра «٣». Это указание на год правления хана, в который была отчеканена монета. Ниже ее оттиснута трехстрочная надпись: [ضرب فی باغچه سراي سنة ١١٩١] – «чекан Бахчисарая года 1191». Ее буквы значительно стерты, но все же различимы. Легенда обрамлена окружностями из мелких и крупных точек.

Бешлык. Биллон или посеребренная медь. Чекан Бахчисарая⁴. Монета хорошей сохранности. Вес – 1,4 г, диаметр – 1,7 см (рис. 1, 4).

Найденные монеты представляют большой интерес, несмотря на то что данные типы не редки и хорошо изучены. Между тем они чрезвычайно важны для датировки средневековых слоев поселений Виноградный 7 и Тамань-16, относящихся к эпохе существования Крымского ханства. При этом только дореформенный бешлык Шахина Гирая может быть учтен как датирующий материал, поскольку период его обращения был довольно краток: в результате организации машинного монетного производства все прежние выпуски ханского чекана выпали из обращения. Данные монеты интересны стилистикой своего оформления, а также каллиграфией исполнения надписей. Они предают исключительное своеобразие акче и бешлыкам Крымского ханства.

³ Чопеф, 2006 77–81; 2007, 380; Retowski 1905, 89–91, No. 24–33, Taf. VII, 24, 26, VIII, 25–33.

⁴ Retowski 1905, 260, No. 52, Taf. XIX, 52.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Сударев, И.Н. 2017a: Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.). *ПИФК* 3, 371–391.
- Абрамзон, М.Г., Сударев, И.Н. 2017b: Монеты из раскопок поселения Тамань-16 в 2016 г. *ПИФК* 3, 353–371.
- Чореф, М.М. 2007: К вопросу о периоде функционирования монетного двора г. Кырк-Йера. *МАИЭТ* XIII, 375–382.
- Чореф, М.М. 2006: К вопросу об эмиссии кафийских акче при Девлете Гирае I и Мухаммеде Гирае II. *Историческое наследие Крыма* 16, 77–81.
- Чореф, М.М. 2015. О составе денежного обращения в Крымском ханстве в XVII в. по материалам клада из Центрального музея Тавриды. *Европа*. Т. XIV/1–2, 63–71.
- Retowski, O. 1905. *Die Münzen der Girei*. Moskau.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Sudarev, I.N. 2017a: Monety iz raskopok poseleniya Vinogradnyy 7 (2016 g.) [Coins from the 2016 Excavations at the Site of Vinogradny 7 (Taman Peninsula)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 371–391.
- Abramzon, M.G., Sudarev, I.N. 2017b: Monety iz raskopok poseleniya Taman-16 v 2016 g. [Excavation Coins from the Taman-16 Settlement]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 353–371.
- Choref, M.M. 2007: K voprosu o periode funktsionirovaniya monetnogo dvora g. Kyrk-Jera [On the issue of the period of functioning of the Mint of Kyrk-Yer]. *Materialy po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Tavriya's Ethnography] XIII, 375–382.
- Choref, M.M. 2006: K voprosu ob emissii kafyiskikh akche pri Devlete Girae I i Mukhammede Girae II [To the question of the issue of the Kafian akçe under Devlet Giray I and Mohammed Giray II]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of the Crimea] 16, 77–81.
- Choref, M.M. 2015. O sostave denezhnogo obrashcheniya v Krymskom khanstve v XVII v. po materialam klada iz Tsentral'nogo muzeya Tavridy [On the composition of monetary circulation in the Crimean Khanate in the 17th century on the basis of treasure from the Central Museum of Taurida]. *Evropa* [Europa]. Vol. XIV/1–2, 63–71.
- Retowski, O. 1905. *Die Münzen der Girei*. Moskau.

THE ATTRIBUTION OF THE CRIMEAN KHANATE COINS FROM THE
EXCAVATIONS AT THE SETTLEMENTS OF VINOGRADNY 7 AND TAMAN 16

Mikhail M. Choref

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
choref@yandex.ru

Abstract. The author attributes the coins of the Crimean Khanate found during excavations at the settlements of Vinogradny 7 and Taman-16. The coins were minted in the 16th – 18th centuries. The earliest coins were found at the settlement Vinogradny 7. They are two akçe struck under Devlet Giray I at the mint of town of Crimea. A beshlyk of Fetch Giray II was struck at the mint of Bakhchisarai. One more coin of the Crimean Khanate was discovered at Taman-16. This is a pre-reform beshlyk of Shahin Giray issued at the Bakhchisarai mint.

Such coins are often found in the Crimea and everywhere in the Northern Black Sea Region. The akçe of Devlet Giray I was in circulation until the mid-17th century. A chronological indicator for the medieval layers is the latest coin issued under Shahin Giray. The period of its circulation was short. In the fourth year of his ruling, the khan carried out the monetary reform to introduce silver and copper coins of machine stamping, replacing all previous issues.

The Crimean coins are interesting by their metrology, stylistics of design, and by the variety of handwritings of the dies engravers. These coins are the important evidence for the economic and political situation in the Crimean Khanate.

Keywords: Crimean Khanate, Taman peninsula, archaeology, numismatics, *akçe*, *besilyk*

КАТЕГОРИИ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ В ПРИКУБАНЬЕ И МЕЖДУРЕЧЬЕ ВОЛГИ И УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РОЛИ В КУЛЬТУРЕ ВАРВАРОВ

А.В. Безруков*, В.В. Улитин**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*
buonogiorno@mail.ru

** *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия*
ulitin_vladislav@yahoo.com

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ функций и роли различных категорий античной керамики в быту и культуре варваров ближней и дальней варварской периферии античного мира – оседлых меотов, кочевых сарматов Прикубанья и кочевых племен междуречья Волги и Урала.

Сравнительный анализ проводился в рамках III в. до н.э. – II в. н.э. На протяжении этого периода в обоих регионах присутствовало сарматское кочевое население и использовалась античная керамика. Керамика была рассмотрена по категориям (амфоры, красноглиняная боспорская керамика, сосуды для благовоний, черно-, буро- и краснолаковая посуда, «мегарские» чаши, лагиносы, фигурные сосуды, пифосы, светильники, черепица, терракотовые статуэтки, терракотовые медальоны).

Проведенный анализ показывает, что античная керамика (а также греческие товары, перевозившиеся в ней в том случае, когда она использовалась в качестве тары) вошла в быт варваров и использовалась в погребальном обряде и в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала. Однако для ближней периферии фиксируется более разнообразный ее ассортимент. Кроме того, через керамику греческая культура оказывала заметное культурное воздействие на меотов и сарматов ближней периферии – Прикубанья. На дальней периферии, у кочевников междуречья Волги и Урала античная керамика ни в культуре, ни в торговых операциях (по сравнению с другими категориями импортной посуды – кружальной керамикой кубанских, донских и среднеазиатских центров) даже в период наивысшего развития торговых связей с античным миром существенной роли не играла.

Ключевые слова: Прикубанье, Волга, Урал, варвары, кочевники, керамический импорт, меоты, сарматы, периферия

Безруков Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Улитин Владислав Всеволодович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета.

Влияние степени удаленности областей варварского мира от античных центров на степень и особенности использования античной керамики варварами, а также ее роль в их культуре представляют особый интерес. В научной литературе уже давно принято условное выделение ближней и дальней варварской периферии, сравнительный анализ состава импорта с территории которых дает дополнительные возможности для изучения не только особенностей экономического развития варварских племен, но и их культуры. В отношении двух таких регионов – Прикубанья как ближней периферии античного мира и междуречья Волги и Урала как дальней его периферии – нами уже проводился сравнительный анализ состава керамического импорта¹. В то же время не было уделено достаточного внимания вопросам, связанным со сравнением функций и роли различных категорий античной керамики в быту и культуре варваров рассматриваемых территорий (оседлых меотов, кочевых сарматов в Прикубанье и кочевых племен в междуречье Волги и Урала). Они и будут рассмотрены в настоящей статье.

Следует отметить, что в регион междуречья Волги и Урала мы включаем территории степной части Приуралья, Южного Урала, Нижнего и Среднего Поволжья, которые в настоящее время входят в состав Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областей, а также Республики Башкортостан. Выбранные хронологические рамки (III в. до н.э. – II в. н.э.) объясняются присутствием в это время сарматского кочевого населения и использованием античной керамики в обоих регионах. Рассмотрим ее по категориям.

И в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала среди категорий керамики известны амфоры. Можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что практически всегда в них поступало вино, поскольку оливковое масло не пользовалось популярностью у варваров. Находки амфор свидетельствуют об употреблении вина и меотами Прикубанья, и кочевым населением обоих регионов². Открытым остается вопрос об оценке импорта вина в варварскую среду и соответственно о степени употребления его ими. Немногочисленность находок амфор на сарматских памятниках может быть объяснена либо значительно меньшим по сравнению с оседлым меотским населением употреблением вина, либо тем, что оно традиционно поступало к сарматам в иной таре – бурдюках. Транспортировка вина в бурдюках была характерна для степных районов междуречья Волги и Урала как в более ранние, так и в более поздние эпохи³. В пользу значимости вина для сарматов имеется свидетельство Страбона, который из всех товаров, приобретаемых кочевниками в Танаисе, отдельно называет только вино и одежду (Strab. XI, 2, 3)⁴. Есть основания считать, что отдельное упоминание вина первым в этом перечне, вероятно, не является случайным. У меотов вино достаточно рано и прочно вошло в их быт и религиозные представления, что подтверждают амфоры в погребальных и ритуальных комплексах, и копирование таких категорий посуды для вина, как канфары⁵. Об определенной роли вина в религиозных представлениях сарматов могут свидетельствовать редкие находки амфор в сарматских по-

¹ Безруков, Улитин 2017.

² Безруков, Улитин 2017, табл. 1–2.

³ Брашинский 1984, 186; Акбулатов 1999, 67.

⁴ Брашинский, 1984, 183.

⁵ Улитин 2016, 220–225

гребениях, их фрагментов на культовых площадках Лебедевского могильника, связанных, скорее всего, с умиловительными обрядами⁶, и изображение на золотом фаларе из Северского кургана, по словам Д.С. Раевского, воспроизводящее мотивы, «характерные для античного дионисийского культа и, видимо, как-то реинтерпретированные в сармато-среднеазиатской среде»⁷. Вино могло составить конкуренцию кисломолочным алкогольным напиткам самих сарматов, выступить достойным их заместителем, хотя степень такого замещения опять же неизвестна. Можно лишь предполагать, учитывая особую насыщенность разнообразными импортными предметами погребений в курганах «Золотого кладбища», что представители сарматской дружины, похороненные в них (там обнаружено три амфоры⁸), могли в большей степени употреблять вино, чем сарматы других территорий. Все найденные в сарматских могильниках междуречья Волги и Урала целые амфоры, включая светлоглиняные, являются гераклейскими. Не исключено, что это было связано с относительной дешевизной, крепостью и определенной популярностью гераклейского вина у кочевников, как это предполагается, например, в отношении скифов⁹. То же характерно и для периода после середины I в. до н.э. – с преобладанием на северопричерноморских рынках продукции именно этого центра, поставляемой уже в светлоглиняных амфорах. Известная находка синопской амфоры в одном из сарматских погребений Восточного Приазовья¹⁰ дает основания предполагать несколько большее разнообразие в отношении ассортимента вина, употреблявшегося сарматами Прикубанья, по сравнению с меотами¹¹. Находка гераклейской амфоры в Башкирии (в степной части Южного Приуралья) является одним из важных свидетельств употребления греческого вина кочевниками дальней периферии. Амфора, даже пустая, по-видимому, представляла определенную ценность, поскольку долго использовалась в кочевом хозяйстве¹², хотя в целом длительное бытование амфор не было для него характерным¹³. Не исключено, что приобретаемое у греков вино в большей степени могло поступать в междуречье Волги и Урала не в амфорах, а переливалось в том же Танаисе в бурдюки, принадлежавшие самим приехавшим туда сарматам.

Красноглиняная боспорская керамика известна была населению обоих регионов¹⁴, использовалась в быту и погребальном обряде. Как и кружальная в целом, она привлекала кочевников своим качеством и хорошим внешним видом. Несомненно также влияние моды, престижа, что уже было отмечено И.С. Каменецким по отношению к использованию греческой керамики меотами¹⁵. Роль античной керамики у меотов не ограничивалась ее использованием в быту и погребальном обряде. Начиная с середины V в. до н.э. вплоть до II в. до н.э., меоты подражали

⁶ Мошкова 1989, 212.

⁷ Раевский 1988, 449.

⁸ Ждановский 2015, 109–110.

⁹ Монахов 1999, 19.

¹⁰ Шевченко 2013, 72–74, рис. 64, 11.

¹¹ Безруков, Улитин 2017, 242, 246.

¹² Монахов 2006, 89.

¹³ Монахов, 1999, 22.

¹⁴ Лимберис, Марченко 2005, 268, рис. 16, 6, 24, 8, 27, 5, 41, 4, 48, 12, 13, 49, 4; Марченко 1996, 156–157, 160, 163–164; Шелов 1972, 216.

¹⁵ Каменецкий 2011, 323.

греческим формам керамики. Это влияние ощущается и позднее, хотя и ослабевает¹⁶. Достаточно заметной была роль красноглиняной керамики и в культуре сарматов Прикубанья. По мнению И.И. Марченко, красноглиняные кувшинчики с горизонтальной ручкой изготавливались специально для кочевников по типичной сарматской моде¹⁷. Н.Ф. Шевченко отмечает резкое возрастание у сарматов количества красноглиняной боспорской посуды на рубеже II–I вв. до н.э. и поступление в степь серий однотипной керамики, изготовленной с учетом пристрастий местного рынка¹⁸. В междуречье Волги и Урала мы ничего подобного не наблюдаем. Доля красноглиняной боспорской керамики от общего количества импортной керамики в междуречье Волги и Урала ниже, чем в Прикубанье. Это происходило за счет того, что к сарматам Поволжья поступала также в большом количестве не только меотская кружальная посуда прикубанских центров (как и к сарматам Прикубанья), но также и донских, а в Южном Приуралье из красноглиняной керамики использовалась в основном среднеазиатская¹⁹.

Сосуды для благовоний (унгвентарии, бальзамарии) известны на всех рассматриваемых территориях – и у меотов, и у сарматов²⁰. Однако, как использовались эти сосуды и сами благовоения на варварской территории, до конца не ясно. Судя по унгвентариям очень большого размера, найденным в сарматских комплексах Прикубанья и предназначенным, по мнению И.И. Марченко²¹, для поставок благовоний на варварские территории, нельзя исключать того, что в данном регионе благовоения могли употребляться не только (а может и не столько) в быту, но и для посмертных ритуалов, как это имело место, например, в погребальной практике боспорских греков.

Черно-, буро- и красолаковая керамика поступала к меотам, сарматам Прикубанья и сарматам междуречья Волги и Урала²². Ее употребление в быту и погребальном обряде, судя по всему, было связано с представлениями о престиже. В междуречье Волги и Урала находки лаковой посуды редки (на Урале и в Прикамье ее практически нет), в основном она малоазиатского происхождения, невысокого качества и найдена в погребениях, не содержащих иных импортных предметов²³. Мегарские чаши обнаружены в небольшом количестве в погребениях у меотов и сарматов Прикубанья, а также в междуречье Дона и Волги²⁴. Напротив, в междуречье Волги и Урала сосуды этой категории не зафиксированы. Очень редкие находки лагиносов в Прикубанье присутствуют и в меотских, и в сарматских ком-

¹⁶ Лимберис, Марченко 2016, 206.

¹⁷ Марченко 1996, 108; Лимберис, Марченко, Монахов 2011, 272.

¹⁸ Шевченко, 2013, 68.

¹⁹ Безруков, Улитин 2017, 249–252.

²⁰ Марченко 1996, 44; Эрлих (ред.) 2014, 36, кат. 214, 215; Шилов 1959, 469, рис. 53, 1; Смирнов 1959, 270, 321, рис. 25, 4.

²¹ Марченко 1996, 44.

²² Лимберис, Марченко 2005, 226, 268–269, рис. 25, 2, 46, 6, 48, 8, 49, 2, 8, 52, 7; Шевченко 2013, 74; Simonenko, Marčenko, Limberis 2008, kat. 9, 1, 28: 4, 6, 55, 1, 78, 1; 111, 1; 126, 1; 146, 2, 186: 1, 2, taf. 14, 4; 51, 5, 52, 7, 85, 1, 112: 2, 123, 126, 1, 155, 2, 194, 1, 2; Сеницын 1960, 50, рис. 16, 8; Кротокин 1970, 18; Смирнов 1960, 186, рис. 6, 13; Рыков 1925, 34.

²³ Безруков, Улитин 2017, 249–250.

²⁴ Лимберис, Марченко 2005, 227, рис. 26, 6, 27, 9, 36, 4; Анфимов 1986а, 191, рис. 6, 8. Анфимов 1986б, 183, рис. 1, 1; Скрипкин 1990, 30, рис. 17, 8–10.

плексах²⁵, но их нет в междуречье Волги и Урала. Находки фигурных сосудов известны в курганах «Золотого кладбища»²⁶, но в междуречье Волги и Урала они также отсутствуют.

Поскольку о быте кочевых сарматов мы вынуждены судить главным образом по данным могильников, существует еще одна проблема. Мы не всегда можем быть уверены, что конкретным набором керамической посуды, положенным в погребение, в том числе и античной керамикой, владелец пользовался и при жизни. Необходимо помнить о существовавшем отборе предметов для погребения.

Такие категории античной керамики, как пифосы, светильники, черепица, терракотовые статуэтки и терракотовые медальоны известны по находкам на меотских территориях²⁷, но отсутствуют у сарматов обоих регионов. Это можно связать, прежде всего, с особенностями хозяйства и быта кочевого населения.

Античная керамика (а также товары, перевозившиеся в ней в том случае, когда она служила тарой для продуктов) вошла в быт варваров и использовалась в погребальном обряде и в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала. Однако ее ассортимент был шире на ближней периферии античного мира, кроме того, через керамику греческая культура оказывала заметное воздействие на меотов и сарматов Прикубанья. Что касается античной импортной керамики найденной в междуречье Волги и Урала, то, как нам представляется, судя по количеству, составу и динамике поступления она для рассматриваемого региона в указанный хронологический период не являлась товаром, изначально предназначенным для обмена с представителями как местной племенной верхушки, так и рядовым населением. Возможно, данная категория импортных изделий демонстрирует нам своего рода продукцию, случайно попавшую в набор товаров, подготовленный непосредственно для обмена, либо это могли быть предметы из личного обихода торговцев, в силу различных причин, не обязательно обусловленных торговыми интересами их владельцев (оставленные, подаренные и т.д.), оказавшиеся на территории Урало-Поволжья.

На дальней периферии, у кочевников междуречья Волги и Урала, античная импортная керамика ни в культуре, ни в торговых операциях (по сравнению с другими категориями импортных предметов – кружальной керамикой кубанских, донских и среднеазиатских центров) даже в период расцвета торговых связей с античным миром существенной роли не играла.

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов, И.М. 1999: *Экономика ранних кочевников Южного Урала*. Уфа.
Анфимов, И.Н. 1986а: Погребальный комплекс II в. до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край). В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 190–197.
Анфимов, Н.В. 1986б: Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили. В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 183–190.

²⁵ Лимберис, Марченко 2005, 228, рис. 18, 5; Марченко 1996, рис. 63, 4.

²⁶ Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: kat. 46, 2, 52: 1; taf. 72, 2, 80, 16.

²⁷ Шевченко 2013: 16, 19, 22–23, 31 рис. 32, 1–3, 5–6, 8–9, 37, 9; Городцов 1936, 212; Берлизов, Анфимов 2006, 128; Лимберис, Марченко 2005, 225.

- Безруков, А.В., Улитин, В.В. 2017: Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н.э. – II в. н.э. *Stratum plus* 3, 239–257.
- Берлизов, Н.Е., Анфимов, И.Н. 2006: Елизаветинский могильник № 1 (по данным рукописного архива Н.В. Анфимова). *МИАСК* 6, 121–138.
- Брашинский, И.Б. 1984: Торговля. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 174–186.
- Городцов, В.А. 1941: Станица Елизаветинская, 1936 г. В сб.: В.В. Гольмстен (ред.), *Археологические исследования в СССР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. М.–Л., 210–214.
- Ждановский, А.М. 2015: Некоторые вопросы торгово-экономических связей Прикубанья в сарматское время. *Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона* 3. Краснодар, 95–114.
- Каменецкий, И.С. 2011: *История изучения меотов*. М.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.)* (САИ Д1–27). М.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2005: Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани. *МИАК* 5, 219–324.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2016: О греческом влиянии на гончарное производство меотов. В сб.: И.А. Хаман (ред.), *Эллинистика в гуманитарном пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы II Международной научно-практической конференции эллинистов, проведенной в рамках объявленного в 2016 году перекрестного года России и Греции (Краснодар, 21–23 апреля 2016 г.)*. Краснодар, 261–268.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И., Монахов, С.Ю. 2011: Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор. *АМА* 15, 265–283.
- Марченко, И.И. 1996: *Сибеки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.* Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2006: О хронологии сарматского погребения с гераклеиской амфорой из Башкирии. В сб.: А.В. Симоненко (ред.), *Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар–Ростов-на-Дону, 89–93.
- Мошкова, М.Г. 1989: Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье. В кн.: А.И. Мелюкова (ред.), *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 153–214.
- Раевский, Д.С. 1988: Скифо-сарматская мифология. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 445–450.
- Рыков, П.С. 1925: Суловский курганный могильник. *Ученые записки Саратовского государственного университета* 4 (3), 28–102.
- Синицын, И.В. 1960: Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.). В кн.: Смирнов К.Ф. (отв. ред.), *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)* (МИА 78). Т. II, 10–168.
- Скрипкин, А.С. 1990: *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Смирнов, К.Ф. 1959: Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. В кн.: Смирнов К.Ф. (отв. ред.), *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)* (МИА 60), Т. I, 206–322.
- Улитин, В.В. 2016: Вино в религиозных представлениях меотских племен Прикубанья: общая характеристика. В сб.: А.Н. Гей, И.А. Сорокина (ред.), *Археологическая на-*

- ука: *Практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого*. М., 220–227.
- Шевченко, Н.Ф. 2013: *Племена Восточного Приазовья на рубеже эры*. Ростов на-Дону.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Шилов, В.П. 1959: Калиновский курганный могильник. Смирнов К.Ф. (отв. ред.), *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)* (МИА 60). Т. I, 323–523.
- Эрлих, В.Р. (ред.) 2014: *Древности «Долины яблонь». Каталог выставки*. М.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.

REFERENCES

- Akbulatov, I.M. 1999: *Ekonomika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Economy of Early Nomads of the Southern Ural]*. Ufa.
- Anfimov, I.N. 1986a: Pogrebal'nyy kompleks II v. do n.e. u khutora Elitnyy (Krasnodarskiy kray) [2nd century burial complex at khutor Elitnyy (Krasnodar Territory)]. In: V.I. Markovin (ed.), *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza [Recent Discoveries in the Archaeology of Northern Caucasus]*. Moscow, 190–197.
- Anfimov, N.V. 1986b: Kurgannyi kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyna r. Kirpili [Barrow complex of the Sarmatian Time in the Basin of the Kirpili River]. In: V.I. Markovin (ed.), *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza [Recent Discoveries in the Archaeology of Northern Caucasus]*. Moscow, 183–190.
- Bezrukov, A.V., Ulitin V.V. 2017: Osobennosti keramicheskogo importa u kochevnikov Prikuban'ya I Volgo-Kam'ya vo II v. do n.e. – II v. n.e. [Ceramic Import Peculiarities in the Nomadic Areas of the Kuban and Volga-Kama Region in 2nd c. BC to 2nd c. AD]. *Stratum plus* 3, 239–257.
- Berlizov, N.E., Anfimov, I.N. 2006: Elizavetinskiy mogil'nik № 1 (po dannym rukopisnogo arkhiva N.V. Anfimova [Elizavetinskiy burial ground № 1 (based on N.V. Anfimov's handwritten archive)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus]* 6, 121–138.
- Brashinskiy, I.B. 1984: Torgovlya [Trade]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Ancient States of the Northern Pontic Region]*. Moscow, 174–186.
- Erlikh, V.R. 2014: *Drevnosti «Doliny yablon'». Katalog vystavki [Antiquities of the “Apple Trees Valley”: Catalogue of the Exhibition]*. Moscow.
- Gorodtsov, V.A. 1941: Elizavetinskaya, 1936 g. [Elizavetinskaya stanitsa, 1936]. In: V.V. Golmsten (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v SSSR 1934–1936 gg. Kratkie otchyety i svedeniya [Stanitsa Elizavetinskaya, 1936. Archaeological Studies in the USSR in 1934–1936. Summaries and information]*. Moscow–Leningrad, 210–214.
- Kamenetskiy, I.S. 2011: *Istoriya izucheniya meotov [History of Maeotian Studies]*. Moscow.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Roman Import in Eastern Europe: from the 2nd Century BC to the 5th Century AD]* (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I., Monakhov, S.Yu. 2011: Novaya “prikubanskaya” seriya ellinisticheskikh amfor [New “Kuban” series of Hellenistic amphorae]. *Antichnyy Mir i Arkheologiya [Ancient World and Archaeology]* 15, 265–283.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2005: Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov Pravoberezh'ya Kubani [Chronology of ceramic complexes with antiquities imported from the excavations of Maeotian burial mounds on the Right Bank of the Kuban]

- ramic complexes with ancient import from the excavations of the Meotian Kuban River right bank burial grounds]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of Kuban] 5, 219–324.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2016: O grecheskom vliyaniy na goncharnoe proizvodstvo meotov [About Greek influence on Meotian pottery]. In: I.A. Khaman (ed.), *Ellinistika v gumanitarnom prostranstve: yazykovye, kulturologicheskie i didakticheskie aspekty: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ellinistov, provedyennoy v ramkakh ob'yavlennoy v 2016 godu perekryestnogo goda Rossii i Gretsii* (Krasnodar, 21–23 aprelya 2016 g.) [Hellenic studies in humanities knowledge: language, culturological and didactic aspects: proceedings of the 2nd International Applied Research Conference of Hellenists Held in the Context of 2016 Announced as the Russia-Greece Cross-year (Krasnodar, April 21–23, 2016)]. Krasnodar, 261–268.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani* (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [Kuban Siraces (Basing on the Materials from the Barrow Burials from Lower Kuban Region)]. Krasnodar.
- Monakhov, S.Yu. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek amphorae in the Pontic region. Complexes of ceramic ware from the 7th–2nd centuries BC]. Saratov.
- Monakhov, S.Yu. 2006: O khronologii sarmatskogo pogrebeniya s gerakleyskoy amforoy iz Bashkirii [About chronology of Sarmatian burial with Heracleian amphora from Bashkiria]. In: A.V. Simonenko (ed.), *Liber Archaeologicae. Sbornik statey, posviashchenny 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva* [Liber Archaeologicae. A Tribute to B.A. Raev's 60th Anniversary]. Krasnodar–Rostov-on-Don, 89–93.
- Moshkova, M.G. 1989: Savromaty i sarmaty v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Sauromatians and sarmatians in the interfluvium of the Volga and the Don.]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Stepi evropeiskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, 153–214.
- Raevskiy, D.S. 1988: Skifo-sarmatskaya mifologiya [Scythian-Sarmatian mythology]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [World myths] 2. Moscow, 445–450.
- Rykov, P.S. 1925: Suslovskiy kurgannyi mogil'nik [Suslovskiy Barrow Necropolis]. In: *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Saratov State University] 4 (3), 28–102.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and Lower Don in the First Centuries AD]. Moscow.
- Shevchenko, N.F. 2013: *Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe ery* [Tribes of the East Azov Sea Shore on the Turn of Erae]. Rostov-on-Don.
- Shilov, V.P. 1959: Kalinovskii kurgannyi mogil'nik [Kalinovsky Barrow Necropolis]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR] 60, 323–523.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.
- Sinitsyn, I.V. 1960: Drevnie pamiatniki v nizov'iakh Eruslana (po raskopkam 1954–1955 gg.) [Ancient Sites in the Lower Yerulan River Area: by 1954–1955 Excavations]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR] 78, 10–168.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt)* [Sarmatia Asiatica: Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov.
- Smirnov, K.F. 1959: Kurgany y syel Ilovatka i Politodel'skoe Stalingradskoy obl. [Barrows at villages Ilovatka and Politodel'skoe of Stalingradskaya region]. In: *Materialy i issledo-*

- vaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR]* 60, 206–322.
- Ulitin, V.V. 2016: Vino v religioznykh predstavleniyakh meotskikh plemeny Prikuban'ya: obshchaya kharakteristika [Wine in religious beliefs of Meotian tribes of Kuban region: general characterization]. In: A.N. Gei, I.A. Sorokina, (eds.), *Arkheologicheskaya nauka: Praktika, teoriya, istoriya. Sbornik statey pamyati I.S. Kamenetskogo [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collected papers in the memory of I.S. Kamenetsky]*. Moscow, 220–227.
- Zhdanovskiy, A.M. 2015: Nekotorye voprosy torgovo-ekonomicheskikh svyazey Prikuban'ya v sarmatskoe vremya [Some issues on trade and economic relations of the Kuban Region in the Sarmatian Time]. *Arkheologiya i etnografiya Pontiysko-Kavkazskogo regiona [Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area]* 3. Krasnodar, 95–114.

CATEGORIES OF ANCIENT CERAMICS IN THE KUBAN REGION AND THE INTERFLUVE OF THE VOLGA AND THE URAL: THE PROBLEMS OF STUDYING OF THE FUNCTIONAL USAGE AND ITS ROLE IN BARBARIAN CULTURE

Andrey V. Bezrukov*, Vladislav V. Ulitin**

**Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
 buonogiorno@mail.ru

***Kuban State University, Krasnodar, Russia*
 ulitin_vladislav@yahoo.com

Abstract. The authors compare the functions and role of various categories of the ancient ceramics in the everyday life and culture of the near and far Barbarian periphery of the Classical World (the settled Meotians and the nomadic Sarmatians of the Kuban region and interfluvium of the Volga and the Ural region nomadic tribes).

The comparative analysis embraces the period from the 3rd century BC to the 2nd century AD. Throughout this time, there was the Sarmatian nomadic population and the ancient ceramics was used in both regions. The ceramics was examined by categories (amphorae, Bosporan red clay pottery, perfume vessels, black-, brownish black- and red-glazed pottery, “Megarian” bowls, lagunoi, shaped receptacles, pithoi, lamps, tiles, terracotta figurines, terracotta medallions, etc.).

The analysis shows the ancient ceramics (as well as Greek items transported in ceramic containers) became a part of the Barbarian everyday life and funeral practices in both Kuban and the Volga-Ural regions. The wider assortment of ancient ceramics is recorded in near Classical World's periphery. Through the medium of ceramics, the Greek culture had a significant impact on the Meotians and the Sarmatians of the Kuban region as well as close Classical World's periphery. In comparison with other import ceramic categories (Kuban, Don, Middle Asian centers wheel-made pottery), the ancient ceramics took significant place neither in culture nor trade links of far periphery (interfluvium of the Volga and the Ural region) nomads even at the height of trade relations with the Classical World.

Keywords: Kuban region, Volga, Ural, nomads, ceramic import, Maeotians, Sarmatians, periphery

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ. III. ПРОЗВИЩА ПОЛИТИКОВ: АРХАИКА И РАННЯЯ КЛАССИКА

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru

Аннотация. В статье после ряда общих замечаний о типологии прозвищ рассматриваются вначале зафиксированные в источниках прозвища правителей (в основном тиранов) периода, о котором идет речь; выясняется, что соответствующий материал достаточно скуден. Далее происходит переход к прозвищам государственных деятелей республиканских полисов; естественно, таковых всего больше обнаруживается для Афин. О прозвищах афинских политиков есть, конечно, сведения из нарративных источников, но воистину сокровищницей в данном отношении оказываются остраконы для остракизма. Этот материал действительно нуждается в самом пристальном изучении.

Ключевые слова: архаическая и классическая Греция, прозвища, типы прозвищ, Афины, политики, тираны, остраконы, остракизм

В данной статье, третьей из цикла, подготавливаемого в рамках поддержанного РГНФ (ныне слит с РФФИ) исследовательского проекта «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен» (руководитель – О.Л. Габелко), мы, естественно, будем опираться на выкладки, сделанные в двух предыдущих¹. В частности, там мы отмечали, что прозвища могут иметь характер: а) нейтральный, всего лишь идентифицирующий индивида; б) позитивный, возвышающий; в) негативный, уничижительный. Последние два типа, в отличие от первого, отличаются, как видим, эмоциональной окрашенностью.

Есть также и другой способ классификации прозвищ – деление их на а) устойчивые, то есть сопровождающие персонажа с какого-то момента и вплоть до кончины, и б) ситуативные, то есть употребляемые по отношению к нему в каких-то конкретных обстоятельствах или даже употребленных единожды (таковые мы в дальнейшем, кажется, встретим, когда обратимся к остраконам V в. до н.э.). Теперь мы, пожалуй, наряду с этими двумя категориями выделили бы и еще одну,

---

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор ОСКИ РГГУ.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ/РГНФ (грант 16-01-00297).

¹ Суриков 2017а; 2017б.

третью – в) прозвища вторичные. Под ними имеем в виду такие, которые давались индивидам «задним числом», то есть не при жизни, а посмертно. Вот характернейший пример: великого Аристотеля в поздней античности и в византийское время весьма часто называли Стагиритом (ὁ Σταγειρίτης или ὁ Σταγίριτης), однако не похоже, что это прозвище – изобретение современников, в классическую эпоху оно не фиксируется и явно возникло только позже, в связи с тем, что Аристотелей было в Элладе много (имя достаточно распространенное), а вот прославившийся на весь античный мир Аристотель Стагирский был только один.

Впрочем, о философе мы упомянули лишь ради пояснения одного из наших тезисов, а в целом далее речь пойдет уже не о философах и вообще не о деятелях культуры, а о политиках.

Правители полисов. Как известно, в древнегреческих государствах различали (это делает уже вышеупомянутый Аристотель в «Политике») два типа единоличных правителей². Имеем в виду узурпаторов-тиранов и легитимных царей (басилеев, в Спарте – архагетов).

Начнем с тиранов, а конкретно – с такой действительно видной фигуры, как Кипсел Коринфский (основоположник династии Кипселидов и, можно сказать, чуть ли не первый тиран во всей Балканской Греции – аргосский правитель Фидон, правда, относится к несколько более раннему времени³), это фигура особого статуса – не узурпатор, а легитимный царь из династии Теменидов, совершивший в своем полисе переворот с целью усиления собственной личной власти; что же касается сикионских Орфагоридов, то истоки этой тирании «тонут во мгле», и совершенно не факт, что она возникла раньше коринфской.

Сразу бросается в глаза «говорящее» имя Кипсела (Κύψελος): оно явно производно от κυψέλη «ящик, сундук, ларец». Могли ли ребенка при рождении именовать подобным образом? Из некоторых сообщений источников создается однозначное впечатление, что «Кипсел» – это в какой-то степени прозвище⁴.

Так, согласно Геродоту (Herod. V. 92), будущего тирана, когда он был еще младенцем, хотели убить Бакхиады. Однако его мать Лабда «взяла его и спрятала, как ей казалось, в самом потаенном месте, именно в сундуке (ἐς κυψήλην) <...> А сын Этиона [Этионом звали отца Кипсела – И.С.] после этого стал подрастать, и так как остался в живых благодаря сундуку, то получил от сундука имя Кипсел (καὶ οἱ διαφυγόντι τοῦτον τὸν κίνδυνον ἀπὸ τῆς κυψέλης ἐπωνυμίην Κύψελος οὐνομα ἐτέθη)». Существительное ἐπωνυμία вполне могло означать «прозвище».

Тот самый ларец, в который положили ребенка Кипсела, будто бы видел в Олимпии периегет Павсаний еще во II в. н.э. и даже дал его описание: «...ларец (λάρναξ) сделан из кедра; на нем изображения сделаны из слоновой кости, золота, а некоторые из того же кедра. В этот ларец мать положила Кипсела, будущего коринфского тирана, когда Бакхиды [Sic! Правильнее «Бакхиады» – И.С.] старались найти его после его рождения. В память спасения Кипсела его потомки, так

² Ср. Суриков 2015а, 98 слл.; Суриков 2016, 34 слл.

³ Хотя все-таки не думаем, что его следует датировать VIII в. до н.э., как сделано в книге: Kōiv 2003.

⁴ Отметим, что недавно появилась очень полезная, репрезентативная подборка источниковых текстов о ранней тирании: Жестоканов 2014.

называемые Кипселиды, посвятили этот ларчик в Олимпию, а ларцы коринфяне называли тогда кипселями; от этого, говорят, и мальчику дали имя Кипсела (τὰς δὲ λάρνακας οἱ τότε ἐκάλουν Κορίνθιοι κυψέλας· ἀπὸ τούτου δὲ καὶ ὄνομα Κύψελον τῷ παιδί θέσθαι λέγουσι). Надписи над изображениями на ларце по большей части сделаны древними письменами: одни из них идут прямыми строчками, другой же вид надписей эллины называют бустрофедон...» (Paus. V. 17. 5–6).

Упоминание о бустрофедоне, вообще говоря, необыкновенно важно: оно показывает, что памятник, о котором говорит Павсаний, действительно является весьма древним. Именно бустрофедоном делались самые ранние греческие надписи (VIII – первая половина VII в. до н.э.), как убедительно показал Б. Пауэлл в своей великолепной монографии о происхождении алфавита⁵. В классическую эпоху греки так уже не писали. И, заметим кстати, ларец Кипсела, как его описал Павсаний, является настолько интересным артефактом, что постоянно привлекает к себе внимание исследователей⁶, желание как-то реконструировать изображения на нем (этим изображениям Павсаний, этот любитель всего архаического, посвящает довольно обширный пассаж: Paus. V. 17. 7 – XIX. 10).

Как бы то ни было, нельзя не поставить вопрос: если Кипсел – это прозвище, то каково же было «исконное» имя основателя коринфской тирании? Ведь должны же его были как-то назвать при рождении, не мог мальчик жить безымянным до того момента, когда его спрятали в ларце или сундуке. Однако, увы, этого «прирожденного» имени Кипсела источники не указывают.

Перейдем к другим древнегреческим тиранам (и членам их семей). Следует отметить, что имеющийся в нашем распоряжении материал крайне небогат. Можно указать, в частности, на следующее свидетельство из «Афинской политики» Аристотеля о сыновьях афинского тирана Писистрата⁷: «Было их двое от его законной жены – Гиппий и Гиппарх – и двое от аргивянки – Иофонт и Гегесистрат, по прозвищу Фессал (Νῆψιστράτος, ὃ παρωνύμιον ἦν Θέτταλος)» (Arist. Ath. pol. 17. 3).

Здесь есть о чем поговорить. Прежде всего, нас не должно смущать написание Θέτταλος и его перевод как «Фессал». Как известно, в аттическом диалекте имеет место фонетический переход тт < στ. Соответственно, фессалийцы для афинян были «фетталийцами». Более серьезной проблемой является иная: хотя традиционно в комментариях пишут, что прозвище «Фессал» указывает на связи Писистратидов с Фессалией, в действительности «фессалиец» по-древнегречески пишется иначе (Θεσσαλός, на аттическом диалекте Θετταλός), с ударением не на первом, а на последнем слоге. Заметим, кстати, что одного из сыновей виднейшего афинского политика и полководца Кимона (V в. до н.э.) звали тоже Фессалом; вероятно, отец дал ему такое имя, дабы указать на свое дружественное отношение к Фессалии (равно как другого сына он назвал Лакедемонием, чтобы

⁵ Powell 1991. Среди работ о ранней греческой письменности эта работа по уровню концептуального анализа, на наш взгляд, не имеет себе равных, а вот с точки зрения полноты и репрезентативности приведенного материала и по сей день остается важнейшим фундаментальным труд: Jeffery 1963.

⁶ О нем, в частности, относительно недавно писал такой выдающийся специалист, как Э. Снодграсс: Snodgrass 2001.

⁷ О тирании Писистрата и Писистратидов см. работу: Lavelle 2005.

продемонстрировать свое лаконофильство⁸). Между прочим, Фессал, сын Кимона, у Плутарха повсюду (Plut. Cim. 16; Pericl. 29; Alc. 22) фигурирует как Θεσσαλός, то есть именно как «фессалиец»⁹.

Но вернемся к Фессалу, сыну Писистрата. Что же здесь перед нами – имя или прозвище? В «Афинской политике» Аристотеля, как мы видели, «Фессал» – прозвище, а личное имя данного персонажа – Гегесистрат. А как у других ранних авторов? У Геродота (Herod. V. 94) он упомянут только как Гегесистрат (без прозвища), причем указано, что Писистрат поставил его вассальным тираном Сигея (видимо, подражая коринфским Кипселидам, которые назначали главами колоний Коринфа членов своей семьи). С другой стороны, Фукидид (Thuc. I. 20. 2; VI. 55. 1) говорит лишь о Фессале, а никакого Гегесистрата он не знает.

Но все-таки трудно представить, чтобы автор «Афинской политики»¹⁰ вымыслил «с нуля» данную подробность – о том, что «Фессал» является прозвищем. Он должен был откуда-то взять эту информацию, и, полагаем, почерпнул ее из какого-нибудь труда, написанного в аттидографическом жанре (как прекрасно известно, данные «Аттиды» в «Афинской политике» привлекаются самым активным образом¹¹).

В любом случае вопрос остается неясным (как говорится, non liquet), и однозначных, непротиворечивых доказательств в пользу того, что один из сыновей тирана Писистрата (и притом сам тиран, пусть и подчиненный) имел, наряду с именем, также и прозвище, все-таки, на наш взгляд, нет. Стало быть, бесполезно и рассуждать, к какой категории это прозвище (если оно было) относилось.

Но, по крайней мере, применительно к одному тирану (Аристодему, сыну Аристократа) можно совершенно однозначно сказать, что прозвище у него было. Он, правда, правил не в Элладке как таковой, а в колониальном мире, в италийских Кумах (Киме) на рубеже VI–V вв. до н.э.¹² В источниках он фигурирует с устойчивым эпитетом Μαλακός.

Приведем несколько свидетельств, пока опираясь на те переводы, которые даны в подборке С.М. Жестоканова. Dion. Hal. Ant. Rom. V. 36. 2: «...Побежденный куманцами, которыми командовал Аристодем по прозвищу “Кроткий” (Ἀριστόδημος ὁ Μαλακὸς ἐπικαλούμενος), он [Аррунт, сын этрусского царя Порсены, – И.С.] погибает». Ibid. VI. 21. 3: «Царь же Тарквиний [Гордый – И.С.] <...> отправился в Кумы в Кампании к Аристодему, прозванному “Кротким” (πρὸς Ἀριστόδημον τὸν ἐπικληθέντα Μαλακόν), который тогда был тираном в Кумах». Ibid. VII. 2. 4: «А тираном Кум был тогда Аристодем, сын Аристократа, человек родом не из простых, который от горожан имел прозвище “Малак” (Крот-

⁸ О Кимоне как ведущем афинском лаконофиле см.: Суриков 2015б, 12 слл.

⁹ У Плутарха σσ, поскольку он все-таки не был последовательным аттицистом и порой включал в язык своих произведений в целом аттический, элементы эллинистическо-римского койне.

¹⁰ Или все-таки скорее группа авторов. Было достаточно убедительно показано (Whitehead 1993), что в составлении знаменитого трактата о государственном устройстве Афин поучаствовали, как минимум, два человека. Мы бы, со своей стороны, добавили, что один из них не был коренным афинянином. Все-таки Θέτταλος с тт – это уже какой-то «гиператтицизм» (у Фукидида, например, везде Θεσσαλός, а уж Фукидид-то – почти идеальный аттический автор). «Гиперкорректность» в фонетике и грамматике чаще наблюдается у натурализовавшихся чужестранцев (каковым, кстати, как раз был в Афинах Аристотель).

¹¹ Harding 1977.

¹² Г. Берве датирует его правление 505/504–491/490 гг. до н.э.: Berve 1967a, 161.

кий) и со временем стал более известен по прозвищу (ὃς ἐκαλεῖτο Μαλακὸς ὑπὸ τῶν ἀστῶν καὶ σὺν χρόνῳ γνωριμωτέραν τοῦ ὀνόματος ἔσχε τὴν κλῆσιν), чем по имени, – то ли потому, как сообщают некоторые, что ребенком он оказался женоподобным и переносил то, что подобает женщинам¹³, то ли, как пишут другие, поскольку был кротким по природе и ласковым по нраву (πρᾶος ἦν φύσει καὶ μαλακὸς εἰς ὀργήν)». Suid. s.v. Ἀριστοδόημος: «Аристодем, сын Аристократа, тиран Кимы Италийской, муж не из простого рода, который получил от граждан прозвище «Кроткий» и со временем стал более известен по прозвищу, чем по имени (ὃς ἐκαλεῖτο Μαλακὸς ὑπὸ τῶν ἀστῶν καὶ σὺν χρόνῳ γνωριμωτέραν τοῦ ὀνόματος ἔσχε τὴν κλῆσιν) то ли потому, что ребенком он был женоподобным и переносил то, что подобает женщинам, то ли потому, что был мягким по природе и кротким по нраву (πρᾶος ἦν φύσει καὶ μαλακὸς εἰς ὀργήν)».

Как видим, словарь «Суда» попросту дословно цитирует Дионисия Галикарнасского, а вот что касается этого последнего – он в своих «Римских древностях» дает об Аристодеме довольно пространный экскурс. И из данного свидетельства, строго говоря, так-таки и не складывается однозначного впечатления, почему именно вышеназванный тиран получил подобное, не очень обычное прозвище.

Прилагательное *μαλακός* в прямом и строгом смысле означает «мягкий». Когда оно, применяясь к людям, употреблялось, таким образом, в переносном значении, то могло получать коннотации как негативные («изнеженный, слабый, вялый»), так и позитивные («кроткий, тихий, снисходительный, уступчивый», даже «женственный»)¹⁴. Впрочем, нельзя не заметить, что позитивные контексты данной лексемы все же встречаются заведомо реже. Если, например, Аристотель называет Писистрата Афинского «кротким» тираном (Arist. Ath. pol. 16. 2)¹⁵, «кротким» именно в положительном смысле (т.е. незлобивым, не склонным к мщению врагам и т.п.), то он употребляет иную лексику – не *μαλακός*, а *πρᾶος*.

Из того, что нам рассказывает Дионисий Галикарнасский об Аристодеме Кумском, перед нами вырисовывается образ какого-то образцового, просто-таки «идеального» тирана. Аристодем совершает громкий подвиг на войне (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 4. 3), затем начинает заигрывать с демосом, позиционируя себя в качестве врага аристократии (ibid. VII. 4. 5 sqq.), а придя к власти, проводит две «самые одиозные» реформы – передел земель и кассацию долгов (ibid. VII. 8. 1), в конце концов отбирает у всех граждан оружие (ibid. VII. 8. 2–3)¹⁶.

И что же во всем этом «мягкого»? Показана, напротив, какая-то чрезвычайно жесткая линия. Похоже, большее отношение к прозвищу кумского тирана имеет следующее наблюдение того же Дионисия Галикарнасского (ibid. VII. 9. 3–5): «А чтобы вообще ни у кого из остальных граждан не появился благородный и мужественный образ мыслей, тиран решил изнежить (ἐκθηλῦναι, дословно – «обабить») посредством воспитания всю подрастающую молодежь города <...> А именно, он приказал юношам носить длинные волосы, подобно девушкам <...>

¹³ Речь идет, понятно, о пассивном гомосексуализме.

¹⁴ Вейсман 1991, 779.

¹⁵ Что позволило нам в свое время ввести в название главы о Писистрате в монографии о ранних греческих политиках (Суриков 2005, 151) именно такую парадоксальную формулировку о «кротком тиране».

¹⁶ Ср. с рассказом Аристотеля (Ath. pol. 15. 4) о том, как Писистрат отобрал оружие у афинских граждан.

закутываться в тонкие и мягкие (μαλακοῖς) накидки <...> Таким вот воспитанием Аристодем губил мальчиков, пока они не достигали двадцатилетнего возраста...».

Тут прямо-таки чувствуется автор, пишущий в Риме и для римлян, которым длинные волосы всегда представлялись чем-то неприемлемым. У греков же они служили признаком все же не женственности, а аристократизма (как, допустим, во Франции времен Людовиков), не случайно же спартиатам Ликург, согласно легенде, предписал законом носить длинные волосы: тем самым все граждане как бы становились аристократами.

С другой стороны, в последующей греческой традиции (для этоса классической эпохи, как известно, была характерна гипертрофированная маскулинность) подобные меры действительно могли восприниматься как такие, какие «смягчают нравы» (в дурном смысле). Впрочем, Г. Берве¹⁷ вообще полагает, что здесь перед нами результат искаженного толкования античными авторами самого прозвища тирана – Μαλακός, применительно же к прозвищу выдающийся немецкий исследователь считает наиболее вероятным толкование Плутарха, связывающего анализируемое прозвище с прической Аристодема (Plut. Mor. 261de).

Согласно Плутарху, куманский правитель получил прозвище «мягкого» (Μαλακὸν ἐπίκλησιν) «не по мягкости нрава, как думают иные, а по той причине, что так его называли варвары, когда он, еще будучи длинноволосым подростком, в военных столкновениях с ними отличался не только смелостью и ловкостью, но и сообразительностью»¹⁸. Но все это как-то не очень понятно, а, главным образом, так-таки и не удается уяснить, является ли прозвище Аристодема Μαλακός (в самом факте наличия у него такого прозвища сомневаться не приходится) по своему характеру негативным, позитивным или нейтральным. Нам все-таки представляется наиболее вероятным из этих вариантов первый; иными словами, мы не согласны с Берве и склонны остаться при мнении, что данный эпитет следует связывать с понятиями «изнеженный, женственный», а контекст для его появления видеть как раз в практике тирана по «изнеживанию» молодежи.

Кстати, возможно, имеет смысл хотя бы в двух словах остановиться на синонимичном, но все-таки, как правило, не имеющим откровенно отрицательных обертонов эпитете *πραῶς*, который, как мы видели чуть выше, в «Афинской политике» Аристотеля прилагается к Писистрату. Нельзя ли и в данном случае говорить о прозвище? Хотя бы вторичном, данном тирану уже *post mortem*, когда его начали идеализировать – по контрасту с режимом его сына Гиппия, который под конец стал достаточно жестким. Тут можно еще отметить, что чуть ниже в том же аристотелевском трактате содержится следующее свидетельство: «...Говаривали часто, что “тирания Писистрата – это жизнь при Кроне”» (Arist. Ath. pol. 16. 7). Имеется в виду, конечно, сравнение с мифическим «золотым веком». Не мог ли самый популярный афинский тиран получить в какой-то момент – вряд ли при жизни, скорее, после смерти – прозвище «Крон»? Исключать это нельзя, но при-

¹⁷ Berve 1967a, 161.

¹⁸ Цитируем в переводе Я.М. Боровского, который, впрочем, именно к данному пассажиру делает примечание: «Текст в этом месте неясен, передается по общему смыслу» (Плутарх 1990, 284, прим.*). Это действительно так, перевод не отличается большой точностью, в нем по сравнению с оригиналом даже кое-что пропущено (например, о каких-то «коронистах»). Неясностью текста, видимо, порождаются и проблемы с его интерпретацией.

ходится отметить, что прямых сообщений на данную тему в нашем распоряжении, кажется, нет.

Таков вот материал о прозвищах в древнегреческих тиранических династиях. Он, как видим, скуден и мало показателен. Можно, конечно, припомнить о каких-то совсем уж ничего не дающих примерах (как, скажем, Дионисий Старший и Дионисий Младший Сиракузские – тут явно налицо простая идентификация, дабы не путать великого отца с посредственным сыном), но чем это нас обогатило бы?

Увы, не иначе (имеем в виду скудость материала) дело обстоит и с легитимными правителями в греческом мире доэллинистического времени. Так, известно по именам довольно много царей кипрских городов¹⁹, но как-то так получается, что, похоже, с ними не соотносятся какие-либо прозвища.

Самые же известные в Элладе царские династии, как известно, правили в Спарте (Агиады и Еврипontiды)²⁰. Спартанские цари, однако, почти никогда не имели прозвищ. Агесилай II вошел в историю как «Великий» (Αγισίλαος ὁ Μέγας). Именно так – в трактате «Изречения спартанцев», входящем в «Моралии» Плутарха (Plut. Mor. 208b). Не случайно тот же Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» выбрал римским визави Агесилая не кого иного, как Гнея Помпея, который, как известно, получил прозвище «Великий», которое даже стало его официальным когноменом (Ср. Pompeius Magnus)²¹. Между тем известно, что Помпею это прозвище было совершенно точно даровано при жизни, более того – еще в его молодые годы. И сохранились точные данные о том, кем именно оно было ему даровано: диктатором Суллой (Plut. Pomp. 13; в высшей степени характерно, что Плутарх пишет не ὁ Μέγας, а ὁ Μάγνος, то есть просто транскрибирует греческими буквами римское слово *magnus*). С другой стороны, не похоже, чтобы Агесилая II Спартанского называли великим уже при жизни. Другом и певцом выдающегося лакедемонского царя был афинянин Ксенофонт²²; однако ни в «Агесилае» Ксенофонта, ни в его же «Греческой истории» Агесилай не фигурирует с устойчивым прозвищем «Великий». Таким образом, перед нами типичный образец «вторичного», посмертного прозвища.

Афинские политики периодов поздней архаики и ранней классики. А вот тут мы выходим на куда более обильный материал. Проблемы, бесспорно, тоже имеют место. Так, видный представитель рода Филаидов²³ Мильтиад Старший²⁴ в литературе постоянно фигурирует с эпитетом «Ойкист» или «Ктист» (поскольку он основал афинскую колонию на Херсонесе Фракийском и стал ее первым тира-

¹⁹ О них см. теперь: Евдокимов 2016 (прекрасная, фундированная статья со ссылками на основную литературу вопроса).

²⁰ О спартанских царях см. Bradford 2011 (относительно недавняя монография, впрочем, несколько тенденциозно-апологетическая по духу); Печатнова 2007 (книга скорее популярного характера, но все же ее автор – один из крупнейших в настоящее время российских специалистов по Спарте).

²¹ Ср. Hoff 2005. Обратим внимание на то, что в случае с Помпеем мы имеем не вполне традиционный случай, когда лицо не наследует когномен отца (отцом был Помпей Страбон, Plut. Pomp. 1), а получает новый.

²² Hagman 2012.

²³ Или Кимонидов, как ныне нередко пишут (например, Samons 2017).

²⁴ О котором см.: Davies 1971, 299 f.

ном²⁵). Однако же в источниках данный эпитет по отношению к нему, насколько знаем, не встречается, так что тут перед нами опять же вторичный эпитет.

Но вот совершенно точно нельзя сказать того же о прозвище единоутробного брата вышеупомянутого Мильтиада. Здесь мы начинаем речь о Кимоне, сыне Стесагора (отце другого Мильтиада, Младшего, того самого, который разгромил персов при Марафоне), и вот в связи с этим персонажем, одним из наиболее известных в Афинах второй половины VI в. до н.э., уже можно куда более предметно обсудить проблему прозвищ.

Кимон Старший, о котором теперь идет речь, в политической жизни Афин не принимал ровно никакого участия. Прославился же он своими тремя (!) олимпийскими победами в состязаниях колесниц²⁶. В принципе с такими-то спортивными достижениями он вполне мог бы претендовать даже и на видную роль одного из лидеров полиса²⁷. Но никаких подобных притязаний он не выказывал, поскольку был на редкость туп, за что и получил свое известнейшее прозвище *Κοῤλεμος*.

Наиболее важным как свидетельство представляется здесь хрестоматийный пассаж из Плутарха (Plut. Cim. 4): «Кимон²⁸ <...> прослыл беспутным кутилой, похожим по нраву на деда своего Кимона, который, говорят, за простодушие был прозван Коалемом (*Κοῤλεμον προσαγορευθῆναι* – в оригинале конструкция асс. с. inf.). «Простодушие» – это еще мягко сказано (мы использовали русский перевод В.В. Петуховой). В действительности *κοῤλεμος* – это просто дурачок, *μωρός*. (Ps.-Zonar. Lex. s.v. *κοῤλεμος*). Иными словами, совершенно тупоумный человек. Конечно, не до стадии невменяемости. *Κοῤλεμος* вполне мог быть почтенным гражданином, и примером тому – не один только Кимон Старший.

Так, укажем следующее свидетельство Афиня (Athen. V. 220b): «В диалоге “Аспасия” Эсхин²⁹ обзывает Гиппоника, сына Каллия, дураком (*Ἰππόνικον μὲν τὸν Καλλίου κοῤλεμον προσαγορεύει*)». Из контекста видно, что речь идет об афинянине действительно почтеннейшем. Этот Гиппоник из рода Кериков слыл богатейшим из афинских граждан. Впрочем, похоже, он действительно был простоват. Хорошо известен рассказ (Plut. Alc. 8) о том, как молодой Алкивиад публично нанес Гиппоннику оскорбление действием – причем без всякой причины, а, так сказать, на спор с приятелями, – на следующий же день пришел к нему просить прощения и даже желал быть наказанным за свою выходку. Старик расстрогался и не только простил обидчика, но и впоследствии выдал за него свою дочь Гиппарету.

Кстати, парадоксальным образом именно к представителям рода Кериков прозвища как-то особенно интенсивно «прилипали». Напомним, что это был из-

²⁵ Сводку свидетельств см.: Berge 1967b, 565 f.

²⁶ В этом контексте мы о нем ранее и писали в таких своих англоязычных работах, как: Surikov 2004; 2012; 2013a.

²⁷ О роли олимпиоников как лидеров полиса и даже потенциальных тиранов см. старую, но все еще полезную статью: Зельин 1962.

²⁸ Это Кимон Младший, сын марафонского победителя Мильтиада и сам выдающийся военачальник.

²⁹ Не оратор Эсхин, современник и соперник Демосфена, а Эсхин Сократик, создававший свои философские диалоги в начале IV в. до н.э.

вестнейший афинский жреческий и в то же время политически активный род³⁰, в частности, активно подвизавшийся на ниве дипломатии³¹.

И у нас есть подозрение, что тот член данного рода, который в источниках хронологически первым имеет прозвище, получил его как раз в связи со своей дипломатической деятельностью. Это Гиппоник, но не тот, который упоминался выше в качестве дурака, а его дед.

Гиппоник, сын Каллия, о котором идет речь, жил на рубеже VI–V вв. до н.э., т.е. в первые годы становления демократического афинского полиса. Об этом Гиппонике известно только, что он носил прозвище «Аммон» (Γιππόνικον τὸν Καλλίου τὸν Ἀμμόνα ἐπικαλούμενον, Heraclid. Pont. ap. Athen. XII. 537a). Об источнике прозвища эксплицитно не говорится, но, думается, удовлетворительное его объяснение может быть только одно: очевидно, Гиппоник возглавлял священное посольство к оракулу Аммона в Ливии³², что вполне увязывалось бы с принадлежностью его к потомственному жречеству. Это гипотетическое посольство должно приходиться на первые годы клисфеновских реформ, когда юная демократия стремилась получить религиозную санкцию, заручившись поддержкой крупнейших святилищ (в частности, дельфийского оракула)³³.

Сыном вышеупомянутого Гиппоника (и отцом Гиппоника, упоминавшегося еще выше, тестя Алкивиада) был знаменитейший Каллий, о котором мы в свое время писали³⁴: «Каллий (II), сын Гиппоника (PA 7825), был, бесспорно, одним из наиболее заметных афинян своего времени. Являясь самым богатым человеком в Афинах, а по некоторым сведениям – и во всей Элладе (Lys. XIX. 48; Aeschin. Socr. ap. Plut. Aristid. 25), трижды победив на Олимпийских играх в состязаниях колесниц-четверок³⁵, еще в молодости отличившись в Марафонском сражении (Schol. Aristoph. Nub. 64), впоследствии породнившись и с Кимоном и с Периклом, – Каллий, пожалуй, заслуживал бы специальной биографии Плутарха». Именно он, в частности, заключил известный Каллиев мир, завершивший Греко-персидские войны³⁶.

У Каллия, о котором теперь идет речь, было интереснейшее прозвище «Лаккоплут» (Λακκόπλουτος). См., например: Aristodem. FGrHist. 104. F1. 13: «И избирают стратегом Каллия, по прозвищу (ἐπικλην) Лаккоплут...». Suid. s.v. Καλλιῆς: «Каллий, прозванный (ἐπικληθεὶς) Лаккоплутом...».

Прозвище, которое здесь, перед нами, представляет собой составное существительное (или прилагательное: в древнегреческом – в отличие от русского – эти две части речи грамматически никак не различаются, что, кстати, облегчало субстантивацию прилагательных), производное от корней слов *λάκκος* «яма, цистерна» и *πλοῦτος* «богатство». Иными словами, «Лаккоплут» должно обозначать «разбогатевший от ямы».

³⁰ Само понимание афинского рода ныне, кстати, приходится корректировать по сравнению с традиционным с учетом выкладок в фундаментальном труде: Bourriot 1976.

³¹ Суриков 2000a, 101 слл.

³² Об оракуле Аммона см.: Parke 1967.

³³ Picard 1930; Schachermeyr 1966, 68; Shapiro 1994, 123.

³⁴ Суриков 2000a, 105.

³⁵ Moretti 1957, 80.

³⁶ Об этом договоре см. хотя бы: Samons 1998.

Плутарх передает крайне сомнительный рассказ о преступлении Каллия после битвы при Марафоне (Plut. Aristid. 5)³⁷: воин-жрец (а сражался он именно в жреческом облачении) якобы присвоил золото, спрятанное персами в яме, убил человека, показавшего ему этот клад, и таким путем чрезвычайно разбогател (ср. Phot. Lex. s.v. Λακκόπλουτος; Suid. s.v. Λακκόπλουτος – в этих источниках эпизод приурочивается не к Марафонскому, а к Саламинскому бою). На самом же деле Каллий, несомненно, был очень богат уже задолго до Марафона и уж тем более до Саламина: надежным свидетельством этого является сам факт его трехкратной олимпийской победы в самом дорогостоящем виде состязаний в 500, 496 и 492 гг. до н.э.

Укажем другие свидетельства о Каллии-«Лаккоплуте». «Лаккоплут: так Каллия называют комедиографы, из-за того, что он нашел золото, брошенное в колодец» (Hesych. s.v. Λακκόπλουτος). Между прочим, упоминание комедиографов здесь весьма важно. Под таковыми могут иметься в виду только авторы древней аттической комедии, развивавшейся на протяжении V в. до н.э. и нашедшей свой конец в начале IV в. до н.э. (уже последняя драма Аристофана, «Плутос», поставленная в 388 г. до н.э., типологически принадлежит к жанру средней аттической комедии): лишь они практиковали в своих пьесах политическую сатиру, причем именно личностного типа³⁸. А значит, Каллия называл Лаккоплутом какой-то из его современников (этому афинскому политику была дарована долгая жизнь, и он, поучаствовав в Марафонской битве 490 г. до н.э., а перед тем одержав аж три олимпийские победы, завершил свою карьеру даже не Каллиевым миром 449 г. до н.э., а Тридцатилетним миром Афин со Спартой 446 г. до н.э.).

Возможно, что называл Каллия Лаккоплутом также и софист Протагор (The-
mist. Sophist. 294a5 Harduin), который, кстати, при своих визитах в Афины оставался у его внука, тоже Каллия (Plat. Prot. 311a). У этого последнего³⁹, возможно, тоже было прозвище («Богатый»), но с его наличием или отсутствием мы будем разбираться в следующей статье данного цикла, поскольку хронологические рамки этой – периоды архаики и ранней классики, а Каллий-младший жил и действовал уже во второй половине V в. и первой половине IV в. до н.э.

В любом случае мы видим, что, как минимум, три представителя рода Кериков (возможно, что и четыре, если в дальнейшем о Каллии-младшем получим позитивные результаты) фигурируют как имеющие прозвища *Гиппоник «Аммон»* (Ἀμμων), *Каллий «Лаккоплут»* (Λακκόπλουτος), *Гиппоник «Дурачок»* (κοῦλε-
μος). Причем, если по отношению к последнему перед нами, скорее всего, чисто ситуативный эпитет (по эмоциональной окраске, естественно, негативный), причем данный вторично, посмертно (Эсхином Сократиком), то применительно к двум первым можно без сомнения говорить именно о постоянных, устойчивых прозвищах. Мы бы, пожалуй, отнесли оба к категории нейтральных, чисто идентификационных (поскольку имена Гиппоник и особенно Каллий были в числе весьма распространенных в Афинах). О происхождении прозвища «Аммон» говорилось выше, а что касается «Лаккоплута» и мнимой его связи с похищением персидских богатств, можем только повторить то, что писали десяток лет тому

³⁷ Источник этого анекдота, – должно быть, афинская памфлетная литература V в. до н.э.

³⁸ Schwarze 1971; Degani 1991; Storey 1998; Stark 2002.

³⁹ О нем см. Strauss 1986, 131 ff.

назад⁴⁰: «Версию эту, наивно-клеветническую, Плутарх, скорее всего, нашел в какой-нибудь комедии или памфлете и некритически использовал. В действительности, конечно же, подобная махинация, имея она место, не сошла бы Каллию с рук <...> А прозвище *Λακκόπλουτος*, скорее всего, должно трактоваться по-другому: оно показывает, что богатство Кериков пошло от разработки Лаврийских серебряных рудников, от тамошних «ям», то есть шахт».

Из политиков начала V в. до н.э. чрезвычайно устойчивое и в то же время чрезвычайно позитивное (настолько зашкаливающе-позитивное, что оно вызывало уже раздражение у сограждан) носил один. Каждый, естественно, догадается, что имеется в виду Аристид «Справедливый» (*ὁ Δίκαιος*⁴¹), один из виднейших деятелей не только Афин, но и Эллады в целом, основатель Делосского союза. То, что прозвище Аристида не было придумано впоследствии (например, афинскими союзниками, которые, понятно, после клеоновских новшеств считали расклад фороса 478 г. до н.э., осуществленный Аристидом и в целом сохранявшийся более полувека, почти идеальным), то есть не являлось вторичным, а употреблялось уже при его жизни, подтверждается целым рядом данных. См., например, у Аристотеля (*Ath. pol.* 23. 3): «Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый – в гражданских, притом Аристид, по общему мнению, отличался еще *между своими современниками* [курсив наш – И.С.] справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому – как к советнику». Простим здесь Стагириту известное упрощение: и Аристид в своей жизни, случалось, отличался как полководец, и Фемистокл не раз и не два подсказывал согражданам в высшей степени ценные идеи. Но общую, сложившуюся репутацию, не преодолеть; судя по всему, уже современниками Аристид воспринимался не столько как «муж войны», сколько как «муж совета».

Но самым главным аргументом в пользу прижизненного характера прозвища Аристида «Справедливый» является известный эпизод, имевший место в день остракофории 482 г. до н.э., то есть в тот день, когда Аристид собственно и был изгнан (законом об остракизме⁴² предполагалось, что на 10 лет, но на самом деле он был возвращен досрочно в связи со вторжением Ксеркса). Этот эпизод с Аристидом и крестьянином был весьма популярен среди античных (а впоследствии и византийских) авторов и встречается, с теми или иными модификациями и варьированием деталей, в целом ряде источников. Сам мотив должен быть признан достаточно ранним и, видимо, аутентичным; во всяком случае, нет серьезных оснований отвергать достоверность описываемого случая⁴³.

⁴⁰ Суриков 2008, 80–81.

⁴¹ А в латинской передаче – *Iustus*. См. *Nep. Aristid.* 1: «Аристид отличался такой честностью, что, насколько я знаю, оказался единственным [курсив наш – И.С.], кто на памяти людской получил прозвище Справедливого (*ado accelerate Aristides abstinent, ut onus post hominem memoriam, quem equidem nosy audiograms, cognomina Iustus sit appellate*)». Обратим внимание, что римский автор употребляет для обозначения прозвища термин *cognomen* (у римлян это – «третье имя», элемент официальной номенклатуры гражданина, но у греков, конечно, такого не было).

⁴² В связи с законом об остракизме см.: Суриков 2006. В изложении эпизода с Аристидом мы, разумеется, опираемся на выкладки в только что упомянутой монографии, а также на главу об этом политике в нашей книге: Суриков 2008.

⁴³ Harvey 1966, 592. Противоположное мнение (без специальной аргументации) см.: Finley 1983, 50.

Первое упоминание о нем мы встречаем в I в. до н.э., у Корнелия Непота, но римский биограф, несомненно, не сам придумал данный эпизод, а позаимствовал его у кого-то из более древних писателей и только, вероятно, подверг собственной обработке. Непот рассказывает (Nep. Aristid. 1), что Аристид во время ostracismа заметил на месте голосования какого-то человека, пишущего на черепке его имя для изгнания (*animadvertisset quendam scribentem, ut patria pelleretur*). Спросив писавшего, почему он это делает и почему считает Аристида достойным такого наказания, он получил ответ: с Аристидом пишущий незнаком, но ему не нравится, что тот уж очень старается слыть Справедливым (*quod tam cupide elaborasset, ut praeter ceteros Iustus appellaretur*). Таким образом, в этой, самой ранней из дошедших до нас версий анекдота, еще нет упоминаний ни о каком неграмотном крестьянине. Человек, желающий изгнать Аристида, наносит надпись сам и никого не просит это сделать.

Следующий автор, у которого появляется интересующий нас анекдот, – это, как и следовало ожидать, Плутарх, большой любитель подобного рода историй. У него эпизод рассказан значительно подробнее, а, кроме того, с принципиальными отличиями от повествования Непота. Именно версия Плутарха в дальнейшем восторжествовала в традиции, стала основной, явилась отправной точкой для всех последующих; наиболее знакома она и современному читателю. Здесь (Plut. Aristid. 7) впервые заходит речь о неграмотном и невежественном крестьянине, который, не будучи знаком с Аристидом, обращается к нему с просьбой надписать его же имя. Аристид задает уже известный нам вопрос и получает следующий ответ: «Я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу “Справедливый”» (*ἐνοχλοῦμαι πανταχοῦ τὸν Δίκαιον ἀκούων*). Политик затем надписывает черепок против себя самого и отдает крестьянину. Сходным образом, но несколько короче, изложен эпизод и в «Моралиях» Плутарха (186ab); там крестьянин жалуется на то же самое, но другими словами (*ἄχθεσθαι δὲ τῇ τοῦ δικάίου προσηγορίᾳ*).

В дальнейшем в традиции восторжествовала именно плутарховская версия анекдота, но мы на этом вопросе подробно останавливаться не будем, поскольку делали это в монографии об ostracismе, вышедшей более десятилетия назад. Обратим только внимание на то, что если крестьянин из анекдота об Аристиде не умел (или почти не умел) писать, то, во всяком случае, должен был уметь читать: иначе как он мог бы удостовериться, что на возвращенном ему черепке стоит имя нелюбезного ему политика, а не чье-либо иное? В связи со всем вышесказанным представляет интерес один из остраконов против Аристида, найденных на афинской Агоре⁴⁴. На нем мы находим два разных почерка. В верхней части черепка какой-то, очевидно, очень плохо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести «Аристид», но эти попытки заканчивались «фальшстартами». А ниже требуемое имя написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот ли самый это остракон, о котором идет речь в рассказе античных авторов об Аристиде и крестьянине? Естественно, такое предположение выглядит весьма соблазнительным, поскольку, помимо прочего, еще и позволяет считать, что мы две тысячи лет спустя можем собственными глазами видеть (хотя бы на фотографии) надпись, сделанную самим Аристидом!

⁴⁴ Публикацию см.: Lang 1990, 36.

Как бы то ни было, нам представляется ясным, что в Афинах Аристиду действительно называли «Справедливым», причем называли устойчиво, так что многим это даже «набило оскомину». О том, чтобы у Фемистокла, главного из соперников Аристиды, имелось столь же устойчивое прозвище, в источниках (по крайней мере, нарративных) ничего не говорится; видимо, он такого и имел (хотя см. ниже в связи с несколькими остраконами). Возникло таковое со временем у ведущего политика следующего поколения, Перикла (его прозвали «Олимпийцем»), но этим прозвищем мы будем заниматься в следующей статье, а не в этой, не идущей дальше хронологических рамок ранней классики. Пока вернемся к Аристиду на предмет уточнения: не было ли у него, наряду с устойчивым прозвищем «Справедливый», каких-либо ситуативных прозвищ? Но это выводит нас на интереснейшую проблему более общего характера, которую мы сейчас и обозначим.

Прозвища на афинских остраконах. Под «остраконами» (или «острака», как часто пишут) здесь мы разумеем только остраконы в узком терминологическом смысле, а именно черепки, которые являлись «бюллетенями» при голосовании в ходе процедуры остракизма (последняя в наибольшей детальности известна для Афин, хотя, несомненно, применялась и в ряде других полисов⁴⁵).

Приведем то определение остракизма, к которому мы однажды пришли⁴⁶. Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н.э.) – существовавшее в том или ином виде и ранее, но к началу классической эпохи получившее свое окончательное воплощение внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (в Афинах – на 10 лет⁴⁷), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, применявшееся в профилактических целях и осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах – с использованием надписанных глиняных черепков⁴⁸).

Почему мы заговорили здесь об остракизме? На целом ряде остраконов (а этих последних, как известно, насчитывается ныне более десятка тысяч⁴⁹)? Помимо имен «кандидатов», присутствуют также разного рода приписки, посредством которых по-южному экспансивные и непосредственные афиняне выражали свои эмоции (по большей части негативные) в адрес тех или иных сограждан⁵⁰. Судя по всему, такие приписки – в отличие от практики наших дней – не делали «бюллетень» недействительным. Они весьма разнообразны как по содержанию, так и по размеру: от короткого и выразительного ἴτω («пусть уходит»), φευγέτω («пусть отправляется в изгнание») или ἔχε («получай!») до целой фразы из десятка слов.

⁴⁵ Суриков 2006, 443 слл.

⁴⁶ Суриков 2006, 416.

⁴⁷ А, например, в Сиракузах – на 5 лет.

⁴⁸ Опять же, в Сиракузах использовался иной материал – не черепки, а надписываемые оливковые листья. Поэтому в указанном полисе даже и сама процедура именовалась не остракизмом, а петализмом.

⁴⁹ Полная публикация остраконов с Агоры: Lang 1990. Полной публикации остраконов с Керамика мы пока так и не дождались, но укажем работы, в которых в наибольшей степени отражены данные этих памятников: Brenne 2001; Brenne 2002.

⁵⁰ Об этих приписках см.: Mattingly 1971; Siewert 1991; Brenne 1994. Наконец, наиболее подробная на сегодняшний день их комментированная сводка: Brenne 2002.

В подавляющем большинстве такие приписки имеют инвективный характер. Так, Калликсен, сын Аристонида, на одном из черепков (480-е гг. до н.э.) назван «предателем» (ὁ προδοτής)⁵¹. Кстати, на другом черепке с его именем указана родовая принадлежность этого афинянина – «из Алкмеонидов» (Ἀλκμεονιδῶν)⁵². К предателям (ἐκ προδοτῶν) причислен и другой «кандидат» на остракизм – Мелон (начало 450-х гг. до н.э.)⁵³. Некий Архен (480-е гг. до н.э.) назван «любящим чужеземцев» (φιλοξενῶν), что тоже, очевидно, следует трактовать как подозрение в измене.

Аналогичный характер имеют обвинения против отличающегося большим количеством найденных против него остраконов некоего Каллия, сына Кратия (480-е гг. до н.э.), который на нескольких черепках (по подсчету Ш. Бренне, на 16) фигурирует как «мидянин» (Μῆδος, ὁ Μῆδος, ἐν Μῆδων⁵⁴, ἐκ Μῆδων⁵⁵), то есть фактически «перс»⁵⁶. Тут перед нами особенно интересный случай. Инвектива ли это вообще? Или, может быть, перед нами все-таки прозвище, которое носил *данный конкретный* Каллий, один из *очень многочисленных* афинских Каллиев?⁵⁷

Хорошо известно, что некоторые афиняне имели такого рода прозвища (упоминавшийся выше Гиппоник «Аммон», Гераклид «Царь», живший в последней четверти V в. и, видимо в начале IV в. до н.э., а также другие – те, о которых шла речь ранее или пойдет далее). Конкретные причины их происхождения не всегда известны, но порой могут быть с некоторой степенью вероятности выяснены. Так, клазоменца Гераклида, впоследствии получившего афинское гражданство, прозвали «Царем» за то, что он оказал Афинам услуги при заключении т.н. Эпиликова мира с персидским царем Дарием II⁵⁸; а выше мы высказали предположение, что Гиппоник был прозван «Аммоном» после его посольства к оракулу этого божества в Ливии.

Насколько можно судить, и в случае с Каллием дело обстоит схожим образом. Он наверняка участвовал в посольстве в Персию (скорее всего, в том, которое было отправлено по инициативе Клисфена в 507 г. до н.э., Herod. V. 73), возможно, даже возглавлял это посольство⁵⁹. Об этом недвусмысленно говорит надпись

⁵¹ Сразу оговорим, что при воспроизведении древнегреческих написаний мы не будем здесь воспроизводить особенностей староаттического алфавита и указывать на безусловно восстанавливаемые лакуны и на допущенные на остраконах ошибки, как мы делали в: Суриков 2006. Подчеркнем также, что здесь мы постоянно опираемся на тот материал по остраконам, который собран в нашей только что упомянутой книге, и тех, кого интересуют детали, аргументация датировок и пр., отсылаем именно к ней.

⁵² О Калликсене и надписях на его остраке см.: Stamires, Vanderpool 1950.

⁵³ Peek 1941, 71.

⁵⁴ На остраконе – ΕΓ ΜΕΔΟΝ, что, видимо, все-таки следует понимать все-таки ἐν Μῆδων (т.е. «в [стране] мидян»), а не как-либо иначе: гамма вместо ню поставлена перед сонорной мю по гиперкорректности.

⁵⁵ «Из [страны] мидян» скорее, чем «из числа мидян».

⁵⁶ О надписях на остраке против Каллия, сына Кратия, см.: Lewis 1974, 3; Bicknell 1974a, 150; Rhodes 1981, 274; Shapiro 1982; Stein-Hölkeskamp 1989, 193 ff.; Littman 1990, 165 ff.; Brenne 1992, 173 f.; Brenne 2001, 119.

⁵⁷ Cp. Miller 1997, 252–253.

⁵⁸ Рунг 2000, 88. Подробнее о Гераклиде будет говориться в следующей статье данного цикла, поскольку он действовал не в эпоху ранней классики.

⁵⁹ Клисфен принадлежал к роду Алкмеонидов, и к тому же знаменитому роду, как можно утверждать с наибольшей степенью вероятности, относился Каллий, сын Кратия (Суриков 2001, 119–120).

еще на одном его остраконе, где он назван «ходившим к мидянам» (ὅς ἐν Μῆδων ἦκει). Похоже, что «Мидянин» стало для Каллия, сына Кратия, именно устойчивым прозвищем. Возможно, что, побывав в великой Ахеменидской державе⁶⁰, он «заразился» тягой к восточной роскоши, столь характерной для эллинов того времени⁶¹. Известно, например, что некоторые афиняне завозили на родину от персов таких экзотических птиц, как павлины (Antiph. fr. 57–58 Blass – Thalheim).

Но перейдем к дальнейшему материалу. Некого Агасия (480-е или 470-е гг. до н.э.) довольно грубо обозвали ослом (ὄνος). Впрочем, П. Бикнелл небезосновательно полагает⁶², что это не банальное ругательство, а шутивная аллюзия на остракинду – игру с черепками, в которой словом «осел» обозначался проигравший (Poll. IX. 112).

Как бы то ни было, на острака встречается и куда более непристойная брань. Чего стоит хотя бы эпитет на одном остраконе против Фемистокла⁶³ – καταπύγων, который не стоит даже и пытаться перевести на литературный русский язык. На другом черепке с именем того же политика есть надпись ΥΠΕΓΑΙΟΣ ἄγος. Перед нами – либо гапакс, либо какая-то ошибка писавшего, но смысл выражения достаточно ясен: Фемистокл назван здесь чем-то вроде «проклятия земли»⁶⁴. А с другой стороны, еще одна надпись на остраконе с именем того же политика требует изгнать его «почета ради» (τιμῆς ἔνεκα). Еще одна шутка? Или вполне серьезное свидетельство о том, что остракизм был действительно *почетным* изгнанием, «прерогативой» людей известных, как указывают многие античные авторы?

Между прочим, упоминавшийся выше Менон на нескольких острака назван ἀφελής (простым, неизысканным), а на одном даже ἀφελῶν βασιλεύς (царем простых). Публикатор (Ф. Виллемсен) затрудняется определить цель появления этого эпитета⁶⁵. А не хотел ли писавший упрекнуть Менона в том, что он слишком прост, незнатен для остракизма?⁶⁶ Как известно, именно такого рода мнения в изобилии звучали в Афинах, когда этой мере подвергся Гипербол. Укажем в этой связи еще на тот факт, что некий Боон (480-е или 470-е гг. до н.э.) назван на остраконе «живущим в деме Торик»⁶⁷. Такие формулировки (не «из такого-то дема», а «живущий в таком-то деме») в документах обычно сопровождают имена метэков, а не граждан. Боон, конечно, не был метэком, иначе он не мог бы стать «кандидатом» на изгнание остракизмом. Приписка сделана, скорее всего, с целью унижить указанное на остраконе лицо, подчеркнуть его «недостойнство». Афинянин по имени Ксанфий (480-е или 470-е гг. до н.э.) на двух остраконах назван кифаре-

⁶⁰ Мы не упоминали о визитах этого персонажа в Персию в работах Суриков 2013б; Суриков 2017в. Ибо там шла речь только о знаменитых греках, посетивших Восток, а Каллия, сына Кратия, к знаменитым отнести трудно.

⁶¹ Об этой тяге см. Карпюк 2012.

⁶² Bicknell 1986.

⁶³ Фемистокл фигурировал в качестве одного из «кандидатов» на остракофорориях и в 480-х, и в 470-х гг. до н.э.; точные датировки внутри этого достаточно длительного периода для большинства конкретных остраконов вряд ли возможны.

⁶⁴ Berti 1999, 99. Предлагалась и эмендация ὑτέγγος ἄγος – «подлежащий проклятию»: Hornblower 1992, 203. О термине ἄγος см.: Суриков 2000б, 227 сл.

⁶⁵ Willemsen 1965, 118.

⁶⁶ По мнению Бренне, это – намек на «провинциальное» происхождение Менона (он был фессалийцем, натурализовавшимся в Афинах). См.: Brenne 2001, 241.

⁶⁷ Ibid., 125.

дом. Либо он на самом деле был таковым (но это маловероятно: вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову применять остракизм к кифареду), либо это опять же инвектива (или прозвище – устойчивое? ситуативное?): Ксанфию приписано не слишком-то почетное занятие⁶⁸.

Очень «достаётся» на острака Мегаклу, сыну Гиппократу. Этот блестящий афинский аристократ и достаточно видный политик 480-х гг. до н.э. обвиняется, например, в распутстве: его называют «прелюбодеем» (μοιχός), прилагают к нему выражения νέα κόμη, νέας κόμης («с новыми волосами»), что, возможно, следует тоже трактовать в смысле разврата⁶⁹. Сыплются на голову Мегакла и другие обвинения. Так, его обвиняют в корыстолюбии (φιλάργυρος); кстати, схожее обвинение предъявляется и Менону – δωροδοκώτατος, «взяточник из взяточников».

На двух остраконах Мегакла именуют «оскверненным» (ἀλειτήρος; кстати, обратим внимание на то, что это же самое слово фигурирует в известнейшей эпиграмме⁷⁰ на остраконе против Ксантиппа, близкого родственника Мегакла), а еще на одном – «килоновцем» (Κυλώνειος). Не может быть никаких сомнений, по поводу чего все эти реминисценции: Алкмеониду Мегаклу явно припоминают старинное родовое проклятие, уже более века тяготевшее над его предками, – так называемую «Килонову скверну».

Не проходят Мегаклу даром и его родственные связи. Вот еще один его остракон, где написано: Μηγάκλῆς Ἱπποκράτους καὶ Κοισύρας. Обычно это переводят как «Мегакл, сын Гиппократу и Кесиры», с чем мы не можем вполне согласиться и придерживаемся понимания «Мегакл, (сын) Гиппократу и (муж) Кесиры». Наш вывод, видимо, звучит парадоксально, но мы неоднократно приводили доводы в его пользу⁷¹ и здесь совершенно не намерены их повторять, тем более что это не имело бы прямого отношения к тематике данной статьи. Здесь для нас важно только то, что Кесиры в любом случае находилась с Мегаклом в каких-то родственных связях и в то же время была скандально известна в Афинах роскошным образом жизни (ср. Aristoph. Nub. 48), из-за чего и попала на остракон.

Автор надписи на еще одном черепке-«бюллетене» рекомендует изгнать Мегакла δουρμόν ἐνεκα, то есть из-за какого-то леса. Насколько можно судить, здесь в политическую борьбу на остракофории вкрались чисто личные мотивы (нам уже ныне совершенно неясные), вероятно, какие-то пограничные споры между соседями. А вот вопрос, фигурирует ли тот же Мегакл на одном из самых известных остраконов как ἄπολις, т.е. «лишенный полиса, лишенный города, изгой», пока приходится оставить открытым. Хотя мы вслед за Раубичеком⁷² склонны восста-

⁶⁸ Ш. Бренне (ibid., 309) считает, что Ксанфий на остраконах – вообще не имя афинского гражданина (слишком уж «по-рабски» оно звучит), а насмешливое прозвище кого-то из политических деятелей (Фемистокла или Ксантиппа). Эта гипотеза вряд ли доказуема, и всерьез заниматься ею мы не будем, но не упомянуть ее было нельзя.

⁶⁹ Согласно Аристофану (Aristoph. Ach. 849), развратников в классических Афинах остригали, так что им часто приходилось ходить «с новыми волосами». Ср.: Brenne 1994, 14. Впрочем, в связи с иным возможным толкованием этих «волосатых» эпитетов см. в следующей нашей статье данного цикла.

⁷⁰ Текст, перевод и указания на литературу см. Суриков 2006, 73–74.

⁷¹ Суриков 2003; 2006, 77–78.

⁷² Raubitschek 1994.

навливать на плохо сохранившемся остраконе вокатив ἄπολι из имеющегося]λι, но прекрасно осознаем, что этот вариант – не единственный. По идее, конечно, Мегакл мог получить подобную кличку – именно в связи с тем, что стал жертвой остракизма. Характерно, кстати, что ἄπολις, а не ἄτιμος («лишенный гражданских прав»). Как известно, остракизм не предусматривал атимии; подвергшееся ему лицо гражданство не лишалось, а вот полиса именно лишалось – временно, до окончания срока изгнания.

Леагр, сын Главкона (480-е или 470-е гг. до н.э.), политик из группировки Фемистокла, определяется как «клеветник» (βῆσκανος)⁷³. Его же на другом остраконе называли «черным» (μέλας)⁷⁴. Афинские граждане вообще любили пошутить на остракофориях (и мы это уже видели). Так, на нескольких остраконах фигурирует некто Λιμός Εὐπαιρίδης. Слово Λιμός по-гречески означает «голод», и в высшей степени сомнительно, чтобы кто-нибудь из афинян носил такое имя. Тут, очевидно, попросту проявление остроумия: писавший советует изгнать из страны голод. С другой стороны, тем же Ш. Бренне⁷⁵ Там же предполагается (но им же сразу признается маловероятной) и другая возможность: Λιμός могло быть прозвищем какого-нибудь афинянина. В принципе, а почему бы и нет?

Очень интересны два остракона, направленных против уже хорошо знакомого нам Аристиды. На одном из них этот политик, возможно, поименован братом персидского полководца Датиса, который в 490 г. до н.э. возглавил экспедицию в Аттику, завершившуюся Марафонским сражением (Ἀριστείδην τὸν Δάτιδος ἀδελφόν)⁷⁶, а на другом его называют «прогнавшим молящих о защите» (ну, это то выражение, полагаем) уж точно вряд ли может считаться прозвищем). Укажем, что «Справедливым» Аристид не назван ни на одном остраконе.

Некоторые приписки на острака не являются инвективами, а служат для более точной идентификации «кандидата» на изгнание. Например, автор одной из надписей предлагает изгнать «фесмофета Евхарида, сына Евхара» (440-е гг. до н.э.), называя, таким образом, должность упоминаемого здесь гражданина. Вновь встречающийся нам Менон назван исполнявшим должность архонта (ὅς ῥοξεν). Наверное, также идентификационной, а не инвективной цели служили такие приписки на остраконах Мегакла, сына Гиппократы (уже отмечалось, что его как-то особенно любили характеризовать на острака), как ἱπποτρόφος («содержащий коней»), ἱππότης («конник»). В афинском полисе начала V в. до н.э. было несколько граждан по имени Мегакл, и все, как один, аристократы. Чтобы отличить упомянутого здесь Мегакла от его тезок, и был упомянут предмет его особенной гордости – упряжка лошадей, с которой он чуть позже победил на Пифийских

⁷³ Впрочем, по толкованию Ш. Бренне, это не обязательно «клеветник, сплетник» (основное значение данной лексемы в словарях), а вполне возможно – «колдун, чаровник».

⁷⁴ Brenne 2001, 209. При этом μέλας, кстати, не может не прийти в голову знаменитый «черный охотник» Пьера Видаль-Накэ, вечный юноша-эфеб... Известно, что Леагр в юности отличался редкой красотой, был предметом восхищения всех своих демотов – гончаров с Керамика, которые испещряли свои вазы надписями Λέαγρος καλός. Еще на одном остраконе имя Леагра, сына Главкона, написано так: Λέαγρος Γλύκωνος. Если это не описка, то перед нами очередная шутка, намек на «сладость» Леагра. Подробнее мы разбираем весь этот круг сюжетов в Суриков 2009.

⁷⁵ Brenne 2001, 214–216.

⁷⁶ Это чтение принадлежит А. Раубичеку, предположившему, что перед нами – строка из застольного сколия с порицаниями Аристиду: Raubitschek 1957.

играх. Интересно, что, по предложению кого-то из голосовавших, из Афин должны быть изгнаны Мегакл «и конь» (καὶ ἵππος) – вот опять шутка!

Заметим, впрочем: грань между простыми идентификациями и идентифицирующими прозвищами настолько стерта, что ее, можно сказать, как бы и нет совсем. Собственно, в одной из предыдущих статей данного цикла мы ведь уже и писали, что первичная причина и цель появления прозвищ в человеческих обществах – идентификационная. Конечно, для нас теперь многие из таких идентификаций уже «теряются во мраке». Так, например, скорее всего, мы никогда не узнаем, по какой причине известный стратег Клеиппид на остраконе (440-е гг. до н.э.) назван византийцем⁷⁷. Можно только гадать, с какими обстоятельствами его биографии это связано.

Заметим еще, что, помимо словесных приписок, на нескольких остраконах фигурируют сделанные голосовавшими рисунки, в основном карикатурного характера⁷⁸. В частности, на одном из черепков, направленных против Мегакла, сына Гиппократы, присутствует изображение всадника – вполне понятный сюжет, если учесть вышеупомянутую гиппотрофию, практиковавшуюся Мегаклом. На другом остраконе с его же именем нарисована нижняя часть лежащего тела мертвого человека: писавший желал Мегаклу смерти или в аллегорической форме намекал на его изгнание. Еще на одном остраконе Мегакла – рисунок лисы; скорее всего, это намек на его дем – Алопеку (ἄλωπηξ – лисица). А на совсем недавно опубликованном «бюллетене» против того же лица – мастерски нарисованная сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Ш. Бренне справедливо замечает, что сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий хотел таким образом придать этому документу официальную силу⁷⁹. На остраконе против афинянина, чье имя не сохранилось, изображена мужская голова в профиль, с длинными волосами, что является несомненным признаком аристократической принадлежности изображенного. Каллий, сын Кратия («Мидянин») изображается на карикатуре, как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тиаге, с луком в руках. Один из черепков-«бюллетеней» Калликсена, сына Аристонида, из рода Алкмеонидов, буквально покрыт изображениями. Помимо портрета самого «кандидата» (голова бородатого мужчины в венке), на нем имеется также рисунок ветви. Это почти несомненно гикетерия – ветвь, которую держали в руках молящие о защите и убежище: Калликсену припоминают «Килонову скверну», родовое проклятие Алкмеонидов, перебивших в 636 г. до н.э. мятежников, укрывавшихся в святилище на Акрополе. Наконец, есть на черепке еще и изображение рыбы. П. Бикнелл идентифицирует эту рыбу как триглу (*mullus barbatus*), которая считалась в античности самым прожорливым из морских животных, не брезговавшим даже падалью⁸⁰. Калликсен (а, может быть, и все Алкмеониды), таким образом, обвиняется здесь во «всеядности», беспринципности.

⁷⁷ Brenne 2002, 93.

⁷⁸ Наиболее полная сводка рисунков на острака: Brenne 2002, 141–148.

⁷⁹ Brenne 2002, 145.

⁸⁰ Bicknell 1974b.

* * *

Итак, даже невооруженным взглядом можно заметить, что афинские остраконы дают интересный и полезный материал, относящийся к рассматриваемой здесь тематике. В надписях на острака, безусловно, содержатся прозвища и в небольшом количестве.

Пока все эти данные приведены в несколько хаотичной форме. Насущно необходима их тщательная систематизация (по таким категориям, как прозвища нейтральные, позитивные, негативные и прозвища устойчивые, ситуативные, вторичные). Таковую систематизацию мы обязательно осуществим в следующей статье нашего цикла.

ЛИТЕРАТУРА

- Вейсман, А.Д. 1991: *Греческо-русский словарь: Репринт V-го издания 1899 г.* М.
- Евдокимов, П.А. 2016: Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (отв. ред.), «*Боги среди людей*»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.–СПб, 76–118.
- Жестоканов, С.М. 2014: *Ранняя греческая тирания: Хрестоматия.* СПб.
- Зельин, К.К. 1962: Олимпионики и тираны. *ВДИ* 4, 21–29.
- Карпюк, С.Г. 2012: Персидская роскошь в демократических Афинах. *ВДИ* 3 (282), 58–67.
- Печатнова, Л.Г. 2007: *Спартанские цари.* М.
- Плутарх 1990: *Застольные беседы.* Л.
- Рунг, Э.В. 2000: Эпиликов мирный договор. *ВДИ* 3, 85–96.
- Суриков, И.Е. 2000а: Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. В кн.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Ч. 1. Казань, 95–112.
- Суриков, И.Е. 2000б: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох.* М.
- Суриков, И.Е. 2001: Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории. *ВДИ* 2, 118–130.
- Суриков, И.Е. 2003: Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии). *ВДИ* 2, 16–25.
- Суриков, И.Е. 2005: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика.* М.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах.* М.
- Суриков, И.Е. 2008: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии.* М.
- Суриков, И.Е. 2009: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *ВЭ* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2013б: На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары. В сб.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.), *Цивилизация и варварство.* 2, 42–64.
- Суриков, И.Е. 2015а: *Античная Греция: ментальность, религия, культура.* М.
- Суриков, И.Е. 2015б: Патриотизм афинских лаконофилов: специфика и коллизии. В кн.: Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев, Д.В. Шмелев (ред.), *Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории.* Казань, 9–31.
- Суриков, И.Е. 2016: Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (отв. ред.), «*Боги среди людей*»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.–СПб, 34–75.

- Суриков, И.Е. 2017а: Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера. *ПИФК* 1, 19–34.
- Суриков, И.Е. 2017б: Прозвища у греков архаической и классической эпох. II. У истоков феномена. *ПИФК* 3, 5–26.
- Суриков, И.Е. 2017в: «Невероятные приключения европейцев в Азии» (знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы). В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.* Казань, 181–213.
- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Kerameikós* di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Berve, H. 1967a: *Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung.* München.
- Berve, H. 1967b: *Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 2. Anmerkungen.* München.
- Bicknell, P.J. 1974a: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1974b: Agora Ostrakon P 7103. *L'Antiquité classique* 43, 334–337.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *ZPE* 62, 183–184.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique.* Lille–Paris.
- Bradford, A.S. 2011: *Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom.* Santa Barbara.
- Brenne, S. 1992: “Portraits” auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxford, 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka.* Wien.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.).* Stuttgart, 36–166.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Finley, M.I. 1983: *Politics in the Ancient World.* Cambridge.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Harman, R. 2012: A Spectacle of Greekness: Panhellenism and the Visual in Xenophon's *Agesilaus*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry.* Leiden–Boston, 427–453.
- Harvey, F.D. 1966: Literacy in the Athenian Democracy. *Revue des études grecques* 79, 585–635.
- Hoff, M. 2005: Athens Honors Pompey the Great. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2. The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives.* Leiden – Boston, 327–336.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides. Vol. 1.* Oxford.
- Jeffery, L.H. 1963: *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford.
- Kōiv, M. 2003: *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn.
- Lang, M. 1990: *Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25).* Princeton.

- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *ZPE* 14, 1–4.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York.
- Mattingly, H.B. 1971: Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools. *The University of Leeds Review* 14, 2, 277–297.
- Miller, M.C. 1997: *Athens and Persia in the Fifth Century B.C.: A Study in Cultural Receptions*. Cambridge.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Rome.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge Mass.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3)*. Berlin.
- Picard, Ch. 1930: Le "présage" de Cléoménès (507 av.J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes. *Revue des études grecques* 43, 262–278.
- Powell, B.B. 1991: *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *ZPE* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Samons, L.J. 1998: Kimon, Kallias and Peace with Persia. *Historia* 47, 2, 129–140.
- Samons, L.J. 2017: Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens. *Historia* 66, 1, 21–44.
- Schachermeyr, F. 1966: *Die frühe Klassik der Griechen*. Stuttgart.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shapiro, H.A. 1994: Religion and Politics in Democratic Athens. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 123–129.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i "candidati" all'ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Snodgrass, A.M. 2001: Pausanias and the Chest of Kypselos. In: S.E. Alcock, J.F. Cherry, J. Elsner (eds.), *Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece*. Oxford, 127–141.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beiträger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristo-phanischen Komödie*. Stuttgart–Weimar, 147–167.
- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Strauss, B.S. 1986: *Athens after the Peloponnesian War*. Croom Helm.
- Surikov, I.E. 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games. *Mésogeios* 2004, 24, 185–208.
- Surikov, I.E. 2012: Herodotus's *Histories* and Athenian Aristocratic Families. In: B. Aleksejeva, O. Lāms, I. Rūmniece (eds.), *Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies*. Riga, 30–39.
- Surikov, I.E. 2013a: Herodotus and the Philaids. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 45–70.

- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Willemsen, F. 1965: Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 80, 100–126.

REFERENCES

- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Keramēikós* di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Berve, H. 1967a: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 1. *Darstellung*. München.
- Berve, H. 1967b: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 2. *Anmerkungen*. München.
- Bicknell, P.J. 1974a: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1974b: Agora Ostrakon P 7103. *L'Antiquité classique* 43, 334–337.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 62, 183–184.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Bradford, A.S. 2011: *Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom*. Santa Barbara.
- Brenne, S. 1992: “Portraits” auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Evdokimov, P.A. 2016: Tsari doellinisticheskogo Kipra: mezhdū bogami i lyud'mi, mezhdū bronzoy i zhelezom, na perekrestke Vostoka i Zapada [Kings of pre-Hellenistic Cyprus: between gods and people, between bronze and iron, on a crossroad of East and West]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellenisticheskoy i rimskoy mire* [“Gods among people”: The cult of rulers in Hellenistic, post-Hellenistic and Roman world]. Moscow–Saint Petersburg, 76–118.
- Finley, M.I. 1983: *Politics in the Ancient World*. Cambridge.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Harman, R. 2012: A Spectacle of Greekness: Panhellenism and the Visual in Xenophon's *Agēsi-laos*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 427–453.
- Harvey, F.D. 1966: Literacy in the Athenian Democracy. *Revue des études grecques* 79, 585–635.
- Hoff, M. 2005: Athens Honors Pompey the Great. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society*. Vol. 2. *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 327–336.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.

- Jeffery, L.H. 1963: *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford.
- Karpyuk, S.G. 2012: Persidskaya roskosh' v demokraticeskikh Afinakh [Persian luxury in democratic Athens]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3, 58–67.
- Kōiv, M. 2003: *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn.
- Lang, M. 1990: *Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25).* Princeton.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens.* Ann Arbor.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 14, 1–4.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York.
- Mattingly, H.B. 1971: Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools. *The University of Leeds Review* 14, 2, 277–297.
- Miller, M.C. 1997: *Athens and Persia in the Fifth Century B.C.: A Study in Cultural Receptions.* Cambridge.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici.* Roma.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon.* Cambridge Mass.
- Pechatnova, L.G. 2007: *Spartanskii tsari* [Spartan kings]. Moscow.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln* (Kerameikos. Bd. 3). Berlin.
- Picard, Ch. 1930: Le "présage" de Cléoménès (507 av.J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes. *Revue des études grecques* 43, 262–278.
- Plutarch 1990: *Zastol'nye besedy* [Table talkings]. Leningrad.
- Powell, B.B. 1991: *Homer and the Origin of the Greek Alphabet.* Cambridge.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft.* Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia.* Oxford.
- Rung, E.V. 2000: Epilikov mirnyy dogovor [Epilycus' peace treaty]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3 (234), 85–96.
- Samons, L.J. 1998: Kimon, Kallias and Peace with Persia. *Historia* 47, 2, 129–140.
- Samons, L.J. 2017: Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens. *Historia* 66, 1, 21–44.
- Schachermeyr, F. 1966: *Die frühe Klassik der Griechen.* Stuttgart.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung.* München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shapiro, H.A. 1994: Religion and Politics in Democratic Athens. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxford, 123–129.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i "candidati" all'ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Snodgrass, A.M. 2001: Pausanias and the Chest of Kypselos. In: S.E. Alcock, J.F. Cherry, J. Elsner (eds.), *Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece.* Oxford, 127–141.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Betrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie.* Stuttgart–Weimar, 147–167.

- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Strauss, B.S. 1986: *Athens after the Peloponnesian War*. Croom Helm.
- Surikov, I.E. 2000a: Dva ocherka ob afinskoy vneshney politike klassicheskoy epokhi [Two notes on the Classical Athens' foreign policy]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mezhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Ch. 1 [Interstate relations and diplomacy in antiquity, Pt. 1]*. Kazan, 95–112.
- Surikov, I.E. 2000b: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epokh [From the history of Greek aristocracy in Late Archaic and Early Classical periods]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2001: Politicheskaya bor'ba v Afinakh v nachale V v. do n.e. i pervye ostrakoforii [Political struggle in Athens in early 5th c. BC and the first ostrakophories]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 2, 118–130.
- Surikov, I.E. 2003: Ostrakon Megakla, Alkmeonidy i Eretriya (Epigraficheskoye svidetel'stvo o vneshnikh svyazyakh afinskoy aristokratii) [Megacles' ostrakon, the Alcmaeonidae and Eretria (An epigraphical evidence for foreign relations of Athenian aristocracy)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 2, 16–25.
- Surikov, I.E. 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games. *Mésogeios* 2004, 24, 185–208.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsia: Politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klassika [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. Archaic and Early Classical periods]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh [Ostracism in Athens]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2008: *Antichnaya Gretsia: Politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratii [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. The Heyday of Democracy]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2009: Novye nabl'yudeniya v svyazi s onomastiko-prosopographicheskimi materialami afinskikh ostrakonov [New observations on the onomastical and prosopographic information of the Athenian ostraka]. *Voprosy epigraphiki [Questions of epigraphic]* 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2012: Herodotus's *Histories* and Athenian Aristocratic Families. In: B. Aleksejeva, O. Läms, I. Rūmniece (eds.), *Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies*. Riga, 30–39.
- Surikov, I.E. 2013a: Herodotus and the Philaids. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 45–70.
- Surikov, I.E. 2013b: Na periferii velikikh tsivilizatsiy Vostoka: antichnye greki kak varvary [At the periphery of great Eastern civilizations: Ancient Greeks as barbarians]. *Tsivilizatsiya i varvarstvo [Civilisation and barbarity]* 2, 42–64.
- Surikov, I.E. 2015a: *Antichnaya Gretsia: mental'nost', religiya, kultura [Ancient Greece: Mentality, religion, culture]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2015b: Patriotizm afinskikh lakonofilov: spetsifika i kollizii [Patriotism of Athenian Laconophiles: Specifics and collisions]. In: E.V. Rung, E.A. Chiglintsev, D.V. Shmelev (eds.), *Patriotizm i kollaboratsionizm v mirovoy istorii [Patriotism and collaborationism in the world history]*. Kazan, 9–31.
- Surikov, I.E. 2016: Predposylki stanovleniya kul'ta praviteley v doellinisticheskoy Gretsii [Premises of the emergence of rulers' cult in pre-Hellenistic Greece]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *"Bogi sredi lyudey": kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellenisticheskoy i rimskom mire [“Gods among people”: The cult of rulers in Hellenistic, post-Hellenistic and Roman world]*. Moscow–Saint Petersburg, 34–75.

- Surikov, I.E. 2017a: Prozhivshcha u grekov arkhaicheskoy i klassicheskoy epokh. I. Predvaritel'nye soobrazheniya obshcheteoreticheskogo kharaktera [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: I. Preliminary thoughts of general theoretical character]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1, 19–34.
- Surikov, I.E. 2017b: Prozhivshcha u grekov arkhaicheskoy i klassicheskoy epokh. II. U istokov fenomena [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: II. On the origins of the phenomenon]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3, 5–26.
- Surikov, I.E. 2017v: “Neveroyatnye priklyucheniya evropeytsev v Azii” (znamenitnye affinyane VI–V vv. do n.e. na territorii Akhemenidskoy derzhavy [Famous Athenians of the sixth and fifth centuries BC in the territory of the Achaemenid Empire]. In: O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, E.V. Smykov (eds), *Iranica: Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. –VI v. n.e.* [Iranica: Iranian empires and the Greco-Roman world from the 6th century BC to the 5th century AD]. Kazan, 181–213.
- Veisman, A.D. 1991: *Grechesko-russkiy slovar': Reprint V-go izdaniya 1899 g.* [A Greek-Russian lexicon: A reprint of the 5th edition, 1899]. Moscow.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Willemsen, F. 1965: Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 80, 100–126.
- Zel'in, K.K. 1962: Olimpioniki i tirany [Olympionics and tyrants]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 4, 21–29.
- Zhestokanov, S.M. 2014: *Rannaya grecheskaya tiraniya: Khrestomatiya* [Early Greek tyranny: A chrestomathy]. Saint Petersburg.

NICKNAMES AMONG THE GREEKS: GREEKS' NICKNAMES OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS: III. NICKNAMES OF ARCHAIC AND EARLY CLASSICAL POLITICIANS

Igor E. Surikov

*Institute of World History of RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia*
isurikov@mail.rutate

Abstract. The article, after some general observations of typology of nicknames, deals at first with evidenced by sources nicknames of rulers (mainly tyrants) of the period in question; it appears that relevant material is scanty enough. Then the author turns to nicknames of political leaders in the republican poleis; naturally, in Athens their number is the biggest one. As to nicknames of Athenian politicians, they are, surely, mentioned in narrative sources; but a real treasure trove in this respect turns out to be *ostraka* for ostracism. Their data about nicknames need urgently a thorough research.

Keywords: Archaic and Classical Greece, nicknames, types of nicknames, Athens, politicians, tyrants, *ostraka*, and ostracism

---

«ДЛИННОРУКИЙ» ИЛИ «ДОЛГОРУКИЙ»? ГРЕЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА ПЕРСИДСКИХ ЦАРЕЙ

Э. В. Рунг

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
Eduard_Rung@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются свидетельства античных авторов о неофициальных прозвищах персидских царей династии Ахеменидов. Особое внимание уделяется интерпретации прозвища Μακρόχαιρ, рассматриваются два варианта его перевода на русский язык: «длиннорукий» и «долгорукий». В первом случае речь должна идти о восприятии античными авторами носителя этого прозвища как человека, у которого одна рука была длиннее другой. Во втором случае прозвище истолковывается метафорически: его носитель воспринимался как правитель, претендующий на расширение своих владений. Приводятся аргументы в пользу каждого из двух интерпретаций, делается вывод о том, что первая интерпретация прозвища поспособствовала появлению второй. Кроме того, исследуется возможность отнесения прозвища Μακρόχαιρ к каждому из трех персидских царей: Дарию I, Ксерксу и Артаксерксу I. В заключении выражается согласие с античной традицией, которая в большинстве своем эпитет Μακρόχαιρ относит именно к Артаксерксу I, а также намечается перспектива изучения данного вопроса с медицинской точки зрения. В этой связи предполагается, что греки, очевидно, дали прозвище Μακρόχαιρ персидскому царю Артаксерксу I, сыну Ксеркса очень вероятно ввиду его физического недостатка, однако их стремление истолковывать прозвище метафорически приводило к тому, что они не могли определиться с тем, какой из Ахеменидов более достоин его, Дарий, Ксеркс или Артаксеркс I. Таким образом в восприятии греков из «длиннорукого» персидский царь становился «долгоруким».

Ключевые слова: прозвища, греки, Персия, Ахемениды

Вопрос о греческих прозвищах персидских царей остается фактически вне поля зрения современных исследователей. В литературе можно встретить лишь отдельные замечания на этот счет, правда, только в отношении некоторых персидских монархов, но и здесь взгляды исследователей расходятся. Так некоторую дискуссию вызывает, например, именование Дария III эпитетом *Codomannus*

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-01-00297 «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен».

(«Кодоманн»). Об этом сообщает только Юстин (Х. 3. 3), но его сведения воспринимаются неоднозначно. Так, например, известный немецкий иранист Р. Шмитт ссылаясь на сообщение вавилонских астрономических дневников, из которого следует, что собственное имя Дария III было Арташат, что, таким образом предполагает, что «Кодоманн» было его персидским прозвищем. Шмитт далее приводит интересную гипотезу Харматты, что слово «Кодоманн» в том варианте, который был известен Юстину, писавшему по латыни, могло происходить от предполагаемого древнеперсидского слова *Kata-manah, что в переводе могло означать «воинственный духом»; упоминает Шмитт и интерпретацию Хинца как *Gaudamanuš* (правда не дает этому слову перевода, но оно возможно происходит от *Gauda* – «скрывающий», «утаивающий»)¹. Иначе на вопрос смотрит Э. Бэдиан, который полагает, что «Кодоманн» было личным именем и на арамейском *qdmwn* означает «восточный» или «с Востока»². Однако, «Кодоманн» – это, конечно, прозвище или имя, известное грекам именно в восточном варианте, чего нельзя сказать о других прозвищах персидских царей. Среди последних следует назвать Μακρόχερ («Длиннорукий», – я в данной работе специально делаю различие между эпитетами «длиннорукий» и «долгорукий»³) применительно к Артаксерксу I (есть мнение, приписывающее это прозвище и другим царям), Νόθος («Незаконнорожденный») применительно к Дарию II и Μνήμων («Памятливый») применительно к Артаксерксу II.

Собственно прозвище «Долгорукий» было рассмотрено недавно в статье А.А. Вигасина, который полагал, что это прозвище имеет не греческие, а восточные коннотации (к этому мнению мы еще возвратимся)⁴. А сейчас же отметим, что с полным основанием этого утверждать нельзя, хотя мнение о восточном происхождении данного прозвища кажется вероятным, как и двух других, – «Незаконнорожденный» и «Памятливый». Что касается последнего, то об этом есть очень интересное непосредственное свидетельство – глосса Гезихия, в который отмечается: ἀβιάτακα · μνήμωνα. Πέρσαι. (Hesych. s. v. ἀβιάτακα).

Данная статья посвящена рассмотрению одного прозвища – Μακρόχερ, и ставится вопрос о возможности его интерпретации как «Длиннорукий» или же как «Долгорукий». Согласно наиболее распространенной версии, прозвище Μακρόχερ (т.е. «Длиннорукий») получил персидский царь Артаксеркс I. Об этом, в частности, говорится у Плутарха в двух его произведениях: жизнеописании персидского царя Артаксеркса II и в «Изречениях царей и полководцев».

В своем жизнеописании (Artax. 1. 1) автор сообщает следующее: «Артаксеркс Первый, всех, кто царствовал в Персии, превосходивший милосердием и величием духа, носил прозвище Длиннорукого, потому что правая рука у него была длиннее другой. Он был сыном Ксеркса» (Ὁ μὲν πρῶτος Ἀρτοξέρξης, τῶν

¹ Schmitt 1982, 90, not. 34.

² Badian 2000, 247–248.

³ Собственно говоря, общепринятый перевод на русский язык прозвища Μακρόχερ как «Долгорукий» обусловлен закрепившейся традицией именования князя Юрия Владимировича Долгоруким, как полагают, из-за его посягательств на соседние земли. Ввиду этого, по моему мнению, имеет смысл отделить эпитет «долгорукий» от эпитета «длиннорукий», употребляя последний только лишь для характеристики физического недостатка человека, хотя в русском языке оба прилагательных обычно должны употребляться как синонимы.

⁴ Вигасин 2015.

ἐν Πέρσαις βασιλέων πραότητι καὶ μεγαλοψυχία πρωτεύσας, Μακρόχειρ ἐπεκαλεῖτο, τὴν δεξιὰν μείζονα τῆς ἐτέρας ἔχων, Ξέρξου δ' ἦν υἱός). С учетом греческого текста привлекательно видеть, что уже порядковое числительное πρῶτος применено к Артаксерксу не только, чтобы обозначить его как первого царя, носившего это имя, но и чтобы подчеркнуть его превосходство над другими царями, его первенство, и, таким образом, созвучно глаголу πρωτεύω. Однако, прозвище Μακρόχειρ объясняемое физическим недостатком царя (правая рука длиннее другой), оставляется без дальнейших комментариев. Информация Плутарха в другом его произведении – «Изречения царей и полководцев» (Mor. 173D) даже более интересна, поскольку метафорически объясняет прозвище царя: «Артаксеркс, сын Ксеркса, прозванный Длинноруким, потому что одна его рука была длиннее другой, говорил, что царское дело в том, чтобы прибавлять, а не отнимать» (Ἄρτοξέρξης ὁ Ξέρξου, ὁ μακρόχειρ προσαγορευθεὶς διὰ τὸ τὴν ἐτέραν χεῖρα μακροτέραν ἔχειν, ἔλεγεν ὅτι τὸ προσθεῖναι τοῦ ἀφελεῖν βασιλικώτερόν ἐστι). И таким образом, в этом пассаже «длиннорукость» царя соотносится уже не только с физическим недостатком, но и с его щедростью (показателем чего, видимо, по мнению Плутарха, и является более длинная рука этого царя).

Однако, еще раньше Плутарха, об этом прозвище Артаксеркса I писал Корнелий Непот в своем произведении «О царях» (De reg. 1; пер. Н.Н. Трухиной): «Были еще трое в том же роде: Ксеркс и два Артаксеркса по прозвищу Долгорукий и Памятливый... Долгорукого особенно восхваляют за мощную и прекрасную внешность, изумительно украшенную воинской доблестью: никто из персов не превосходил его в храбрости» (*Macrochir praecipuam habet laudem amplissimae pulcherrimaeque corporis formae, quam incredibili ornauit uirtute belli: namque illo Perses nemo manu fuit fortiori*). Примечательно и то, что Непот передает слово «длиннорукий» посредством его греческого аналога *Macrochir*, а не латинского перевода – *Longimanus* (под которым он фигурирует, например, в латинском тексте хроники Иеронима: *Artaxerxes qui Longimanus cognominabantur* – Hieron. Chron. 192F), однако заключительная часть характеристики Артаксеркса в изложении Непота включает фразу: *namque illo Perses nemo manu fuit fortiori*. Обращает на себя внимание, что в русском издании труда Непота, подготовленного Н.Н. Трухиной, перевод слова *manus* опущен⁵. Удивительно также, почему Непот решил использовать греческий вариант *Macrochir*, тогда как слово *Longimanus*, несомненно, обеспечивает необходимую игру слов, соотносясь с существительным *manus* (в обычном переводе – «рука», но среди других значений слова – сила, мощь, храбрость, рукопашный бой, схватка, борьба).

Несомненно, употребление эпитета *Macrochir* говорит о том, что источник Непота был греческий. Вообще, эпитет «длиннорукий» (Μακρόχειρ, *Macrochir*) используют по отношению к Артаксерксу I большинство поздних греческих и латинских авторов. Об этом говорят, например, составитель Пасхальной хроники (Р. 304), монах Георгий (Chron. Р. 284), лексикон «Суда» (s. v. Ἐσδρας), Аммиан Марцеллин (XXX. 8. 4) и др. Несомненно, они все восходят к одному источнику, но самым ранний, очевидно, был Корнелий Непот, который использовал в своем труде «Персидскую историю» Динона Колофонского (Conon. 5).

⁵ Трухина 1992, 85.

Между тем, первоначально могло существовать несколько версий того, кого из персидских царей называли «длинноруким». С этой традицией очевидно был знаком Страбон, который в своей «Географии» (XV. 3. 21) ссылается на историка Поликлита⁶, относившего эпитет «длиннорукий» на счет Дария I: «Быть может, и следующие обычаи, упоминаемые Поликлитом, относятся к числу персидских. Так, в Сузах, по его словам, на акрополе каждому царю сооружают в виде памятника его правления особое жилище, сокровищницы и склады для полученной им дани. Цари собирают дань серебром с жителей побережья, а из внутренних областей получают продукты, производимые каждой страной, как например краски, лекарственные снадобья, волос или шерсть, или что-либо другое в таком роде, равным образом и скот. Установил эти подати Дарий Длиннорукий, красивейший из людей, за исключением длины рук, которые у него доходили до колен» (τὸν μακρόχειρα, καὶ κάλλιστον ἀνθρώπων πλὴν τοῦ μήκους τῶν βραχιόνων καὶ τῶν πήχεων: ἄπτεσθαι γὰρ καὶ τῶν ἰσχυρῶν). Отметим, что в некоторых изданиях «Географии» Страбона последнее предложение исключается как более поздняя интерполяция, хотя непосредственные причины для такого исключения отсутствуют⁷. В этом отрывке Страбона при объяснении прозвища Μακρόχειρ, которое приписано Дарию, дается его рационалистическое истолкование. Но о таком прозвище Дария, сына Гистаспа ничего не говорит Геродот, который, как мы знаем, специально интересовался этим вопросом.

В данном контексте особенно интересно упоминание о прозвищах, которые, по словам Геродота (III. 89), были даны трем первым царям в Персии: «... персы говорят, будто Дарий был торгаш, Камбис – владыка, а Кир – отец, потому что Дарий всю свою державу устроил по-торгашески; Камбис – оттого, что был жесток и высокомерен; а Кир – оттого, что был милостив и ему они обязаны всеми благами» (λέγουσι Πέρσαι ὡς Δαρεῖος μὲν ἦν κάπηλος, Καμβύσης δὲ δεσπότης, Κύρος δὲ πατήρ, ὁ μὲν ὅτι ἐκάπηλευε πάντα τὰ πρήγματα, ὁ δὲ ὅτι χαλεπός τε ἦν καὶ ὀλίγωρος, ὁ δὲ ὅτι ἡπιός τε καὶ ἀγαθὰ σφι πάντα ἐμηχανήσατο)⁸. В другом месте историк проявляет интерес к истолкованию уже собственных имен персидских царей (VI. 98): «На эллинском языке имена персидских царей означают вот что: Дарий – деятельный, Ксеркс – воин, Артоксеркс – великий воин, и мы могли бы совершенно правильно этих царей так и называть на нашем языке» (δύναται δὲ κατὰ Ἑλλάδα γλῶσσαν ταῦτα τὰ οὐνόματα, Δαρεῖος ἐρξίης, Ξέρξης ἀρήιος, Ἀρτοξέρξης μέγας ἀρήιος.

⁶ В данном отрывке Страбона стоит имя Поликлита, однако, исправляется издателями на Поликлита, ввиду того, что последний упомянут в другом месте (XV. 3. 2).

⁷ См., например, критический комментарий к этому отрывку в известном лёбовском издании «Географии» Страбона: «Различные издатели считают, что это интерполяция. Плутарх (Artaxerxes I) ссылается к Артаксерксу, что он имел прозвище “Длиннорукий”, так как его правая рука была длиннее левой; но вышесказанному в отношении Дария не хватает подтверждения» (Jones 1930, 185, not. 2). В новейшем издании «Географии» Страбона строки о Дарии Длинноруком наличествуют в тексте (Radt 2005, 269).

⁸ Р. Деска считает, что прозвище κάπηλος было дано Дарию I в связи с его чеканкой монет и экономикой, основанной на денежном обращении (Descat 1994). Однако, по мнению других исследователей, это прозвище должно было носить уничижительный характер. К. Таплин считает, что в представлении греков καπῆλοι являлись совершенно порочными людьми (Tuplin 1997, 379–381). Л. Керке полагает, что при употреблении слово κάπηλος применительно к Дарию, Геродот намекает на стремление этого персидского царя быть предприимчивым, как подобает торговцу (Kurke 1999, 65–100).

Τούτους μὲν δὴ τοὺς βασιλέας ὧδε ἂν ὁρθῶς κατὰ γλῶσσαν τὴν σφετέρην Ἑλλήνες καλέοιεν)⁹. Таким образом, подчеркнем, что Геродот интересовавшийся всем, что касается эпитетов Дария, ничего не сообщает о прозвании его «длинноруким». Кроме того, Корнелий Непот (*De reg.* 1) говорит о красоте именно Артаксеркса I, а не Дария I. И хотя достоверность Непота не выше достоверности Страбона, их точность в данном вопросе определялась источниками, которыми пользовались оба автора, Непот – «Персидской историей» Динона, а Страбон – трудом Поликлита из Лариссы.

Однако то, что Страбон верно понял свидетельство Поликлита, подтверждает сообщение Поллукса в «Ономастиконе» (Π. 151) при его попытке объяснить слово Μακρόχειρ: «либо по Поликлиту – Дарий, сын Гистаспа, либо Ксеркс, по словам Антилеонта; либо, по мнению большинства, Артаксеркс, названный Охом, или имея правую руку длиннее левой, или обе руки» (εἴτε κατὰ Πολύκλειτον ὁ Ὑστάσπου Δαρεῖος, εἴτε κατὰ Ἀντιλέοντα Ξέρξης, εἴτε κατὰ τοὺς πλείστους Ὁχος ὁ ἐπικληθεὶς Ἀρταξέρξης, ἥτοι τὴν δεξιὰν ἔχων προμηκεστέραν ἢ τὴν ἀριστερὰν ἢ ἀμφοτέρως). Сразу оговоримся, что Поллукс несомненно перепутал Артаксеркса I и Артаксеркса III Оха, сославшись на «мнение большинства» – κατὰ τοὺς πλείστους. Но автор подтверждает, что Поликлит называл «длинноруким» Дария, а Антилеонт – Ксеркса. Но последняя фраза Поллукса заслуживает пристального внимания: «и еще потому, что власть каждый распространял как можно дальше» (οἱ δὲ ὅτι τὴν δύναμιν ἐπὶ πλείστον ἐξέτεινεν)¹⁰.

В отношении связи «длиннорукости» и власти, помимо прочего, существует довольно интересное указание Геродота о том, что Александр I, направленный Мардонием в качестве посла в Афины после сражения при Саламине в 480 г. до н.э., приводит один из доводов в пользу примирения афинян с персами (VIII. 140): «ведь мощь у царя превышает человеческую, и рука у него очень длинная» (καὶ γὰρ δύναμις ὑπὲρ ἀνθρώπων ἢ βασιλέος ἐστὶ καὶ χεὶρ ὑπερμήκης). Интересно, что раз-

⁹ А.Б. Кук предположил, что в действительности у Геродота соответствие между именами персидских царей и греческими словами, воспринимаемыми как их эквиваленты, должно было быть изначально иным. По мнению исследователя, ἀρίσιος должно было относиться к Δαρεῖος, ἐρξίης – к Ξέρξης, а κάρτα («очень» – более подходящее слово чем μέγας) ἐρξίης – к Ἀρτοξέρξης. Одним из аргументов был следующий: почему Геродот должен был использовать очень редкое слово ἐρξίης, если только он не хотел сделать это для установления очевидной этимологии имени Ксеркса? (Cook 1907, 169). Л. Скотт считал, что имени Дария в тексте Геродота должно было соответствовать не ἐρξίης, а *ἐξίης, производное от глагола ἔχω и означающее «обладатель», что, таким образом, приближало это объяснение к действительному значению имени Дария (Scott 2005, 349). По общепринятому в литературе мнению, имя «Дарий» (др.-перс. Dārayavauš) является композитом и происходит из сочетания двух др.-перс. слов: dāraya- «владеющий» и прилагательного vaui- «добрый»; следовательно, имя должно означать: «владеющий добром». Имя «Ксеркс» (др.-перс. Xšayārša) – состояло из двух слов xšaya- «правящий» и *ršan- «герой»; переводится как «правящий над героями», а имя «Артаксеркс» (др.-перс. Artaxšaça) – как «тот, кто царствует по справедливости» (о значении имен персидских царей см. подробнее: Schmitt 1977, 424–425; 1982, 93–94). По мнению же Г. Шмеи, Геродот отнюдь не ошибался в своем истолковании значения имен персидских царей, как это может казаться на первый взгляд: он просто выводил эти имена из их сокращенной формы, принятой в народе (Schmeja 1975).

¹⁰ К. Биндер находит подтверждение этого замечания Поллукса в следующих строках древнеперсидской надписи на Накше-Рустамской гробнице Дария I (Binder 2008, 83): «Когда ты подумаешь сколь многочисленны были страны, которыми владел Дарий царь, то посмотри на изображение [подданных], поддерживающих трон. Тогда ты узнаешь и тебе станет известно, что копье персидского воина проникло далеко, тогда тебе станет известно, что персидский воин далеко от Персии поражал врагов» (DNa. 39–47).

личные производные от слова τὸ μῆκος – длина, в связи с длиннорукостью персидских царей, упоминаются уже в приведенных выше отрывках: выражение μῆκος τῶν βραχιόνων καὶ τῶν πῆχεων у Страбона (XV. 3. 21) и προμηκεστέρᾳ у Поллукса (II. 151). В приведенном тексте Геродота ὑπερμήκης выступает как прилагательное в суперлативе. По мнению Т. Харрисона, прозвище «длиннорукий» (μακρόχειρ), которое относится различными античными авторами либо к Дарию, либо к Ксерксу (Pollux. II. 151), либо же к Артаксерксу I (Plut. Art. 1. 1; Mor. 173D), на самом деле берет начало от неверно понятого заявления Александра в Афинах, что у царя Ксеркса χεῖρ ὑπερμήκης – «рука очень длинная»¹¹. Однако, насколько справедливо такое заключение, сказать трудно. Примечательно, и то, что схожую характеристику, которую различные античные авторы дают или Дарию I (Strabo. XV. 3. 21) или Артаксерксу I (Nepos. De reg. 1), Геродот (VII. 187) относит к Ксерксу, в частности, заявляя: «из стольких мириад людей не было ни одного по красоте и высокому росту более достойного обладать таким могуществом, чем сам Ксеркс (κάλλεός τε εἶνεκα καὶ μεγάθεος οὐδεὶς αὐτῶν ἀξιονικότερος ἦν αὐτοῦ Ξέρξεω ἔχειν τοῦτο τὸ κράτος)».

В своей недавней статье А.А. Вигасин специально разбирал значение термина μακρόχειρ у античных авторов, и пришел к выводу, что эпитет имел восточное происхождение и, более того, употреблялся в метафорическом смысле, т.е., в том, на который в конечном итоге указывает Поллукс говоря, что прозвище происходит еще и потому, что власть каждый из царей распространял как можно дальше. Свое суждение Вигасин подкрепил ссылками на восточные случаи употребления подобного рода эпитетов, в том числе, на хорошо знакомом ему индийском материале¹². Со всем этим безусловно можно согласиться. Кроме того, восточные коннотации прозвища Μακρόχειρ с привлечением персидского материала, который фактически был опущен Вигасиным, специально исследовал иранский исследователь А. Тафаззоли, который ссылаясь на иранский «национальный эпос», повествующий о Бахмане или Ардашире, царе мифической Каянидской династии, прозванном «длинноруким» (*Darāz-Dast*), которого исследователь считает прообразом Артаксеркса I. Отсюда, Тафаззоли выводит возможную древнеперсидскую форму слова «длиннорукий» – *darga dasta*¹³. Примечательно, что этот исследователь, как и Вигасин отдает предпочтение метафорическому значению прозвища, заявляя, что слово *dast* используется в ряде иранских языков в значении «власть». Но в этот-то нет ничего удивительно, принимая во внимание общую индоевропейскую основу всех этих языков, ибо и греческое χεῖρ, и латинское *manus* имеют добавочные значения как «власть», «сила», «мощь». Казалось бы все верно в этой интерпретации, кроме одного: исторический аспект. Артаксеркс I, к которому большинство античных и современных историков и относят прозвище Μακρόχειρ, был гораздо менее подходящей кандидатурой для носителя прозвища «Долгорукий», а, наиболее подходящим оказывался бы Ксеркс, собственно, как это интуитивно понял Геродот. И вот в таком случае иная интерпретация представляется более вероятной: античные авторы при наделении царя прозвищем Μακρόχειρ исходили не из его «властных характеристик», а именно из физического недостатка (т.е. одна

¹¹ Harrison 2011, 65–66.

¹² Вигасин 2015.

¹³ Tafazzoli 1994.

рука длиннее другой), что собственно могло быть вполне очевидно и грекам, и персам, присутствовавшим на аудиенции этого царя и замечавшим этот недостаток, который действительно трудно было скрыть. А уже потом они истолковывали слово *Μακρόχερ* применительно к конкретному царю метафорически, как это и выглядит в сообщении Поллукса (II. 151)¹⁴. Но что это был за царь? Тут при всем внимании к *argumentum ex silentio* Геродота, трудно прийти к однозначному выводу. Но скорее всего, следует согласиться с популярным мнением, что более всего на эту роль подходил именно Артаксеркс I.

Приведем цитату из труда Аммиана Марцеллина (XXX. 8. 4; пер. В.Ю. Кулаковского): «Артаксеркс, могущественный царь персов (*rex potentissimus*), который вследствие длины одной из частей тела, имел прозвание Долгорукий (*quem Macrochira membri unius longitudo commemoravit*), многократно, по врожденному своему добросердечию, смягчал нередкие у дикого народа смертные казни тем, что отсекал у иных преступников тиары вместо голов; а чтобы не отрезать ушей за проступки, как это принято у персов, отсекал свешивавшиеся с головного убора шнурки. Эта мягкость его нрава принесла ему такое расположение и уважение, что он при всеобщем сочувствии к себе мог совершить много дивных деяний, которые прославлены греческими писателями».

Но во всем этом есть медицинский подход к теме длиннорукости. Этот подход едва намечен в литературе. Но сошлюсь на мнение, высказанное недавно Ашрафианом, что Артаксеркс I страдал формой одностороннего лимб гигантизма, вызванного нейрофиброматозом¹⁵. Альтернативно можно предположить, что царь страдал болезнью Марфана, которая, кстати, передается чаще всего по мужской линии и имеет генетическую этиологию. В таком случае длиннорукими могли оказаться все три знаменитых представителя династии Ахеменидов. Таким образом, вопрос о «длиннорукости» персидского царя имеет все перспективы на исследование именно с медицинской точки зрения.

Мне представляется вероятным, что греки, очевидно, дали прозвище *Μακρόχερ* персидскому царю Артаксерксу I, сыну Ксеркса очень вероятно ввиду его физического недостатка, однако их стремление истолковывать прозвище метафорически приводило к тому, что они не могли определиться с тем, какой из Ахеменидов более достоин его, Дарий, Ксеркс или Артаксеркс I. Таким образом из «длиннорукого» персидский царь становился «долгоруким».

ЛИТЕРАТУРА

- Вигасин, А.А. 2015: Царь долгорукий. *Аристей* 11, 293–296.
 Трухина, Н.Н. 1992: *Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах*. М.
 Ashrafian, H. 2011: Limb gigantism, neurofibromatosis and royal heredity in the Ancient World 2500 years ago: Achaemenids and Parthians. *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery* 64, 4, 557.
 Badian, E. 2000: Darius III. *Harvard Studies in Classical Philology* 100, 241–267.
 Binder, C. 2008: *Plutarchs Vita des Artaxerxes. Ein historischer Kommentar*. Berlin–New York.
 Cook, A.B. 1907: *Nomen Omen. Classical Review* 21, 169.

¹⁴ О репрезентации физических свойств царей династии Ахеменидов, которые выступают как во всем совершенные правители см.: Binder 2008, 84; Llewellyn-Jones 2015.

¹⁵ Ashrafian 2011.

- Descat, R. 1994: Darius, le roi “kapelos”. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt, M.C. Root (eds.), *Achaemenid history 6: Continuity and change. Proceedings of the last Achaemenid history workshop, Ann Arbor, April 6–8, 1990*. Leiden, 161–166.
- Harrison, T. 2011: The long arm of the King (Hdt. 8. 140–142). In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (eds.), *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema “Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen”, Innsbruck, 24–28. November 2008*. Wiesbaden, 65–74.
- Jones, H.L. 1930: *Strabo Geography. Traslated by H.L. Jones*. Vol. VII. Book 15–16 (The Loeb Classical Library 241). London–New York.
- Kurke, L. 1999: *Coins, Bodies, Games, and Gold: The Politics of Meaning in Archaic Greece*. Princeton.
- Llewellyn-Jones, L. 2015: “That My Body is Strong”: The Physique and Appearance of Achaemenid Monarchy. In: D. Boschung, A. Shapiro, F. Waschenk (eds.), *Bodies in Transition: Dissolving the Boundaries of Embodied Knowledge*. Paderborn, 211–248.
- Radt, S. 2005: *Strabons Geographika: Buch XIV–XVII: Text und Übersetzung*. Göttingen.
- Schmeja, H. 1975: Dareios, Xerxes, Artaxerxes: Drei persische Königsnamen in griechischer Deutung (Zu Herodot 6, 98,3). *Die Sprache* 21, 184–188.
- Schmitt, R. 1977: Thronnamen bei den Achaimeniden. *Beiträge zur Namenforschung* 12, 422–425.
- Schmitt, R. 1982: Achaemenid Throne-Names. *AION Linguistica* 42, 1, 83–95.
- Scott, L. 2005: *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden–Boston.
- Tafazzoli, A. 1994: DERĀZ-DAST. In: *Encyclopædia Iranica*. Vol. VII. Fasc. 3, 319–320.
- Tuplin, C.J. 1997: Achaemenid Arithmetic: Numerical Problems in Persian History. *Topoi. Orient-Occident* 1, 365–421.

REFERENCES

- Ashrafiān, H. 2011: Limb gigantism, neurofibromatosis and royal heredity in the Ancient World 2500 years ago: Achaemenids and Parthians. *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery* 64, 4, 557.
- Badian, E. 2000: Darius III. *Harvard Studies in Classical Philology* 100, 241–267.
- Binder, C. 2008: *Plutarchs Vita des Artaxerxes. Ein historischer Kommentar*. Berlin–New York.
- Cook, A.B. 1907: *Nomen Omen. Classical Review* 21, 169.
- Descat, R. 1994: Darius, le roi “kapelos”. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt, M.C. Root (eds.), *Achaemenid history 6: Continuity and change. Proceedings of the last Achaemenid history workshop, Ann Arbor, April 6–8, 1990*. Leiden, 161–166.
- Harrison, T. 2011: The long arm of the King (Hdt. 8. 140–142). In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (eds.), *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema “Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen”, Innsbruck, 24–28. November 2008*. Wiesbaden, 65–74.
- Jones, H.L. 1930: *Strabo Geography. Traslated by H.L. Jones*. Vol. VII. Book 15–16 (The Loeb Classical Library 241). London–New York.
- Kurke, L. 1999: *Coins, Bodies, Games, and Gold: The Politics of Meaning in Archaic Greece*. Princeton.
- Llewellyn-Jones, L. 2015: “That My Body is Strong”: The Physique and Appearance of Achaemenid Monarchy. In: D. Boschung, A. Shapiro, F. Waschenk (eds.), *Bodies in Transition: Dissolving the Boundaries of Embodied Knowledge*. Paderborn, 211–248.
- Radt, S. 2005: *Strabons Geographika: Buch XIV–XVII: Text und Übersetzung*. Göttingen.

- Schmeja, H. 1975: Dareios, Xerxes, Artaxerxes: Drei persische Königsnamen in griechischer Deutung (Zu Herodot 6, 98,3). *Die Sprache* 21, 184–188.
- Schmitt, R. 1977: Thronnamen bei den Achaimeniden. *Beiträge zur Namenforschung* 12, 422–425.
- Schmitt, R. 1982: Achaemenid Throne-Names. *AION Linguistica* 42, 1, 83–95.
- Scott, L. 2005: *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden–Boston.
- Tafazzoli, A. 1994: DERĀZ-DAST. In: *Encyclopædia Iranica*. Vol. VII. Fasc. 3, 319–320.
- Trukhina, N.N. 1992: Korneliy Nepot. *O znamenitykh inozemnykh polkovodtsakh. Iz knigi o rimskikh istorikakh: per. s lat. i komment. N.N. Trukhinoy* [Cornelius Nepos. *On the famous foreign commanders*]. Moscow.
- Tuplin, C.J. 1997: Achaemenid Arithmetic: Numerical Problems in Persian History. *Topoi. Orient-Occident* 1, 365–421.
- Vigasin, A.A. 2015: Tsar' dolgorukiyy [The King Long-armed]. *Aristey* [Aristeas] 11, 293–296.

THE LONG-ARMED: GREEK NICKNAMES OF PERSIAN KINGS

Eduard V. Rung

Kazan Federal University, Kazan, Russia
Eduard_Rung@mail.ru

Abstract. The article examines the evidence of ancient authors on the unofficial nicknames of Achaemenid Persian kings. Special attention is paid to the interpretation of the nickname of Μακρόχειρ. Two variants are considered for its translation into Russian. In the first case, one should talk about the ancient authors' perception of this nickname as relating to a person who had one arm longer than another. In the second case, the nickname is interpreted metaphorically: it is believed to be used for a ruler who is seeking for an extension of the possessions. The arguments in favor of each of these two interpretations are given, it is concluded that the first interpretation of this nickname could have led to the emergence of the second. The possibility of applying the nickname of Μακρόχειρ to each of the three Persian kings: Darius I, Xerxes and Artaxerxes I is also investigated. It is suggested that the nickname of Μακρόχειρ refers specifically to Artaxerxes I. The prospect of studying this issue from a medical point of view is emphasized. It is assumed that the Greeks obviously gave the nickname of Μακρόχειρ to Artaxerxes, the son of Xerxes, because of his physical lack, but their intention to interpret this nickname metaphorically led them to the situation when they could not be certain who of the Achaemenides was more worthy of it: Darius, Xerxes or Artaxerxes I.

Keywords: nicknames, Greeks, Persia, Achaemenids

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 123–145
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 123–145
© Автор(ы) 2018

«СО МНОЙ БУДУТ СКИФЫ...»:
СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ КОННЫЕ ЛУЧНИКИ В АРМИИ
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

А.А. Клейменов, С.С. Иванов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия*

alek-klejmenov@yandex.ru

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Киргизия,
sak@yandex.com*

Аннотация. Статья посвящена контингенту конных лучников, присутствовавшему в армии Александра Македонского в период его азиатской экспедиции. Определяется, что появление нового рода конницы в войске завоевателя было результатом подчинения среднеазиатских территорий. Отряд конных лучников, игравший заметную роль в Индийской кампании Александра, следует воспринимать как отборное подразделение, укомплектованное дахами и массагетами – среднеазиатскими кочевниками, вошедшими в армию македонского царя в качестве наемников. Тысячный отряд этих всадников, экипированных луками «скифского» типа и клинковым оружием ближнего боя, быстро инкорпорировался в армию Александра, войдя в число наиболее часто использовавшихся подразделений наряду с македонской пехотой, конницей гетайров и агрианами. Залогом этого были высокие боевые качества кавалерии среднеазиатских номадов и особенности полководческого искусства самого Александра, в котором большое значение отводилось использованию мобильных корпусов, укомплектованных наиболее боеспособными и подвижными подразделениями. В период Индийской кампании в состав подобных соединений начали включаться конные лучники. Тактика использования последних базировалась на традиционно сильных сторонах среднеазиатской легковооруженной конницы, таких как маневренность и хорошее владение дистанционным оружием. В рамках сражения при Гидаспе 326 г. до н.э. конные лучники, интенсивно обстреливая противника, ослабили его перед решительной атакой ударной тяжелой конницы Александра. Также среднеазиатские номады неоднократно использовались для сковывания действий врага на период перегруппировки войск Александра. Констатируется, что включение конных лучников в армию завоевателя не привело к значительному изменению военного искусства Александра, однако позволило усовершенствовать уже хорошо освоенные методы ведения военных действий.

Ключевые слова: Александр Македонский, военное дело, тактика, конные лучники, скифы, дахи, массагеты

Клейменов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Иванов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына.

Работа подготовлена в рамках Государственного задания №33.6496.2017/ 8.9

Успехи армии Александра Македонского, прошедшей с боями от Дарданелл до устья Инда, связаны со многими факторами. Здесь можно назвать профессионализм воинов и командиров, вместе с Филиппом II превративших периферийное Македонское царство в ведущую державу Балкан, эффективность тактических схем, проверенных на европейских полях сражений, высокое полководческое дарование самого Александра. Впрочем, не меньшее значение имел заложенный в македонской военной системе потенциал для развития, который Александр использовал для совершенствования приемов и методов ведения военных действий. Одним из самых ярких проявлений последней тенденции было включение в состав войска завоевателя экипированных луками всадников, являвшихся распространенным на Востоке, но чрезвычайно редким для Македонии и Греции родом конницы.

Проблема времени появления у Александра конных лучников представляется запутанной лишь на первый взгляд. Данные об их наличии в македонском войске в период борьбы с персидским царем Дарием III фрагментарны и противоречивы. Так, Курций Руф упоминает 1000 конных лучников (*et sagittariis equitibus*) (Curt. V. 4. 14) в рассказе о действиях Александра, направленных на деблокирование «Персидских ворот» зимой 331–330 гг. до н.э. О присутствии в армии Александра конных лучников в более раннее время сообщается в одной из версий сочинения Псевдо-Каллисфена, согласно которой у македонского царя уже в начале похода было 70 000 конных лучников (ἰπποτοξόται) присланных скифами (Ps.-Call. I. 26)¹. Эти сведения натолкнули часть специалистов на выводы о наличии стрелков-кавалеристов у Александра либо к началу азиатской экспедиции², либо к зиме 331–330 гг. до н.э.³ Подобного рода заключения не выдерживают критики, так как опираются на ненадежные источники: в случае с сочинением Курция Руфа возможна существенная правка текста, а сведения Псевдо-Каллисфена малодостоверны в целом⁴. Более оправданно обращение к «Анабасису Александра» Флавия Арриана – сочинению, пусть и не лишенному неточностей и противоречий, но, тем не менее, являющемуся наиболее ценным источником при изучении военных аспектов Восточного похода⁵. Впервые конные лучники (ἰπποτοξόται) как часть македонской армии упоминаются Аррианом при описании похода Александра на индийское племя аспасиев (Anab. IV. 24. 1). Указанный эпизод относится к начальной фазе Индийской кампании Александра и может быть датирован летом 327 г. до н.э. В дальнейшем Арриан упоминает конных лучников часто. Они присутствуют в его сообщениях об осаде Аорна, (Anab. IV. 28. 8), битве при Гидаспе (Anab. V. 12. 2; 13. 4; 14. 3; 15. 1; 16. 4; 18. 3), походе на племя главсов/главгаников (Anab. V. 20. 3), военных кампаниях против кафеев (Anab. V. 22. 5) и маллов (Anab.

¹ Цит. по Нефедкин 2007, 317–318.

² Thomas 2007, 148; Gabriel 2010, 53.

³ По мнению Д. Хеда, конные лучники, упомянутые Курцием Руфом при описании захвата Персидских ворот, являлись тем же подразделением, что и «скифские лучники», фигурирующие в стратегеме Полиэна, рассказывающей о тех же событиях (См. Polyae. IV, 3, 27). Исследователь предполагает, что в данном случае речь идет о вооруженных луками «скифских» наемных всадниках, ранее служивших персам (Head 1982, 14). Близкий вывод см. Коннолли 2000, 72.

⁴ Подробнее см. Нефедкин 2007, 317–318.

⁵ Шофман 1976, 10–15; Маринович 1993, 49–52; Bosworth 1976, 117; Milns 1978, 374; Holt 2005, 168; Rhodes 2006, 348; Engels 2006, 14; Heckel 2008, 10.

VI. 5. 5; 6. 1), переходе через Гедросию в Месопотамию (Anab. VI. 21. 3; 22. 1). Это вынуждает принять сторону большинства исследователей, указывающих, что контингент конных лучников появился в армии Александра лишь к началу Индийской кампании, став результатом подчинения среднеазиатских территорий⁶.

Кем же являлись по происхождению (ἰππотоξῶται), влившиеся в македонское войско? Арриан в рассказе о битве при Гидаспе 326 г. до н.э. прямо указывает их этническую принадлежность: среди подразделений, вместе с полководцем переправившихся через реку, упоминаются конница бактрийцев, согдийцев и скифов, а также конные лучники-даи (Δάας τοὺς ἰππотоξῶτας) (Anab. V. 12. 2). Некоторые из специалистов, прямо следуя этому замечанию, полагают, что отряд ἰππотоξῶται был укомплектован исключительно даями/дахами⁷. Другие исследователи, основываясь на специфике развития военного дела Средней Азии в древности, резонно замечают, что луки должны были иметь не только дахи, но и кавалеристы из других народов региона, вошедшие в войско завоевателя⁸. Известно, что в армии Александра в период Индийской кампании, помимо дахов, присутствовали кавалеристы из согдийцев, бактрийцев, паропамисадов, арахов (Anab. V. 11. 3; 12. 2). В источниках упоминаются и некие «скифы», причем античные авторы отличают их от даев/дахов (Arr. Anab. 12. 2; Curt. VIII. 14. 5; IX. 2. 24. 32). Арриан сообщает о том, что в сражении Александра с Пором участвовала 1 000 ἰππотоξῶται (Anab. V. 16. 4). При этом нельзя принять озвученный в литературе вывод, согласно которому в армии Александра, вторгшейся в Индию, была всего 1 000 экипированных луками всадников⁹, учитывая, что войско в тот момент включало большое количество воинов из подвластных народов и насчитывало, по античным данным, около 120 000 человек¹⁰.

Убедительное решение этой проблемы было предложено А.Б. Босвортом. По его мнению, ἰππотоξῶται, упоминаемые Аррианом, представляли собой составивший из дахов элитный корпус легкой конницы. Именно это формирование активно использовалось Александром, в то время как остальные иранские и среднеазиатские кавалеристы были задействованы практически лишь в сражении при Гидаспе¹¹. Данный вывод следует признать убедительным, однако необходимо заметить, что если Арриан называет передовой отряд кавалерии Александра в битве при Гидаспе просто «конными лучниками» (τοὺς ἰππотоξῶτάς) (Anab. V. 15. 1), то у Курция Руфа они обозначены как «скифы и дахи» (Scythae et Dahae) (Curt. VIII. 14. 5). Видимо, из представителей двух указанных этнических групп был сформирован отряд ἰππотоξῶται¹². Есть предположение, что Арриан места-

⁶ См. Шофман 1976, 296; Нефедкин 2007, 318; Brunt 1963, 42; Hamilton 1987, 476; Ashley 1998, 35; Bosworth 2003, 221; Olbrycht 2007, 316.

⁷ Шофман 1976, 296; Tarn 1930, 86; Hamilton 1987, 476; Hammond 1998b, 164; Sidnell 2006, 118; Lonsdale 2007, 56.

⁸ Нефедкин 2007, 318–319; Ashley 1998, 35.

⁹ Tarn 1930, 86; Sidnell 2006, 118.

¹⁰ См. Arr. Ind. 19, 5; Curt. VIII. 5, 4. Наиболее детальные цифры указывает Плутарх, сообщающий о 120 000 пехотинцев и 15 000 всадников (Alex. 66). Критичное отношение к указанной численности армии: Lane Fox 1973, 334; Hammond 1980, 203; Engels 2007, 67; Barceló 2007, 194.

¹¹ Bosworth 2003, 221.

¹² Нефедкин 2007, 318.

ми умышленно, исходя из собственных соображений, не упоминал «скифов» при описании действий конных стрелков Александра¹³.

Существует несколько версий, связывающих упомянутых «скифов» с известными группами среднеазиатских кочевников. Согласно первой из них, «скифами» называли саков¹⁴, по другой – массагетов¹⁵. По предположению, высказанному В.А. Гаибовым и Г.А. Кошеленко, под наименованием «скифы» скрывались так называемые «европейские скифы», жившие за Танаисом-Сырдарьей¹⁶. Последние были представителями самостоятельного политического объединения, занимавшего, по-видимому, значительную часть Притяньшаня¹⁷. Согласиться с версией о том, что «скифы», принимавшие участие в Индийской кампании Александра, являлись засырдарьинскими номадами, нельзя. При упоминании последних античные писатели, как правило, указывали их локализацию и называли просто «скифами» лишь тогда, когда из контекста вытекало, что речь идет именно о засырдарьинских кочевниках¹⁸. Еще более проблематичной выглядит версия о том, что в данном случае под «скифами» понимали саков. Древние авторы, повествующие о походах Александра Македонского, лишь несколько раз упоминают эту группу кочевников, занимавших в их представлении юго-восток Средней Азии¹⁹, и практически ни разу не называют саков «скифами», за исключением одного пассажа, где уточняется, что они – «скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии» (Arr. Anab. III. 8. 3)²⁰. В то же время в источниках при описании борьбы Александра с восстанием Спитамена этноним «скифы» часто синонимично применяется по отношению к массагетам²¹. В связи с этим версия о том, что именно массагеты являлись «скифами», влившимися в армию Александра, выглядит наиболее правдоподобной. Она объясняет и процесс слияния «скифов» с дахами в едином корпусе ἱπποτοξόται: близкое территориальное соседство и языковое взаимопонимание не создавали трудностей для слаженного взаимодействия в боевых условиях.

Источники, говоря в результатах среднеазиатских походов Александра, упоминают, что дахи, как и другие соседние народы, признали власть македонского царя (Cur. VIII. 1. 7–9; Just. XII. 6. 17). Тем не менее, указания античных авторов и специфика взаимоотношений среднеазиатских кочевников с поздними Ахеменидами позволяют считать, что в армии Александра дахи находились в качестве «союзников», в отличие, к примеру, от бактрийцев и согдийцев, являвшихся подданными²². Это не следует считать признаком слабости новой империи. В период ослабления государства Ахеменидов на рубеже V–IV вв. до н.э. персы, по-видимому, заключили ряд соглашений с различными группами среднеазиатских кочевников, тем самым сохранив их в орбите своего влияния, обезопасив свои

¹³ См. Щеглов 2006, 309–310.

¹⁴ Шофман 1976, 299; Tarn 1948, 164; Bosworth 2003, 221.

¹⁵ Olbrycht 2007, 316.

¹⁶ Гаибов, Кошеленко 2005, 117.

¹⁷ Иванов 2015, 118–119.

¹⁸ Щеглов 2006, 288–289.

¹⁹ Литвинский 1972, 163–164; Пьянков 2013, 493–497.

²⁰ См. Щеглов 2006, 288–292.

²¹ Щеглов 2006, 285–286, 307–309.

²² Подробнее см.: Гаибов, Кошеленко 2005, 123; Нефедкин 2007, 94; Иванов 2014, 283. Отличное мнение озвучено А.С. Балахванцевым, согласно которому включение дахов в состав армии Александра является свидетельством их полного подчинения (Балахванцев 2012, 33).

северо-восточные рубежи и получив возможность вербовки отрядов наемников²³. Александр после покорения Бактрии и Согдианы прибег к аналогичной практике урегулирования взаимоотношений с номадами. Без сомнения, кочевники Средней Азии, как и их соседи-земледельцы, были впечатлены как стремительным крушением империи Ахеменидов, так и разгромом восстания Спитамена и поддержавших его приграничных групп номадов. Это должно было способствовать росту авторитета македонского царя в регионе²⁴, поскольку культ воинской силы и доблести, распространенный в среде кочевников, не мог не стимулировать возникновения определенного почтения к Александру, подтолкнувшего его вчерашних врагов – дахов и массагетов – пойти на службу к македонскому завоевателю в качестве «солдат удачи». Примечательно, что особый правовой статус конных стрелков в армии Александра не оказал негативного влияния на отношение полководца к их боевым качествам. Как справедливо отметил Р. Гейбел, поручение важных боевых задач представителям данного подразделения свидетельствует о высоком доверии Александра к ним²⁵. С другой стороны, нельзя не учитывать и тот факт, что среднеазиатские ἱπποτοξόται проявили себя как важный компонент македонской армии не на родной территории, а в Индии, где у Александра было больше оснований полагаться на их лояльность²⁶.

Переходя к определению места среднеазиатских конных лучников в структуре армии Александра, необходимо заметить, что к моменту их включения в войско там уже присутствовали новые крупные подразделения конницы – гиппархии. Большинство современных исследователей считают, что они были полностью сформированы к 328 г. до н.э.²⁷ Проблема соотношения процессов реформирования кавалерии и включения восточных всадников в армию Александра в научной литературе затрагивалась неоднократно. Согласно мнению одной группы специалистов, гиппархии на момент своего создания включали в себя конных воинов как европейского, так и азиатского происхождения²⁸. Другие исследователи, опираясь на данные Арриана²⁹, полагают, что инкорпорирование азиатских кавалеристов в гиппархии произошло позже, в 324 г. до н.э., когда Александр пребывал в Сузах³⁰. Глубоко не вдаваясь в доводы сторон, заметим, что постоянное упоминание в тексте Арриана «конных лучников» отдельно от гиппархий гетайров и каких-либо иных кавалерийских подразделений свидетельствует о том, что они были самостоятельной единицей³¹. К сожалению, детальных данных об органи-

²³ Иванов 2016а, 59–60.

²⁴ О том, что Александр Македонский произвел неизгладимое впечатление на жителей Средней Азии, говорит возникновение и стойкое сохранение вплоть до настоящего времени большого количества легенд о нем в регионе (см. Бертельс 1948).

²⁵ Gaebel 2002, 177.

²⁶ Bosworth 2003, 221.

²⁷ Нефедкин 2007, 103–104; Brunt 1963, 30; Heckel 1992, 52, 127; Hammond 1998а, 418; Olbrycht 2007, 316–317.

²⁸ Шофман 1976, 298–299; Коннолли 2000, 72; Griffith 1963, 72; Badian 1965, 161; Ashley 1998, 30–31.

²⁹ См. Anab. VII. 6, 3–5; 8, 2.

³⁰ Нефедкин 2007, 117; Руденко 2008, 21–20; Brunt 1963, 29–30. По мнению А.Б. Босворта, включение восточных всадников в состав гиппархий могло произойти в период пребывания армии Александра в Южной Индии (Bosworth 2003, 221–222).

³¹ Нефедкин 2007, 319; Tarn 1948, 164; Hammond 1998b, 164; Bosworth 2003, 221.

зации корпуса ἰπποτοξόται нет. Как уже отмечалось выше, Арриан, рассказывая о битве при Гидаспе, упоминает, что Александр бросил в атаку на индов 1 000 конных лучников (Anab. V. 16. 4). Неизвестно, был это весь корпус ἰπποτοξόται или его часть. В ряде случаев тот же автор говорит о задействовании Александром в боевых операциях всех ἰπποτοξόται (Anab. V. 20. 2; VI. 6. 1; 21. 3) или их половины (Anab. IV. 24. 1), не указывая численность. Тем не менее, масштаб битвы при Гидаспе, а также терминология источников позволяют полагать, что отдельный корпус ἰπποτοξόται действительно насчитывал порядка 1 000 воинов. При необходимости корпус конных лучников мог быть разделен на два отряда по 500 всадников. Примечательно, что в одном из фрагментов Арриан упоминает отряд конных лучников численностью в сотню воинов (Anab. IV. 28. 8). Все это заставляет принять точку зрения А.К. Нефедкина, согласно которой отряд конных лучников Александра был организован по иранским традициям, включавшим, в том числе, десятичную структуру войска³².

Указанные обстоятельства позволяют полагать, что македонское командование существенно не вмешивалось в вопросы организации и вооружения ἰπποτοξόται, доверяясь сложившемуся порядку вещей. Комплекс вооружения и особенности военного дела среднеазиатских кочевников IV в. до н.э. в целом известны достаточно хорошо. Главенствующую роль в наборе вооружения здесь играл сложносоставной «скифский» лук. Близкие его варианты были широко распространены в рассматриваемое время в среде номадов степной части Евразии. Этот лук имел характерную ассиметричную сигмовидную форму: обычно нижнее плечо было несколько короче верхнего, что связывается со стремлением приспособить лук для стрельбы с коня³³. В Средней Азии местные кочевники использовали, предположительно, более крупную разновидность «скифского» лука, нежели классические скифы Восточной Европы. В среднем длина среднеазиатского лука колебалась в пределах 90 см, что вполне хорошо реконструируется по иконографическим данным и находкам из сопредельных регионов³⁴. К луку прилагался разнообразный стрелковый набор. Большая часть наконечников стрел изготавливалась из бронзы, однако в IV–III вв. до н.э. в среде среднеазиатских кочевников постепенно начинают распространяться и железные стрелы. Небольшая часть наконечников была сделана из кости и рога. Наиболее часто встречаются легкие трехлопастные втульчатые и черешковые экземпляры наконечников. Бронзовые трехгранные стрелы составляли меньшую часть в колчаных наборах, что косвенно указывает на то, что среднеазиатскимномадам указанного времени сравнительно редко приходилось сталкиваться с тяжеловооруженным противником³⁵.

Набор средств ведения ближнего боя у среднеазиатских кочевников был вариативнее дистанционного вооружения. В IV–III вв. до н.э. ведущая роль принадлежала кинжалам и коротким мечам³⁶, которые были гораздо удобнее в пешем бою,

³² Нефедкин 2007, 319.

³³ Мелюкова 1964, 14–15; Хазанов 1971, 29–30; Литвинский 1972, 86–87; Черненко 1981, 7–21; Горелик 2003, 59–61.

³⁴ Байпаков 1998, 6, рис. 2, 3; Шульга 2010, 79–80, рис. 38/2, 42/7–9, 48/7.

³⁵ Медведская 1972, 80, 87–88.

³⁶ Кадырбаев 1968, 27–30, рис. 1; Литвинский 1972, 117–118, рис. 40/6, 8; Литвинский 2001, 236–237; Кожомбердиев 1977, 13, рис. 3; Обельченко 1978, 116, рис. 1, 117, рис. 1–2.

чем в конном. Более редкими видами вооружения были длинные всаднические мечи³⁷ и чеканы (клевыцы)³⁸. В отдельных случаях в рассматриваемый период прослеживается применение копий³⁹. Использование защитного доспеха фиксируется достаточно слабо, однако его наличие неоспоримо: об этом свидетельствуют находки частей доспехов в нижнем течении Сырдарьи и иконографические данные из Семиречья и Ферганы⁴⁰. Отмечено его применение и в тесно связанном с кочевниками Хорезме⁴¹. Это были близкие варианты пластинчатого или чешуйчатого панциря с ламеллярными наборными наручами и защитным воротом, возникшие при значительном влиянии ахеменидской традиции. Металлический доспех был редким и элитарным элементом снаряжения кочевого воина, доступным лишь аристократии и близкой к ней профессиональной дружине, а не рядовому номаду. Возможно, более распространены были доспехи из мягких материалов, таких как войлок или кожа. Также применялись легкие и небольшие всаднические щиты, изготавливавшиеся преимущественно из прутьев и кожи⁴². В описании сражения Александра с кочевниками на Сырдарье 329 г. до н.э., оставленном Аррианом, присутствует упоминание стрелы, пущенной македонянами из метательной машины и пробившей одному из представителей «скифского» войска панцирь и щит (τοῦ ῥέρου) (Anab. IV. 4. 4). Как отмечает Б.А. Литвинский, судя по используемому в тексте термину, щит мог быть описанной выше конструкции⁴³.

Основой войска среднеазиатских кочевников были легковооруженные конные лучники, имевшие клинковое оружие для ближнего боя. Сравнительно небольшую часть войска, представленную знатью и связанную с ней дружиной, составляли тяжеловооруженные всадники, экипированные помимо луков и стрел полным набором средств рукопашного боя. Характерной чертой ведения боя при абсолютном доминировании кавалерии являлось применение рассыпного строя. Основным приемом ведения атаки, предположительно, была лава⁴⁴. Лишь немногочисленные ударные отряды тяжелой кавалерии могли осуществлять атаку в сомкнутых порядках. Тактические приемы среднеазиатских кочевников были направлены на дистанционное подавление противника. Они стремились окружить или охватить противника полукругом с фронта и флангов, многократно атакуя его. Интенсивные обстрелы сменялись отступлениями и необходимыми перегруппировками в случае попыток врага контратаковать. Так конные лучники пытались нанести максимальные потери противнику. Если последний обращался в бегство или же его численность заметно редела, по нему в некоторых случаях могли нанести удар хорошо экипированные тяжеловооруженные всадники, довершавшие разгром ослабевшего вражеского войска. Пример неудачной попытки использования этой тактики можно обнаружить в действиях засырдарьинских «скифов» в сражении на Сырдарье 329 г. до н.э. Александр не позволил кочевникам держаться

³⁷ Ягодин 1978, 157, рис. 53/5; Иванов 2008, 34–40, рис. 1, 3–6.

³⁸ Литвинский 1972, 120–124, рис. 43/3–8; Иванов 2016b, 875–876, табл. 4/23–25.

³⁹ Левина 1996, 197, рис. 286/15.

⁴⁰ Толстов 1962, 148, 150, рис. 82/а–б; Горелик 1987, 113–116, рис. 4/4, 2/1–2; 2003, 98–99, табл. LIII/17, 18, 21.

⁴¹ Мамбетуллаев 1977, 278–280; Горелик 1987, 114–115, рис. 2, 5; Горелик 2003, 99, табл. LIII/20.

⁴² Литвинский 1972, 128–129; Горелик 1987, 126, рис. 7/6; 2003, 164, табл. LXV/68.

⁴³ Литвинский 2001, 366.

⁴⁴ Блаватский 1950, 24; Литвинский, Пьянков 2013, 129.

на дистанции в решающей фазе сражения, лишил неприятельских конных стрелков возможности использовать преимущества фланговых охватов. Впоследствии полководец навязывал «скифам» рукопашный бой, где решающую роль сыграла тяжеловооруженная македонская кавалерия, поддержанная легкими конными и пешими воинами⁴⁵. Сходную тактику охвата, но на этот раз удачно, применило в сражении на Зеравшане-Политимете войско Спитамена, в тот момент времени в значительной мере состоявшее из отрядов кочевников. В результате крупный отряд македонской армии был уничтожен в бою, носившем преимущественно дистанционный характер⁴⁶.

Говоря о вооружении и тактике ἱπποτοξόται Александра, нельзя не учитывать особенности формирования их отряда. Следует полагать, что наемниками становились преимущественно рядовые представители кочевого общества, движимые не только желанием проявить воинскую доблесть, но и возможностью обогатиться за счет военных трофеев и жалования. Это были легковооруженные конные стрелки, не имевшие значительного набора средств ближнего боя. Конечно, в отрядах кочевников, переходивших на службу к македонскому царю, могли присутствовать и представители аристократии, игравшие роль командиров. Последние, возможно, обладали тяжелым защитным снаряжением и разнообразным оружием ближнего боя, однако их количество и значение на поле боя не следует преувеличивать. А.Б. Босворт замечает, что дахов, вошедших в состав армии Александра, нельзя считать конными лучниками поголовно⁴⁷, однако данные о боевом применении ἱπποτοξόται Александра не дают оснований для утверждений о наличии в их корпусе заметной группы воинов, не имевших в своем арсенале лук и стрелы в качестве основного оружия.

Подразделения ἱπποτοξόται поздно влились в состав македонского войска, а специфика вооружения и тактики превращала их в один из самых экзотичных компонентов армии Александра. Что же стало залогом быстрого инкорпорирования среднеазиатских конных лучников в отборную часть армии Александра? Как известно, у македонского царя присутствовало стремление увеличить количество лучников в своей армии: исследователями отмечается, что контингент пеших стрелков за период от начала азиатской экспедиции до вторжения в Индию вырос в несколько раз⁴⁸. Впрочем, было бы ошибкой связывать включение среднеазиатских конных лучников в число наиболее активно использовавшихся подразделений армии лишь с этой тенденцией. Основная причина скрыта в особых боевых качествах среднеазиатских кочевников и специфике македонского военного искусства эпохи Восточного похода. Необходимо упомянуть давно сложившуюся в историографии точку зрения, согласно которой македонская армия на момент вторжения в пределы Средней Азии была незнакома с манерой ведения войны, характерной для местных кочевников⁴⁹. Эта позиция явно ошибочна. В частности, представление о сильных и слабых сторонах кавалерии, экипированной луками

⁴⁵ См. Arr. Anab. IV. 4. 1–9; Curt., VII, 9, 2–14.

⁴⁶ См. Arr. Anab. IV. 5. 3–8; 6, 1–2; Curt., VII, 7, 31–39.

⁴⁷ Bosworth 1995, 279.

⁴⁸ См. Шофман 1976, 295; Bosworth 1988, 264; Heckel 1992, 306; Ashley 1998, 47; Sekunda 2010, 459.

⁴⁹ Цибукидис 1981, 156; Garneau 2013, 5. См. также Holt 2005, 66; Smith 2009, 67.

«скифского» типа, у Александра и его соратников имелось еще до вторжения в Азию. Не следует забывать об опыте борьбы македонян со скифской тактикой, полученный еще в Европе⁵⁰. Речь идет как о войне Филиппа II со скифским царем Атеем 339 г. до н.э., закончившейся полной победой македонской армии⁵¹, так и о военной операции Александра против гетов на берегах Истра-Дуная 335 г. до н.э.⁵² Также для македонских завоевателей не являлось чем-то новым противостояние противнику, использующему принципы «малой войны». Как отмечает Т. Хоу, это заметно при внимательном рассмотрении первых пяти лет полководческой деятельности Александра⁵³. Сильным сторонам военного искусства среднеазиатских народов македонский царь противопоставил свое умение проводить операции силами мобильных корпусов, укомплектованных наиболее боеспособными и подвижными подразделениями кавалерии и пехоты. Эти соединения действовали автономно от остального войска, быстро перемещались, наносили мощные удары по противнику, максимально используя эффект неожиданности. Было бы ошибкой вслед за некоторыми исследователями⁵⁴ воспринимать данную практику как нововведение времен среднеазиатской кампании Александра. Ее применение являлось одной из характерных черт полководческого искусства завоевателя на протяжении всего Восточного похода⁵⁵, однако нельзя не согласиться с тем, что в период военных кампаний на территории Восточного Ирана и Средней Азии македонский царь стал чаще применять подвижные корпуса для самостоятельного решения боевых задач⁵⁶.

В дальнейшем, когда Александр приступил к завоеванию Индии, в состав отборных мобильных корпусов он стал включать и среднеазиатских конных лучников⁵⁷. Именно с участием ἱπποτοξόται в мобильных боевых операциях связано подавляющее большинство их упоминаний в сочинении Арриана, при этом в реальности случаев задействования конных лучников в таких военных предприятиях могло быть гораздо больше. Античные авторы, рассказывая о действиях подвижных корпусов, часто описывали их состав общими фразами. Даже относительно детальный перечень подразделений не может восприниматься как исчерпывающий. В качестве примера упомянем описанное Аррианом разделение армии Александра на начальной стадии вторжения в Индию: автор, казалось бы, подробно перечисляет войска, отправившиеся с царем в земли аспасиев, гуреев и ассакенов, не включая в их число конных лучников (Anab. IV. 23. 1), однако в его рассказе о походе Александра на вождя аспасиев ἱπποτοξόται уже упоминаются (Anab. IV. 24. 1). Как метко подчеркнуто в научной литературе, роль, которую играли среднеазиатские конные лучники в армии Александра во время Индийской кам-

⁵⁰ Lonsdale 2007, 92.

⁵¹ См. Шелов 1971, 63.

⁵² Согласно известному замечанию Фукидида, пограничные скифам геты имели сходное вооружение и являлись конными лучниками (II. 96. 1).

⁵³ Howe 2015a, 162–165.

⁵⁴ См. Шахермайр 1986, 215; Smith 2009, 67; Holt 2005, 67; Lonsdale 2007, 152.

⁵⁵ Коннолли 2000, 73–74; Gaebel 2002, 194–195. В настоящее время небезосновательно отмечается, что аналогичные методы использовал ранее Филипп II для противодействия подвижным отрядам балканских племен. См. Gabriel 2015, 149–150.

⁵⁶ Шофман 1976, 294–296; Секунда 2004, 14; Нефедкин 2007, 107.

⁵⁷ Bosworth 2003, 221.

паний, можно сравнить с положением элитного корпуса агриан⁵⁸. Действительно, представители балканского варварского племени агриан, не являясь македонянами по происхождению, наряду с лучниками и элитными македонскими подразделениями, такими как гипасписты и кавалерия гетайров, постоянно участвовали в «специальных операциях»⁵⁹. Для участия в военных акциях подобного рода среднеазиатские номады подходили практически идеально. Привыкшие к ведению военных действий в условиях Средней Азии, ἱπποτοξόται Александра являлись настоящими специалистами по организации неожиданных атак и тактическому маневрированию, умели решать достаточно широкий спектр боевых задач, будучи, конечно же, в первую очередь настроены на ведение дистанционного боя. Не менее важно то, что кочевой быт и особенности традиционной военной практики приспособили среднеазиатских номадов к быстрому перемещению на значительные расстояния: как известно, использование мобильных корпусов Александром часто сопровождалось поразительными по скорости маршами, проходившими, в том числе, по труднопроходимой горной или пустынной местности⁶⁰.

Александр и ранее привлекал кавалерию восточного происхождения для участия в мобильных боевых операциях. Речь идет о ἱππακοῦτιςται (конных дротометателях), которые были впервые упомянуты Аррианом при описании кампании Александра против мардов и охарактеризованы как недавно появившаяся в войске македонского царя разновидность кавалерии (Anab. III. 24. 1). Согласно мнению большинства специалистов, ἱππακοῦτιςται являлись иранскими легковооруженными кавалеристами, привлеченными к службе в македонской армии⁶¹. Конные дротометатели, согласно данным Арриана, приняли участие, по меньшей мере, в восьми боевых операциях, проведенных силами подвижных корпусов⁶². Легкая кавалерия, вооруженная дистанционным оружием, была ценна при проведении мобильных боевых операций, количество которых по мере продвижения Александра в глубины Азии возрастало⁶³. Обращает на себя любопытный нюанс – последний фиксируемый в источниках случай боевого применения ἱππακοῦτιςται как части возглавляемого царем подвижного корпуса относится к первой фазе Индийской кампании и связан с переходом через территорию гуреев в земли асакенов (Arg. Anab. IV. 25. 5). Как справедливо отмечает А.К. Нефедкин, в дальнейшем среднеазиатские конные лучники полностью вытеснили всадников-дротометателей из состава экспедиционных корпусов, возглавляемых царем. Данное обстоятельство исследователь связывает с большей дистанцией действия лука и стрел по сравнению с дротиками⁶⁴. Согласившись с важностью указанного преимущества, отметим, что на выбор Александра между иранскими подданными и

⁵⁸ Bosworth 2003, 221.

⁵⁹ Маринович 2010, 238; Griffith 1935, 15; Gaebel 2002, 195.

⁶⁰ Обобщение и анализ данных античной письменной традиции о форсированных маршах подвижных корпусов армии Александра см. Engels 1978, 153–156.

⁶¹ Нефедкин 2007, 302–303; Berve 1926, 151; Tarn 1948, 163–164; Brunt 1963, 28; Garlan 1972, 113; Engels 1978, 152; Wirth, Hinuber 1985, 881; Hammond 1996, 99–103; Olbrycht 2011, 78. Иное мнение см. Bosworth 1988, 271; Gaebel 2002, 176–177.

⁶² См. Anab., III, 24, 1; 25, 6; 29, 7; IV, 4, 7; 17, 3; 23, 1; 25, 5; VI, 17, 4.

⁶³ Нефедкин 2007, 302.

⁶⁴ Нефедкин 2007, 319. О схожих функциях конных дротометателей и конных лучников, а также вытеснении первых вторыми см. Bosworth 2003, 221; Olbrycht 2011, 76.

среднеазиатскими «союзниками» могли оказать влияние и другие причины. Конные дротометатели были вооружены сравнительно небольшим количеством металлических снарядов (в среднем двумя⁶⁵), что ограничивало во времени их применение в бою, в то время как конные лучники могли длительное время, попеременно атакуя и отступая, изматывать противника, нанося ему значительный урон. Это обеспечивало возможность их более гибкого использования и предопределило прочное положение в рядах армии Александра.

Переходя к вопросу о тактическом применении ἰπποτοξόται македонским завоевателем, следует заметить, что данные об этом весьма немногочисленны. В частности, в битве при Гидаспе, судя по сообщениям античных авторов, конные лучники приняли участие как минимум в двух боевых эпизодах. Первый из них имел место в самом начале сражения и был связан с отражением атаки индийского авангарда, состоявшего из кавалерии и колесниц. Арриан и Курций Руф упоминают, что Александр первыми бросил на врага конных лучников (по версии Курция Руфа – «скифов и дахов»), за которыми последовала и остальная кавалерия, разгромившая передовой отряд противника (Arr. Anab. V. 15. 1–2; Curt. VIII. 14. 5)⁶⁶. О втором эпизоде сообщает только Арриан, согласно которому 1 000 конных лучников множеством стрел и стремительным натиском привели в замешательство левый фланг индов, после чего здесь атаковал сам Александр во главе кавалерии гетайров, стремясь нанести удар до того как противник опомнится и построит свою конницу (Anab. V. 16. 4). В обоих случаях ἰπποτοξόται, приблизившись к противнику, вели его обстрел, а затем, маневрируя, освобождали место для ударной правофланговой кавалерийской группы Александра, осуществлявшей решительную атаку на уже ослабленного противника⁶⁷. Таким образом, конные лучники при Гидаспе внесли большой вклад в результативность действий всей кавалерии⁶⁸. Здесь наблюдается удачное использование традиционных сильных сторон конницы среднеазиатских номадов, которая эффективно поражала противника на расстоянии, уклоняясь от ответного удара и перегруппировываясь. Индийцы не смогли оказать противодействие конным лучникам Александра. Известно, что вооруженные мощными луками пехотинцы являлись одной из важнейших частей в индийских армиях IV в. до н.э.⁶⁹, однако в битве при Гидаспе они не нанесли сколь-нибудь значительного урона коннице Александра. Как отмечает Курций Руф, кавалерия македонского царя, двигаясь, опережала индийских лучников, которые для выстрела должны были упереть тяжелый лук в землю⁷⁰, в тот день очень скользкую (Curt. VIII. 14. 19). Конные лучники Александра, несмотря на весьма активное участие в битве, понесли сравнительно небольшие потери.

⁶⁵ Head 1992, 33–35, fig. 24, 25/a–c, 28.

⁶⁶ Другие авторы также упоминают, что индийский передовой отряд был разбит конницей Александра (См. Diod. XVII. 88. 1; Plut. Alex. 60). Согласно одной из последних версий, перед нами следы использования данных Клитарха, у Арриана дополненных сведениями Птолемея (Howe 2015b, 32–33). Анализ сведений источников «первой волны» о данном эпизоде см. Bosworth 1995, 287–293.

⁶⁷ Gaebel 2002, 177.

⁶⁸ Позицию М. Ольбрихта, согласно которой иранские конные подразделения (включая лучников) внесли настолько существенный вклад в разгром Пора, что впору говорить о «македоно-иранской победе» (Olbrucht 2010, 360), следует оценивать как излишне категоричную.

⁶⁹ Varua 2005, 12.

⁷⁰ Об этой особенности использования луков индийцами см. Arr. Ind. 16. 6.

Согласно свидетельству Арриана, из ἵπποτοξόται в битве пали всего 10 человек, при том, что общие потери в коннице составили около 230 (Anab. V. 18. 3)⁷¹. Это указывает на то, что корпус конных лучников принимал участие только в дистанционной части боя.

Второй сохранившийся в источниках относительно подробный рассказ о боевом применении конных лучников относится к более позднему времени и связан с началом сражения Александра с войском индийского племени кафеев у города Сангалы. Согласно Арриану, Александр во главе части сил приблизился к городу и сходу послал ἵπποτοξόται на врага, расположившегося на холме и укрепившего позицию телегами. Конным лучникам было приказано ездить вперед и назад, засыпая индов стрелами для того, чтобы они не осуществили вылазку до окончания построения войска Александра и понесли потери еще до начала битвы. Далее автор приводит описание самого сражения, закончившегося разгромом полевых укреплений противника и захватом города (Anab. V. 22. 3–24. 5). В битве под Сангалами конные лучники выполнили задачу, несколько отличающуюся от их действий при Гидаспе⁷². В этот раз ἵπποτοξόται выступили в роли прикрытия: перемещаясь вдоль вражеских укреплений они посредством стрельбы и маневрирования не только нанесли врагу потери, но и не дали ему возможности выйти из-за телег и атаковать войско Александра в период перестроения. Обстрел продолжался немало времени, так как македонский царь не только успел построить для битвы имевшиеся на тот момент подразделения, но и смог включить в боевые порядки подошедших воинов тылового охранения (Anab. V. 22. 6–7). Примечательно, что источник сообщает о большом количестве лучников в войске кафеев. Эти лучники активно проявили себя во время начала активной фазы штурма укреплений Александром (Anab. V. 23. 1). Видимо, воспрепятствовать действиям конных стрелков македонского царя индийские лучники не смогли, как и в битве при Гидаспе, из-за трудностей использования больших местных луков против быстро перемещающейся кавалерии. К выполнению аналогичных задач ἵπποτοξόται, судя по всему, привлекались Александром неоднократно. Обратим внимание на эпизод, произошедший в период кампании завоевателя против маллов, в рамках которой сам царь непосредственно возглавил корпус, состоявший из гипаспистов, лучников, агриан, таксиса Пифона, всех конных лучников и половины конницы гетайров (Агг. Anab. VI. 6. 1). Приближаясь к берегам реки Гидраот, Александр, как сообщает Арриан, во главе кавалерии стремительно двинулся в сторону переправы, приказав пехоте двигаться следом. После пересечения реки македонский царь столкнулся с войском маллов, насчитывавшим около 50 000 человек и построенным в плотные боевые порядки. Указывается, что Александр, не имея пехоты, нападал конницей, скакал кругом, но не шел в рукопашный бой. Противник был отброшен от занимаемых позиций атакой, осуществленной после прибытия агриан, лучников и фаланги (Anab. VI. 8. 4–8). Единственным подразделением конницы, имевшимся у Александра на тот момент и способным наносить врагу потери на дистанции, являлись конные лучники. Последним, очевидно, как и под

⁷¹ Диодор Сицилийский упоминает, что общие потери Александра в кавалерии составили 280 человек (XVII. 89. 3).

⁷² Иное мнение см. Gaebel 2002, 177.

Сангалами, было поручено перемещаться вдоль вражеских порядков и вести обстрел, сковывая действия противника и ослабляя его.

Таким образом, тактика использования конных лучников Александром была разнообразной. Конечно, они не играли роль «первой скрипки» в сражениях, однако не следует принижать значение их действий вслед за У. Тарном, полагавшим, что 1 000 конных лучников были одним из многих вспомогательных отрядов армии Александра и не оказывали существенного влияния на исход боя ввиду ограниченного запаса стрел⁷³. Как показывают археологические данные, запас стрел у кочевников Средней Азии мог быть вполне внушительным (обычно несколько десятков, реже до сотни и более), поскольку опытный воин переносил их как в специальном кармане горита, так и в дополнительном колчане. Конечно, при израсходовании стрел конные лучники Александра должны были отойти, однако, как видно из пассажей античных авторов, к этому времени ἱπποτοξόται обычно успевали выполнить возложенные на них задачи. Использование дальнобойного лука «скифского» типа вкупе с применением характерной для среднеазиатских кочевников тактики давали прекрасные результаты. Служившие Александру ἱπποτοξόται могли организовать массированный обстрел противника, даже по навесной траектории и на значительном расстоянии нанося ему серьезный урон. Сохранились сведения, что рекордная дальность стрельбы из «скифского» лука достигала более 500 м⁷⁴. Конечно, реальная боевая перестрелка не велась на такой большой дистанции. Б.А. Литвинский приводит по этому поводу интересные данные, указывая, что при стрельбе из сложносоставного лука опытный стрелок «добивается стопроцентного попадания на расстоянии 90–270 м, а на дистанции 300 и выше попадание составляет лишь 50 %»⁷⁵. Учитывая то, что в эксперименте, видимо, использовался несколько более мощный лук по сравнению со «скифским», а также то, что в нашем случае стрельба велась с коня и часто в движении, реальные показатели при использовании луков среднеазиатскими всадниками Александра следует считать более скромными. Перестрелка на дальней дистанции по навесной траектории могла вестись по скоплениям неприятеля в пределах 100–150 м, благодаря чему использование нескольких сотен конных лучников против противника, слабо или частично защищенного металлическим доспехом, было весьма эффективным. При стрельбе по прямой траектории в пределах 50–100 м возможность поражения противника существенно возрастала, поскольку обстрел велся уже прицельно⁷⁶. О большой меткости среднеазиатских конных лучников сообщает и античная письменная традиция⁷⁷. Способность осуществлять изнуряющий обстрел противника и маневрировать обусловила то, что Александр поручал среднеазиатским конным лучникам самостоятельное выполнение сложной боевой задачи, заключавшейся в сковывании действий противника на время подготовки удара основных сил войска.

⁷³ Tarn 1930, 86.

⁷⁴ В надписи из Ольвии указывается, что Анаксагор, сын Димагора, выстрелил из лука, несомненно, «скифского» типа на расстояние 282 оргии, что оставляет 521,6 м (Мелюкова 1964, 31; Черненко 1981, 138–139).

⁷⁵ Литвинский 2001, 345.

⁷⁶ Черненко 1981, 138–140.

⁷⁷ Подробнее см. Литвинский 2001, 40.

Не боясь преувеличения, можно констатировать, что Александр сумел обеспечить оптимальное применение корпуса ἱπποτοξόται укомплектованного среднеазиатскими номадами, которые, используя свои традиционные вооружение и тактику, способствовали общему успеху армии на поле боя. Безусловно, это стало возможным благодаря тому, что великий полководец хорошо изучил сильные и слабые стороны конных лучников как противников. В период Индийской кампании среднеазиатские конные лучники стали заметной и важной частью армии самого Александра. Курций Руф, описывая события на Гифасисе, приводит речь, якобы произнесенную Александром перед взбунтовавшимся македонским войском, в которой среднеазиатский компонент армии упоминается в двух местах. В первой части речи македонский царь, описывая возросшую силу армии, указывает на присутствие в ней «скифов», бактрийцев, дахов и согдийцев (Curt. IX. 2. 24). Во втором фрагменте Александр, раздосадованный молчанием войска, замечает: «Я найду того, кто пойдет со мной, которого вы бросили – со мной будут скифы и бактрийцы, недавние враги, теперь наши воины» (Curt. IX. 2. 33)⁷⁸. Конечно, речи в сочинении Курция Руфа в целом, не исключая и рассматриваемую, в большей степени являются результатом риторических упражнений самого автора⁷⁹, однако здесь присутствуют следы использования данных первичной традиции. Что примечательно, Арриан также упоминает слова Александра о том, что найдутся люди, готовые последовать за своим царем добровольно (Anab. V. 28. 2). Видимо, в основе речи, творчески переработанной Курцием Руфом, лежали сведения Клитарха⁸⁰. Оттуда могла быть позаимствована высокая оценка среднеазиатского контингента армии и, в том числе, «скифов» и «дахов»⁸¹, появление которых преподнесено как существенное усиление войска, а упоминание их способности помочь в реализации завоевательных планов использовалось Александром для пробуждения ревности у македонян.

В историографии присутствует мнение, согласно которому инкорпорирование кавалерии из восточных сатрапий, и, прежде всего, среднеазиатских кочевников, способствовало значительному изменению военного искусства Александра, в котором снизилась роль фаланги, были усилены подвижность и маневренность, стали применяться типично «восточные» тактические приемы: внезапное нападение, рассыпной строй, массированные удары и организация преследования⁸². В основе этого заключения лежит крайне упрощенное представление о методах ведения войны, использовавшихся македонянами до вторжения в Среднюю Азию и Индию. Не останавливаясь на этих нюансах пространно, заметим, что Александр ранее демонстрировал блестящее владение теми приемами, которые оцениваются сторонниками рассматриваемого мнения в качестве восточных новшеств. Так, современными исследователями установлено, что продолжительное преследование отступающего противника было характерно для всех этапов полководческой деятельности Александра и, что важно, присутствовало в тактическом арсенале его

⁷⁸ Перевод В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского.

⁷⁹ Маринович 1993, 43; Tarn 1948, 94; Bosworth 1983, 150–161; Nawotka 2010, 316.

⁸⁰ Руденко 2008, 19; Hammond 1983, 151–153.

⁸¹ Заметим, что здесь используются те же этнонимы, что и в описании сражения при Гидаспе.

⁸² Шофман 1976, 296; Цибукидис 1981, 156, 162.

отца Филиппа II⁸³. Классическим примером организации массированного удара, подразумевающего усиление натиска благодаря последовательному введению резервов, можно считать ночную атаку на лагерь иллирийцев под Пелионом в рамках кампании 335 г. до н.э.⁸⁴ Массированная атака была проведена Александром и в ходе уже упоминавшегося сражения Александра со «скифами» на берегах Сыр-дарьи⁸⁵. Говоря об организации внезапных нападений, заметим, что на протяжении всей полководческой карьеры Александр периодически максимально использовал фактор неожиданности, осуществляя активные наступательные действия в темное время суток⁸⁶. Для осуществления внезапной атаки Александр применял и мобильные корпуса, действующие отдельно от основных сил армии. Македонская практика применения подобного рода соединений не позволяет согласиться и с тезисом о большом снижении роли фаланги после включения среднеазиатского контингента в состав войска Александра. Как отмечает Р. Гейбел, опираясь на данные Арриана, македонский царь практически всегда включал пехоту в состав своих мобильных корпусов, причем чаще всего это были фалангиты в количестве от одного до четырех таксисов⁸⁷. Успешному инкорпорированию среднеазиатских кочевников в состав армии Александра способствовала именно то, что македонское войско обладало большой тактической гибкостью, а командование имело богатый опыт проведения боевых операций с использованием подвижных соединений. Правильно оценив потенциал легкой восточной конницы, Александр первоначально привлек к мобильным боевым действиям иранских всадников-дротометелей, а в дальнейшем заменил их среднеазиатскими конными лучниками.

Таким образом, благодаря своим высоким боевым качествам и специфике македонского военного искусства эпохи Восточного похода, кочевники Средней Азии стали заметным и важным компонентом армии Александра в период его Индийской кампании. Подвижность и хорошее владение дистанционным оружием, свойственные для новых воинов завоевателя, нашли применение и в полномасштабном сражении при Гидаспе, и в ходе многочисленных мобильных операций. Успешное инкорпорирование среднеазиатских конных лучников в армию позволило Александру усовершенствовать до того уже применявшиеся методы ведения военных действий и при этом продемонстрировать новые грани своего полководческого почерка, связанные с эффективным использованием столь нетипичного для Греции и Македонии рода конницы.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков, К.М. 1998: Семиреченские художественные бронзы. *Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан (Сер. обществ. наук)* 1, 3–17.
 Балахванцев, А.С. 2012: Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции. *Восток* 1, 29–36.
 Бертельс, Е.Э. 1948: *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*. М.–Л.

⁸³ Wilcken 1962, 171; Strauss 2003, 140–141; Gabriel 2015, 149.

⁸⁴ См. Arr.Anab. I, 6, 9–11.

⁸⁵ См. Arr.Anab. IV, 4, 5–7.

⁸⁶ Об этом: Montagu 2006, 57; Howe 2015a, 165.

⁸⁷ Gaebel 2002, 195–196. Об использовании подразделений фаланги в мобильных боевых операциях см. также Anson 2010, 82–85.

- Блаватский, В.Д. 1950: О стратегии и тактике скифов. *КСИИМК* 34, 19–30.
- Гаиров, В.А., Кошеленко, Г.А. 2005: Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные письменных источников. *ВДИ* 1, 103–127.
- Горелик, М.В. 1987: Сакский доспех. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства*. М., 110–133.
- Горелик, М.В. 2003: *Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н.э.)*. М.
- Иванов, С.С. 2008: Железные всаднические мечи Центральной Азии. В сб.: В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт (ред.), *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Вып. 3. Бишкек, 34–40.
- Иванов, С.С. 2014: Особенности формирования воинских контингентов древних кочевников Средней Азии в сакский период. В сб.: Т.К. Чоротегин (ред.), *Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов. Сборник материалов II международной конференции, посвященной 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата в Центральной Азии*. Бишкек, 281–284.
- Иванов, С.С. 2015: К вопросу об этнической идентификации древних кочевников Притяньшанья в сакский период. В сб.: М.А. Зенько-Немчинова, С.С. Иванов (ред.), *Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека»*. Бишкек, 116–121.
- Иванов, С.С. 2016а: К проблеме взаимоотношений сакских племен Притяньшанья с державой Ахеменидов. В сб.: М.В. Кирчанов (ред.), *Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение*. Вып. 1. Воронеж, 55–62.
- Иванов, С.С. 2016б: Этнокультурные взаимосвязи ранних кочевников Притяньшанья и Алтая в скифо-сакскую эпоху. *Мир Большого Алтая* 2 (4.2), 869–885.
- Кадырбаев, М.К. 1968: Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана. В сб.: М.К. Кадырбаев (ред.), *Новое в археологии Казахстана*. Алма-Ата, 21–36.
- Кожомбердиев, И.К. 1977: Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. В сб.: В.М. Плоских, Д.Ф. Винник (ред.), *Кетмень-Тюбе. Археология и история*. Фрунзе, 9–24.
- Коннолли, П. 2000: *Греция и Рим. Энциклопедия военной истории*. М.
- Левина, Л.М. 1996: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.* М.
- Литвинский, Б.А. 1972: *Древние кочевники «крыши мира»*. М.
- Литвинский, Б.А. 2001: *Храм Окса в Бактрии. Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте*. М.
- Литвинский, Б.А., Пьянков, И.В. 2013: Военное дело у народов Средней Азии в VI – IV вв. до н.э. В кн.: И.В. Пьянков (ред.), *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб., 112–130.
- Мамбетуллаев, М. 1977: Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе. *СА* 3, 278–281.
- Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса)*. М.
- Маринович, Л.П. 2010: Европейские варвары в армии Александра Македонского. В сб.: Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.), *GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова*. М., 235–242.
- Медведская, И.Н. 1972: Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. *СА* 3, 76–89.
- Мелюкова, А.И. 1964: *Вооружение скифов*. М.
- Нефедкин, А.К. 2007: *Конница эпохи эллинизма (военный и социальный аспект)*: дисс... докт. ист. наук. Ставрополь.

- Обельченко, О.В. 1978: Мечи и кинжалы из курганов Согда. *СА* 4, 115–127.
- Пьянков, И.В. 2013: «Саки» (содержание понятия). В кн.: И.В. Пьянков (ред.), *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб, 493–499.
- Руденко, М.Н. 2008: *Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334–323 гг. до н.э.*: автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов.
- Секунда, Н. 2004: *Армия Александра Великого*. М.
- Толстов, С.П. 1962: *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Цибукидис, Д.И. 1981: *Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974)*. М.
- Черненко, Е.В. 1981: *Скифские лучники*. Киев.
- Шахермайр, Ф. 1986: *Александр Македонский*. М.
- Шелов, Д.Б. 1971: Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. В. кн.: *Проблемы скифской археологии* (МИА 177), 54–63.
- Шофман, А.С. 1976: *Восточная политика Александра Македонского*. Казань.
- Шульга, П.И. 2010: *Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация)*. Барнаул.
- Щеглов, Д.А. 2006: Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Македонского. *Записки Восточного отделения Российского археологического общества II (XXVII)*, 276–316.
- Ягодин, В.Н. 1978: Памятники кочевых племен древности и средневековья. В сб.: С.К. Камалов (ред.), *Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта*. Ташкент, 79–198.
- Anson, E.M. 2010: The Asthetairoi: Macedonia's Hopliters. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 81–90.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Badian, E. 1965: Orientals in Alexander's Army. *JHS* 85, 160–161.
- Barceló, P. 2007: *Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Barua, P.P. 2005: *The State at War in South Asia*. Lincoln–London.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I. München.
- Bosworth, A. B. 1976: Errors in Arrian. *CQ* 26.1, 117–139.
- Bosworth, A.B. 1983: History and Rhetoric in Curtius Rufus. *CP* 78.1, 150–161.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 2. Oxford.
- Bosworth, A.B. 2003: Alexander and the Iranians. In: I. Worthington (ed.), *Alexander the Great: A Reader*. London–New York, 208–234.
- Brunt, P.A. 1963: Alexander's Macedonian Cavalry. *JHS* 83, 27–46.
- Engels, D.W. 1978: *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley–Los Angeles.
- Engels, J. 2006: *Philipp II und Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabriel, R.A. 2015: *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley.
- Gaebel, R. E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Garlan, Y. 1972: *La Guerre dans l'Antiquité*. Paris.
- Garneau, A. 2013: “The Heads of Hydra which ever grew again”: Alexander the Great's failed counterinsurgency in Afghanistan. In: *The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute* 4/13, 1–8.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.

- Griffith, G.T. 1963: A Note on the Hippiarchies of Alexander. *JHS* 83, 68–74.
- Hamilton, J.R. 1987: Alexander's Iranian Policy. In: W. Will, J. Heinrichs (eds.), *Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirt zum 60. Geburtstag am 9.12.86*. Bd. I. Amsterdam, 467–486.
- Hammond, N. G. L. 1980: *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge.
- Hammond, N.G.L. 1983: *Three historians of Alexander the Great*. Cambridge.
- Hammond, N.G.L. 1996: Alexander's Non-European Troops and Ptolemy I's Use of Such Troops. *BASP* 33, 99–109.
- Hammond, N.G.L. 1998a: Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 BC. *Historia* 47, 4, 404–425.
- Hammond, N.G.L. 1998b: *The Genius of Alexander the Great*. L.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Head, D. 1992: *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Heckel, W. 1992: *The marshals of Alexander's empire*. London–New York.
- Heckel, W. 2008: *The Conquests of Alexander the Great*. Cambridge.
- Holt, F. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. London–Berkeley–Los Angeles.
- Howe, T. 2015a: Alexander and “Afghan Insurgency”: A Reassessment. In: T. Howe, L.L. Brice (eds.), *Brill's Companion to Insurgency and Terrorism in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 151–182.
- Howe, T. 2015b: Plutarch, Arrian and the Hydaspes: A Historiographical Approach. In: C. Bearzote, F. Landucci (eds.), *Alexander's Legacy*. Milano, 25–39.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. L.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London–New York.
- Milns, R.D. 1978: Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note. *Historia* 27.2, 374–378.
- Montagu, J.D. 2006: *Greek and Roman Warfare. Battles, Tactics and Trickery*. London.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Olbrycht, M.J. 2007: The Military Reforms of Alexander the Great during His Campaign in Iran, Afghanistan, and Central Asia. In: C. Galewicz, J. Pstrusińska, L. Sudyka (eds.), *Miscellanea Eurasiatica Cracoviensia*. Kraków, 309–321.
- Olbrycht, M.J. 2010: Macedonia and Persia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 342–369.
- Olbrycht, M.J. 2011: First Iranian military units in the army of Alexander the Great. In: M.J. Olbrycht (ed.), *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 2. Rzeszów, 67–84.
- Rhodes, P.J. 2006: *A History of the Classical Greek World, 478–323 BC*. Oxford.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Sidnell, P. 2006: *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London–New York.
- Smith, M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies* 8, 64–72.
- Strauss, B.S. 2003: Alexander: The Military Campaign. In: J. Roisman (ed.), *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden–Boston, 133–157.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge.
- Thomas, C.G. 2007: *Alexander the Great in his World*. Oxford.
- Wilcken, U. 1962: *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. 9. Aufl. München.
- Wirth, G., Hinuber, O.v. 1985: *Arrian. Der Alexanderzug. Die indische Geschichte*. München–Zürich.

REFERENCES

- Anson, E.M. 2010: The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 81–90.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Badian, E. 1965: Orientals in Alexander's Army. *The Journal of Hellenic Studies* 85, 160–161.
- Balakhvantsev, A.S. 2012: Dakhi Sredney Azii v epokhu Aleksandra Makedonskogo: dannye narrativnoy traditsii [Dahae of Middle Asia in the age of Alexander the Great: the data of narrative traditions]. *Vostok [Orient]* 1, 29–36.
- Barceló, P. 2007: *Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Barua, P.P. 2005: *The State at War in South Asia*. Lincoln–London.
- Baypakov, K.M. 1998: Semirechenskie khudozhestvennye bronzy [Artistic Bronzes from the Semirechie]. *Izvestiya Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Ser. obshchest. nauk [Transactions of the Ministry of Science – Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social sciences]* 1, 3–17.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I. München.
- Blavatskiy, V.D. 1950: O strategii i taktike skifov [On the strategy and tactics of the Scythians]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture]* 34, 19–30.
- Bosworth, A. B. 1976: Errors in Arrian. *The Classical Quarterly* 26.1, 117–139.
- Bosworth, A.B. 1983: History and Rhetoric in Curtius Rufus. *CP* 78.1, 150–161.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 2. Oxford.
- Bosworth, A.B. 2003: Alexander and the Iranians. In: I. Worthington (ed.), *Alexander the Great: A Reader*. London–New York, 208–234.
- Brunt, P.A. 1963: Alexander's Macedonian Cavalry. *The Journal of Hellenic Studies* 83, 27–46.
- Chernenko, E.V. 1981: *Skifskie luchniki [Scythian archers]*. Kiev.
- Engels, D.W. 1978: *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley–Los Angeles.
- Engels, J. 2006: *Philipp II und Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabriel, R.A. 2015: *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley.
- Gaebel, R. E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2005: Kochevniki Sredney Azii v epokhu Aleksandra Makedonskogo: dannye pismennykh istochnikov [Nomads of Central Asia in the epoch of Alexander the Great: information from written sources]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 103–127.
- Garlan, Y. 1972: *La Guerre dans l'Antiquité*. Paris.
- Garneau, A. 2013: “The Heads of Hydra which ever grew again”: Alexander the Great's failed counterinsurgency in Afghanistan. In: *The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute* 4/13, 1–8.
- Gorelik, M.V. 1987: Saksikiy dospekh [Saka armor]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Tsentrlnaya Aziya. Novye pamyatniki pismennosti i iskusstva [Central Asia. New memorials of literature and art]*. Moscow, 110–133.
- Gorelik, M.V. 2003: *Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tys. – IV v. do n.eh.) [Weapons of the Ancient East (the 1st millennium BC – 4th century BC)]*. Moscow.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.

- Griffith, G.T. 1963: A Note on the Hippiarchies of Alexander. *The Journal of Hellenic Studies* 83, 68–74.
- Hamilton, J.R. 1987: Alexander's Iranian Policy. In: W. Will, J. Heinrichs (eds.), *Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirt zum 60. Geburtstag am 9.12.86*. Bd. I. Amsterdam, 467–486.
- Hammond, N. G. L. 1980: *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge.
- Hammond, N.G.L. 1983: *Three historians of Alexander the Great*. Cambridge.
- Hammond, N.G.L. 1996: Alexander's Non-European Troops and Ptolemy I's Use of Such Troops. *BASP* 33, 99–109.
- Hammond, N.G.L. 1998a: Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 BC. *Historia* 47, 4, 404–425.
- Hammond, N.G.L. 1998b: *The Genius of Alexander the Great*. London.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Head, D. 1992: *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Heckel, W. 1992: *The marshals of Alexander's empire*. London–New York.
- Heckel, W. 2008: *The Conquests of Alexander the Great*. Cambridge.
- Holt, F. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. London–Berkeley–Los Angeles.
- Howe, T. 2015a: Alexander and “Afghan Insurgency”: A Reassessment. In: T. Howe, L.L. Brice (eds.), *Brill's Companion to Insurgency and Terrorism in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 151–182.
- Howe, T. 2015b: Plutarch, Arrian and the Hydaspes: A Historiographical Approach. In: C. Bearzote, F. Landucci (eds.), *Alexander's Legacy*. Milano, 25–39.
- Ivanov, S.S. 2008: Zheleznye vsadnicheskie mechi Tsentralnoy Azii [The iron cavalry swords in Central Asia]. In: V.A. Kolchenko, F.G. Rott (ed.), *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana [Materials and Research on the Archeology of Kyrgyzstan]* 3. Bishkek, 34–40.
- Ivanov, S.S. 2014: Osobennosti formirovaniya voinskikh kontingentov drevnikh kochevnikov Sredney Azii v sakskiy period [Features of formation of military contingents of the ancient nomads of Central Asia in Saka period]. In: T.K. Chorotegin (ed.), *Kyrgyzskiy kaganat v kontekste srednevekovoy gosudarstvennosti i kultury tyurkskikh narodov. Sbornik materialov II mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashhennoy 1170-letiyu obrazovaniya Velikogo Kyrgyzskogo kaganata v Tsentralnoy Azii [The Kyrgyz Kaganate in the context of the medieval statehood and culture of the Turkic peoples. Collected materials of the II International Conference, dedicated to the 1170th anniversary of the formation of the Great Kyrgyz Kaganate in Central Asia]*. Bishkek, 281–284.
- Ivanov, S.S. 2015: K voprosu ob etnicheskoy identifikatsii drevnikh kochevnikov Prityanshanya v sakskiy period [On issue of the ethnic identification of ancient nomads of Tien Shan region]. In: M.A. Zenko-Nemchinova, S.S. Ivanov (eds.), *Sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashhennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushhegosya uchenogo-etnologa S.M. Abramzona “Kompleksnyy podkhod v izuchenii prirody, obshchestva i cheloveka” [Collection of reports of the international scientific conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of the outstanding scientist-ethnologist S.M. Abramzon “An integrated approach to the study of nature, society and man”]*. Bishkek, 116–121.
- Ivanov, S.S. 2016a: K probleme vzaimootnosheniy sakskikh plemen Prityanshanya s derzhavoy Akhemenidov [On problem of the relationship between Saka tribes of Tien Shan region and Achaemenid Empire]. In: M.V. Kirchanov (ed.), *Acta Orientalia Voronensia. Voronezhskoe vostokovedenie [Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies]* 1. Voronezh, 55–62.
- Ivanov, S.S. 2016b: Etnokulturnye vzaimosvyazi rannikh kochevnikov Prityanshanya i Altaya v skifo-sakskuyu epokhu [Ethno-cultural relationship of early nomads of the Tien Shan

- region and Altai in the Scythian-Saka era]. *Mir Bolshogo Altaya* [*The World of the Great Altay*] 2 (4.2), 869–885.
- Kadyrbaev, M.K. 1968: Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannego zheleznogo veka Kazakhstana [Some results and perspectives of studying the archeology of the early Iron Age of Kazakhstan]. In: M.K. Kadyrbaev (ed.), *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [*New discoveries in the archaeology of Kazakhstan*]. Alma-Ata, 21–36.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [*Essays on the Art of Warfare of the Sarmatians*]. Moscow.
- Kozhombierdiev, I.K. 1977: Osnovnye etapy istorii kultury Ketmen-Tyube [The main stages of the history of Ketmen-Tyube's culture]. In: V.M. Ploskikh, D.F. Vinnik (eds.), *Ketmen-Tyube. Arkheologiya i istoriya* [*Ketmen-Tyube. Archaeology and history*]. Frunze, 9–24.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. L.
- Levina, L.M. 1996: *Ehtnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e.* [*Ethnocultural history of the Eastern Aral Region. The first millennium BC to the first millennium AD*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 1972: *Drevnie kochevniki "kryshi mira"* [*Ancient nomads of "the Roof of the World"*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 2001: *Khram Oksa v Baktrii. T. 2. Baktriyskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste* [*The Temple of the Oxus in Bactria. Vol. 2. Bactrian weapons in the ancient Eastern and Greek context*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A., Pyankov, I.V. 2013: Voennoe delo u narodov Sredney Azii v VI – IV vv. do n.e. [Warfare of the Peoples of Central Asia in 6th – 4th century BC]. In: I.V. Pyankov (ed.), *Srednyaya Aziya i Evraziyskaya step' v drevnosti* [*Central Asia and the Eurasian steppe in ancient times*]. Saint Petersburg, 112–130.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London–New York.
- Mambetullaev, M. 1977: Rel'efnoe izobrazhenie vsadnika na keramicheskoy flyage iz Khumbuz-Tepe [Relief image of the rider on a ceramic jar from Khumbuz-Tepe]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet archaeology*] 3, 278–281.
- Marinovich, L.P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy (K probleme krizisa polisa)* [*Greeks and Alexander the Great (The problem of the crisis of polis)*]. Moscow.
- Marinovich, L.P. 2010: Evropeyskie varvary v armii Aleksandra Makedonskogo [European barbarians in the army of Alexander the Great]. In: T.N. Jackson, I.G. Konovalova, G.R. Tsetskhladze (eds.), *GAUDEAMUS IGITUR: Sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podosinova* [*GAUDEAMUS IGITUR: Collection of articles for the 60th Anniversary of A.V. Podosinov*]. Moscow, 235–242.
- Medvedskaya, I.N. 1972: Nekotorye voprosy khronologii bronzovykh nakonechnikov strel Sredney Azii i Kazakhstana [Some issues of chronology of bronze arrowheads of Central Asia and Kazakhstan]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet archaeology*] 3, 76–89.
- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov* [*Weapon of the Scythians*]. Moscow.
- Milns, R.D. 1978: Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note. *Historia* 27.2, 374–378.
- Montagu, J.D. 2006: *Greek and Roman Warfare. Battles, Tactics and Trickery*. London.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Nefedkin, A.K. 2007: *Konnitsa epokhi ellinizma (voennyi social'nyy aspekt)* [*The cavalry of the Hellenistic period (military and social aspect)*]: diss... dokt. ist. nauk [PhD Thesis]. Stavropol.
- Obelchenko, O.V. 1978: Mechi i kinzhaly iz kurganov Sogda [Swords and daggers from Sogdian kurgans]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet archaeology*] 4, 115–127.
- Olbrycht, M.J. 2007: The Military Reforms of Alexander the Great during His Campaign in Iran, Afghanistan, and Central Asia. In: C. Galewicz, J. Pstrusińska, L. Sudyka (eds.), *Miscellanea Eurasiatica Cracoviensia*. Kraków, 309–321.

- Olbrycht, M.J. 2010: Macedonia and Persia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 342–369.
- Olbrycht, M.J. 2011: First Iranian military units in the army of Alexander the Great. In: M.J. Olbrycht (ed.), *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 2. Rzeszów, 67–84.
- Pyankov, I.V. 2013: “Saki” (soderzhanie ponyatiya) [“Saka” (content of the term)]. In: I.V. Pyankov (ed.), *Srednyaya Aziya i Evraziyskaya step' v drevnosti* [Central Asia and the Eurasian steppe in ancient times]. Saint Petersburg, 493–499.
- Rhodes, P.J. 2006: *A History of the Classical Greek World, 478–323 BC*. Oxford.
- Rudenko, M.N. 2008: *Makedonskaya armiya i massovaya oppositsiya Aleksandru Velikomu v 334–323 gg. do n.e.* [Macedonian army and mass opposition to Alexander the Great in 334–323 BC.]: avtoref. diss... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Saratov.
- Sekunda, N. 2004: *Armiya Alexandra Velikogo* [The Army of Alexander the Great]. Moscow.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Shachermeyr, F. 1986: *Alexandr Makedonskiy* [Alexander the Great]. Moscow.
- Shcheglov, D.A. 2006: Kochevye narody sredney Azii po svedeniyam istorikov Aleksandra Makedonskogo [Nomadic peoples of Central Asia, according to historians of Alexander the Great]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Transactions of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society] II (XXVII). Saint Petersburg, 276–316.
- Shelov, D.B. 1971: Skifo-makedonskiy konflikt v istorii antichnogo mira [Scythian-Macedonian conflict in the history of the ancient world]. In: *Problemy skifskoy arkheologii* [Problems of Scythian Archaeology] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on Archaeology of the USSR] 177), 54–63.
- Shofman, A.S. 1976: *Vostochnaya politika Alexandra Makedonskogo* [The Eastern policy of Alexander the Great]. Kazan.
- Shulga, P.I. 2010: *Sin'tsyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebalnye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in the 8th–3rd centuries BC. (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul.
- Sidnell, P. 2006: *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London–New York.
- Smith, M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies* 8, 64–72.
- Strauss, B.S. 2003: Alexander: The Military Campaign. In: J. Roisman (ed.), *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden–Boston, 133–157.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge.
- Thomas, C.G. 2007: *Alexander the Great in his World*. Oxford.
- Tolstov, S.P. 1962: *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta* [Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes]. Moscow.
- Tsibukidis, D.I. 1981: *Drevnyaya Gretsiya i Vostok. Ehllinisticheskaya problematika grecheskoj istoriografii (1850–1974)* [Ancient Greece and the East. Hellenistic problems in Greek historiography (1850–1974)]. Moscow.
- Wilcken, U. 1962: *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. 9. Aufl. München.
- Wirth, G., Hinuber, O.v. 1985: *Arrian. Der Alexanderzug. Die indische Geschichte*. München–Zürich.
- Yagodin, V.N. 1978: Pamyatniki kochevykh plemen drevnosti i srednevekovya [Memorials of nomadic tribes of Antiquity and the Middle Ages]. In: S.K. Kamalov (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura yugo-vostochnogo Ustyurta* [Ancient and medieval culture of southeast Ustyurt]. Tashkent, 79–198.

“WITH ME WILL BE THE SCYTHIANS...”: CENTRAL ASIAN MOUNTED
ARCHERS IN ALEXANDER THE GREAT’S ARMY

Alexander A. Kleymenov, Sergey S. Ivanov

Tula State Lev Tolstoy University, Tula, Russia

alek-klejmenov@yandex.ru

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

sak@yandex.com

Abstract. The article deals with a contingent of mounted archers, who presented in the army of Alexander the Great during his Asian campaign. It is determined that the appearance of a new kind of cavalry in the invader’s army was the result of the subordination of the Central Asian territories. A group of mounted archers, who played a prominent role in the Indian campaign of Alexander, should be re-adopted as a selective unit, staffed by the Dahae and Massagetae, Central Asian nomads who joined the army of the Macedonian king as mercenaries. A thousand squad of these riders, equipped with bows of the “Scythian” type and blade weapons, quickly incorporated into Alexander’s army, becoming one of the most frequently used troops along with Macedonian infantry, cavalry of the *hetairoi* and the Agrianae. The guarantee of this was the high fighting qualities of the cavalry of Central Asian nomads and the peculiarities of Alexander’s military art, in which the use of mobile hulls equipped with the most combat-ready and mobile units was of great importance. During the period of the Indian campaign, mounted archers began to be included in such troops. The tactics of using the latter was based on the traditionally strong sides of the Central Asian lightly armed cavalry, such as maneuverability and excellent archery. In the Battle of Hydaspes, 326 BC, the mounted archers, intensively firing at the enemy, weakened him before the decisive attack of the shock heavy cavalry Alexander. Central Asian nomads were repeatedly used to hinder the actions of the enemy during the regrouping of Alexander’s troops. However, the inclusion of mounted archers in the army of the conqueror did not lead to a significant change in the military art of Alexander, but it allowed improving already well-mastered methods of conducting military operations.

Keywords: Alexander the Great, warfare, tactics, mounted archers, Scythians, Dahae, Massagetae

---

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОМ ПОХОДЕ НЕРОНА

С.В. Ярцев, А.Ю. Бутовский

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия*
s-yartsev@yandex.ru, mrvip76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с подготовкой Нероном масштабной военной операции на Восток. По мнению авторов, сложившаяся ситуация на восточных рубежах Империи во время правления Нерона была неоднозначной. Вынужденные уступки Парфии вначале целенаправленно прикрывались жесткими требованиями прибытия в Рим царя Тиридата, а затем и демонстративной подготовкой Восточного похода. Однако военная операция была необходима из-за появления реальной угрозы, которая также оправдывала мирный договор с Парфией и допускала возможность совместной борьбы союзников против новых врагов. Такое превращение поражения в победу империи, безусловно, способствовало формированию благоприятного для императора римского общественного мнения. То есть, с одной стороны, предстоящий поход должен был повысить пошатнувшийся авторитет Нерона, однако, с другой – возникшая угроза, действительно, требовала проведения жестких действий со стороны Рима.

Целью Восточного похода Нерона, по мнению авторов, скорее всего, являлся Кавказ, слабо охваченный римским влиянием, и районы Северо-Восточного Причерноморья, на которые власть варварского царя Фарзоя не распространялась. По-видимому, варвары, живущие в междуречье Дона и Волги, не только не подчинялись этому новому союзнику римлян, но и выступали против дружеских отношений с Римом и Боспором. Если допустить, что они еще были связаны с азиатскими аланами, то серьезная угроза римским планам в регионе становилась вполне очевидной. Следовательно, враждебность племен Северо-Восточного Причерноморья, их опасная связь с азиатскими кочевниками могли стать главной причиной подготовки Нероном Восточного похода. Особо заметим, что указанное направление сулило огромную славу императору, так как очевидно, что военная операция в любом случае должна была закончиться окончательной аннексией Боспорского царства, к которой активно готовились.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Римская империя, Парфия, Нерон, царь Фарзой, Восточный поход императора Нерона

Тема военно-политической стратегии Римской империи всегда вызывала интерес у специалистов. В первую очередь это касалось сложных периодов в исто-

---

Ярцев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого.

Бутовский Александр Юрьевич – кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник кафедры правовых дисциплин Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого.

рии государства, к которым, несомненно, относится и время правления Нерона. Некоторые вопросы внешней политики, особенно на восточных рубежах империи, не находят однозначного решения до сих пор. Мирный договор с Парфией и замирение варваров царя Фарзоя, чрезвычайно трудно связать с большой стратегией, неизменно направленной на покорение всего известного римлянам мира. Масштабная же подготовка Нерона к походу на восток вообще не согласуется с установлением мира с Парфией и с варварами Северного Причерноморья.

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует начать с того, что письменные источники, свидетельствующие о восточном предприятии, неясно указывают направление предстоящего похода, называя его конечной целью «Каспийские ущелья (ворота)» (Тас. Hist. I. 6; Suet. Nero. 19), «Кавказские ворота» (Plin. Hist. Nat. V. 40) или одновременно Эфиопию и «Каспийские ворота», куда римляне, видимо, должны были выдвинуться против Вологеза Парфянского (Cass. Dio. LXVIII. 8. 1). При этом не совсем понятным выглядит и то, что от похода на Кавказ Нерон позднее вообще отказался, ограничившись разведывательной деятельностью.

Некоторые ученые предполагают, что именно направление предстоящего похода является ключом к отгадке главного внешнеполитического вектора империи на восточных рубежах в эти годы. Опираясь на указание источников, они считают, что римские легионы должны были отправиться на Кавказ к Дербентскому проходу с целью захвата торгового пути в Индию¹, или к Дарьяльскому ущелью, где под контроль Рима должен был перейти западный участок восточного торгового пути², или вообще двинуться в район Хоспийских ущелий для завоевания Колхиды³. Другие же исследователи сочли более верным обратить внимание на неоднозначную политическую ситуацию, сложившуюся в государстве из-за положения дел на восточной границе⁴.

Однако особый интерес вызывает мнение ученых, которые считают, что наиболее вероятной причиной восточного похода Нерона являлась совместная римско-парфянская операция против каких-то, не так давно появившихся кочевников⁵. Прорыв аланов на территорию Парфии в 72 г. н.э. и предшествующий ему захват этими варварами владений Яньцай свидетельствуют, что эти опасения были не напрасны⁶. Скорее всего, именно появление новой угрозы с востока укрепило римско-парфянские отношения. Они выстояли даже в кризисные периоды, когда Нерон был вынужден отправить сирийские легионы с евфратской границы на подавление восставшей Иудеи (Dio Cass. LXIII. 6; Suet. Nero. 57)⁷.

Любопытно, но все это время Нерон продолжал активную подготовку к Восточному походу. Более того, в 68 г. н.э. часть собранных войск император поспешил отправить на восток, хотя вскоре и «вернул с дороги для подавления восстания Виндекса» (Тас. Hist. I. 6). Это свидетельствует о том, что военная операция была явно направлена не против своих восточных союзников. При этом очевидно и то, что она не являлась только пропагандистским трюком, ведь в процессе

¹ Stark 1966, 189.

² Бокщанин 1966, 209.

³ Манандян 1946, 66–74.

⁴ Kolendo 1980, 129–133; Панов 2012, 179–184.

⁵ Бокщанин 1966, 209.

⁶ Лысенко 2007, 229.

⁷ Бокщанин 1966, 208.

подготовки данной операции были задействованы значительные резервы. Однако огромная армия в количестве восьми легионов⁸ вряд ли могла быть отправлена на завоевание далекой и не представляющей угрозы Эфиопии⁹. Вызывает сомнения и Кавказская Албания как главная цель восточного похода Нерона. Для покорения небольшого государства, действительно, не нужно было сосредотачивать столько воинских сил¹⁰. На самом деле, наибольшую тревогу у римлян на восточных рубежах должен был вызывать кавказский регион в целом и особенно северо-восточные районы римского мира. На существенную роль северокавказских степей в военных планах Нерона уже обращали внимание исследователи¹¹. По мнению Н.Н. Лысенко, массированное наращивание римских экспедиционных сил на Востоке происходило в рамках детально продуманной внешнеполитической стратегии, в которую входили договор с Парфией, фактическая аннексия Понта и Боспора и оккупация римскими войсками черноморского побережья вплоть до Тиры. При этом ученый считает, что главную угрозу представляли кочевники Фарзоя и именно против них готовился упреждающий удар, правда, почему-то направленный в сторону междуречья Дона и Волги¹².

На самом деле, ко времени начала похода Фарзой уже был союзником римлян и прикрывал доступы к дунайскому лимесу со стороны степей¹³. Однако мы не знаем точно, насколько далеко в Северном Причерноморье распространялась его власть. Если против него выступали сарматы Нижнего Дона и Волги – носители среднесарматской культуры, то это вполне могло привести к взрывоопасной ситуации в регионе. Надо сказать, что на такое противостояние косвенно указывают некоторые факты. Так, необъяснимым остается распространение степных памятников среднесарматской культуры Северного Кавказа слишком далеко на юг вплоть до предгорий (с. Ачикулак, с. Коби Шелковского района Чеченской республики). По мнению В.Ю. Малашева, люди, оставившие эти памятники, позднее приняли участие в этногенезе алан¹⁴. Вдоль же правого берега реки Кубань приблизительно со второй половины I в. н.э. вообще расселяется воинственная группа кочевников, оставившая после себя могильник, хорошо известный под названием «Золотое кладбище». Сомнительно, что эти военизированные варвары находились на службе у Рима¹⁵, скорее всего, как предполагают С.А. Яценко и Е.В. Вдовченков, указанные сарматы являлись не сарматизированными меотами¹⁶, а противостояли находившимся за Кубанью вооруженным племенам меотов и собственно Боспорскому царству. Более того, по находкам военных трофеев римского и ближневосточного происхождения делается вывод об участии этих воинов в далеких и многомесячных походах¹⁷.

⁸ Лысенко 2007, 461.

⁹ Шмалько 1990, 91.

¹⁰ Лысенко, 2007, 461.

¹¹ Гущина, Засецкая 1994, 39–40.

¹² Лысенко 2007, 468.

¹³ Ярцев 2014, 103–136.

¹⁴ Габуев, Малашев 2009, 144–162.

¹⁵ Гущина, Засецкая 1994, 40.

¹⁶ Абрамова 1993, 180–182.

¹⁷ Яценко, Вдовченков 2015, 173.

Если данные варвары не признавали власть Фарзоя и выступали против союзных отношений с Римом и Боспором, очевидно, что они представляли серьезную угрозу римским планам в регионе. Видимо, у парфян еще на памяти было участие северопричерноморских сарматов в кровопролитной иберо-парфянской войне 35 г., тем более что кочевники прошли в Закавказье по «кавказской дороге» (Тас. Ann. VI. 33–36; Jos. Flav. Ant. Jud. XVIII. 97). И дело здесь не только в степени мощи военизированной силы этой группировки. Ведь нам ничего не известно об особенностях взаимоотношений данных кочевников с сарматскими ордами междуречья Дона и Волги и более отдаленными аланами, с которыми, кстати, их нередко отождествляют¹⁸. Во всяком случае, показательно, что буквально через несколько лет, в 72 г., именно в Приазовье прорвутся аланские орды, на удивление хорошо ориентирующиеся как в горной местности, так и в районах, прилегающих к Меотиде. Следовательно, не столько противоречия с горными народами Кавказа, сколько враждебность племен Северо-Восточного Причерноморья, их опасная связь с азиатскими кочевниками могли стать главной причиной подготовки Восточного похода императором Нероном. Особо заметим, что именно это направление сулило славу императору, так как в любом случае военная операция должна была закончиться окончательной аннексией Боспорского царства, к которой, по сути, активно готовились¹⁹.

Таким образом, несмотря на то, что неудачи в войнах и внутренние проблемы в государстве во время правления Нерона явно мешали проведению рациональной внешней политики, стратегия императора была неизменно направлена на территориальное расширение государства. Только такой внешнеполитический успех мог стать эффективным средством повышения авторитета Нерона и способствовать укреплению римской державы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, М.П. 1993: *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*. М.
- Бокщанин, А.Г. 1966: *Парфия и Рим. Ч 2. Система политического дуализма в Передней Азии*. М.
- Габуев, Т.А., Малашев, В.Ю. 2009: *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. М.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994: *«Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье*. СПб.
- Лысенко, Н.Н. 2007: *Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э.* СПб.
- Манандян, Я.А. 1946: Цель и направление подготовляемого Нероном Кавказского похода. *Вопросы истории* 7, 66–74.
- Панов, А.Р. 2012: Нерон и статус Боспора в римско-боспорских отношениях. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 5(1), 179–184.
- Смирнов, К.Ф. 1972: Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. *СА* 1, 73–81.

¹⁸ Смирнов 1972, 78–80.

¹⁹ Панов 2012, 182.

- Шмалько, А.В. 1990: Восточный поход Нерона. В сб.: В.Г. Борухович (ред.), *Античный мир и археология*. Вып. VIII. Саратов, 84–92.
- Ярцев, С.В. 2014: *Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии*. Тула.
- Яценко, С.А., Вдовченков, Е.В. 2015: О некоторых сторонах военной организации древних кочевников Европейской степи. *Знание. Понимание. Умение* 1, 171–182.
- Kolendo, J. 1980: Les traditions d'Alexandre le Grand dans la politique de Néron. À propos du projet de l'expédition caucasienne. In: J. Wolski (ed.), *Actes du Colloque international sur l'idéologie monarchique dans l'Antiquité. Cracovie-Mogilany du 23 au 26 octobre 1977*. Warsaw–Cracow, 129–133.
- Stark, F. 1966: *Rome on the Euphrates*. London.

REFERENCES

- Abramova, M.P. 1993: *Tsentrāl'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (the 3rd century BC to the 4th century AD)*]. Moscow.
- Bokshchanin, A.G. 1966: *Parfiya i Rim*. Part 2. *Sistema politicheskogo dualizma v Peredney Azii* [*Parthia and Rome*. Pt 2. *Political dualism system in Western Asia*]. Moscow.
- Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009: *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [*Early Alans' monuments of the central regions of the North Caucasus*]. Moscow.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: «Zolotoye kladbishche» Rimskoy epokhi v Prikuban'ye [*“The Golden Cemetery” of the Roman period in the Kuban region*]. Saint Petersburg.
- Lysenko, N.N. 2007: *Voyenno-politicheskaya istoriya alanov. Ranniy period: II v. do n.e. – II v. n.e.* [*Military-political history of the Alans. Early period: from the 2nd century BC to the 2nd century AD*]. Saint Petersburg.
- Manandyan, Ya.A. 1946: Tsel' i napravleniye podgotovlyayemogo Neronom Kavkazskogo pokhoda [The purpose and direction of Nero's Caucasian expedition]. *Voprosy istorii* [*Issues of History*] 7, 66–74.
- Panov, A.R. 2012: Neron i status Bospora v rimsko-bosporskikh otnosheniyah [Nero and the status of the Bosphorus in Roman-Bosporan relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [*Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*] 5(1), 179–184.
- Smirnov, K.F. 1972: Sarmatskiye katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya-Povolzh'ya i ikh otnosheniye k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian catacomb burials of the Southern Urals-Volga Region and their relation to the catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya Arkheologiya* [*Soviet Archeology*] 1, 73–81.
- Shmalko, A.V. 1990: Vostochnyy pokhod Nerona [The Eastern campaign of Nero]. In: V.G. Borukhovich (ed.), *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient world and archaeology*]. 8, 84–92.
- Yartsev, S.V. 2014: *Severnoye Prichernomor'ye v rimskiy period i problema gotskoy ekspansii* [*Northern Black Sea region during the Roman period and the problem of Gothic expansion*]. Tula.
- Yatsenko, S.A., Vdovenchenkov, E.V. 2015: O nekotorykh storonakh voyennoy organizatsii drevnikh kочевников Yevropeyskoy stepi [On some aspects of the military organization of the ancient nomads in the European steppe]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [*Knowledge. Understanding. Skill*] 1, 171–182.

THE EASTERN CAMPAIGN OF NERO

Sergey V. Yartsev, Alexander Yu. Butovskiy

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

s-yartsev@yandex.ru; mrvip76@mail.ru

Abstract. The article deals with the range of issues related to the preparation of the Nero's large-scale military operation in the East. According to the authors, the difficult situation on the eastern frontiers of the Empire during the reign of Nero was ambiguous. Forced concessions of Parthia were initially purposefully covered with strict requirements of arrival to Rome of the King Tiridates but then with the demonstrative preparation of the eastern campaign. However, the military operation was necessary because of the emergence of a real threat, which also justified a peace treaty with Parthia and admitted the possibility of a joint struggle of allies against new enemies. The transformation of the defeat into the victory of the Empire definitely contributed to the formation of favorable for the Emperor Roman public opinion. In other words, on the one hand, the upcoming campaign was to raise the Nero's tattered reputation though, on the other, the threat that arose really required a tough action on the part of Rome. The goal of the Nero's eastern campaign, according to the authors, most likely was the Caucasus poorly covered by the Roman influence and the areas of the Northeastern Black Sea region, to which the power of the Barbarian King Pharzoy did not spread. Apparently, the Barbarians living in-between the Don and the Volga rivers did not obey this new ally of the Romans as well as they opposed friendly relations with Rome and Bosphorus. Assuming that they were still associated with the Asian Alans, the serious threat to the Roman plans in the region became obvious. Consequently, hostility of tribes of the North-Eastern Black Sea region, their dangerous connection with the Asian nomads, could become the main reason for the preparation of the eastern campaign by Emperor Nero. It is especially noticeable that the direction promised the great glory to the emperor because the military operation obviously, in any case, was to end with the final annexation of the Bosporan Kingdom that was impatiently expected.

Keywords: Northern Black Sea, Roman Empire, Parthia, Nero, Pharzoy, Eastern Nero's Campaign

---

«СЫН БОЖЕСТВЕННОГО КОНСТАНТИНА»: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНЦИЯ

И.А. Миролубов

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
peter-herzog@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена культу императора Константина Великого (306–337) в правление его сыновей, в частности – Констанция II, дольше своих братьев пребывавшего у власти (337–361). Унаследовав императорские титулы в достаточно молодом возрасте, сыновья Константина опирались на образ отца для идейного обеспечения легитимности своей власти. Для тиражирования культа обожествленного сразу после смерти Константина Великого молодые императоры задействовали такой мощный инструмент, как монеты: серия монетных чеканок в разных городах империи прославляет Константина в критические для династии моменты. Сыновья, таким образом, позиционировали себя как достойные продолжатели отцовских начинаний. Для Констанция, столкнувшегося с целым рядом проблем во внутренней (появление узурпаторов Магненция, Ветраниона, Сильвана, гибель его братьев – Константина мл. и Константа) и внешней (оборона Рейнского рубежа и война с Персией) политике, образ отца приобрел глубоко сакральное значение. Нарративная традиция (в лице Аммиана Марцеллина, современника эпохи, и позднего автора Петра Патрикия) указывает на то, что Констанций в своих решениях обращался к экстаическому опыту в виде сновидений, во время которых он якобы получал советы от покойного отца. Такая деталь любопытно характеризует не только идеологию императорской власти в указанный период Римской истории, но самого императора Констанция, персону и время правления которого привлекало мало внимания исследователей. В качестве источниковой базы для своего исследования автор статьи привлекает как нарративную традицию, так и данные нумизматики.

Ключевые слова: Римская империя, доминат, идеология императорской власти, Константин Великий, династия Константина, император Констанций II

Личность императора Констанция II, несмотря на длительный период его пребывания у власти (324/337¹–361), пользуется сравнительно скромным вниманием исследователей. Виной тому может быть соседство двух мощных фигур римской истории, а именно его отца – Константина Великого, и кузена – Юлиана²

Миролубов Иван Андреевич – аспирант кафедры Истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Младшим соправителем отца Констанций стал 8 ноября 324 г., а титул августа принял (вместе с братьями) 9 сентября 337 г. Kienast 2004, 314.

² Пример такой «промежуточности»: Машкин 2006, 603.

(прозванного «Отступником»). Властный монарх³ Константин, добивавшийся единовластия восемнадцать лет, т.е. большую часть своего правления⁴, привел к власти своих родственников, основав тем самым династию, которая правила государством 26 лет (337–363). Династизм, основанный на кровном родстве, не был обыденным явлением для римской политической жизни; тем большей редкостью были порфирородные императоры: этому статусу до сыновей Константина соответствовал лишь Коммод⁵, сын Марка Аврелия. Очевидно, что это должно было накладывать определенный отпечаток на сознание⁶ и стиль правления сыновей Константина.

Полноправным преемником Константина был его сын Констанций. Именно он после смерти двух своих братьев (Константина Мл. и Константа) стяжал единовластие; интересно, что у позднего автора, Созомена, Констанций назван «любимым сыном» своего отца (Soz. Hist. Eccl. II. 5). Это сообщение, в силу своего позднего и единичного характера, не дает нам возможности понять отношение Константина к сыну. Сложно сказать, насколько император выделял именно его. Каково же было отношение Констанция к своему отцу и его памяти? И каково влияние этого отношения на Констанция, как государственного деятеля? На решении этих вопросов мы и сосредоточимся в настоящем исследовании.

Константин Великий умер 22 мая 337 г.⁷, не назначив из числа своих преемников, носивших титул цезарей (младшего соправителя), августа (старшего императора)⁸; эта неопределенность привела к политическому кризису. Современник событий, Евсевий, отмечает, что солдаты решили «не признавать римскими императорами никого другого кроме как его (Константина – И.М.) сыновей» (Euseb. Vita Const. IV. 68). Причина такой фанатичной преданности солдат не совсем понятна, особенно в свете того обстоятельства, что младшему сыну, Константу, едва было то ли 17, то ли, что вернее, 14 лет⁹. Никакими особыми личными заслугами (если не считать некоторое участие в кампаниях отца¹⁰) сыновья Константина солдат к себе приковать еще не могли, стало быть, их авторитет зиждился лишь на образе отца. Евсевий косвенно подтверждает эту догадку, говоря о всеобщем плаче в среде армии по умершему Константину (Euseb. Vita Const. IV. 68). Зосим, более поздний, однако критичный автор, отмечает, что Констанций подбивал солдат «кричать, что не желают терпеть иных правителей, кроме

³ Удачное определение К. Криста (Крист 1997, 433).

⁴ Сергеев 1938, 667–668; Неронова 1989, 308.

⁵ Tillemont 1691, 474; Гиббон 2008, 207. Гиббон (2008, 188) при этом обращал внимание на упреки в адрес Марка Аврелия, «пожертвовавшего счастьем миллионов людей» ради любви к сыну.

⁶ Как это было в случае с самим Константином. Моммзен 2002, 500; Крист 1997, 410–411.

⁷ Kienast 2004, 301.

⁸ Это было важно в виду отсутствия в Римской империи отработанного механизма наследования власти (Острогорский 2011, 77). Предлагалось считать, что августами должны были стать сыновья Константин-младший и Констанций (Brandt 2007, 153–154; Burgess 2008, 7–8). Однако, так или иначе, Константин не назначил никого. Гиббон (2008, 271) отмечал «монополию» Константина на титул августа.

⁹ Источники говорят, что на момент смерти в 350 г. ему было то ли 30 (т.е. родился в 320 году), то ли 27 (т.е. родился в 323 г.) лет (Kienast 2004, 312). О. Зеек (Seeck 1900a, 948) склонялся ко второй дате, считая, что первая стала причиной округления.

¹⁰ Константин-мл. принимал участие в военных кампаниях своего отца (Seeck 1900b, 1026–1027). Констанций занимался подготовкой похода своего отца против персов (Seeck 1900c, 1044–1045).

как сыновей Константина» (Zos. Hist. Nov. II. 68. 3). Иными словами, к власти приходили не самостоятельные фигуры, не императоры, а сыновья императора. Парадоксальным образом воплотилась неуклюжая идеологема, которую озвучил некогда анонимный оратор, говоря о будущих сыновьях Константина: «Сделай так, чтобы <...> Константин вечно жил на земле!» (Pan. Lat. IX. 26. 4).

Евтропий примерно через тридцать лет после событий взвешенно писал: «Константин заслужил быть причисленным к богам» (Eutrop. Brev. X. 8. 2). Факт апофеоза подтверждает христианин Евсевий: «Его (Константина – И.М.) изображения чеканили на монетах: с одной стороны, изображался сам блаженный с покрытой головой, с другой – [он же], возносящийся на колеснице¹¹, запряженной четверкой лошадей, на небеса, куда его принимала простертая сверху рука» (Euseb. Vita Const. IV.73). Нумизматические данные, содержащие изображение апофеоза Константина¹², сохранились в достаточном количестве, чтобы подтвердить сообщение Евсевия. Монетные выпуски в честь обожествленного Константина (Divus Constantinus) чеканились в 337–340 гг. целым рядом монетных дворов Империи¹³, что, на наш взгляд, еще раз указывает на стремление триумвирата сыновей Константина упрочить свою власть через отсылку к образу отца.

Однако сыновья оказались не столь же успешны. Уже в 340 г. при попытке передела власти погиб Константин-младший; в 350 г. от рук мятежников погиб младший брат, Констант. Оставшийся в живых Констанций большую часть своего правления провел в подавлении реальных смут и мнимых заговоров. Нерешаемой проблемой оставалась и персидская угроза, с которой Констанций, выбравший местом пребывания восток, столкнулся непосредственно. В 340–350-е гг. восточные города начинают вновь чеканить монеты в честь Константина¹⁴: очевидно, это был пропагандистский шаг Констанция. Выше мы уже приводили свидетельство Созомена, назвавшего Констанция любимым сыном своего отца (Soz. Hist. Eccl. II. 5), а также отметили поздний характер этого известия: эпоха Константина не дает никакого свидетельства предпочтения, которое отец мог бы выразить кому-то из трех своих сыновей. В то же время современник эпохи, Аврелий Виктор, отмечает, что Констанций ревностно относился к почитанию отца (cultu genitoris satis pius – Aur. Vict. De caes. 42. 23). В указанный период наступает период тотального иконографического диктата: сам Констанций в точности копирует облик отца с поздних монетных портретов, подчиняя ему также внешний вид членов семьи – вплоть до того, что безбородым изображается даже кузен Констанция, Юлиан¹⁵, предпочитавший носить бороду. Примечателен эпизод возвращения из опалы магистра армии Урсицина: военачальник оказался почтен при дворе в пер-

¹¹ По всей видимости, Евсевий трактует языческую сцену апофеоза в христианском духе. Здесь мы не согласны с Дж. Уильямсом, полагающим, что сцена апофеоза была данью исключительно языческой части общества: Williams 2007, 159. Простирающаяся с небес рука могла быть истолкована христианами как обозначение Бога, принимающего праведника на небеса. Вознесение же на небо в колеснице (явление, широко распространенное в языческой иконографии) могло быть связано христианами с библейским сюжетом о пророке Илии, который был вознесен на небо в огненной колеснице.

¹² RIC VIII, pl. 21, 1; 28, 28.

¹³ RIC VIII, 139, 177, 204, 429, 446, 470, 489, 511, 538.

¹⁴ RIC VIII, 432, 450, 472, 492, 516, 540.

¹⁵ Миролубов 2016, 84–85

вую очередь как «боевой товарищ Константина Великого» (Amm. Mar. Res Gest. XV. 5. 19). Иными словами, место конкретного человека при дворе связывается с отношением к нему Константина. Таким образом, мы можем говорить о массовом культе Константина в правление его сына.

Еще одна форма почитания Константина, убедительно зафиксированная нарративной традицией, мало обращала на себя внимание. Между тем она наиболее интересна: в критические моменты правления Констанция покойный Константин снова как будто становится живым. Речь идет об общении Констанция с отцом во сне. По крайней мере, два автора сообщают о таких эпизодах. Первый по хронологии эпизод описан более поздним автором, Петром Патрикием¹⁶. Автор этот жил в VI в., однако в данном случае было бы неоправданно отметить его известия исключительно на этом основании. Древняя традиция отмечает его ученость и исследовательскую внимательность¹⁷. Рассмотрим же сам интересующий нас фрагмент.

В 350 г. Констанций принимал посольство от узурпаторов Вераниона и Магненция, последний из которых убил Константа, а ныне предлагал Констанцию раздел власти с сохранением его, Констанция, старшинства. Состав посольства был внушительен: «... посылаются Руфин и Марцеллин, один – префект претория, другой – полководец; также Нунехий, принцепс сената, и с ними Максим». Констанций, обеспокоенный перспективой гражданской войны, не знал, как поступить. Предавшись сну, он увидел следующее: «Словно спускающейся с высоты и державший за руку Константа, убитого Магненцием, отец (Константин Великий – И.М.) показывал его (Константа – И.М.) Констанцию и, казалось, говорил такие слова: “Констанций, вот Констант, многих императоров потомок, мой сын и твой брат, злодейски убитый! Смотри же, чтобы империя не была разделена, чтобы государство не было ниспровергнуто, не бойся угроз! Всякому исходу предпочти славу, которая пребудет с тобой отныне, и не оставь брата неотмщенным!”»¹⁸ (FHG IV, 190). Под влиянием этого сна, как сообщает Петр Патрикий, Констанций велел арестовать послов Магненция (кроме Руфина), после чего перешел к активным боевым действиям.

Обратим внимание, что именование Константа «потомком многих императоров» характерно для династической идеологии эпохи династии Константина¹⁹; дипломатическая активность Магненция, ведшего переговоры также с Ветранионом, зафиксирована Зосимом (Zos. Hist. Nov. II. 44. 1–2). Важно и то, что в числе послов Петр называет Вулькация Руфина²⁰, надежно зафиксированного источни-

¹⁶ Об авторе: Нибур 1860, 280–293; Удальцова 1984, 379–383; Cataudella 2003, 431–441.

¹⁷ Нибур 1860, 285–293.

¹⁸ Наш перевод по изд.: Mullerus 1851.

¹⁹ У сыновей Константина была внушительная родословная. Констанций в одной надписи именуется: «сын божественного Константина, лучшего, величайшего; внук божественных Максимиана и Констанция; правнук божественного Клавдия» (CIL III. 3205 = ILS 732). Аналогичную, правда пресыщенную неточностями, надпись имеем и о Константе: «[сын] божественного Константина, [божественного Констанция и божественного] Валерия Максимиана внук, правнук божественного Клавдия» (CIL II. 4742 = ILS 725).

²⁰ Обратим внимание, что по сообщению Петра именно Руфин не был арестован. Это известие тем примечательнее, что Руфин состоял в родстве с правящим домом: его сестра Галлы была первой супругой Юлия Констанция, брата императора Константина Великого и дяди императора Констанция. Его биография по источникам см.: PLRE 1971, 782–783.

ками представителя политической элиты первой половины IV в. Таким образом, сообщение Петра, как кажется, не является литературным вымыслом, но, по крайней мере, может считать взятым из более раннего источника, содержащего достоверную информацию.

Тем примечательнее то обстоятельство, что сообщение Петра находит подтверждение у Аммиана Марцеллина, одного из важнейших информаторов по истории правления Констанция. Этот автор, современник интересующей нас эпохи, описывает схожий эпизод, правда применительно к более поздним событиям. Согласно этому автору, Констанций, чувствуя приближение конца правления и смерти, однажды увидел следующее: «... еще не до конца погрузившись в сон, он увидел, как тень отца преподнесла ему прекрасного ребенка; он принял его и посадил себе на колени, тот же, вытряхнув у него сферу, которую он держал в правой руке, далеко отбросил ее»²¹ (Amm. Marc. Res Gest. XXI. 14. 1). Сон этот указывал на государственный переворот: императором был провозглашен кузен Констанция и племянник Константина, Юлиан, который был младше Констанция. Констанций же умер от лихорадки 3 ноября 361 г.²²

Общение с умершим отцом, который в первом случае помогает ему принять правильное решение, а во втором предупреждает о неизбежности надвигающегося конца, любопытным образом характеризует Констанция. Еще во времена Константина, склонного к видениям, экстатический опыт стал достаточным основанием для принятия важных решений. Видениями, волей свыше объяснялась жестокость Константина в борьбе с различными оппонентами²³; сам император был экстатической личностью²⁴ и даже величайший проект своего правления – строительство Константинополя – связывал с видениями, в которых ему являлась воля Бога²⁵. Сновидения Констанция, конечно, уступают видениям Константина масштабом: император становится не носителем божественной воли, а выступает наследником и продолжателем своего отца²⁶. Отметим и политический аспект: «авторитетные» сновидения повышают самооценку Констанция и его вес в глазах окружающих²⁷. Мы могли бы приписать подобного рода «сновиденческие» диалоги с отцом пропаганде, однако примечательно, что Константин выступает

²¹ Перевод наш по изд.: Rolfe 1940.

²² Kienast 2004, 316.

²³ Для христианской традиции характерно понимание Константина, как «гонителя гонителей». В этом смысле примечательны слова Орозия, который сообщает об убийстве членов семьи в 326 г.: «...неясны причины того, что император Константин карающий меч и предназначенное нечестивцам возмездие обратил против родственников» (Oros. Hist. adv. pag. VII. 28. 26). Показательно, что даже в таком неправомерном деле, как убийство родственников, Константин все равно сохраняет особый статус, а его меч – все равно «карающий». Об этом: Ващева 2013, 48; Миролубов 2016, 67–68.

²⁴ Weber 2000, 274. Самым известным примером может быть видение перед битвой на Мульвийском мосту, которому посвящена обширная литература. Старые исследователи отмечали суеверный страх Константина перед различными сверхъестественными силами (Буркхард 2003, 247–248; Сергеев 1938, 710; Виппер 1996, 50).

²⁵ В законе о привилегиях Константинополя от 1 декабря 334 г. Константин пишет о «городе, который мы одарили вечным именем по велению Бога» (CTh. XIII. 5. 7). Созомен (Soz. Hist. Eccl. II. 3), Филосторгий (Philost. Hist. Eccl. II.9) и Зонара (Zon. Epitome hist. XIII.3) фиксируют экстатический опыт императора при основании Константинополя. Отдельно см.: Буркхард 2003, 337–338; Крист 1997, 450–451.

²⁶ Weber 2000, 299–300.

²⁷ Гиббон 2008, 289.

в этих видениях как носитель и положительной, и негативной информации. Следовательно, мы можем предполагать, что за этими сообщениями стоит какой-то реально пережитый Констанцием сновиденческий опыт.

Нарративная традиция, в большинстве настроенная отрицательно, рисует Констанция мрачным и подозрительным человеком. Этот портрет дополняется двумя приведенными сообщениями: окруженный реальными и мнимыми заговорами, недоверчивый Констанций, при недостатке собственного авторитета, находит возможным опираться на фигуру своего отца, Константина. Последний превращается в своеобразного покровителя. Тем примечательнее это сакральное, хотя и несколько пугающее глубиной своего психологизма, отношение в свете провозглашенной в 310 г. идее бессмертия Константина через своих сыновей, о чем мы говорили выше. Кажется, что Константин Великий прочно усвоил эту довольно неуклюжую идеологию: сыновья получали специфические имена, производные от имени отца (Константин-младший, Констанций, Констант), и воспитывались им самостоятельно²⁸. Прочная связь детей с отцом демонстрировалась и после его смерти, приобретая экзотическую форму общения с его духом.

Последний пример, уникальный в римской истории, являет собой основу для будущего перспективного исследования психологической картины IV в., а также характера собственно императора Констанция, который, как мы уже отмечали, привлекал скромное внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Буркхард, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
- Ващева, И.Ю. 2013: Константин Великий: вариации образов в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского* 4 (3), 46–58.
- Виппер, Р.Ю. 1996: *История средних веков*. Киев.
- Гиббон, Э. 2008: *Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
- Крист, К. 1997: *История времен римских императоров: от Августа до Константина*. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- Машкин, Н.А. 2006: *История Древнего Рима*. М.
- Миролюбов, И.А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории* XIII, 93–94.
- Миролюбов, И.А. 2016: Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия. *ПИФК* 4, 62–70.
- Миролюбов, И.А. 2016: Констанций и Юлиан: Отношения внутри «дома Константина» в свете императорской иконографии. В сб.: А.О. Чубарьян (ред.), *Письмо и повседневность*. Т. 3. М., 84–85.
- Моммзен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб.
- Неронова, В.Д. 1989: Поздняя Римская империя (III–V вв.). В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. 3. *Упадок древних обществ*. М., 295–322.

²⁸ Их мать, Фауста, была убита по распоряжению Константина в 326 году, когда Константин-младше было 10 лет: Kienast 2004, 305. Литература о возможных причинах убийства обширна, хотя внятного объяснения исследователями дано не было: Drijvers 1992, 506. О воспитании сыновей Константина: Гиббон 2008, 270–271; Миролюбов 2016, 93–94.

- Нибур, Б.Г. 1860: О жизни Петра Магистра. В кн.: Г.С. Дестунис (пер.), *Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец*. СПб, 280–293.
- Острогорский, Г.А. 2011: *История византийского государства*. М.
- Сергеев, В.С. 1938: *Очерки по истории Древнего Рима*. Т. 2. М.
- Удальцова, З.В. 1984: Дипломатия ранней Византии в изображении современников. В кн.: З.В. Удальцова (ред.), *Византийская культура. IV – первая половина VII в. М.*, 371–392.
- Barnes, T.D. 1981: *Eusebius and Constantine*. London.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Brandt, H. 2007: *Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser*. München.
- Burgess, R.W. 2008: The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine. *Dumbarton Oaks Papers* 62, 5–51.
- Cataudella, M.R. 2003: Historiography in the East: Ancient History: Petros Patricius and the Anonymus post Dionem. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity*. Leiden–Boston, 431–441.
- Drijvers, J.W. 1992: Flavia Maxima Fausta: Some Remarks. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 41/4, 500–506.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Mullerus C. (ed.) 1851: Petri Patricii Fragmenta. In: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Parisiis, 181–191.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Rolfe, J.C. (ed.). 1940: *Ammianus Marcellinus: History*. Vol. II. London.
- Seeck, O. 1900a: Constans. In: *PWRE* IV/1. Stuttgart, 948–952.
- Seeck, O. 1900b: Constantin II. In: *PWRE* IV/1. Stuttgart, 1026–1028.
- Seeck, O. 1900c: Constantius II. In: *PWRE* IV/1. Stuttgart, 1044–1094.
- Tillemont, L.S. de. 1691: *Histoire des empereurs*. T. II. Paris.
- Weber, G. 2000: *Kaiser, Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike*. Stuttgart.
- Williams, J. 2007: Religion and Roman Coins. In: Rüpke J. (ed.), *A Companion to Roman Religion*. Malden–Oxford–Carlton, 143–163.

REFERENCES

- Barnes, T.D. 1981: *Eusebius and Constantine*. London.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Brandt, H. 2007: *Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser*. München.
- Burckhardt, J. 2003: *Vek Konstantina Velikogo [The Age of Constantine the Great]*. Moscow.
- Burgess, R.W. 2008: The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine. *Dumbarton Oaks Papers* 62, 5–51.
- Cataudella, M.R. 2003: Historiography in the East: Ancient History: Petros Patricius and the Anonymus post Dionem. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity*. Leiden–Boston, 431–441.
- Christ, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov [The History of the Epoch of Roman Emperors]*. Vol. 2. Rostov-on-Don.

- Drijvers, J.W. 1992: Flavia Maxima Fausta: Some Remarks. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 41/4, 500–506.
- Gibbon, E. 2008: Zakat i padenie Rimskoi imperii [*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*]. Vol. I. Moscow.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Mashkin, N.A. 2006: *Istoriya Drevnego Rima [The History of Ancient Rome]*. Moscow.
- Mirolubov, I.A. 2016: Konstantin Velikiy v «Istorii protiv yazychnikov» Pavla Oroziya [Constantine the Great in the “Historia Adversum Paganos” by Paulus Orosius]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 62–70.
- Mirolubov, I.A. 2016: Konstantsiy i Yulian: Otnosheniya vnutri «doma Konstantina» v svete imperatorskoy ikonografii [Constantius and Julian: the House of Constantine in the light of Imperial Iconography]. In: A.O. Chubaryan (ed.), *Pis'mo i povsednevnost' [Script and Everyday Life]*. Vol. 3, 84–85.
- Mirolubov, I.A. 2016: Ob obrazovanii imperatora Konstantina Velikogo [Education of Constantine the Great]. In: *Aristey: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii [Aristeas: Bulletin of Classical Philology and Ancient History]* XIII, 90–95.
- Mommzen, T. 2002: *Istoriya rimskikh imperatorov [The History of Roman Emperors]*. Saint Petersburg.
- Mullerus C. (ed.) 1851: Petri Patricii Fragmenta. In: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Parisiis, 181–191.
- Neronova, V.D. 1989: Pozdnyaya Rimskaya imperiya (III–V vv.) [The Later Roman Empire in the 3rd–5th centuries AD]. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (ed.), *Istoriya drevnego mira [The History of Ancient World]*. Vol. 3. Moscow, 295–322.
- Niebur, B.G. 1860: O zhizni Petra Magistra [The Life of Petrus Magister]. In: G.S. Destunis (transl.). *Vizantiiskie istoriki [Byzantine Historians]*. Saint Petersburg, 280–293.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Ostrogorskiy, G.A. 2011: *Istoriya vizantiiskogo gosudarstva [History of the Byzantine State]*. Moscow.
- Rolfe, J.C. (ed.). 1940: *Ammianus Marcellinus: History*. Vol. II. London.
- Seeck, O. 1900a: Constans. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV/1. Stuttgart, 948–952.
- Seeck, O. 1900b: Constantin II. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV/1. Stuttgart, 1026–1028.
- Seeck, O. 1900c: Constantius II. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV/1. Stuttgart, 1044–1094.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki po istorii Drevnego Rima [Essays on the History of Ancient Rome]*. Vol. 2. Moscow.
- Tillemont, L.S. de. 1691: *Histoire des empereurs*. T. II. Paris.
- Tillemont, L.S. de. 1691: *Histoire des empereurs*. T. II. Paris.
- Udal'tsova Z.V. 1984: Diplomatika ranney Vizantii v izobrazhenii sovremennikov [Early Byzantine Diplomacy from the Contemporary Accounts]. In: Z.V. Udal'tsova (ed.), *Kul'tura Vizantii. IV – pervaya polovina VII v. [Byzantine Culture. The 4th–7th centuries]*. Moscow, 371–392.
- Vashcheva, I.Yu. 2013: Konstantin Velikiy: variatsii obrazov v khristianskikh istoriyakh pozdney antichnosti [Constantine the Great: Variations of the Character in the Christian Histories of Late Antiquity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]* 4 (3), 46–58.

- Vipper, R. Yu. 1996: *Istoriya srednikh vekov* [*The History of Middle Ages*]. Kiev.
Weber, G. 2000: *Kaiser, Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike*. Stuttgart.
Williams, J. 2007: Religion and Roman Coins. In: Rüpke J. (ed.), *A Companion to Roman Religion*. Malden–Oxford–Carlton, 143–163.

«SON OF DIVINE CONSTANTINE»: THE CONSTANTINE'S THE GREAT CULT
IN THE REIGN OF EMPEROR CONSTANTIUS II

Ivan A. Mirolubov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
peter-herzog@yandex.ru

Abstract. The present article is devoted to the cult of Constantine the Great (306–337) in the reign of his sons, in particular Constantius II (337–361), whose tenure in power exceeded the duration of his brothers reign. Constantine's sons came to power after their father's sudden death; they were quite young – Constans, the youngest of the brothers, was hardly 17 (or even 14 according another source) years old, – and the Constantine's authority was the only sound of their domination. In accordance with an old (but pagan) tradition Constantine, who was baptized on his deathbed, was deified and became «Divus Constantinus», i.e. public deity of the Roman state pantheon. Veneration of Constantine is documented not only by narrative tradition, but also by numismatic evidences. After Constantine's death, his sons struck new coin issues, which praised Constantine as the father and protector of young emperors.

Constantius II, whom one narrative source calls «the Constantine's beloved son», faced with a number of problems in his domestic and foreign policy – the public consensus and the stability on the borders, maintained by Constantine, began to disintegrate. Both his brothers were killed during the civil wars. The phenomenon of provincial and military usurpation, suppressed by Constantine the Great and his predecessors, emerged newly: this circumstance indicates a decline of authority of the central government and Constantius II in particular. The borders – both Eastern and Northern frontiers – claimed Emperor's attention: Constantius II should repulse attacks by Persians and Germanic tribes. That's why under Constantius II the image of his father, who was remembered as the most successful emperor of the recent years, acquired a profoundly sacred significance. The narrative tradition indicates that Constantius in his decisions resorted to an ecstatic experience in the form of dreams, during which he allegedly received advice from the late Constantine. This detail is interesting to characterize not only the ideology of the imperial power in this period of Roman history, but of the emperor Constantine himself, whose person and time of administration attracted little attention of researchers.

Keywords: Roman Empire, Dominate, imperial ideology, Constantine the Great, the Constantinian dynasty, Constantius II

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ ПРИ ПАНТЕНЕ

И.В. Зайцева

*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгород, Россия
zajcevil@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу процесса образования одного из крупнейших богословских центров в Египте – Александрийской школе. Актуальность данного анализа обусловлена тем, что сведений о первых этапах существования этой школы практически нет, в виду чего возникают многочисленные научные споры о роли первых александрийских христианских богословов, к которым относился Пантен Александрийский.

Создание Александрийской школы было обусловлено, прежде всего, тем, что Александрия в виду своего удачного географического положения, стала городом, куда стекались представители интеллектуальной элиты, формировавшие новую социокультурную среду на базе мусейона и знаменитой Александрийской библиотеки. Спецификой Александрийской школы на первых этапах её существования было содержание образования, которое в ней получали слушатели. Школа стала центром развития богословского образования и образцом для создания аналогичных образовательных центров в других частях Римской империи.

Пантен являлся одним из первых александрийских учителей, строивших свое преподавание на основе устного предания, - методе, которым пользовались многие предшествующие Пантену мыслители античности. При этом его основной задачей было устное толкование Священного писания и, тем самым, обращение в христианскую веру новых последователей. Вероятнее всего, помимо богословского толкования текстов, на первых этапах развития Александрийской школы, в ней активно преподавалась философия, что указывает на преемственность от классической образовательной традиции. Особенностью административной деятельности Пантена на посту руководителя Александрийской школы, стало то, что он развил новое философско-богословское направление мистико-спекулятивного толка, опиравшееся на традиции как христианской веры, так и прежних политеистичных верований. Дальнейшее развитие это направление получило в деятельности его ученика Климента Александрийского.

Ключевые слова: Римская империя, Египет, Александрия, Александрийская школа, Пантен, Климент Александрийский

Зайцева Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

Вопросы генезиса и эволюции Александрийской школы являются предметом исследования значительного количества авторов, что обусловлено в научном мире целым рядом причин. Во-первых, ролью Александрии как крупнейшего торгового и интеллектуального центра Римского востока. Во-вторых, значительной степенью интеллектуализации александрийского общества, поскольку расцвет научной мысли происходил в новых учебных центрах – Александрийском мусейоне и Александрийской библиотеке. В-третьих, спецификой социальной стратификации города, в котором зачастую смешивались разнородные элементы, а принадлежность к той или иной социальной группе была достаточно условной. Среди крупнейших исследователей Александрийской школы стоит назвать R. Berchman, H. Blumenthal, H. Chadwick, J. Dillon, A. Van den Hoek, E. Pagels. В работах данных авторов особое внимание уделяется ближайшим ученикам Пантена – Клименту Александрийскому и Оригену-христианину. Среди отечественных исследователей дореволюционного периода необходимо выделить В. Дмитриевского, который исследовал историю духовного просвещения от I до начала V в. н.э. В современной исторической науке важное значение в отношении исследования Александрийской школы имеет работа В.Я. Саврея «Александрийская школа в истории философско-богословской мысли», в которой автор анализирует интеллектуальную традицию данного научного института, обосновывая его роль для формирования процесса ментального континуитета между поздней античностью и ранним христианством. Преемственность научной традиции между Пантеном и Климентом отмечает в своих работах один из крупнейших исследователей жизни и деятельности Климента Александрийского Е.В. Афонасин.

Методологической основой данной статьи выступают общенаучные методы анализа и синтеза, которые позволили интегрировать традиции отечественных и зарубежных исследователей по рассматриваемой проблеме генезиса Александрийской школы. Сравнительно-исторический метод способствовал определению специфических особенностей преподавания основ Священного Писания в Александрии в сравнении с другими центрами богословского образования. Используя метод системного анализа были выявлены взаимосвязи в содержании преподавания Пантена и его ближайших последователей – Климента Александрийского и Оригена. Структурно-диахронный метод способствовал рассмотрению совокупности теоретических положений о генезисе Александрийской школы и первых этапах её существования. Герменевтический метод использовался нами для толкования древнегреческих терминов. Приём исторического описания позволил составить историко-культурный каркас рассматриваемой проблемы.

Достоверной информации о возникновении Александрийской школы нет. В основном, это связано с двумя причинами: во-первых, долгое время в понятие «Александрийская школа» исследователи вкладывали различное смысловое содержание. Во-вторых, основной акцент в исследовании Александрийской школы, делался на богословский характер образования, не принимая во внимания философский аспект преподавания в ней. Подобный подход делал анализ Александрийской школы односторонним и не отражал в полной мере её специфику как интеллектуального центра Римского востока.

Образование Александрийской школы явилось неизбежным следствием тех религиозных процессов, которые происходили в Римской империи после начала

утверждения на её земле нового христианского учения. Необходимость проповедования христианства осознавалась как первыми апостолами, так и их ближайшими последователями, однако, со временем, одного только проповедничества стало недостаточно для того, чтобы привлекать в новую религию большее количество последователей. Эта потребность стала реализовываться в процессе образования новых катехизических школ, создававшихся в городах и крупных населенных пунктах. В начале III в. н.э. они стали базой для открытия христианских богословских школ, основной задачей которых была систематизация и изложение с элементами разъяснения христианского вероучения. В III–VI вв. христианские школы получают свое развитие, при этом содержание преподавания в них зачастую разнилось настолько, что приводило к открытой вражде. С другой стороны, это способствовало выработке догматов и унификации христианского мировоззрения в последующую эпоху.

Открытие богословской школы в Александрии было обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, в Александрии находилась самая большая иудейская диаспора; во-вторых, Александрия, к моменту основания школы, была крупным интеллектуальным центром, в котором активно действовал Александрийский мусейон с соединенной с ним Александрийской библиотекой¹; в-третьих, императорская власть сама способствовала развитию на Римском востоке процессу христианизации, который отводил внимание первых христиан от центра Римской империи.

Главной целью основания Александрийской школы (διδασκαλεῖον) стала организация богословского школьного образования, а также распространение широкого энциклопедического образования, включая знание греческой философии. Потребность в последнем объяснялась необходимостью объяснить тексты Священного Писания грекам, для чего нужно было вначале понять их образ мышления. Реализация этой задачи была обусловлена введением аллегорического метода толкования текстов, получившего название «экзегезы»².

В последствие образовавшиеся школы в Кесарии, Антиохии, Эдессе, Низибии стали неизбежным продолжением александрийских школьных традиций и окончательно оформили систему христианского обучения и посвящения в христианскую веру.

В некоторых источниках мы встречаем информацию о том, что основателем школы являлся Филон Александрийский, однако Филипп Сидский называет первым руководителем Афинагора. Также ряд авторов, в том числе и В.Я. Саврей, полагают, что основателем первого огласительного училища (Дидаскалиона) был апостол Марк, который стал развивать богословские тенденции в образовании³. По мнению В. Дмитриевского, обучение в огласительном училище состояло из двух уровней – подготовка для вступления в христианскую церковь и подготовка к служению в ней⁴.

¹ Подобное обстоятельство связано с удачным пограничным географическим положением Александрии, ставшей центром соприкосновения восточного мусульманского и западного христианского мира.

² Отметим, что данный метод иногда сопрягался с рядом злоупотреблений для того, чтобы упростить понимание текстов греками.

³ Саврей 2011, 654.

⁴ Дмитриевский 1884, 10.

По сути, ни одно из этих утверждений не подтверждается объективными свидетельствами, ввиду чего возникновение школы относят к 180 г. (В.Я. Саврей указывает 179 г.⁵) и связывают с именем Пантена, который сформировал новое мистико-спекулятивное философско-богословское направление в научно-исследовательском мире позднеримского востока.

Указанный год является рубежным, поскольку именно в этом году христианская церковь Александрии становится прочной основой со сложившейся церковной иерархией и высшей школой, готовившей кадры для церкви. По мнению Н.И. Сагарды «Александрийскую школу, собственно говоря, нельзя назвать ни катехизаторской школой, ни богословской семинарией, ни философским институтом: хотя в ней были все элементы, представленные этими именами, однако было бы неправильно соединять её исключительно с одним из них. Она была продуктом развития церковной жизни в тех особых условиях, какие представляла Александрия, и в каждый данный момент приспособлялась к изменяющимся потребностям времени»⁶.

Некоторые исследователи полагают, что в этот период, ввиду ослабления гонений на христиан, прослойка образованных христиан в Александрии, получила возможность для более глубокого изучения основ своей веры. К таким людям относился и Пантен.

В «Церковной истории» Евсевия Кесарийского мы встречаем информацию о том, что школа Священного Писания существовала в Александрии давно и уже в начале царствования Коммода некто по имени Пантен, обучал верных александрийской Церкви (Hist. eccl. V. 10: ἐξ αρχαίου εθνους διδασκαλείου τῶν ιερῶν λόγων παρ' αὐτοῖς συνεστάτος). По словам Евсевия, прежде он был воспитан «в правилах стоической философии» и «...проявил такое горячее рвение к слову Божию, что явился смелым проповедником Христова Евангелия у язычников на Востоке и доходил даже до земли индийцев. Многие, да, многие возвещали тогда слово евангельское; по внушению Господню, подражали они Апостолам, распространяя слово Божие и наставляя в нём. Пантен, один из таких, доходил до земли индийцев и, говорят, нашел у местных жителей, познавших Христа, принесённое к ним еще до его прибытия Евангелие от Матфея. Христа проповедовал им Варфоломей, один из Апостолов; он оставил им Евангелие от Матфея, написанное еврейскими буквами; оно сохраняется и доныне. Пантен многое улучшил в александрийском училище; он руководил им до смерти, поясняя и письменно, и в живой беседе сокровища Божественных догматов» (Eusebius. Hist. Eccl. V. 10). Данное сообщение определяет характер образовательной системы Пантена, строящейся на устном предании (παρεῖλήφαμεν), носившего достаточно отрывочный характер⁷. Подобное подтверждает и Иероним: «Хотя существует много его толкований на Священное Писание, но он более принес пользы церквям живым голосом. Он учил при императоре Севере и Антонине, по прозванию Каракалла» (De viris illustribus, 36). Исходя из этого, на сегодняшний день мы не обладаем полноценными сведениями о том, при каких условиях возникла школа, и как строился курс преподавания на первых этапах её развития.

⁵ Саврей 2011, 655.

⁶ Сагарда 2004, 413.

⁷ Wytzes 1957, 226.

Пантена, как и многих представителей переходной эпохи⁸, можно назвать обращенным философом. Вероятнее всего, по своей философской направленности он принадлежал к стоическому платонизму, представлявшему собой симбиоз стоицизма и платонизма⁹. Обратившись к христианству, он становится своего рода миссионером среди язычников, однако, насколько масштабна была география его проповедования не совсем ясно, поскольку некоторые историки считают, что под «Индией» в сообщении Евсевия можно предполагать и южную часть Аравии¹⁰.

Представляют значительную сложность и датировки рождения и смерти Пантена. Исследователи предполагают, что время деятельности Пантена приходится на вторую половину II в. Несмотря на упоминания Иеронима, о том, что Пантен уже занимался преподавательской деятельностью при императорах Септемии Севере (193–211 гг.) и Каракалле (198–217 гг.), все же данная хронология искажает известные факты жизни ближайшего последователя Пантена Климента Александрийского, который в указанный период уже преподавал в Александрии. Также материалы коптского мартиролога указывают на причисление Пантена к лику святых, но нет доказанных фактов, как учитель церкви окончил свою жизнь и можно ли говорить о мученической смерти¹¹. В «Библиотеке» (cod. 118) патриарха Фотия Константинопольского имеется упоминание о Пантене, как о «слушателе тех, кто видел Апостолов»¹², однако объективную хронологию по этим упоминаниям составить сложно.

Значительная доля сомнений исследователей связана с литературной деятельностью Пантена, поскольку А.И. Сагарда считает, что «сообщение Евсевия Кесарийского о *suggrammata* Пантена - свидетельство не авторитетное. Если бы Евсевий располагал точными указаниями на литературную деятельность Пантена, он, вероятнее всего, дал бы перечень и определил предмет его произведений, а не ограничился бы этим неопределенным «*suggrammaton*»¹³. Того же мнения придерживается и Г. Барди¹⁴. Вероятнее всего, Пантен, наряду с его современником Аммонием Саакасом, ограничивался исключительно устным проповедованием, не фиксируя его в письменном виде. В. Буссет сделал попытку реконструировать взгляды Пантена, исходя из сочинений Климента Александрийского¹⁵. Отметим, что подобная реконструкция в последствие подверглась серьезной критике ввиду отсутствия информативного материала, подтвержденного объективными фактами и источниками. При этом, с небольшой долей вероятности, мы предполагаем, что Пантен пытался развивать традицию православного «гносиса», развитую в творениях апостольских мужей и греческих апологетов.

Система преподавания в Александрийской школе при Пантене также не представляется для исследователей достаточно ясной. Ссылаясь на слова А. Дьяконова, мы полагаем, что до Пантена в Александрийской школе предметы общеобразовательного цикла были вспомогательными по отношению к вероучительным

⁸ Имеем ввиду, прежде всего, переходность в рамках религиозных систем.

⁹ Osborn 1957, 23.

¹⁰ Корсунский 1882, 47.

¹¹ Eijk 1971, 119.

¹² Lilla 1971, 79.

¹³ Сагарда 2004, 170.

¹⁴ Bardy 1926, 223.

¹⁵ Хосроев 1997, 163.

дисциплинами¹⁶. Однако Пантен, как обращенный христианин ввел в программу курса изучение философии, что указывает на желание Пантена создать школу в рамках научно-философского направления¹⁷. Данную тенденцию в преподавании продолжил его ученик Климент Александрийский¹⁸.

Необходимо отметить, что в преподавании Пантенем основной акцент делался на Священное Писание, в частности на его грамматический анализ, поскольку у Климента в «Выдержках из пророческих книг» мы встречаем следующее замечание: «...эта цитата из Пантена гласит, что пророки часто употребляют прошедшее время вместо будущего»¹⁹. По-видимому, Пантен делал упор не только на суть преподаваемого материала, но и на грамматический анализ Писания. Кроме того, циклу высших наук, куда входило изучение Священного Писания, учил сам Пантен, а школьные науки преподавали его помощники.

Во время руководства Пантенем Александрийской школы александрийские христиане условно разделялись на два течения: представители первого стремились к слиянию богословского знания и философии, сторонники второго – настороженно относились к этому процессу. Значительным преимуществом Пантена было то, что при наличии таких крайних форм религиозной идеологии, ему удалось избежать радикализма во взглядах на данную проблему, сумев, используя терминологию философской науки, не исказить при этом основ христианского вероучения. Эта научная позиция передалась его ученикам Клименту Александрийскому и Оригену.

В.Я. Саврей полагает, что не смотря на то, что некоторое время Александрийская школа существовала автономно от христианской церкви, все же в дальнейшем их слияния избежать не удалось. Подобное обстоятельство было обусловлено тем, что только через слияние школы и местной христианской общины мог быть решен вопрос о формировании единого канона при написании священных книг, что значительно облегчало распространение христианства в среде политической и интеллектуальной элиты Александрии.

Безусловно, информация о первых этапах развития Александрийской школы в целом и о Пантене, в частности, крайне сжата и отчасти неинформативна. В некоторых аспектах с его учением мы знакомимся через сочинения Климента Александрийского, который указывал: «так как богословский образ мыслей последнего и по собственному его убеждению и, по мнению древних свидетелей, был тот же самый, какого держался Пантен»²⁰. Однако безусловно это замечание не лишено доли субъективности.

В трудах Иеронима содержится упоминание о том, что «...в Индию Пантен был послан александрийским епископом Дмитрием и «по просьбе индийского народа». Аналогичное утверждение встречаем и у Евсевия, только уже с указанием на 190 г. н.э. (Eusebius. Hist. Eccl. V. 10. 1). Далее руководство школой возлагается на Климента Александрийского.

Таким образом, анализ генезиса Александрийской школы представляет для

¹⁶ Дьяконов 1913, 12.

¹⁷ Дьяконов 1913, 14.

¹⁸ Утверждение остаётся не более чем предположением.

¹⁹ Edwards 2000, 167.

²⁰ Ferguson 1974, 106.

исследователей большую ценность в виду того, что она стала центром развития интеллектуальной мысли в начале переходного периода, связанного с распространением христианства и утратой своей привычной главенствующей в античном мире роли язычества. В этой связи особое внимание должно уделяться первым руководителям школы, находившимся у истоков интеллектуального обогащения Римского востока новыми богословскими знаниями, не отвергая при этом традиционные религиозные основы язычества. Личность Пантена в этой связи представляет собой особый исследовательский интерес, поскольку заложенные им научные и богословские традиции на долгое время определили характер интеллектуальной элиты александрийского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриевский, В. 1884: *Александрийская школа. Очерк из истории духовного просвещения от I до нач. V века по Р.Хр.* Казань.
- Дьяконов, А.П. 1913: *Типы высшей богословской школы в древней церкви III–VI вв. Речь на годичном акте Санкт-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1913 г.* СПб.
- Корсунский, Н.Н. 1882: *Иудейское толкование Ветхого Завета.* М.
- Саврей, В.Я. 2011: *Александрийская школа в истории философско-богословской мысли.* М.
- Сагарда, Н.И., Сагарда, А.И. 2004: *Полный корпус лекций по патрологии.* СПб.
- Хосроев, А.Л. 1997: *Из истории раннего христианства в Египте. На материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади.* М.
- Bardy, G. 1926: *Clément d'Alexandrie.* Paris.
- Edwards, M.J. 2000: Clement of Alexandria and his Doctrine of Logos. *VC* 54, 159–177.
- Eijk, A.H.C. van 1971: The Gospel of Philip and Clement of Alexandria. *VC* 25.2, 94–120.
- Ferguson, J. 1974: *Clement of Alexandria.* New York.
- Lilla, S.R.C. 1971: *Clement of Alexandria: A Study in Christian Platonism and Gnosticism.* Oxford.
- Osborn, E. 1957: *The Philosophy of Clement of Alexandria.* Cambridge.
- Ramsay, W.M. 2004: *The first Christian century: notes on Dr. Moffatt's introduction to the literature of the New Testament.* Kessinger Publishing.
- Wytzes, J. 1957: The Twofold Way. Platonic Influences in the Works of Clement of Alexandria. *VC* 11, 129–153.

REFERENCES

- Bardy, G. 1926: *Clément d'Alexandrie.* Paris.
- Chosroev, A.L. 1997: *Iz istorii rannego khristianstva v Egipte. Na material koptskoy biblioteki iz Nag-Khamadi* [From the history of early Christianity in Egypt. On the material of the Coptic library of Nag Hammadi]. Moscow.
- Corsunskiy, N.N. 1882: *Iydeyskoe tolkovanie Vetkhogo Zaveta* [Jewish interpretation of the Old Testament]. Moscow.
- Dmitrievskiy, V. 1884: *Aleksandriyskaya shkola. Ocherk iz istorii dukhovnogo prosveshcheniya ot I do nachala V po P.X.* [The Alexandrian School. Essays from the history of spiritual enlightenment from 1st to the beginning of the 5th century AD]. Kazan.
- Dyakonov, A.P. 1913: *Tipy vyshey bogoslovskoy shkoly v drevney tserkvi. III–VI vv. Rech na godichnom akte Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii 17 fevralya 1913 goda.* [Types of higher theological school in the ancient church of 3rd–4th centuries. Speech at the annual act of the St. Petersburg Theological Academy 17 February 1913 year]. Saint Petersburg.
- Edwards, M.J. 2000: Clement of Alexandria and his Doctrine of Logos. *Vigiliae Christianae* 54, 159–177.

- Eijk, A.H.C. van 1971: The Gospel of Philip and Clement of Alexandria. *Vigiliae Christianae* 25.2, 94–120.
- Ferguson, J. 1974: *Clement of Alexandria*. New York.
- Lilla, S.R.C. 1971: *Clement of Alexandria: A Study in Christian Platonism and Gnosticism*. Oxford.
- Osborn, E. 1957: *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge.
- Ramsay, W.M. 2004: *The first Christian century: notes on Dr. Moffats introduction to the literature of the New Testament*. Kessinger Publishing.
- Sagarda, N.I., Sagarda, A.I. 2004: *Polny kurs lektsiy po patrologii* [The general course of lectures on patrology]. Saint Petersburg.
- Savrey, V.Ya. 2011: *Aleksandriyskaya shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoy mysli* [The Alexandrian School in the History of Philosophical-Theological Thought]. Moscow.
- Wytzes, J. 1957: The Twofold Way. Platonic Influences in the Works of Clement of Alexandria. *Vigiliae Christianae* 11, 129–153.

PANTAENUS AND THE ALEXANDRIAN SCHOOL'S FORMATION

Irina V. Zaitseva

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putin, Belgorod, Russia
zajcevil@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of formation of one of the largest theological center in Egypt, the Alexandrian school. Relevance of this analysis is because this problem was actually remained untouched upon and information about the first steps of the Alexandrian school is practically non-existent. As the result, it has caused numerous scientific disputes on the contribution of the first Christian theologians in the Alexandria including Pantaenus of Alexandria.

In view of the fact that Alexandria became the city, where intellectuals, which formed a new socio-cultural environment, based on the Museion and Alexandrian library, converged on account of the fortunate geographical location, it has caused principally the establishment of the Alexandrian school. The specificity of the Alexandrian school as its initial stages of the existence was the content of education that the participants received. The school has become a center of development of theological education and a model for the establishment of similar educational centers in other parts of the Roman Empire.

Pantaenus of Alexandria was one the first Alexandrian mentors, who taught based on oral traditions – the method used by many of the previous thinkers of Antiquity before him, with primary emphasis focused on oral interpretation of the Christian Scriptures and therefore brought new followers to the Christian faith. Most likely, at the initial stages of development of the Alexandrian school also philosophy were taught in addition to exegesis, pointing to continuity from classical traditions of education. A peculiarity of administrative activities of Pantaenus of Alexandria at the head of Alexandrian school was that he developed a new philosopho-theological movement with mystical-speculative nature, relying on the traditions of the Christianity as well as the previous polytheistic religions. The movements was further developed in the activity of his apprentice, Clement of Alexandria.

Keywords: Alexandria, Roman Empire, Egypt, Alexandrian school, Pantaenus of Alexandria, Clement of Alexandria

«ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ» ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО: ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОРОГЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И.Ю. Ващева

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
vasheva@mail.ru*

Аннотация. Данная статья касается одного из аспектов очень сложной и остро дискутируемой сегодня проблематики транзитивности – проблемы формирования новой идентичности общества при переходе от античности к средневековью. Сама эпоха поздней античности (IV–VII вв.), ставшая предметом специального научного рассмотрения сравнительно недавно, дает потрясающую картину смены общественно-культурной парадигмы, когда происходит глубокая трансформация всех устоев общества, изменение ментальных структур, прежде всего, наблюдается кризис традиционной этнокультурной идентичности и формирование новой. В статье предпринимается попытка анализа механизмов этих глубинных преобразований. Комплексное рассмотрение этнических, политических, религиозных, культурных составляющих идентичности придает статье междисциплинарный характер.

Автор показывает, как привычный принцип разделения человечества на эллинов и римлян, с одной стороны, и «варваров» – с другой заменяется в сочинении Евсевия принципиально новым принципом – в зависимости от вероисповедания. При этом механизмы подобной ментальной трансформации оказываются весьма мягкими, не требующими радикального разрыва с традицией. Автор выявляет два механизма. Прежде всего, это переосмысление традиционных категорий, когда их смысловое наполнение переносится из этногеографической, скорее, в политическую плоскость. Вторым механизмом является перенос акцентов с этнических характеристик на морально-этические. Основным критерием для выделения того или иного народа среди прочих для христианского автора является теперь морально-нравственная характеристика, наличие у народа тех или иных добродетелей, образ жизни и стереотипы поведения. В итоге, первый церковный историк, не ломая традиционных представлений, приходит к совершенно новому пониманию идентичности.

Таким образом, рассуждая, казалось бы, в рамках прежней парадигмы, первый церковный историк совершает поистине революционный переворот в осмыслении ойкумены, меняя не только оценки отдельных народов, но и сам принцип разделения человечества. В условиях кризиса римской идентичности, когда идеалы и ценности Рима безвозвратно уходят в прошлое, первый церковный историк Евсевий Кесарийский по сути формулирует

Ващева Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Института Международных отношений и Мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

и обосновывает новую форму идентичности – религиозную. Среди всех народов ойкумены он выделяет Христианский народ, наделяя его теми качествами и ценностями, с которыми будет себя отождествлять новое общество.

Ключевые слова: Поздняя античность, этнокультурная идентичность, Евсевий Кесарийский, христианство, «Церковная история»

Позднеантичная эпоха, окрашенная чертами транзитивности, подвергла переосмыслению и переоценке многие традиционные ценности и стереотипы мышления, характерные для античной ментальности. С утверждением христианства была нарушена религиозная и культурно-аксиологическая идентичность римлян¹. Вместо доблести и мужества социально одобряемыми и значимыми становятся новые ценности и добродетели, прежде всего, смирение и прощение. Указанную смену психологической парадигмы красочно описал в свое время Э. Гиббон², заложив традицию восприятия христианства в качестве главной причины падения Римской империи.

Утверждение христианства в качестве государственной религии и распространение христианской культуры неизбежно ставило вопрос о характере взаимоотношений современников с собственной традиционной культурой, т.е. с античной образованностью, мифологией, наукой, литературой и т.д. В этой сфере кризис культурной идентичности проявляется особенно ярко (через отрицание и осуждение античной (языческой) науки, литературы, образования и т.д.)³ и в то же время все позднеантичные сочинения говорят об активном использовании, переработке и «переплавлении» античной традиции⁴.

Одной из наиболее важных проблем, актуализирующихся в переходные эпохи, в условиях смены общественно-культурной парадигмы, является проблема идентичности и самоидентификации становящегося общества⁵.

Весьма показательным в этом отношении является сочинение Евсевия Кесарийского, жившего на рубеже III–IV вв. на территории пока еще единой Римской империи и воспитанного в рамках античной культуры⁶, и одновременно христианского епископа и автора первой «Церковной истории».

На первый взгляд, кажется, что Евсевий мыслит в рамках традиционной дихотомии «римляне» – «варвары», «эллины» – «варвары». Во всяком случае, следуя традиции, Евсевий Кесарийский несколько раз использует привычные античные категории «варвары», «варварский» (VI. 42. 3; VII. 13. 1; VIII. 14. 3)⁷. Во всех этих случаях понятие «варвар» означает человека, принадлежащего к чуждой по языку,

¹ Ващева 2012, 110–112.

² Гиббон 1997.

³ Корелин 1901.

⁴ Trompf 1979; Comparetti 1997; Colish 1985; Cameron 1964; 1971; 1985; Kaldellis 2004; Whitby 2006.

⁵ Dagron 1964; Geary 1983; Chrysos 1996; Smythe 1996; Koder 1996; Laurence, Berry 1998; van Ginkel, Murre-Van den Berg, van Lint 2005; Digeser 2006; Iricinschi, Zellentin 2008; Nguyen 2008; Zacharia 2008; Rapp 2008; Шукуров 2008; Page Gill 2008; Cameron 2010; 2014; Kaldellis 2012; Koder 2012; Pohl, Heydemann 2013; Stouratis 2014.

⁶ Лебедев 2000, 26–33; Удальцова 1984, 182–191; Кривушин 1995; 1998, 8–11; Schwartz 1957; Wallace-Hadrill 1960; Chesnut 1977; Grant 1980; Barnes 1981, 93–149.

⁷ Подробнее см.: Ващева 2002; 2005.

нраву, образу жизни, а соответственно враждебной группе. Принцип противопоставления варваров римлянам, очевидно, прочно укоренился в сознании людей той эпохи, и Евсевий по инерции продолжает пользоваться данными категориями⁸.

Вместе с тем, примечательно, что в значении привычных слов появляются новые оттенки. Понятие «варварский» теперь не указывает с такой четкостью, как ранее, на этническую принадлежность или географию расселения. Оно приобретает скорее эмоциональную окраску, получает морально-оценочное значение, близкое к современному, становится синонимом понятий «грубый», «невежественный», «дикий», «жестокий». «Кроткие и человеколюбивые законы» христианского императора «изменили варварские и грубые нравы диких народов» (X. 4. 17–19), к числу которых Евсевий относит, очевидно, и деяния римских императоров: преследования, казни (X. 8. 17), гонения против христиан и т.д. Так, понятие «варварский» становится не столько этнической или этнокультурной, сколько морально-этической категорией⁹.

Второй полюс данной дихотомии – концепт «римляне», «римский» – также обнаруживает определенную девиацию и переходит из этногеографической плоскости, скорее, в политическую. С одной стороны, Евсевий и другие позднеантичные авторы используют привычные понятия «римский народ», «римляне», «римский», однако их употребление все чаще лишается традиционных коннотаций и все меньше связывается с конкретным географическим локусом в виде города Рима¹⁰. Весьма показательным в этом отношении самоназвание Византийской империи. Византийцы официально и неофициально называли себя римлянами (Ῥωμαῖοι), официальное наименование их страны – «Государство римлян» (ἡ ἀρχὴ τῶν Ῥωμαίων), а официальное обозначение их верховного правителя – «император/самодержец римлян» (ὁ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων). «Ключевой термин в официальном употреблении – «римляне», Ῥωμαῖοι – по сути, политический термин, обозначающий гражданство, независимо от пола, места рождения, национальности, социального или культурного статуса человека»¹¹. Таким образом, несмотря на внешнюю традиционность терминологии, основные смыслы, связанные с понятием «римский», «римляне» также располагаются не в этногеографической, но, скорее, уже в политической сфере.

В «Истории» Евсевия термин «римский» так или иначе связывается с властными структурами («римские власти», «римский сенат», «римский военачальник», «римский император», «римские консулы», «римские законы» и т.п.), либо с церковной организацией («Римская церковь», «Римский епископ»). При этом, если Римская церковь напрямую связывается с престолом св. Петра и городом Римом, то «Римская держава» и «римское владычество», как будто, не имеют такой жесткой географической локализации и не ассоциируются с конкретным географическим центром и в частности городом Римом. Что касается термина «римский народ», «римляне», то он встречается на страницах «Церковной истории» Евсевия всего два раза (IV. 12 – император обращается ко всему римскому народу; IX. 9

⁸ Подробнее Ващева 2006, 89.

⁹ См. также Ващева 2002.

¹⁰ Григорюк 2011; Ващева 2012.

¹¹ Ahrweiler 1975, 60; Шукуров 2008.

– император Константин со всем римским народом; сенат и римский народ). Нетрудно заметить и здесь определенную двойственность. С одной стороны, Евсевий апеллирует к устойчивым римским формулам, связывающим власть с сенатом и римским народом, а с другой, римляне и римский народ для христианского епископа не являются больше носителем неких абсолютных добродетелей и высших ценностей, какого-либо ореола исключительности или избранности, не вызывают коннотаций, связанных с военным могуществом Римского войска и традиционными римскими ценностями, и описываются не как особый народ, обладающий собственной самооценностью, но только как подданные римского императора.

Что касается «эллинов» в качестве некоей оппозиции «варварам», то Евсевий ни разу не использует этот термин самостоятельно для обозначения этноса. Один раз Евсевий говорит об «эллинских и римских науках» (VI. 30), противопоставляя их христианскому знанию. В остальных случаях «эллина» упоминаются вместе с «варварами» в составе своеобразной формулы. Продолжая использовать привычные для античной историографии категории «эллина», «римляне» и «варвары», Евсевий не противопоставляет их друг другу, как требовала традиция, а, напротив, ставит их рядом, вместе, тем самым объединяя их в одно целое. Очень часто, желая показать распространенность какого-либо явления по всей земле, среди всех народов, Евсевий использует клише: «всем людям, эллинам и варварам» (VIII. 1. 1), «и эллины, и варвары» (I. 3. 19; III. 6. 20; VI. 13. 5; VIII. 6. 1; X. 4. 20), «и Эллада, и варвары» (II. 17. 7). Судя по контексту, и те, и другие для Евсевия совершенно равнозначны и равноправны.

Так, традиционная дихотомия «римляне» – «варвары» или «эллина» – «варвары» теряет свое значение: категории остаются прежними, но отношения внутри системы оказываются нарушенными. Эллины, римляне, иудеи, варвары в представлении первого христианского историка не противопоставляются друг другу, но ставятся им на одну ступень. Неоднократно Евсевий подчеркивает равенство «всех земных племен» (I. 4. 12–13; X. 3. 1 и т.д.). Он рассматривает весь мир в целом, все народы ойкумены. Традиционная схема деления человечества на народы (этноты) с выделением одного в качестве своеобразного центра притяжения (будь то римляне, или эллины, или какой-либо другой народ) перестает работать.

Соответственно меняется и взгляд на историю человечества. На смену идее римской, эллинской или иудейской исключительности приходит концепция универсализма. Он рассматривает «все народы и племена земные». Отношение автора к описываемым им народам не определяется более их этнической принадлежностью или географическим размещением. При внешней традиционности представлений, мысля в рамках классической античной дихотомии «эллина/римляне» – «варвары», Евсевий осмысляет мировое пространство принципиально иным образом. На традиционную сетку понятий, не требующую каких-либо пояснений, он накладывает новую, связанную с вероисповеданием.

Особое место в системе представлений первого церковного историка занимают иудеи. «Говоря о народах земли, Евсевий особо выделяет не столько эллинов или варваров, сколько иудеев или евреев (II. 23. 18–19 и далее). Причем, отношение к ним Кесарийского епископа отличает некоторая двойственность. С одной стороны, он подчеркивает, что многие подвижники, чтимые христианами, были «из евреев» (II. 17. 2 и сл.), что некоторые из евреев «стали настоящими ревните-

лями новой веры и оказались по испытанию способны стать пастырями церквей, у них основанных» (III. 4. 3), или даже, говоря обо всех народах земли, использует выражение «все колена [Израиля – *И.В.*], а с ними язычники» (II. 23. 11) и тем самым особо выделяет правоверных евреев среди прочих племен и народов. Он с почтением отмечает, что «Моисей и народ иудейский старше древних эллинов» (VI. 13. 7) и «весь народ происходит от древних евреев» (I. Введение. 21). Характеризуя еврейский народ в целом, Евсевий пишет: «Есть народ не новый, почитаемый всеми за свою древность и всем известный, - это евреи. Их рассказы и книги сообщают о мужах, правда, редких и малочисленных, но отличающихся благочестием, справедливостью и всеми прочими добродетелями» (I. 4. 5). Таким образом, в целом, Евсевий с большим уважением отзывается о древних евреях, считая их образцом праведности, благочестия и добродетельности»¹².

Однако по мере того, как рассказ Евсевия приближается к современным ему событиям, особенно при описании страданий Христа, отношение автора к евреям становится резко отрицательным. Евсевий прямо обвиняет «все иудейское племя» в «заговоре против Спасителя нашего» (I. Введение. 2; I. 3. 6), в казни брата Господня Иакова Праведного (II. 9. 4; II. 23. 19), в замыслах и кознях против апостола Павла (II. 23. 1), бесчестиях и беззакониях, совершенных над Помазанником Божиим (III. 7. 1). Он клеймит их как «безбожное поколение» (III. 6. 16), как «нечестивцев», которых постиг Божий Суд (III. 5. 3), как преступников, «восставших на Христа» (III. 5. 2) и т.д. Евсевий рисует устрашающую картину избиения евреев (II. 26), гонений, смертей, разрушений и прочих бедствий, обрушившихся на них (III. 12). Это вызывает у автора определенную жалость, но не сочувствие или сострадание. Они «приняли гибель по Божьему Суду» (III. 5. 6; II. 6. 3–4) как справедливое наказание за свои злодеяния. «Божий суд постиг, наконец, иудеев, ибо велико было их беззаконие перед Христом и Его апостолами; стерт был с лица земли род этих нечестивцев...» (III. 5. 3–4).

Некоторая непоследовательность автора в данном вопросе объясняется, возможно, непоследовательностью и противоречивостью самих библейских представлений и христианской традиции. В Ветхом Завете, да и во многих текстах Нового завета, достаточно сильно звучит мотив избранности и исключительности Израиля среди других народов мира¹³. В то же время уже в посланиях Павла эллины, иудеи и другие народы уравниваются в своей богоизбранности, а в дальнейшем отношение павлинистов к евреям становится нетерпимым: на евреев возлагается вина за смерть Иисуса, пророков, изгнание Павла и т.д.¹⁴ Однако, помимо разнородных течений внутри христианского богословия, которые, так или иначе, влияли на формирование представлений первого христианского историка, данная двойственность может отражать переходный характер самой эпохи, глубокую трансформацию всей системы ментальных установок становящегося общества. И восприятие иудеев (евреев) «отцом церковной историографии» является тем показательным моментом, который наглядно демонстрирует разрушение прежних ментальных структур.

¹² Ващева 2006, 90–91.

¹³ Крывелев 1985, 113.

¹⁴ Каждан 1965, 223.

Важно отметить, что евреи (иудеи), хотя и признаются в сочинении Евсевия древним народом и своего рода предшественниками христиан и почитаются в качестве таковых, тем не менее, лишаются статуса избранного народа и так же, как и римляне, утрачивают ореол исключительности.

Иудеи не вписываются в традиционную концепцию римской/эллинской исключительности, поскольку сами претендуют на богоизбранность и особый статус среди прочих народов ойкумены. Не вписываются они и в новую концепцию христианского универсализма, поскольку слишком значимой оказывается этническая составляющая.

Примечательно также, что для Евсевия понятия «иудеи» и «евреи» являются взаимозаменяемыми синонимами, абсолютно тождественными друг другу по смыслу. Таким образом, этническая категория, по сути, заменяется конфессиональной. Именно восприятие иудеев (евреев) является для Евсевия Кесарийского тем «мостом», который позволяет перейти к выделению среди всех народов ойкумены нового избранного народа.

В качестве такого особого народа Евсевий выделяет христиан. Если варвары появляются на страницах «Церковной истории» всего три-четыре раза, и эллины – не чаще других народов (причем, без какого-либо намека на их исключительность), то христиане являются предметом особого внимания автора. Евсевий противопоставляет уже не столько эллинов и варваров, сколько христиан, мучеников, святых, с одной стороны, и язычников, еретиков, «богоненавистников», отступников, с другой. Евсевий, по сути, вводит новые категории: христиан и нехристиан¹⁵.

«Для Евсевия христиане – это «воистину новый народ, не малый, не слабый и осевший не в каком-то уголке земли, но из всех народов самый многочисленный и благочестивый, неистребимый и непобедимый, ибо Бог всегда подает ему помощь» (I. 4. 2). Христиане выделяются среди всех прочих людей своими нравственными качествами и всем образом жизни. «Встав на заре, они воспевают Христа как Бога и, соблюдая свое учение, запрещают убивать, прелюбодействовать, напиваться, воровать и вообще совершать что-либо подобное...» (III. 33. 3). «Это имя обозначает следующее: христианин, познав Христа и его учение, отличается благоразумием, справедливостью, терпением в жизни, добродетелью, мужеством в благочестии и исповедании единого Бога Вседержителя» (I. 4. 7; V. 2. 4). Они выгодно отличаются от язычников, еретиков и других своей преданностью вере, стойкостью и мужеством даже перед лицом смерти (IV. 8. 5; VI. 41. 7; VIII. 4. 1; VIII. 14. 13–15). «Наше время поставило выше всех героев, прославляемых у эллинов и варваров за свое удивительное мужество, замечательных мучеников... Они скончались, считая истинным богатством, большим, чем мирская слава и роскошь, поношения, страдания за веру и смерть...» (IV. 15. 25; VI. 41. 23; VIII. 6. 1; V. 1. 25–26)¹⁶.

Язычники же в изображении Евсевия выступают жестокими (V. 1. 39; V. 1. 43; VI. 3. 4; VI. 42. 1), трусливыми и бесчеловечными (V. 1. 37). Многие из язычников, «испугавшись пыток, которые на их глазах терпели святые, и поддавшись уговорам воинов», клеветали на христиан и давали ложные показания против них

¹⁵ Ващева 2002.

¹⁶ Ващева 2006, 92–93.

(IV. 7. 10–11; V. 1. 14; VI. 8. 2; IX. 5. 2). Они подвергали христиан жесточайшим пыткам (V. 1. 56–57). И сами язычники описываются первым христианским историком как «свирепые варварские племена» (V. 1. 56–57). Иногда Евсевий противопоставляет поведение христиан и язычников в критических ситуациях, например, во время разразившейся эпидемии «христиане принимали тела святых на распростертые руки... Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них... Язычники же вели себя совсем по-другому: заболевших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляя трупы без погребения— боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было не легко» (VII. 22. 5–10). Христиане в изображении Евсевия сочувствовали и помогали всем нуждающимся людям (VII. 32. 23). «...Все язычники видели ясные доказательства благочестия христиан и их деятельной заботы о каждом. Среди этих безысходных бедствий они одни на деле обнаружили свою сострадательность и человеколюбие: ежедневно и безотказно достойным образом хоронили умерших (о многих некому было позаботиться), в каждом городе собирали вместе изголодавшихся людей и раздавали им хлеб, так что все признали Бога христиан и стали говорить, что только христиане— люди благочестивые и любящие Бога и что они засвидетельствовали это своими делами» (IX. 8. 13–14). Таким образом, христиане изображаются Евсевием как особый народ, отличающийся от всех прочих своими нравственными качествами, особым благочестием и мужеством, народ, отмеченный Божественной благодатью. Другие же, «нечестивые враги веры», по выражению Евсевия (IX. 11. 1), «весь род богоненавистников» (X. 1. 7) покрыты крайним бесчестьем и позором.

Интересно, что в системе представлений первого церковного историка христиане выступают преемниками иудеев. Евсевий не раз говорит о «древности еврейско-христианского образа жизни» (II. введение): «Хотя, очевидно, мы народ новый и имя христиан действительно недавнее, только что узнанное всеми народами, но жизнь наша и весь наш образ поведения, согласный с догматами благочестия, не недавно придуманы нами, но были соблюдаемы с самого возникновения человечества; древние боголюбивые люди по естественному побуждению жили именно так...» (I. 4. 4; I. 4. 10). С другой стороны, Евсевий отделяет христиан от иудеев и противопоставляет им. Неслучайно он подчеркивает, что «Спаситель наш клятвенно именуется Христом и священником по чину Своему, а не по чину других, получавших символы и образы. Он не был телесно помазан у евреев и не происходил из священнического поколения, но ... получил Свою сущность от Самого Бога... прежде сотворения мира...» (I. 3. 17–18). Евсевий связывает христианство с «той верой, которую обрели Авраам и друзья Божии» (I. 4. 10). При этом она противопоставляется почитанию Закона, данного Моисеем и соблюдению иудейских обычаев: соблюдению субботы, обрезанию и т.д. (I. 4. 7–8; I. 4. 12–14; IV. 18. 7). В результате иудеи вместе с язычниками начинают противопоставляться христианам (V. 16. 12; VI. 12. 1; IV. 15. 26). Этнический принцип деления человечества уступает место конфессиональному.

Итак, «Церковная история» Евсевия Кесарийского, удивительный памятник, созданный на рубеже эпох, позволяет увидеть потрясающую картину ментальных трансформаций на пороге средневековья. «В рамках своей всемирно-исторической концепции Евсевий, следуя Оригену, рассматривает христианский народ как

«третий народ» после народа иудеев и народа эллинов. Хотя историк называет христиан «этнотом», подобно «этноту иудеев», между этими величинами огромная разница. Если избранный народ Ветхого завета обладает, наряду с религиозными, также этническими, политическими, культурными и территориальными характеристиками, то «третий народ» у Евсевия оказывается общностью, основанной исключительно на религиозном принципе. Такой народ, по сути дела, отождествляется автором с христианской церковью. Христианский народ (= христианская церковь) мыслится как продолжение божественного порядка на земле¹⁷.

В целом, Евсевий Кесарийский продолжает использовать, казалось бы, привычные категории «римляне», «эллины», «варвары». Вместе с тем, отношения между этими понятиями существенно отличаются от традиционных. В них нет намека на жесткое противопоставление народов по этногеографическому принципу. По сути дела, он ставит эллинов, римлян и варваров на одну ступень. В понимании христианского историка народы разделяются не по этническому и не по территориальному признаку, а по конфессиональному – по вероисповеданию, или религиозной принадлежности. Евсевий разделяет людей не на эллинов, варваров, римлян и иудеев, а на христиан и нехристиан (в эту категорию входят язычники, отступники, еретики и т.д.). Они отличаются своими нравственными качествами и образом жизни. Судьбы их в исторической перспективе также различны: язычники, еретики, «отступники» погибнут, а истинных христиан – «Божий народ» – ждет спасение и вечная жизнь за гробом. Но между двумя этими мирами нет жесткой грани. В реальной жизни они существуют бок о бок друг с другом. К тому же, все народы, независимо от этнических, социальных особенностей их жизни, от места их расселения и т.п., фактически признаются равноправными: все могут воспринять христианство (VI. 3. 13; VII. 11. 13; IX. 10) и надеяться на спасение. Таким образом, привычный принцип разделения человечества заменяется принципиально новым. Вместо традиционного античного деления людей на эллинов и римлян, с одной стороны, и «варваров» – с другой, Евсевий формулирует принцип противопоставления народов в зависимости от вероисповедания.

При этом, механизмы подобной ментальной трансформации оказываются весьма мягкими, не требующими радикального разрыва с традицией.

Прежде всего, это переосмысление традиционных категорий. Отношение автора к описываемым им народам не определяется более их этнической принадлежностью или географическим размещением. Смысловое наполнение самих этих категорий переносится из этногеографической, скорее, в политическую плоскость.

Вторым механизмом является перенос акцентов с этнических характеристик на морально-этические. Основным критерием для выделения того или иного народа среди прочих для христианского автора является теперь морально-нравственная характеристика, наличие у народа тех или иных добродетелей, образ жизни и стереотипы поведения.

Нужно сказать, что это была не сложная трансформация, поскольку географический детерминизм, уходящий корнями еще в глубокую античность, заставлял авторов, описывая те или иные народы, подчеркивать «культурные» преимуще-

¹⁷ Кривушин 1996, 15.

ства или недостатки (добродетели, воспитание, образование), связанные с той или иной местностью¹⁸. Даже не рассуждая о преимуществах того или иного климата или местности, авторы по привычке характеризовали интересующий их этнос через систему добродетелей и нравственно-психологических характеристик. У каждого народа отмечались свои герои, выдающиеся личности, харизматичные лидеры, оставившие важный след в истории своего народа. По той же схеме описываются и христиане как некий новый народ. Некоторые исследователи даже считают, что «Церковная история» представляет собой разновидность «национальной истории», ибо у христианского народа, подобно обычным народам, есть своя правящая династия (апостолы, епископы), свои войны (преследования), свои внутренние смуты (ереси), свои герои (мученики, писатели)¹⁹. Не случайно христиане описываются Евсевием именно как этнос *ἔθνος*.

Более того, на традиционную сетку понятий накладывается новая – религиозно-этическая. Весьма показательно в этом отношении выделение категорий «евреи» и «иудеи» (выступающие у Евсевия практически равнозначными синонимами), где этнические характеристики подменяются описанием нравов и образа жизни. С этих же позиций Евсевий Кесарийский выделяет христиан – новый избранный народ, исповедующий христианство. Интересно, что характеристики христианского народа даются двояким образом: через описание праведного образа жизни (т.е. религиозно-этический критерий) и как подданных византийского (= римского) императора (религиозно-политический принцип). Если выделение евреев (иудеев) подразумевало некую национальную исключительность, то христиане мыслятся как категория, не имеющая национальной (этнической) окраски и вмещающая в себе представителей разных этносов без намека на какую-либо исключительность.

Таким образом, рассуждая, казалось бы, в рамках прежней парадигмы и не заявляя громко о своем отказе от прежней традиции, первый церковный историк совершает поистине революционный переворот в осмыслении ойкумены, меняя не только оценки отдельных народов, но и сам принцип разделения человечества. В условиях кризиса римской идентичности, когда идеалы и ценности Рима безвозвратно уходят в прошлое, первый церковный историк Евсевий Кесарийский по сути формулирует и обосновывает новую форму идентичности – религиозную. Среди всех народов ойкумены он выделяет Христианский народ, наделяя его теми качествами и ценностями, с которыми будет себя отождествлять новое общество.

ЛИТЕРАТУРА

- Ващева, И.Ю. 2002: Этнокультурные и конфессиональные группы в мировоззрении первого христианского историка. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Акра. Сборник научных трудов*. Нижний Новгород, 34–44.
- Ващева, И.Ю. 2004: Механизмы формирования исторического сознания на рубеже III–IV веков (по данным «Церковной истории» Евсевия Кесарийского). В сб.: Е.В. Молев (ред.), *Медиевистика и социальная работа*. Нижний Новгород, 21–49.

¹⁸ Шукуров 2008.

¹⁹ Overbeck 1892, 42; Barnes 1981, 128.

- Ващева, И.Ю. 2005: Античные категории в мировосприятии первого церковного историка. В кн.: *Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура*. М., 230–254.
- Ващева, И.Ю. 2006: *Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма*. СПб.
- Ващева, И.Ю. 2012: Кризис римской идентичности в IV–VII вв. *Вопросы истории* 10, 110–117.
- Гиббон, Э. 1997: *История упадка и разрушения Римской империи*. Ч. II. М.
- Григорюк, Т.В. 2011: «Римский народ» в IV в.н.э. В сб.: В.В. Дементьева (ред.), *Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции*. Ярославль, 287–292.
- Каждан, А. П. 1965: *От Христа к Константину*. М.
- Корелин, М.С. 1901: *Падение античного мирозерцания (культурный кризис в Римской империи)*. СПб.
- Кривушин, И.В. 1996: Евсевий Кесарийский, отец церковной истории. В кн.: И.В. Кривушин, Н.В. Ревякина (ред.), *Интеллектуальная история в лицах: Семь портретов мыслителей Средневековья и Возрождения*. Иваново, 7–24.
- Кривушин, И.В. 1998: *Ранневизантийская церковная историография*. СПб.
- Кривушин, И.В. 1995: *Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский*. Иваново.
- Крывелев, И. А. 1985: *Библия: историко-критический анализ*. М.
- Лебедев, А.П. 2000: *Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX вв.* СПб.
- Удальцова, З.В. 1984: Развитие исторической мысли. В кн.: *Культура Византии. IV – первая половина VII века*. М., 182–191.
- Шукуров Р.М. 2008: *Конфессия, этничность и византийская идентичность*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centre-fr.net/spip.php?article169&lang=ru>.
- Ahrweiler, H. 1975: *L'idéologie politique de l'empire byzantin*. Paris.
- Barnes, T. D. 1981: *Constantine and Eusebius*. Cambridge.
- Cameron, A., Cameron, A. 1964: Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire. *The Classical Quarterly* (New Series) 14/2, 316–328.
- Cameron, A. 1971: *Agathius*. Oxford.
- Cameron, A. 1985: *Procopius and the Sixth Century*. London.
- Cameron, A. 2010: *The Byzantines*. Wiley–Blackwell.
- Cameron, A. 2014: *Byzantine matters*. Princeton.
- Chesnut, G. 1977: *The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius*. Paris.
- Chrysos, E. 1996: The Roman Political Identity in Late Antiquity and Early Byzantium in *Byzantium*. In: K. Fledelius (ed.), *Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers*. Copenhagen, 7–16.
- Colish, M.L. 1985: *The Stoic tradition from Antiquity to the Early Middle Ages*. Brill.
- Comparetti, D. 1997: *Vergil in the Middle Ages*. Princeton.
- Dagron, G. 1964: Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état. *Revue historique* 241, 23–56.
- Digeser, E. 2006: Christian or Hellene? The great persecution and the problem of identity. In: R.M. Frakes, E. Digeser (eds.), *Religious Identity in Late antiquity*. Toronto.
- Digeser, E., Frakes, R.M., Stephens, J. 2010: *The Rhetoric of Power in Late Antiquity: Religion and Politics in Byzantium, Europe and the Early Islamic World*. London–New York.
- Fouracre, P. (ed.) 2005: *The New Cambridge Medieval History: c. 500 – c. 700*. Cambridge.

- Geary, P.J. 1983: *Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages*. *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien* 113, 15–26.
- Grant, R.M. 1980: *Eusebius as Church Historian*. Oxford.
- Iricinschi, Ed., Zellentin, H.M. (eds.) 2008: *Heresy and Identity in Late Antiquity. Texts and Studies in Ancient Judaism* 119. Tübingen.
- Kaldellis, A. 2004: *Procopius of Caesarea: Tyranny, History and Philosophy at the End of Antiquity*. Philadelphia.
- Kaldellis, A.E. 2007: *Hellenism in Byzantium: the transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition* (Greek Culture in the Roman World). Cambridge–New York.
- Kaldellis, A.E. 2012: From Rome to New Rom, from Empire to Nation-State: Reopening the Question of Byzantium's Roman Identity. In: L. Grig, G. Kelly (eds.), *Two Romes. Rome and Constantinople in Late Antiquity*. Oxford–New York, 387–404.
- Koder, J. 1996: Byzantinische Identität – einleitende Bemerkungen in Byzantium. In: K. Fledelius (ed.), *Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers*. Copenhagen, 3–6.
- Koder, J. 2012: Sprache als Identitätsmerkmal bei den Byzantinern. Auf -isti endende sprachbezogene Adverbien in den griechischen Quellen. *Anzeiger der Philosophisch-historischen Klasse*. 147/2, 5–37.
- Laurence, R., Berry, J. (eds.) 1998: *Cultural Identity in the Roman Empire*. London.
- Nguyen, V.H.T. 2008: *Christian Identity in Corinth: A Comparative Study of 2 Corinthians, Epictetus and Valerius Maximus* (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. 2/243). Tübingen.
- Overbeck, F. 1892: *Über die Anlange der Kirchengeschichtsschreibung*. Basel.
- Page Gill 2008: *Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/tmr/article/view/16788/22906>.
- Pohl, W., Heydemann, G. (eds.) 2013: *Strategies of Identification: Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe*. Turnhout.
- Rapp, C. 2008: Hellenic Identity, Romanitas and Christianity in Byzantium. In: K. Zacharia (ed.), *Hellenismus. Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity*. Aldershot, 127–147.
- Schwartz, E. 1957: *Griechische Geschichtsschreiber*. Leipzig.
- Smythe, D.C. 1996: Byzantine Identity and Labelling Theory. In: K. Fledelius (ed.), *Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August 1996. Major Papers*. Copenhagen, 26–36.
- Stouraitis, I. 2014: Roman Identity in Byzantium: a Critical Approach. *Byzantinische Zeitschrift*. 107/1, 175–220.
- Trompf, G. 1979: *The Idea of Historical Recurrence in Western Thought: From Antiquity to the Reformation*. Berkeley.
- van Ginkel, J.-J., Murre-Van den Berg, H.L., van Lint, T.M. (eds.), 2005: *Redefining Christian Identity. Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam*. Leuven–Paris–Dudley.
- Wallace-Hadrill, D.S. 1960: *Eusebius of Caesarea*. London.
- Whitby, M. 2006: Procopian Polemics: a Review of A. Kaldellis *Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity*. *The Classical Review* 55(2), 648.
- Zacharia, K. (ed.) 2008: *Hellenisms: Culture, Identity and Ethnicity from Antiquity to Modernity*. Aldershot.

REFERENCES

- Ahrweiler, H. 1975: *L'idéologie politique de l'empire byzantin*. Paris.
- Barnes, T. D. 1981: *Constantine and Eusebius*. Cambridge.
- Cameron, A. 1971: *Agathius*. Oxford.
- Cameron, A. 1985: *Procopius and the Sixth Century*. London.
- Cameron, A. 2010: *The Byzantines*. Wiley–Blackwell.
- Cameron, A. 2014: *Byzantine matters*. Princeton.
- Cameron, A., Cameron, A. 1964: Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire. *The Classical Quarterly* (New Series) 14/2, 316–328.
- Chesnut, G. 1977: *The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius*. Paris.
- Chrysos, E. 1996: The Roman Political Identity in Late Antiquity and Early Byzantium in *Byzantium*. In: K. Fledelius (ed.), *Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers*. Copenhagen, 7–16.
- Colish, M.L. 1985: *The Stoic tradition from Antiquity to the Early Middle Ages*. Brill.
- Comparetti, D. 1997: *Vergil in the Middle Ages*. Princeton.
- Dagron, G. 1964: Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état. *Revue historique* 241, 23–56.
- Digester, E. 2006: Christian or Hellene? The great persecution and the problem of identity. In: R.M. Frakes, E. Digester (eds.), *Religious Identity in Late antiquity*. Toronto.
- Digester, E., Frakes, R.M., Stephens, J. 2010: The Rhetoric of Power in Late Antiquity: Religion and Politics in Byzantium, Europe and the Early Islamic World. London–New York.
- Fouracre, P. (ed.) 2005: *The New Cambridge Medieval History: c. 500 – c. 700*. Cambridge.
- Geary, P.J. 1983: Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages. *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien* 113, 15–26.
- Gibbon, E.H. 1997: *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoy imperii* [*The History of the Decline and Destruction of the Roman Empire*]. Pt. II. Moscow.
- van Ginkel, J.-J., Murre-Van den Berg, H.L., van Lint, T.M. (eds.), 2005: *Redefining Christian Identity. Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam*. Leuven–Paris–Dudley.
- Grant, R.M. 1980: *Eusebius as Church Historian*. Oxford.
- Grigoryuk, T.V. 2011: «Rimskiy narod» v IV v. n.e. [“Roman people” in the 4th century AD]. In: V.V. Dementieva (ed.), *Narod i demokratiya v drevnosti. Doklady Rossijsko-germanskoy nauchnoy konferentsii* [*The People and Democracy in Antiquity. Papers of the Russian-German Scientific Conference*]. Yaroslavl, 287–292.
- Iricinschi, Ed., Zellentin, H.M. (eds.). 2008: Heresy and Identity in Late Antiquity. *Texts and Studies in Ancient Judaism* 119. Tübingen.
- Kaldellis, A. 2004: *Procopius of Caesarea: Tyranny, History and Philosophy at the End of Antiquity*. Philadelphia.
- Kaldellis, A.E. 2007: *Hellenism in Byzantium: the transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition* (Greek Culture in the Roman World). Cambridge–New York.
- Kaldellis, A.E. 2012: From Rome to New Rom, from Empire to Nation-State: Reopening the Question of Byzantium's Roman Identity. In: L. Grig, G. Kelly (eds.), *Two Romes. Rome and Constantinople in Late Antiquity*. Oxford–New York, 387–404.
- Kazhdan, A. P. 1965: *Ot Khrista k Konstantinu* [*From Christ to Constantine*]. Moscow.

- Koder, J. 1996: Byzantinische Identität– einleitende Bemerkungen in Byzantium. In: K. Fledelius (ed.), *Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers*. Copenhagen, 3–6.
- Koder, J. 2012: Sprache als Identitätsmerkmal bei den Byzantinern. Auf -isti endende sprachbezogene Adverbien in den griechischen Quellen. *Anzeiger der Philosophisch-historischen Klasse*. 147/2, 5–37.
- Korelin, M.S. 1901: *Padenie antichnogo mirosozercaniya (kul'turnyj krizis v Rimskoy imperii)* [*The Fall of the Ancient World Outlook (the Cultural Crisis in the Roman Empire)*]. Sankt Petersburg.
- Krivushin, I.V. 1996: Evseviy Kesariyskiy, otets tserkovnoy istorii [Eusebius of Caesarea, the Father of Church History]. In: I.V. Krivushin, N.V. Revyakina (eds.), *Intellektual'naya istoriya v litsah: Sem' portretov mysliteley Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [*Intellectual history in the faces: Seven images of thinkers of the Middle Ages and Renaissance*]. Ivanovo, 7–24.
- Krivushin, I.V. 1998: *Rannevizantiyskaya tserkovnaya istoriografiya* [*Early Byzantine church historiography*]. Sankt Petersburg.
- Krivushin, I.V. 1995: Rozhdenie tserkovnoy istoriografii: Evseviy Kesariyskiy [The Birth of Church Historiography: Eusebius of Caesarea]. Ivanovo.
- Kryvelev, I. A. 1985: *Bibliya: istoriko-kriticheskiy analiz* [*Bible: historical-critical analysis*]. Moscow.
- Laurence, R., Berry, J. (eds.). 1998: *Cultural Identity in the Roman Empire*. London.
- Lebedev, A.P. 2000: *Tserkovnaya istoriografiya v glavnykh ee predstavitelyakh s IV do XX vv.* [*Church historiography in its main representatives from the 4th to 20th centuries*]. Sankt Petersburg.
- Nguyen, V.H.T. 2008: *Christian Identity in Corinth: A Comparative Study of 2 Corinthians, Epictetus and Valerius Maximus* (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. 2/243). Tübingen.
- Overbeck, F. 1892: *Über die Anlange der Kirchengeschichtssc hreibung*. Basel.
- Page Gill 2008: *Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/tmr/article/view/16788/22906>.
- Pohl, W., Heydemann, G. (eds.) 2013: *Strategies of Identification: Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe*. Turnhout.
- Rapp, C. 2008. Hellenic Identity, Romanitas and Christianity in Byzantium. In: K. Zacharia (ed.), *Hellenismus. Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity*. Aldershot, 127–147.
- Schwartz, E. 1957: *Griechische Geschichtsschreiber*. Leipzig.
- Shukurov, R.M. 2008: *Konfessiya, ehntichnost' i vizantiyskaya identichnost'* [*Confession, ethnicity and Byzantine identity*] [<http://www.centre-fr.net/spip.php?article169&lang=ru>].
- Smythe, D.C. 1996: Byzantine Identity and Labelling Theory. In: In: K. Fledelius (ed.), *Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August 1996. Major Papers*. Copenhagen, 26–36.
- Stouraitis, I. 2014: Roman Identity in Byzantium: a Critical Approach. *Byzantinische Zeitschrift*. 107/1, 175–220.
- Trompf, G. 1979: *The Idea of Historical Recurrence in Western Thought: From Antiquity to the Reformation*. Berkeley.
- Udal'tsova, Z.V. 1984: Razvitie istoricheskoy mysli [Development of historical thought]. In: *Kul'tura Vizantii. IV – pervaya polovina VII veka* [*Culture of Byzantium. The 4th to the first half of the 7th century*]. Moscow, 182–191.

- Vashcheva, I.Yu. 2002: Etnokul'turnye i konfessional'nye gruppy v mirovozzrenii pervogo khristianskogo istorika [Ethno-cultural and confessional groups in the worldview of the first Christian historian]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Akra. Sbornik nauchnykh trudov* [*Akra. Collection of scientific papers*]. Nizhny Novgorod, 34–44.
- Vashcheva, I.Yu. 2004: Mekhanizmy formirovaniya istoricheskogo soznaniya na rubezhe III–IV vekov (po dannym «Tserkovnoy istorii» Evseviya Kesariyskogo) [Mechanisms of the formation of historical consciousness at the turn of the 3rd – 4th centuries (according to the “Church History” by Eusebius of Caesarea)]. In: E.V. Molev (ed.), *Medievistika i social'naya rabota* [*Medieval Studies and Social Work*]. Nizhny Novgorod, 21–49.
- Vashcheva, I.Yu. 2005: Antichnye kategorii v mirovospriyatii pervogo tserkovnogo istorika [Ancient categories in the worldview of the first church historian]. In: *Drevnee Sredizemnomor'e: religiya, obshchestvo, kul'tura* [*Ancient Mediterranean: religion, society, culture*]. Moscow, 230–254.
- Vashcheva, I.Yu. 2006: *Evseviy Kesariyskiy i stanovlenie rannesrednevekovogo istorizma* [*Eusebius of Caesarea and the formation of early medieval historicism*]. Sankt Petersburg.
- Vashcheva, I.YU. 2012: Krizis rimskoj identichnosti v IV – VII vv. [The crisis of Roman identity in the 4th – 7th centuries]. *Voprosy istorii* [*Issues of History*] 10, 110–117.
- Wallace-Hadrill, D.S. 1960: *Eusebius of Caesarea*. London.
- Whitby, M. 2006: Procopian Polemics: a Review of A. Kaldellis Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. *The Classical Review* 55(2), 648.
- Zacharia, K. (ed.) 2008: *Hellenisms: Culture, Identity and Ethnicity from Antiquity to Modernity*. Aldershot.

EUSEBIUS OF CAESAREA'S "CHURCH HISTORY":
TERMINOLOGY AND PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY
ON THE THRESHOLD OF THE MIDDLE AGES

Irina Yu. Vashcheva

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
vasheva@mail.ru

Abstract. The article deals with one of the very complicated and controversial problematic of transitivity – the problem of the formation of a new identity of society under the passing from Antiquity to the Middle Ages. The époque of Late Antiquity (the 4th – 7th centuries) having become a subject of special research comparatively not very long ago, gives a stunning pattern of replacement of social-cultural paradigm, when the deep transformation of all the social foundations, changing of mental structures, particularly, the crisis of traditional ethnocultural identity and a forming of a new one were taking place. In this article, an attempt of analysis of mechanisms of these global changes is made. Package treatment of ethnic, political, religious and cultural aspects of identity gives to the article interdisciplinary character.

The author shows how was the habitual principle of human separation in the Hellenes and the Romans on the one hand and ‘barbarians’ on the other hand, replaced in Eusebius’ work by a new principle depending on confession. Whereby the mechanisms of such mental transformation were rather soft without the need for drastic break with the tradition. The author points the two ones. First, it was a rethinking of traditional categories when their meaning moved from the ethno-geographic sphere to political one. One more mechanism was emphasis transfer from ethnic to ethical and moral characteristics.

For the Christian author the main criteria for distinguishing some people of others became now a moral characteristics, existence some moral virtues in one or another people, mode of life and behaviors. As a result, the first church historian, not breaking any traditional beliefs and perceptions, came to quite new interpretation of identity of that society.

Therefore, thinking in the frames of previous paradigm, the first church historian carried out a revolutionary change in *oekumene* perception, changing not only certain assessments of some people but also a principle itself for humanity division. In the context of the crisis of the roman identity when traditional ideals and values of Roman society became a thing of the past irreversibly, the first Christian historian Eusebius of Caesarea validates a new form of identity which is religious. Among the all peoples of the *oekumene* he distinguishes the Christian one, enduing it with all that values and merits that new society will identify itself with.

Keywords: Late Antiquity, ethno-cultural identity, Eusebius of Caesarea, Christianity, «Church History».

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 184–196
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 184–196
© Автор(ы) 2018

ГИПАТИЯ И ЕЕ ШКОЛА В АЛЕКСАНДРИИ (НАЧАЛО V В.)

А.М. Болгова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия
bolgova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка дать общий очерк места и роли Гипатии Александрийской в истории позднеантичной школы и учености. Она, став преемником своего отца Теона, была руководителем (схолархом) школы, в которой преподавались философия, математика и астрономия. Эту школу следует отличать от Александрийской философской школы неоплатонизма, которую создали Гиерокл и Гермий, а реформировала Эдесия. Гипатия отличается от прочих ученых и преподавателей Александрии тем, что работала сразу в нескольких отраслях знания. Главное призвание Гипатии было, видимо, в преподавании. Известен целый ряд ее учеников, например, Синезий, епископ Птолемаиды в Кирене. Гипатия играла важную роль в муниципальном самоуправлении Александрии, была близка к первым лицам города. Она также имела активные контакты с представителями провинциальной администрации. Будучи язычницей, Гипатия не акцентировала внимания на религиозных вопросах, исповедуя «плотиновский» неоплатонизм, а не «ямвлиховский», сопровождавшийся активными религиозными практиками, поэтому в ее школе обучались и язычники, и христиане. Обострение социальных и религиозных конфликтов в связи с приходом к власти патриарха Кирилла в 415 г. привело к уличным беспорядкам, при которых Гипатия погибла. Компромисс между высшей школой с классической моделью образования и христианской церковью был достигнут в Александрии только через 70 лет. Отечественная историческая наука очень мало интересовалась наследием Гипатии. Нет ни одной монографии или аналитической статьи, если не считать очерка М.М. Казакова.

Ключевые слова: Гипатия, философия, схоларх, Александрия, Поздняя античность, Ранняя Византия, Синезий

В истории «высшей школы» Поздней античности нет, наверное, более известного имени, чем имя Гипатии, александрийского ученого и схоларха начала V в. Между тем в отечественной историографии совершенно отсутствуют научные работы историков, которые были бы посвящены этой личности и ее школе. Единственное исключение – популярный очерк М.М. Казакова¹ в сборнике, подготовленном историками Белорусского госуниверситета. Прочие работы на русском языке являются переводными и, в основном, популярными.

Болгова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета.

¹ Казаков 1993, 252–263.

Ни один из источников, дающих сведения о жизни Гипатии², не упоминает дату ее рождения. Большинство ученых датируют его между 355–375 гг. Труды, вышедшие до сер. 1990-х гг., как правило, датировали ее рождение 370 г.³ М. Дзельска относит это событие к 355 г.⁴ М. Дикин, основываясь на своих взглядах на возраст Синезия, годе начала его епископства и его письмах к Гипатии⁵, полагает, что она, вероятно, родилась ближе к 350 г.

Имя матери Гипатии неизвестно; предполагается, что она умерла при родах или в младенчестве Гипатии; неизвестно, были ли у Гипатии братья и сестры. При этом Нэнси Ниетупски отмечает, что ее отец «Теон, должно быть, возлагал большие надежды на дочь, потому что он дал ей имя “Гипатия” (“высшая”»)⁶. В момент рождения дочери Теон был еще молодым человеком в возрасте между 25 и 30 годами⁷. Несмотря на это, он уже начал обучать философии в Александрии⁸. По мере развития своей карьеры, он стал главой школы, где философия занимала важное место⁹. В византийском словаре Суда говорится, что Теон был последним известным учителем и членом знаменитого Мусейона Александрии. Теон преподавал также математику и астрономию. Он подготовил, по крайней мере, восемь комментариев к произведениям Евклида и Птолемея и, возможно, написал и опубликовал другие книги¹⁰. Лишь Иоанн Малала (Chron. XIV. 12) утверждает, что Теон написал также комментарий к тексту по алхимии. Тогда интеллектуальные границы между астрономией и астрологией не были четко обозначены дисциплинарными границами.

Говоря об образовании юной Гипатии, важно отметить, что женщины Поздней античности, связанные или состоящие в браке с математиками или философами, часто становились их ученицами. Вполне вероятно, что в Александрии отец, воспитывающий своего ребенка, намеревающегося продолжить его работу, был типичным случаем¹¹.

Мы можем предположить, что, согласно образовательным стандартам и обычаям того времени, Теон воспитывал Гипатию в пайдейе, которая включала в себя обучение в области искусства, литературы, естественных наук, риторики и философии. Предполагают, что Теон даже разработал строгую систему физических упражнений для Гипатии в дополнение к ее образованию в области публичных

² См. обзор: Deakin 1995.

³ Penella 1984, 126–128.

⁴ Dzielska 1995, 67–68.

⁵ Deakin 2007, 52.

⁶ Nietupski 1993, 46.

⁷ Dzielska 1995, 68.

⁸ Хотя более поздние источники (и большинство современных ученых) стремятся игнорировать его философское окружение, Сократ Схоластик (HE VII, 12), Малала (XIX, 12) и Суда (Theon 205) называют Теона «философом».

⁹ М. Дзельска (Dzielska 1995, 68) утверждает, без убедительных доказательств, что Теон не учил философии. По ее мнению, звание «философ» применялось только для обозначения его мудрости. У Марина математическое обучение философии есть характерный признак высших школ IV–V вв. Синезий в своем письме к Пэонию также объясняет, как геометрия, арифметика и философия необходимы и дополняют друг друга. Копия этого письма была послана также и Гипатии (Ep. 154). В этот период математика и геометрия были абстрактными науками, которые привлекали мало студентов. Поэтому нет причин предполагать, что Теон не учил философии.

¹⁰ Deakin 2007, 501.

¹¹ См. подробнее: Minardi 2011.

выступлений, риторики и математики. Вероятно, Теон вел обучение своей дочери в самом Мусейоне, где она должна была войти в контакт с римскими, греческими и еврейскими учеными из Александрии и остальной части Средиземного моря. Словарь Суда дополнительно еще говорит, что Гипатия обучалась в Афинах, но большинство ученых полагают, что это неправильное толкование текста, которое не поддерживается другими древними документами.

Лексикон Суда также утверждает, что Гипатия «была более гениальной, чем ее отец, [и] не удовлетворялась его наставлением по математическим предметам». Хотя Теон, безусловно, воспитывал Гипатию в стандартах пайдеи, точно неясно, кто обучил ее философии неоплатонизма. Большинство исследователей полагают, что Гипатия изучила неоплатонизм у учителя, отличного от ее отца, хотя никто не установил личность этого другого учителя.

Если Теон был ее учителем, то он был неоплатоником, то есть верил, что «все дети должны были начать философскую карьеру», независимо от их пола. И действительно, нам известны Асклепигения, дочь Плутарха Афинского¹², Сосипатра¹³, Эдесия¹⁴ и др. Однако из источников вывести такое заключение с уверенностью нельзя.

Предполагается, что Гипатия являлась сотрудником своего отца почти с детства¹⁵. Но ничто не документирует возможность того, что Гипатия начала работать с отцом еще в детстве. Теон утверждает, что текст «Альмагеста» Птолемея был «пересмотрен <...> дочерью – Гипатией философом». Это предполагает, что они были сотрудниками, но произошло это, скорее всего, когда она уже выросла и стала образованной, а не когда она была ребенком. Учитывая школьный обычай, что лучший ученик становился наследником работ учителя, и что Теон был отцом Гипатии, вполне вероятно, что они сотрудничали.

Ни одна из работ Гипатии не сохранилась, но, по лексикону Суда, она написала комментарий к Диофанту [Арифметика], «Астрономический канон» и комментарий к «Конике» Аполлония.

Суда, Сократ Схоластик и Дамаский называют Гипатию последовательницей философии платоновского неоплатонизма. Неоплатонизм дает некоторые возможности понять систему ценностей и образ жизни Гипатии. Платоновский неоплатонизм включал веру в то, что все люди были божественными и нуждались в достижении осознания своей божественности. Высшая цель человека заключалась в том, чтобы достичь мистического союза с Нусом (чистым божественным разумом), очищая душу от привязанности к чувственной материальности. Мистический союз мог быть достигнут через созерцание, добродетель и аскетизм и, вероятно, был доступен только тем из высших слоев, кто получил образование в пайдеи. Неоплатоники сосредоточились на развитии интеллектуальных способностей человека. Неоплатоник верил в реинкарнацию и в то, что восстановленная душа будет без пола; женщины и представители низших слоев считались одинаково способными к интеллектуальной деятельности и аскетизму, которые могли бы привести к мистическому союзу с Богом (Единым). Ранние неоплатоники считали

¹² Болгова 2016а, 26–39.

¹³ Болгова 2016б, 88–94.

¹⁴ Болгова, Чуева 2017, 29–32.

¹⁵ Pollard, Reid 2006, 266.

жизнь на земле уступающей жизни, свободной от тела и его окружения в материальном мире. В неоплатонизме моральная добродетель и аскетическая жизнь считаются необходимой задачей для усилий человеческой души освободиться от границ воплощенной жизни, и, следовательно, ни одна добродетельная жизнь невозможна без определенной степени аскетизма. Аскетическая жизнь необходима для того, чтобы достичь мира идей, который неоплатоники отождествляли с Разумом, и который они также рассматривали как истинный пример добродетели. Плотин вел строго аскетическую жизнь: он оставался вне брака, ел как можно меньше, и ему было «стыдно иметь тело». Для Прокла девственность была перво-степенным идеалом и единственным оправданием для его отказа от брака и продолжения рода.

Лексикон Суда рассказывает историю об инциденте между Гипатией и одним из ее студентов, которая, как утверждает М. Дзельска, является демонстрацией неоплатонического отношения Гипатии к ее телу. Когда «один из ее учеников влюбился в нее и не мог контролировать себя, открыто показав ей знак его увлечения, она собрала ткани, которые были запятнаны во время ее месячных, и показала их ему как знак ее нечистой природы, и сказала: “Вот, что ты любишь, юноша, и это совсем некрасиво!” Молодой человек был так пристыжен и изумлен этим уродливым видением, что сменил свои пристрастия и ушел, став после этого лучше». М. Дзельска считает, что эти действия Гипатии были неоплатоническими, поскольку они демонстрировали отвращение Гипатии к человеческому телу и чувственности, чтобы ученик увидел, что красоту нельзя связывать с конкретным объектом (в данном случае, с телом Гипатии)¹⁶. Гипатия хотела, чтобы ее ученики любили и искали мудрость, которая была бы полезной для их собственного развития, и в качестве основы для самостоятельных действий в мире и в их взаимодействии с другими, что согласуется с платоновским неоплатонизмом.

Вместе с тем, неоплатонизм Плотина и Прокла был терпим и не налагал строгий аскетизм на других. Ученик Гипатии Синезий был женат до того, как стал христианским епископом, и поэтому не придерживался строгого идеала аскетизма. Если бы аскетизм в практике неоплатонизма у Гипатии был обязательным, вполне вероятно, что брак Синезия означал бы конец их дружбы; но этого не было.

К 380-м гг. Теон, видимо, прекратил преподавать, хотя он, вероятно, все еще был активным ученым (умер около 405 г.), а Гипатия приняла руководство школой. Это наследование роли схоларха было связано с семейным родством и, главное, с тем, что Гипатия была лучшим учеником Теона, что автоматически делало ее преемником¹⁷.

Конечно, у Гипатии была репутация прекрасного учителя, и Сократ Схоластик согласен с этим: «многие из [ее учеников] приходили издалека, чтобы получить ее указания». Учитывая расходы на образование, тот факт, что богатые, а иногда и могущественные знатные семьи отправляли своих сыновей в школу Гипатии, говорит о ее известности и популярности как учителя. М. Декин утверждает, что, «Гипатия явно затмила Теона в ее репутации учителя»¹⁸.

¹⁶ Dzielska 1995, 51.

¹⁷ См. подробнее: Watts 2008.

¹⁸ Deakin 2007, 241–242.

К началу 390-х гг. уже прочно утвердился круг учеников Гипатии среди студентов школы. Поэтому, вполне вероятно, что этот круг был образован уже в конце 380-х гг. Нехватка источников делает невозможным идентифицировать всех студентов Гипатии, определить их количество или продолжительность занятий с ней, или с уверенностью утверждать, какие духовные ценности и отношения связывали их. Но некоторые сведения у нас все же имеются.

Наиболее существенным источником, рассказывающим, каким образом эта группа функционировала, и каков был характер преподавания Гипатии, является переписка Синезия из Кирены.¹⁹ Современные ученые доказали важность этого материала для восстановления провинциальной жизни Кирены, а также различных аспектов политической и социальной истории позднеантичного периода.²⁰ 156 сохранившихся писем включают послания Синезия самой Гипатии, а также к сокурсникам во время учебы под ее руководством. Воспоминаний о ней со стороны других студентов – за незначительным исключением Дамаския – не сохранилось, и нет также сохранившихся писем Гипатии. Таким образом, мы должны довольствоваться тем, что предлагает Синезий: это его письма и отчасти иные тексты – «Дион», *Ad Paeonium De Dono*, Гимны.

По-видимому, Гипатия любила своих учеников, потому что они называли себя «слаженным хором, который радуется ее разнообразный сладкий голос», а ее – «божественным духом» и «благословенной госпожой»²¹. Топос школы как хора (а схолаха как хорега) достаточно распространен в истории позднеантичного образования (см., например, письма Прокопия Газского).

Отношения студентов с учителем были также отражением длительной привязанности, любви и постоянной преданности. Поэтому они называли ее не только преподавателем философии и благодетелем, но и матерью, и сестрой (Ер. 16). Чувство привязанности к своему учителю было настолько глубоким, что Синезий был готов отказаться от своей родной земли ради нее; он пообещал себе, что будет помнить свою любимую Гипатию даже в Гадесе (Ер. 124).

Дополнительное представление о совершенном профессиональном мастерстве Гипатии – это стихотворение александрийского поэта Паллада, в котором он увековечил искусство Гипатии в качестве преподавателя в Греческой антологии: «Почтенная Гипатия, украшение обучения, звезда мудрого учения, когда я вижу тебя и слышу твои речи, я поклоняюсь тебе, глядя на звездный дом Девы; ибо дело твое на небесах» (*Pallad. 41 = AP IX. 400*)²².

¹⁹ Lapatz 1870, 329-339; Crawford 1901, 395-405 описывают «кружок» Гипатии поверхностно, но сообщают детали, относительно которых объединялись ее последователи. См. также: Bizzocchi 1951, 350-367; Lacombrade 1951, 47-71; Roques 1989, который отслеживает и описывает корреспонденцию Синезия; Cameron, Long 1993. Студенты Гипатии рассматриваются в ограниченном масштабе в кн.: Bregman 1982, 20-39. Иные проблемы относительно Гипатии и Синезия см.: Noche 1860, 436f.; Ligier 1879, 19f.; Wolf 1879, 22f.; Grutzmacher 1913, 23-30; Pando 1940, 72f.

²⁰ Synesii Cyrenensis Epistolae 1979; Opera di Sinesio di Cirene 1989; Fitzgerald 1926. Современные филологические исследования писем: Garzya 1974; Synesii Cyrenensis Epistolae 1979, VII-LXIII. Среди работ, посвященных Поздней античности и опирающихся на письма Синезия: Cameron, Long, 1993; Cameron 1987, 343-360; Roques 1987; Roques 1989, хотя последний навлекает на себя споры в отношении своей хронологии.

²¹ Pollard, Reid 2006, 270.

²² Перевод Л.В. Блуменау: Смотрю и внемлю я, склоняясь пред тобой;
И в звездный Девы храм я возношусь тогда:

Хотя идентифицировать многих учеников Гипатии трудно, ясно, что они были, по всей видимости, сыновьями самых влиятельных и богатых людей в империи²³. Самым известным учеником Гипатии был Синезий Киренский – важная фигура в восточном христианстве. Синезий дает имена некоторых иных учеников Гипатии и подтверждает ее репутацию и деятельность. Сам Синезий прибыл в Александрию примерно в 393 г. из Пентаполя, чтобы учиться именно у Гипатии. Синезий не упоминает другого своего учителя. Его учеба у Гипатии нередко связывается с защитой неоплатонизма и обращением в христианство. Например, его сочинение «Дион» создано непосредственно в рамках неоплатонической философии²⁴. Одним из близких друзей Синезия (через семейные связи или во время учебы в Александрии) стал епископ Александрийский Феофил. Феофил обратил Синезия в христианство, поддержал его назначение епископом в Кирене, поставив Синезия на эту должность²⁵. Возможно, Синезий был посредником между Феофилом и Гипатией, и это долгое время охраняло Гипатию от проблем. Пока Синезий был жив, Феофил не рискнул бы выступить против любимого учителя Синезия – Гипатии. Хотя Синезий оставался в Александрии только до 395 г., он и Гипатия переписывались до его смерти в 412 г. Из писем ясно, что Синезий испытывал к ней большое уважение, называя ее подлинным вождем философов.

Среди прочих учеников Гипатии, известных из источников, были младший брат Синезия Евоптий и их дядя Александр. В Послании 5 Синезия показано, что Евоптий был учеником Гипатии. Видимо, он покинул Кирену, когда Гесихий обременял его обязанностями (Ер. 93). В то время он вполне мог отправиться в Александрию, потому что, как утверждает Синезий, часто туда ездил. Возможно, Синезий ввел его в круг Гипатии во время одного из длительных визитов в Александрию в начале 400-х годов. В Послании 5 (которое Гарсия датирует 402 г., а Роке до 407 г.), Синезий просит Евоптия передать приветствия «самому святому и почитаемому философу», а также тем, кто находит наслаждение «в своих высказываниях словно оракул». Евоптий знал учеников Синезия и даже учился с некоторыми из них, как указывается не только в приветствиях, которые Синезий просит его передать своим друзьям из Александрии, но и по его увещанию к Гесихию относиться к Евоптию как к брату (Ер. 93). Брат Синезия является получателем 40 писем, составляющих 1/3 всего его эпистолярия. Послание 105, адресованное Евоптию в Александрию, сообщает об идеологических сомнениях Синезия, связанных с его предстоящим вступлением в епископство. В письме Синезий консультируется с Евоптием, как если бы он был его духовным советником. Действительно, Евоптий был убежденным христианином и, вероятно, сменил брата как епископа Птолемаиды после его смерти; позже он представлял Верхнюю Ливию на Эфесском Соборе.

По крайней мере, еще один член семьи Синезия также учился у Гипатии. В Послании 46 он рекомендует ей своего дядю Александра, брата отца, как чело-

---

Ведь словно небеса, чисты дела твои,
Ипатия! а ты изысканности слов,
Ума и знания блестящая звезда.

²³ Pollard, Reid 2006, 267–268.

²⁴ Deakin 2007, 79.

²⁵ Deakin 2007, 82.

века, заслуживающего доверия. Александр действительно, начиная с 406 г., учился некоторое время у Гипатии, что известно из Послания 150. Вспоминая о дяде, Синезий называет его «философом Александром», добавляя, что в течение своей жизни он был его другом и внушал всеобщее уважение.

Геркулиан (Геркулан), возможно, идентичен префекту Константинополя; почти ничего не известно о его происхождении.²⁶ Представляется очевидным, что Геркулиан приехал из других мест. Так, в Послании 137 Синезий описывает необыкновенное впечатление, произведенное на них обоих Гипатией во время первой встречи, когда они с Геркулианом впервые прибыли в Александрию, оказавшись «вдали от дома». Как показывают письма Синезия к своему другу (Ерр. 137-146), Геркулиан учился в Александрии в течение длительного времени и, возможно, оставался там до конца своей жизни. Очевидно, что он был богатым, раз мог позволить себе дорогостоящие занятия на протяжении многих лет²⁷.

Младший брат Геркулиана Кир был также известен Гипатии, поскольку он рассылал письма между ее учениками во время собственных студенческих дней.

Олимпий был богатым землевладельцем из Селевкии в сирийской Пиерии, которая была хорошо связана с Александрией²⁸, и, несомненно, христианином. В 411 г. Синезий делился с ним сомнениями по поводу посвящения в епископы, предложенного ему народом ливийской Птолемаиды (Ер. 96). Сохранилось 8 писем, адресованных Олимпию (Ерр. 44, 96–99, 133, 148, 149), написанных с перерывами между возвращением Синезии в Киренаику и его смертью. Как и Геркулиан, Олимпий оставался в Александрии, учился у Гипатии на несколько лет дольше, чем Синезий. Вероятно, он вернулся в Сирию около 402/403 г. В Послании 98 Синезий, будучи болен, пишет Олимпию о своей ностальгии по Александрии. Он выражает желание вернуться в город и снова увидеть людей, с которыми он чувствует себя хорошо: «Если я выздоровею, я отправлюсь в Александрию сразу». Мы не знаем, посещал ли Синезий когда-либо Олимпия в Сирии, но в Послании 149 он горячо призывает своего друга посетить его в Кирене, чтобы воссоединение могло оживить дух их дружбы. Там Олимпий мог встретить младшего брата Синезия Евоптия (Ер. 114), еще одного ученика Гипатии.

Еще меньше известно информации о студенте Гесихии, и та, которая есть, противоречива. Некоторые ученые, основываясь на данных из письма Синезия (Ер. 93), пришли к выводу, что он был соотечественником последнего, богатым куриалом города Кирены; другие полагают, что он не родом из Кирены, а остался там во время службы в качестве правителя Верхней Ливии (*dux et corrector Libyarum*) в первые годы V в. Однако из Послания 93 известно, что Синезий познакомился с Гесихием не в Кирене, а на занятиях «божественной геометрией» у Гипатии: именно в Александрии они стали друзьями, как и Геркулиан, и Олимпий. Возможно, что Гесихий происходил из Александрии или Константинополя. После окончания учебы у Гипатии Гесихий, возможно, вернулся в Константинополь, чтобы начать престижную карьеру на государственной службе. Познакомившись с учениками Гипатии, Гесихий и Синезий снова собрались вместе несколько лет спустя

²⁶ Druon 1859, 272 полагал, что он приехал, как и Синезий, из Кирены. Lacombrade 1951, 53 склонен принять Египет в качестве его родины; Roques 1989, 87 считает, что он был сирийцем.

²⁷ Muller 1910, 292–317; Marrou 1965, 305–306.

²⁸ Dzielska 1995, 32–33.

как выдающиеся и влиятельные люди, один – важный функционер в имперской администрации, другой – епископ.

Гелиодор, посещавший своего бывшего учителя, стал ритором и адвокатом при дворе египетского префекта августалов.

В письмах Олимпия и Геркулиана упоминаются имена и других учеников Гипатии. Кажется, Исион был приятелем Синезия, Геркулиана и Олимпия в своем интеллектуальном кругу. Однако мы ничего не знаем о нем, за исключением того, что он посетил Синезия в Кирене и был принят как член семьи (Ер. 144). В письме к Олимпию Синезий ссылается на него как на «своего Исиона» (Ер. 99), а в письме к Геркулиану – с благодарностью вспоминает рассказ Исиона (Ер. 144). Похоже, что он общался с властями от имени Исиона в каком-то деле.

Сир, «наш друг», доставлял письма Синезия к Олимпию. Петр, судя по имени – христианин, доставлял письмо от Синезия к Гипатии (Ер. 133). Оба были сирийцами, земляками Олимпия, и, вероятно, учились у Гипатии по его ходатайству.

Почти ничего не известно о «достойном и святом Феотекне». Он, вероятно, был христианином в годах, поскольку Синезий просит Евоптия передать приветствие «отцу Феотекну» (Ер. 16) и «святому отцу Феотекну» (Ер. 5).

Афанасий, близкий к Синезию как брату, вероятно, слыл известным александрийским софистом, автором комментариев и риторических произведений. Феодосий был александрийским «грамматиком первого порядка» (Ер. 5), автором сочинений о глаголах и существительных, который также написал эпитуму работы Геродиана по просодии²⁹.

Ничего нельзя сказать о Гае, которого Синезий описывает как «самого сочувствующего» человека и «члена нашей семьи» (Ер. 5). Последнее обозначение не нужно воспринимать буквально; Синезий, безусловно, в качестве семьи имеет в виду круг студентов Гипатии (еще один «школьный» топос).

Авксентий также был одним из учеников Гипатии, соотечественником Синезия и товарищем по детству. В Послании 60 Синезий действительно напоминает Авксентию о годах, проведенных вместе в школе; он просит его возобновить контакт, разорванный из-за ссор и недоразумений со своим братом. Однако послание 117 показывает, что Авксентий намного моложе Синезия. Это обстоятельство не помешало бы нам считать его учеником Гипатии, если бы он не был членом киренского культурного кружка, состоящего из местных друзей Синезия, разделяющих философские и творческие занятия.

Этот краткий обзор показывает, что самыми близкими, наиболее лояльными учениками Гипатии были люди, которые впоследствии занимали высокие имперские или церковные должности, занимались ученой деятельностью. Еще большее значение имеют свидетельства того, что официальные представители императорской власти, прибывавшие в Александрию, становились близкими знакомыми Гипатии и, скорее всего, посещали ее лекции.

Александрийские школы не разделяли студентов по религиозным предпочтениям: языческие ученики посещали классы христианских учителей, христианские – языческих учителей. Это предположение подтверждается тем фактом, что Синезий и будущий отец церкви Исидор из Пелусия учились одновременно

²⁹ Dzielska 1995, 35–37.

в Александрии. Исидор был пресвитером (он, возможно, был настоятелем) монастыря в Пелусии. Кажется правдоподобным, что он был членом студенческого кружка Гипатии.

Гипатия, несомненно, считалась современниками, прежде всего, философом. Кроме того, занятия учеников, о которых мы действительно что-то знаем, подтверждают широкий диапазон обучения и высокий социальный статус Гипатии и ее учеников.

Неоплатоники, как правило, были эндогамным сообществом, и поэтому женщины там были не только учениками и учителями, но и часто выходили замуж за других неоплатоников. Подобное образование обеспечивало культурные и идеологические связи для супружеских пар. Например, Порфирий женился на Марцелле, чтобы стать ее партнером по философии. Эдесию прочили в жены Проклу в Афинах, но он отверг брак, и девушка вышла за Гермия Александрийского, и их дети тоже стали неоплатониками (Аммоний и его братья). В результате этой практики маловероятным представляется, что Гипатия ограничилась обучением лишь студентов-мужчин. Точных сведений об этом нет, но известно, что уже в школе Оригена в III в. обучались девушки.

Школа Теона–Гипатии была частной. Среди исследователей идут дискуссии, имела ли эта школа муниципальное финансирование, что было немаловажным обстоятельством (так, Афинская школа неоплатонизма финансировалась городом). Независимо от того, была ли должность Гипатии финансируемой или нет, она была единоличным сcholarchом школы. Как глава школы, Гипатия, как и афинские сcholarchи, развивала контакты с влиятельными людьми Александрии и империи и использовала эти отношения для защиты интересов школы. Как только она утвердилась в качестве преемника Теона, ее школа стала обычным местом посещения для императорских чиновников, дислоцированных в Александрии. Должность сcholarchа и личные качества сделали Гипатию достаточно заметной, чтобы стать влиятельным человеком в Александрии.

Влияние Гипатии можно проследить в трех смежных областях: в общественной жизни города, в которой она принимала активное участие, в кругу аристократических студентов, в котором она была покровительницей, и в отношениях с высшим гражданским авторитетом Александрии – префектом. Сократ Схоластик объясняет, что «из-за самообладания и легкости манеры, которые она приобрела в результате культивирования ее разума, она нередко появлялась публично в присутствии магистратов. И она не смущалась, приходя на собрания. Ибо все мужчины из-за ее необычайного достоинства и добродетели, восхищались ею все больше и больше» (HE VII, 15). Высокопоставленные лица и политики посещали Гипатию и искали ее советов. Позднеантичные философы часто выступали в качестве доверенных советников для знати.

Одним из чиновников, которого Гипатия хорошо знала, был римский префект в Александрии Орест. Они часто встречались, и он консультировался с ней по муниципальным и политическим вопросам³⁰. Среди прочих собеседников Гипатии, кто обращался к ней за советом, называют Симпликия, главнокомандующего на востоке, и государственных служащих Пентадия и Гелиодора; безусловно, ее по-

³⁰ Dzielska 1995, 38.

сещали и многие другие. В одном письме Синезий просит вмешательства Гипатии в дело двух молодых людей, отправляющихся в Александрию, которые, как он узнал, нуждались в помощи³¹. Синезий не попросил бы вмешательства Гипатии, если бы она не имела никакого влияния. Гипатия могла консультировать городской совет, прочие муниципальные органы в Александрии. В то время как большая часть жизни Гипатии была посвящена научным дебатам, несомненно, что она также была частью публичной и интеллектуальной ткани Александрии.

Неоплатоник ямвлиховского толка Дамаский осуждает Гипатию за публичное преподавание и обращение «к большим классам, а не к небольшому и эксклюзивному кругу посвященных»³². Сократ Схоластик добавляет, что Гипатия читала лекции на улицах Александрии, и вполне возможно, что ее поведение не было ни гиперболическим, ни нетипичным для неоплатоников, поэтому жители Александрии и по этой причине хорошо знали Гипатию. Присутствие, влияние и репутация Гипатии как выдающегося учителя были хорошо известны помимо Александрии, например, в Константинополе, Сирии, Кирене.

Хотя не сохранилось подробностей о публичных выступлениях Гипатии, ясно, что она обучалась риторике, возможно, у своего отца Теона или у кого-то другого, что помогло обеспечить успех школы и блестяще выполнять публичные обязанности, которые отец оставил ей.

Убийство Гипатии в ходе уличных беспорядков при утверждении у власти патриарха Кирилла в 415 г. серьезно повлияло на интеллектуальную культуру в Александрии. Исход перспективных языческих студентов-философов в Афины, который начался около 400 г., по-видимому, ускоряется в 420-е и 430-е гг. Хотя Гипатия, вполне определенно, была язычницей, она (или, как минимум, ее студенты), несомненно, верила, что философское знание усилит религиозный опыт как язычников, так и христиан. Ее целью никогда не было привести к обращению ее студентов в язычество и, соответственно, никто не мог допустить, что ее учебный план содержит в себе хотя бы маленькую явную критику христианства. Негативная реакция на убийство Гипатии предотвратила последующее насилие против языческих интеллектуалов — мы не знаем о других насильственных действиях против языческих интеллектуалов в Александрии в следующие 70 лет.

Новая неоплатоновская школа Аммония в Александрии (наследовавшая школе Гиерокла–Гермия; не путать со школой Гипатии) заключила компромиссное соглашение с патриархом Петром Монгом в 485 г. о том, что содержание образования останется неоплатоническим, но руководство школой перейдет к христианам. В таком виде Александрийская школа просуществовала еще полтора столетия, вплоть до арабского нашествия в начале 640-х гг.³³

ЛИТЕРАТУРА

Болгова, А.М. 2016а: Плутарх Афинский и Афинская школа (ок. 390–432 гг.). В сб.: Н.Н. Болгов (ред.), *Иресиона. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»: материалы научной сессии*. Вып. V. Белгород, 26–39.

³¹ Dzielska 1995, 61.

³² Болгова 2017, 76–80.

³³ Болгова, Болгов 2016, 277–284.

- Болгова, А.М. 2016б: Женщины-философы в традиции школьного неоплатонизма Ранней Византии: Сосипатра. В сб.: Н.Н. Болгов (ред.), *Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь*. Белгород, 88–94.
- Болгова, А.М. 2017: «Жизнь Исидора» Дамаския как история поздней неоплатонической школы. В сб.: С.Д. Литовченко, С.Б. Сорочан (ред.), *Laurea II. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора В.И. Кадеева, к 90-летию со дня рождения*. Харьков, 76–80.
- Болгова, А.М., Болгов, Н.Н. 2016: Стефан Александрийский – последний схолярх. *ПИФК* 2, 277–284.
- Болгова, А.М., Чуева, Ю.Ю. 2017: Эдесия – мать александрийского неоплатонизма. *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология* 8(257). Вып. 42, 29–32.
- Казаков, М.М. 1993: *Звезда угасающей античности. Женщины-легенды*. Минск.
- Bizzocchi, C. 1951: Gli inni filosofici di Sinesio interpretati come mistiche celebrazioni. *Gregorianum* 33, 350–367.
- Bregman, J. 1982: *Synesius of Cyrene, Philosopher-Bishop*. Berkeley.
- Cameron, A. 1987: Earthquake 400. *Chiron* 17, 343–360.
- Cameron, A., Long, J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
- Crawford, W.S. 1901: *Synesius the Hellene*. London.
- Deakin, M.A.B. 1995: *The Primary Sources for the Life and Work of Hypatia of Alexandria*. Clayton.
- Deakin, M.A.B. 2007: *Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr*. Amherst–New York.
- Druon, H. 1859: *Etudes sur la vie et les oeuvres de Synesios, eveque de Ptolemais*. Paris.
- Dzielska, M. 1995: *Hypatia of Alexandria*. Cambridge.
- Fitzgerald, A. 1926: *The Letters of Synesius of Cyrene*. Oxford.
- Garzya, A. 1974: *Storia e interpretazione di testi bizantini: Saggi e ricerche*. London.
- Grutzmacher, G. 1913: *Synesius von Kyrene: Ein Charakterbild aus dem Untergang des Hellenentums*. Leipzig.
- Hoche, R. 1860: Hypatia die Tochter Theons. *Philologus* 15, 436–452.
- Lacombrade, C. 1951: *Synesios de Cyrene: Hellen et chrhien*. Paris.
- Lapatz, F. 1870: *Lettres des Synesius. Traduit pour la premiere fois et suivies d'ewdes sur les derniers moments de l'Hellenisme*. Paris.
- Ligier, H. 1879: *De Hypatia philosopha et eclecticismi Alexandrini fine*. Dijon.
- Marrou, H.I. 1965: *Histoire de l'education dans l'antiquite*. Paris.
- Minardi, C. 2011: *Re-membering ancient women: Hypatia of Alexandria and her communities*. Atlanta.
- Muller, A. 1910: Studentenleben im 4 Jahrhundert n. Chr. *Philologus, n.s.* 23, 292–317.
- Nietupski, N. 1993: Hypatia of Alexandria: Mathematician, Astronomer, and Philosopher. In: D. Fideler (ed.), *Alexandria 2: The Journal of the Western Cosmological Traditions*. Michigan, 46–62.
- Pando, J.C. 1940: *The Life and Times of Synesius of Cyrene as Revealed in His Works*. Washington.
- Penella, R. 1984: When was Hypatia Born? *Historia* 33, 126–128.
- Pollard, J., Reid, H. 2006: *The Rise and Fall of Alexandria*. New York.
- Roques, D. 1989: *Etudes sur la correspondance de Synesios de Cyrene*. Brussels.
- Roques, D. 1987: *Synesios de Cyrene et la Cyrenaique du Bas*. Paris.
- Watts, Ed. J. 2008: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–London.
- Wolf, S. 1879: *Hypatia die Philosophin von Alexandrien*. Vienna.

REFERENCES

- Bizzochi, C. 1951: GI'inni filosofici di Sinesio interpretati come mistiche celebrazioni. *Gregorianum* 33, 350–367.
- Bolgova, A.M. 2016a: Plutarkh Afinskiy i Afinskaya shkola (ok. 390–432 gg.) [Plutarch of Athens and Athens School (c. 390–432)]. In: N.N. Bolgov (red.), *Iresiona. K 30-letiyu kafedry vseobshhey istorii NIU «BelGU»: materialy nauchnoy sessii* [Iresiona. To 30th Anniversary of Universal History Department of BelSU: materials of scientific session]. Belgorod, 26–39.
- Bolgova, A.M. 2016b: Zhenshhiny-filosofy v traditsii shkol'nogo neoplatonizma Ranney Vizantii: Sosipatra [Women-philosophers in the tradition of early neo-Platonism of Byzantium: Sosipatra]. In: N.N. Bolgov (red.), *Kondakovskie chteniya – V. Antichnost' – Vizantiya – Drevnyaya Rus'* [Kondakov' Readings–Antiquity – Byzantium – Ancient Rus']. Belgorod, 88–94.
- Bolgova, A.M. 2017: «Zhizn' Isidora» Damaskiya kak istoriya pozdney neoplatonicheskoy shkoly [“The Life of Isidore” of Damascus as the history of the late Neoplatonic school]. In: S.D. Litovchenko, S.B. Sorochan (ed.), *Laurea II. Antichnyy mir i Srednie veka: Chteniya pamyati professora V.I. Kadeeva, k 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [Laurea II. The Ancient world and the Middle Ages. Readings to the 90th Anniversary of Professor V.I. Kadeev]. Kharkov, 76–80.
- Bolgova, A.M., Bolgov, N.N. 2016: Stefan Aleksandriyskiy – posledniy sholarkh [Stefan of Alexandria – last scholarch]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 277–284.
- Bolgova, A.M., Chueva, Ju. Ju. 2017: Jedesiya – mat' aleksandriyskogo neoplatonizma [Edesia – The Mother of Alexandrian Neoplatonism]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya* [Bulletin of Belgorod National research University. Series: History, Political science] 8 (257). Iss. 42, 29–32.
- Bregman, J. 1982: *Synesius of Cyrene, Philosopher-Bishop*. Berkeley.
- Cameron, A. 1987: Earthquake 400. *Chiron* 17, 343–360.
- Cameron, A., Long, J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
- Crawford, W.S. 1901: *Synesius the Hellene*. London.
- Deakin, M.A.B. 1995: *The Primary Sources for the Life and Work of Hypatia of Alexandria*. Clayton.
- Deakin, M.A.B. 2007: *Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr*. Amherst–New York.
- Druon, H. 1859: *Etudes sur la vie et les oeuvres de Synesios, eveque de Ptolemais*. Paris.
- Dzielska, M. 1995: *Hypatia of Alexandria*. Cambridge.
- Fitzgerald, A. 1926: *The Letters of Synesius of Cyrene*. Book I. Oxford.
- Garzya, A. 1974: *Storia e interpretazione di testi bizantini: Saggi e ricerche*. London.
- Grutzmacher, G. 1913: *Synesius von Kyrene: Ein Charakterbild aus dem Untergang des Hellenentums*. Leipzig.
- Hoche, R. 1860: Hypatia die Tochter Theons. *Philologus* 15, 436–452.
- Kazakov, M.M. 1993: *Zvezda ugasayushhey antichnosti. Zhenshhiny-legendy* [The Star of Dying Antiquity. Women-legends]. Minsk.
- Lacombrade, C. 1951: *Synesios de Cyrene: Hellen et chrhien*. Paris.
- Lapatz, F. 1870: *Lettres des Synesius. Traduit pour la premierefois et suivies d'ewdes sur les derniers moments de l'Hellenisme*. Paris.
- Ligier, H. 1879: *De Hypatia philosopha et eclectismi Alexandrini fine*. Dijon.
- Marrou, H.I. 1965: *Histoire de l'education dans l'antiquite*. Paris.
- Minardi, C. 2011: *Re-membering ancient women: Hypatia of Alexandria and her communities*. Atlanta.

- Muller, A. 1910: Studentenleben im 4 Jahrhundert n. Chr. In: *Philologus*, n.s. 23, 292–317.
- Nietupski, N. 1993: Hypatia of Alexandria: Mathematician, Astronomer, and Philosopher. In: D. Fideler (ed.), *Alexandria 2: The Journal of the Western Cosmological Traditions*. Michigan, 46–62.
- Pando, J.C. 1940: *The Life and Times of Synesius of Cyrene as Revealed in His Works*. Washington.
- Penella, R. 1984: When was Hypatia Born? *Historia* 33, 126–128.
- Pollard, J., Reid, H. 2006: *The Rise and Fall of Alexandria*. New York.
- Roques, D. 1987: *Synesios de Cyrene et la Cyrenaique du Bas*. Paris.
- Roques, D. 1989: *Etudes sur la correspondance de Synesios de Cyrene*. Brussels.
- Watts, Ed. J. 2008: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–London.
- Wolf, S. 1879: *Hypatia die Philosophin von Alexandrien*. Vienna.

HYPATIA AND HER SCHOOL AT ALEXANDRIA (THE EARLY 5th CENTURY)

Anna M. Bolgova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
 bolgova@bsu.edu.ru

Abstract. An attempt is made to give a general outline of the place and role of Hypatia of Alexandria in the history of the Late Antique school and scholarship. Having become the successor to her father, Theon, she run the school, in which philosophy, mathematics and astronomy were taught. This school should be distinguished from the Alexandrian philosophical school of Neoplatonism, which was created by Hierocles and Hermias and reformed by Edesia. Hypatia differs from other scientists and teachers of Alexandria because she could work simultaneously in several branches of knowledge. Hypatia's main mission was apparently teaching. Synesios, the Bishop of Ptolemais in Cyrene, is the most famous of a known number of her students. Hypatia played an important role in the municipal government of Alexandria, was close to the first officials of the city. She also had extensive contacts with representatives of the provincial administration. Being a pagan, Hypatia did not focus on religious issues, confessing "Plotinus's" Neoplatonism, and not "Iamblichus's", accompanied by active religious practices. Therefore, at her school, both pagans and Christians were trained. The intensification of social and religious conflicts in connection with the coming to power of Patriarch Cyril in 415 led to street riots in which Hypatia was killed. The compromise between the higher school with the classical model of education and the Christian church was achieved in Alexandria only 70 years later. Domestic historical science took very little interest in Hypatia's legacy. There is neither a single monograph nor analytical article, except M.M. Kazakov's essay. The rest of the article is of a scientific and popular nature. A number of works by M. Dzelska, E. Watts, M. Deakin, C. Minardi has been devoted to the world science of Hypatia. The researchers are faced with the task of actualizing the heritage of the late-antique scientist and teacher, the comprehensive study of the place and role in the culture of Early Byzantine Empire.

Keywords: Hypatia, philosophy, scholar, Alexandria, Late antiquity, Early Byzantine Empire, Synesios

СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ОРТОДОКСЫ В ГОСУДАРСТВАХ КРЕСТОНОСЦЕВ: МЕЖДУ ВОЛЕЙ РИМА И ВЕРОЙ ПОДДАННЫХ

Д.Л. Фролов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
dancossa@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена выяснению отношения высших европейских феодалов к ромейскому христианству на территории Восточного Средиземноморья и Франкократии. Автор полагает необоснованным распространенное в историографии утверждение (высказанное Ж. Ле Гоффом) о том, что с 1054 г. западный средневековый человек считал ромея схизматиком, едва ли не еретиком. Несогласие с такой точкой зрения аргументируется свидетельствами источников. Так, еще во время II крестового похода руководители франкского войска отвергали призывы епископа Готфрида Лангрского к захвату Константинополя. Ненависти к ромейской вере не испытывали и хронисты-свидетели событий 1203–1204 гг.: Робер де Клари и Жоффруа де Виллардуэн. На основании анализа их текстов автор выделяет две основные черты во взглядах рыцарей: стремление объяснить завоевание Константинополя не религиозными причинами и отсутствие «ментального» барьера в восприятии образов, характерных для церковного «православного» искусства того периода.

Во второй части статьи рассматриваются различные аспекты «практического» отношения «bellatores» к ортодоксам. Большое внимание уделено патронажу светских властей над византийскими монастырскими центрами в Иерусалимском королевстве (монастырь св. Саввы), Латинской империи и королевстве Фессалоники. Также отмечается, что ни в одном государстве крестоносцев так и не была повсеместно утверждена западная литургия. В данном контексте приведены факты изгнания католических патриархов и легатов из Антиохии и Константинополя, количественное распределение церквей между представителями основных общин имперской столицы, а также официальное признание «ромейской веры» Жоффруа де Виллардуэном в Ахейском княжестве.

Автор приходит к выводу, что во времена Крестовых походов одним из ключевых противоречий между церковью и феодалами стал именно вопрос о византийском вероисповедании. Для полководцев, впоследствии правивших государствами в Святой Земле и на Балканах, единство христианства заключалось не в общем управлении, не в унифицированной литургии, а, скорее, в почитании людьми «знака креста». И эти воззрения находили свое отражение в практической деятельности латинских властителей Востока и Романии повсеместно: от Иерусалима и до Константинополя.

Ключевые слова: крестовые походы, церковная уния, Иерусалимское королевство, Латинская империя, Франкократия, Одо Дейльский, Жоффруа де Виллардуэн, Генрих Фландрский, Мелисенда Иерусалимская, монастырь св. Саввы

Фролов Денис Леонидович – магистрант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Результатом четвертого крестового похода, завершившегося в 1204 г., стало завоевание Константинополя – политического и духовного центра единого ромейского государства. Зачастую это событие, названное С. Рансименом «самым крупным в истории преступлением Запада перед греческим востоком»¹, преподносится исследователями как проявление веками копившейся неприязни латинян к византийцам. Именно такого мнения придерживался один из наиболее ярких представителей французской медиевистики второй половины XX в. Жак ле Гофф^{2,3}, который ссылаясь при этом на ряд свидетельств высокопоставленного западного духовенства, описание поведения крестоносцев Анной Комниной и рассказы Никиты Хониата о зверствах латинян в Константинополе. На основании этих свидетельств историк пришел к однозначному выводу: византиец – абсолютно чужой «европейцу» человек, а все франки и другие люди Запада – не иначе как «бедные варвары»⁴, испытывавшие бытовую неприязнь к «богатому», «цивилизованному человеку». Мы же, в свою очередь, обратим внимание на то, что сведения семи источников, три из которых написаны клириками, два – ромеями, и лишь один – франкским рыцарем (опять же, цитирующим воззвание одного из служителей церкви), не являются репрезентативными для распространения такого утверждения на всех латинян⁵. Даже самое простое «классическое» деление средневекового европейского общества подразумевает существование трех крупных социальных групп (пресловутые *oratores*, *bellatores*, *laboratores*), и к каждой из них принадлежали сотни тысяч людей. К тому же четыре из пяти западных произведений, использованных Ле Гоффом, написаны в период эпизодических контактов европейцев и ромеев. В таком случае крайне проблематично оценить влияние воззрений людей на их реальную деятельность. Нас не удовлетворил подход французского исследователя еще и потому, что европейцы, посещавшие восточное государство, жившие там или даже правившие на отторгнутых у него территориях, не имели единого мнения об особенностях религиозной, политической и культурной жизни ромейского общества.

¹ См. Литаврин 2004, 3–4.

² См. Ле Гофф 2005.

³ Впрочем, еще до выхода монографии Ле Гоффа подобную оценку поведению латинян давал С. Рансимен (см. Runciman 1987, 131.), еще раньше о «фанатичной ненависти» католиков к «православным» писал У. Миллер, отмечавший, правда, послабление налогового гнета на землевладельцев после завоеваний 1204–1205 гг. (Miller 1908, 5–6.); впоследствии ту же позицию занимал Д. Норвич (см. Norwich 1999, 306.); схожие взгляды присущи Д. Якоби, акцентировавшему внимание на наличии социальной и правовой дискриминации ромейского населения со стороны светских феодалов (см. Jacoby 2014, 198.); все возраставшую напряженность между Востоком и Западом во второй половине XII в. усматривал и Д. Файн, подчеркивавший привлекательность завоевания Византии для рыцарей и духовенства из-за ее богатства и церковной схизмы (см. Fine 1994, 60). Стоит отметить, что причины падения Константинополя гораздо более объективно рассматривались такими историками как П. Локк (см. Lock 1995) и Ф. Ван Трихт (см. Van Tricht 2011). В советской историографии крайне негативную характеристику деятельности европейцев на востоке и в Романии давали М.А. Заборов (см. Заборов 1980) и Б.Т. Горянов (см. Горянов 1958). В XXI в. подобные мнения высказывались Г.Г. Литавриным (см. Литаврин 2004), С.И. Луцицкой (см. Луцицкая 2006), И.П. Медведевым (см. Медведев 2004). Однако С.П. Карпов (см. Карпов 2000, 14–15) гораздо более сдержан в своих утверждениях и отмечает лишь огромное перемещение ценностей после захвата города Константины, с чем, разумеется, следует согласиться.

⁴ Ле Гофф 2005, 170–171.

⁵ Ле Гофф 2005, 170–171.

Возможно, именно под влиянием работы Ле Гоффа при изучении проблем, связанных с отношением «людей Запада» к византийскому миру, европейское общество зачастую рисуется в историографии как единое целое, не имевшее внутренних разногласий. Однако источники свидетельствуют о другом. Так, для одного человека, сопровождавшего Людовика VII, «греческий» император был обманщиком, предателем и другом язычников⁶, а для другого, родившегося на территории Иерусалимского королевства, – сильнейшим и богатейшим правителем «Святой Империи»⁷. Поэтому в данной статье мы сосредоточимся на выяснении отношения высших западных феодалов к ромейскому христианству⁸.

Как мы уже отметили, выводы Ле Гоффа основаны на чрезвычайно малой выборке, включающей преимущественно источники церковного происхождения. Не станем отрицать, что у части католического клира присутствовало представление о византийцах как о схизматиках, едва ли не еретиках⁹. В качестве примера приведем речь епископа Лангрского, переданную Одо Дейльским:

«Addebat etiam quod ipsa rem Christianitatis non habet, sed nomen & cum deberet per se Christianis auxilium ferre, non illos prohibere, ante paucos annos Imperator Antiochenum Principem aggressus est expugnare»¹⁰.

Данный фрагмент был отчасти процитирован в «Цивилизации средневекового запада»¹¹. На седьмую книгу «Странствования», в свою очередь, ссылается С.И. Лучицкая, утверждающая, что: «во время Второго крестового похода французские крестоносцы, изнуренные пустыми обещаниями византийского императора, предлагали отомстить византийцам»¹². Действительно, в данной части повествования мы видим несколько пассажей Одо о вероломстве греков, поставивших франкское войско на грань выживания¹³, однако не находим ни одного призыва к мести со стороны абстрактных «крестоносцев». Лишь ближе к концу книги клирик отвечает на возможный вопрос «несведующих» («sunt ignari») о том, почему нельзя было отомстить ромеям, захватив Анталию и повесив императорского посланника с наместником города.

Примечательно, что оба историка (Ж. Ле Гофф и С.И. Лучицкая) оставили без внимания развернутый ответ крестоносцев на слова вышеупомянутого Готфрида Лангрского. Особенно удивительно, что к речи феодалов не обратился Жак Ле Гофф, процитировавший начало диалога и полагавший, что светские крестонос-

⁶ Odonis de Diogilo 1660, 40. (Речь идет о Мануиле Комнине).

⁷ Willelmus Tyrensis 1855, Lib. XVIII, Cap. XXII.

⁸ Мы использовали, наряду с другими источниками, текст Робера де Клари, не являвшегося высшим феодалом. Однако в приводимом нами фрагменте (см. прим. 16) пикардийский рыцарь экстраполирует свои взгляды на все свое окружение, включавшее и одного из вождей похода.

⁹ Аргументом в пользу такого вывода могут служить: Guntherus Cistercensis Monachus 1885, XI; Odonis de Diogilo 1660, 35-36; Liutprandus Cremonensis 1881, XXII.

¹⁰ Odonis de Diogilo 1660, 40-41. «Он также добавил, что (завоевание) само по себе является противным христианству не на деле, а лишь номинально, ведь когда (императору) нужно было лично оказать помощь христианам и не мешать (в этом) другим, он попытался несколькими годами ранее осадить Антохийского князя».

¹¹ Ле Гофф 2005, 170-171. Впрочем, в его переводе первая часть предложения выглядит следующим образом: «...les Byzantins ne sont pas «chrétiens de fait, mais seulement de nom». См. Le Goff 1964, 116.

¹² Лучицкая 2006, 112.

¹³ Odonis de Diogilo 1660, 73.

цы, впоследствии испытывавшие лишь угрызения совести от нападения на христиан, никогда не выказывали внешнего неудовольствия решениями клира:

«Cum perorasset Episcopus, placuit aliquibus quod dicebat. Plures autem quibus displicuit, haec et similia respondebant. De fide istorum non possumus iudicare, legis ignari: quod autem impugnauit Antiochiam, malum fuit: potuit tamen causas habere iustitiae quas nescimus. Certum vero est Regem nuper cum Papa loquutum fuisse, et super hoc nec praeceptum eius, nec consilium accepisse. Visitare sepulcrum Domini conuenimus nos et ipse, et nostra crimina praecepto summi Pontificis, paganorum sanguine vel conuersione delere. Nunc autem urbem Christianorum ditissimam expugnare possumus et ditari, set caedendum est et cadendum. Si ergo caedes Christianorum peccata diluit, dimicemus. Item si nostri mortuis no nocet ambitio, si tantum valet in itinere pro acquire(n)da pecunia interire, quantum summi Pontificis obedientiae, et voto nostro intendere, placent diuitiae, sine timore mortis discrimina subeamus. Talis erat eorum altercatio, et fauebant sibi de iure assertores utrisque sententiae»¹⁴.

Итак, в 1147 г. руководители войска высказались категорически против предложения епископа по завоеванию ромейской столицы. Более того, они использовали сразу несколько религиозных аргументов, среди которых ключевым является принадлежность греков к христианству (см. «caedes Christianorum» – убийства христиан-византийцев, их город же – «urbs Christianorum»). И здесь перед нами встает вопрос: имели ли противоречия между западным духовенством и феодалами по вопросу «греческой» веры перманентный характер или же это был единственный случай «неповиновения»? Ведь следующее прибытие крестоносцев под Константинополь закончилось, собственно, взятием «urbem Christianorum», против чего рыцари и выступали ранее.

Несомненно, что через 60 лет ситуация изменилась: клир все так же призывал светских участников похода к нападению на «греков», но религиозного диспута за этим уже не последовало. Мы полагаем, что причиной этому была финансовая зависимость франкского войска от Венеции и невыплата обещанного вознаграждения Алексеем IV. По сути, ко второй осаде Константинополя крестоносцев принуждал огромный долг перед Республикой и бедственное положение армии, а не установка церкви на возвращение схизматиков в лоно церкви¹⁵. Рассмотрим ряд свидетельств, которые позволяют предположить, что мнение о ромеях как о

¹⁴ Odonis de Diogilo 1660, 41–42. Дадим собственный перевод данного фрагмента: «По завершении речи некоторые из собравшихся одобрили слова епископа. Но большей части слушавших претили его доводы, и потому они возражали следующим образом: “Не ведая закона, не можем мы судить об истинности этих (слов): так или иначе, то, что император разграбил Антиохию, является злом, но, возможно, для этого нападения имелись веские причины, и его можно проигнорировать. Правда и то, что недавно король общался с Папой и не получил от него никаких приказов или инструкций по этому вопросу. Мы же с ним (королем) собираемся посетить Гроб Господень и по воле Великого Понтифика искупить грехи наши кровью или обращением язычников. Ныне же способны мы завоевать богатейший христианский город, но должны будем убивать (людей) и умирать сами. И если убийство христиан смоет грехи наши, то мы можем (на них) напасть. Также, если не навредит нашим мертвым (такое) желание и если на нашем пути смерть ради обретения богатств имеет такое же значение, как послушание Папе и верность нашей клятве, то мы можем вступить в битву без страха смерти”. Таков был их диспут, и сторонники обеих позиций защищали себя весьма обоснованно». Примечательно, что папские указания для латинян, служащих в византийской армии, были даны еще в 1138 г. Иннокентий II грозил всем «европейским» участникам нападения на Антиохию отлучением от церкви. См. Hamilton 1980, 34.

¹⁵ О причинах завоевания Константинополя см. Neocleous 2012.

полноценных христианах и, соответственно, неправомерности религиозной войны с ними, никуда не исчезло.

В одном из своих описаний Робер де Клари, повествуя о событиях, произошедших после взятия Филей в 1204 г., не оставляет без внимания и отступление византийцев, пытавшихся перехватить отряд Генриха Фландрского на пути к лагерю:

«Quant Morchofles le seut, si fist monter bien dusques a .iiij.m. hommes a armes, et fist porter l'ansconne avec lui, un ymage de Nostre Dame que li Griu apeloient ensi, que li empereur portent avec aus quant il vont en bataille ; et si grant fianche ont en chel ansconne que il croient bien que nus qui le port en batalle ne puet estre desfis, et pour chou que Morchofles ne le portoit mie a droit, creons nous qu'il fu desconfis... et si le hasterent et lui et chiaus de se compaignie queil laierent caïr l'ansconne et sen capel emperial et l'ensengne et l'ansconne, qui toute estoit d'or... Quant li Francois le virent, si laiserent leure cache, si furent molt lié durement, si prisent l'image, si l'en apporterent a molt grant goie et molt grant feste»¹⁶.

Как следует из текста, войско Генриха после столь успешного сражения захватило императорскую икону, инсигнии и «шапку», являвшуюся, судя по всему, скиадемом. На первый взгляд, данный рассказ – не что иное, как описание обыденной стычки между ромеями и крестоносцами, к тому же закончившейся взятием «особенной» добычи. Создается впечатление, что Клари просто перечисляет военные трофеи, взятые войсками Генриха Фландрского. На это намекает и выражение «et l'ansconne, qui toute estoit d'or...» («и икону, которая была вся из золота...»). Но при более пристальном изучении данного фрагмента выявляется ряд деталей, противоречащих предыдущему утверждению. Во-первых, в глазах «простого рыцаря» греческая икона – то же самое, что и «западный» образ Богоматери («et fist porter l'ansconne avec lui, un ymage de Nostre Dame»). Во-вторых, реликвия, по словам пикардийца, ценна не только материально, но и духовно. В-третьих, хронист, отмечая ее священность для греков, считает также, что причина поражения Мурзуфла состояла не столько в доблести франков, сколько в «нежелании» иконы защищать узурпатора.

Отметим, что такое отношение феодалов к религиозным реликвиям и искусству ортодоксов не единично: можно вспомнить о широком использовании византийских образов на монетах Антиохии при Рожере Салернском, Боэмунде II и некоторых других правителях княжества (так, на фоллисах того периода встречаются изображения Христа-Пантократора и Георгия Победоносца)¹⁷. Ярким примером подобного рода является и псалтырь иерусалимской королевы Мелисенды, дарованный ей между 1131 и 1143 гг. Давид Якоби, ссылаясь на Ярослава Фольду, отмечает, что сама рукопись была создана на территории латинского государства

¹⁶ Clari 1924, LXVI. «Когда Морчофл узнал об этом, он приказал седлать коней четырьмя тысячам всадников и повелел взять с собой икону, как называли греки образ Богоматери, который императоры несли с собой, выходя на битву. И у них была такая огромная вера в эту икону, что они были полностью уверены, что ни один, кто берет ее с собой в бой, не может потерпеть поражение; а поскольку Морчофл не имел права нести ее, мы верили, что потому-то он и проиграл... И так он (Морчофл) и его сопровождающие торопились, что оставили и икону, и его императорский скиадей, и инсигнии, и икону, которая вся была из золота... Когда французы ее увидели, они остановили погоню и возликовали. Они взяли образ и унесли его с огромной радостью и великим торжеством».

¹⁷ См. Брюн 2013.

– в скриптории храма Гроба Господня. В свою очередь, множество миниатюр, встречающихся на ее страницах, писались неизвестным восточным христианином под сильным влиянием греческих манускриптов XI в., хранившихся в иерусалимской патриаршей библиотеке¹⁸.

В целом, на основании анализа фрагмента старофранцузского текста и внешнего вида нескольких изображений того периода можно заключить, что религиозные символы, характерные для «православной»¹⁹ традиции того времени, были понятны многим латинянам: от бедного рыцаря до князя или королевы²⁰. В этом отношении некий «ментальный барьер» у западных феодалов попросту отсутствовал.

Вернемся к сюжетам, связанным с IV крестовым походом. Мы уже упоминали Робера де Клари – простого пикардийского феодала, оставившего эмоциональное описание событий тех лет. Теперь же следует обратить внимание на произведение его современника – Жоффруа де Виллардуэна, маршала Шампани и одного из руководителей крестоносного войска. Два франка, находившиеся на разных «плюсах» «рыцарского» сословия, при написании своих хроник руководствовались и разными целями. Иногда у нас складывается впечатление, что «Завоевание» шампанца больше похоже не на рассказ о деяниях крестоносцев, а на попытку собственной реабилитации с объяснением того, «почему вместо Вавилона²¹ мы напали на Константинополь». Конечно, текст самой хроники – не только об этом, но оправдательная часть в нем играет едва ли не ключевую роль. Учитывая то, каким было официальное отношение западной церкви к византийской, мы бы не удивились, если бы Жоффруа считал главной причиной завоевания именно схизму, произошедшую в 1054 г. Но средневековый феодал – не мы, и думал совершенно иначе. Религиозные обоснования похода в его тексте заканчиваются в 1203 г. фразой Конона де Бетюна, адресованной «узурпатору» Алексею III:

«En sa terre il ne sont mie entre, qar il la tient a tort et a pechie, contre Dieu et contre raison ainz est son neveu qui ci siet entre nos so rune chaiere, qui est fils de son frere l'empereor Sursac»²².

Византийский правитель, согласно выражению франкского рыцаря, владел страной «во грех, против Бога и справедливости». Это, как и захват законной Высшей власти у императора Исаака, стало для крестоносцев легитимным обоснованием первого завоевания Константинополя. Продолжение похода, т.е. «стояние» латинского войска под стенами византийской столицы и последовавшая повторная осада города объясняются Жоффруа двумя причинами: долгом Алексея III за помощь в возвращении престола и несоблюдением данной им клятвы. Примечательно, что объявление войны, произнесенное все тем же Коконом де Бетюном сопровождалось формулировкой «...ne vos tientent ne por seignor ne por ami» («...не держим Вас ни за сеньора, ни за друга»)²³, то есть упомянутый франк таким

¹⁸ Jacoby 2014, 200.

¹⁹ Далее мы помещаем термины «православный» и «греки» в кавычки, т.к. корректнее использовать слова «ортодокс» и «ромей».

²⁰ Мелисенда, все же, была наполовину армянкой, о чем не следует забывать.

²¹ Под Вавилоном в тот период понимался Каир.

²² Villehardouin 1872, § 144. «...и они вовсе не вступали на его землю, ибо не по праву, но во грех, против Бога и против справедливости владеет он ею».

²³ Villehardouin 1872, § 214.

образом констатировал разрыв вассальных отношений с императором. Сложно представить, что «почти еретик» мог каким-либо образом стать сюзереном руководителей крестового похода. Ведь это не единственный случай подобного рода: еще Алексей I и Мануил Комнин неоднократно заставляли благородных латинян приносить клятву верности, на что те зачастую шли добровольно. Отсюда становится более понятна и «официальная» причина апрельской осады 1204 г.: ромейский правитель попросту не выполнил свои обязательства перед вассалами²⁴. И, как результат, крестовый поход перестал быть таковым осенью 1203 г., превратившись в войну между христианскими феодалами. По крайней мере, объяснения Жоффруа де Виллардуэна приводят нас именно к этому выводу.

Все же вышеприведенные фрагменты из хроник не дают исчерпывающего ответа на главный вопрос: какое отношение европейского рыцарства к византийской вере являлось преобладающим? По сути, мы, как и ранее Ж. Ле Гофф, всего лишь собрали «коллекцию» воззрений латинян, правда, на более узком хронологическом отрезке. Так или иначе, если подобные представления были «доминантными» и достаточно устойчивыми, то они должны были проявиться и в практической деятельности людей. Действительно ли, как о том писал Михаил Сириец, крестоносцы рассматривали в качестве христианина всякого, кто поклонялся кресту, без дознания или проверки²⁵?

Сосуществование западных феодалов и ромеев началось еще во время I крестового похода и завоевания Иерусалима. Как отмечал Давид Якоби, «православная» община Святого города занимала второе место по численности²⁶ после, собственно, латинской²⁷. Схожая ситуация сложилась в различных политических центрах Восточного Средиземноморья. Среди прочих городов особенно выделялась Антиохия, отторгнутая от Византии румским султаном в 1084 г. Здесь ромейская и армянская диаспоры, несмотря на 14 лет правления мусульман, все еще оставались наиболее значительными этноконфессиональными группами населения, настроение которых могло влиять на жизнь самого государства. И неудивительно, что сразу после освобождения Святой Земли перед правителями-крестоносцами возникла важная задача: в окружении исламского мира²⁸, в период схизмы между западной и Константинопольской церквями, они обязаны были окончательно определиться со своим отношением к ортодоксальному христианству.

Мы уже обращали внимание на то, что отношения сюзерена и вассала между византийским императором и западными феодалами возникали достаточно часто и великий религиозный раскол не мешал их началу или прекращению²⁹. Не менее важной частью внешней политики европейских правителей того времени являлись династические браки. На востоке особенности вероисповедания мусульман делали невозможным привычное «христианское» заключение союза через выдачу родственницы замуж: в исламской традиции такой практике попросту не было

²⁴ Окончательно же завоевание оправдала узурпация власти Алексеем Дукой.

²⁵ Михаил Сириец 1979, XV:7.

²⁶ Имеются в виду именно христианские общины.

²⁷ Jacoby 2014, 197.

²⁸ Соседом Антиохии являлась армянская Киликия, что объясняет широкие связи между двумя государствами.

²⁹ Антиохийские князья неоднократно присягали византийскому императору.

места. С ромеями же подобного барьера вовсе не существовало: нам известны по меньшей мере семь жен западных властителей, принадлежавших (до вступления в брак) к Константинопольской или даже армянской церкви³⁰. Примечательно, что супруга первого иерусалимского короля Арда³¹ после весьма спорного расторжения брачного союза беспрепятственно вернулась в Константинополь к отцу³². И это, несмотря на предшествующее пребывание в католическом монастыре св. Анны. В незаконном прекращении этих отношений, что интересно, был обвинен именно Балдуин I.

В свою очередь, уже упомянутая нами Королева Мелисенда после смерти мужа и вовсе единолично управляла государством: ее «православное» происхождение никоим образом этому не препятствовало³³. И даже более того, она, как и ее мать Морфия Мелитенская, завещала свое имущество ромейскому монастырю святого Саввы³⁴. Подобное поведение «армянских» королей не встречало негативного отклика у латинских хронистов. Гийом Тирский – непосредственный свидетель деяний Мелисенды – по случаю ее смерти писал, что за оставленную после себя память она достойна быть погребена среди ангельских хоров в храме Богородицы³⁵, расположенном в долине Иосафат («Sepulta est autem inclytæ recordationis domina Milisendis, angelorum choris inferenda, in valle Josaphat, descendentibus ad sepulcrum beatae et intemeratae Dei genitricis et virginis Mariae ad dexteram»)³⁶. И эта похвала дочери Балдуина II далеко не единственная в произведении средневекового писателя.

Многочисленные брачные союзы между католическими правителями и «православными принцессами», равно как и возможность покровительства королей восточным монастырям в Иерусалимском королевстве, могли быть проявлениями того христианского «экуменизма» крестоносцев, о котором писал Михаил Сириец. Однако не следует забывать, что все вышеописанное относится к жизни «благородных» людей и не касается всех ортодоксов Святой Земли. Их положение напрямую зависело от поддержки крупными феодалами унии, к которой так стремилась западная церковь во главе с Папой.

По сути, для такого объединения Святому Престолу необходимо было решить две основные задачи: сместить «православный» клир с патриарших и епископских кафедр и ввести католическую литургию во всех «греческих» приходах. На этапе смены власти светские правители практически не вмешивались в деятельность духовенства. Господство прелатов было утверждено повсеместно: от Ахейи и до Святой Земли³⁷. На востоке были образованы две новые патриархии: Анти-

³⁰ Иерусалим: Балдуин I – Арда (арм. Халкидон), Балдуин II – Морфия (арм. Халкидон), Мелисенда (арм. Халкидон), Балдуин III – Феодора Комнина (дочь севастократора Исаака), Амори Иерусалимский – Мария Комнина; Антиохия: Боэмунд VI – Сибилла (арм.), Боэмунд III – Феодора Комнина (дочь Иоанна Комнина); Триполи: Раймунд IV – Алиса (арм.)

³¹ Настоящее имя королевы неизвестно.

³² Мутафян 2007.

³³ О правлении Мелисенды см. Willelmus Tyrensis 1855, Lib. XVII, Cap. XIII.

³⁴ Hamilton 1980, 171.

³⁵ Храм над этой святыней был восстановлен самой Мелисендой.

³⁶ Willelmus Tyrensis 1855, Lib. XVIII, Cap. XXXII.

³⁷ В частности, одно из писем Иннокентия III латинскому клиру завоеванного Константинополя касалось вопроса об утверждении католического клира в приходах, покинутых православным духовенством. См. Innocentius III 1890, Ann. VII, Ep. CLXIV.

охийская и Иерусалимская. Весьма важную роль играла и архиепископия Тира. По крайней мере, при описании важнейших событий предстоятели именно этих диоцезов упоминаются Гийомом Тирским³⁸. Своеобразные девиации происходили только в Антиохии, куда по требованию Мануила Комнина в 1165 г.³⁹ был возвращен «греческий» патриарх Анастасий. В результате, до 1171 г. в городе существовали два Владыки – ромейский и латинский. Схожая ситуация до конца существования княжества повторялась еще несколько раз: наиболее примечателен в данном отношении период 1206–1209 гг., когда Бозмунд IV и вовсе изгнал латинского прелата, оставив во главе церкви только ромея Симеона II.

Но события, подобные антиохийским, нигде более не происходили. На территории франкского Кипра управление всеми диоцезами полностью находилось в руках католиков, о чем свидетельствовал Леонтий Махера⁴⁰. В государствах, образованных после IV крестового похода, несмотря на подавляющее большинство «греческого» населения, патриарх, как и все епископы на местах, являлись латинянами. Вероятно, в отличие от Антиохии, Константинополь считался папством неким «ключом» к объединению двух церквей, на что намекает риторика Иннокентия III⁴¹. И в первое время (до понтификата Гонория III), Престол уделял огромное внимание делам местного патриархата⁴², пытаясь продвинуть в его конклав максимальное количество своих сторонников. Все это закончилось тем, что на короткий промежуток времени (до 1207–1209 гг.) его венецианский владыка был поставлен под полный контроль папских легатов⁴³.

Итак, мы видим, что во всех государствах крестоносцев высшее «православное» духовенство было заменено на католическое. Это позволяло западной церкви сделать следующий, не менее важный шаг – ввести латинскую литургию во всех «греческих» приходах: ведь только тогда уния могла считаться окончательно завершенной. Но здесь стремления Рима столкнулись с неожиданным (как кажется на первый взгляд) препятствием: многие ромеи в ходе завоеваний крестоносцев стали подданными европейских правителей. И последние не собирались лишать своей защиты потенциальных союзников.

Так, на востоке подлинным центром «православия» того времени являлся монастырь святого Саввы, который уже был нами упомянут. Именно здесь, задолго до описываемых событий, были написаны первые редакции типиконов, регламентировавших церковный устав⁴⁴. Завоевание Святого Города воинами Христа не прервало эту традицию. Напротив, один из таких списков был создан уже при западной власти – в 1122 г. По мнению Э. Джотишки, сам документ не являлся точной копией более ранней версии: в его тексте учитывались изменения в бого-

³⁸ Willhelmus Tyrensis 1855, Lib. XIX, Cap. I.

³⁹ Примечательно, что Одо Дейльский упоминает о возвращении патриарха, как состоявшемся уже к 1148 г.: «...et erigens altare contra altare, Patriarcha Petri despecto, in urbe statuit suum». См. Odonis de Diogilo 1660, 41.

⁴⁰ Λεόντιος Μαχεράς, § 28–30.

⁴¹ Setton 1976, 14.

⁴² Многочисленные письма Иннокентия патриарху и императору Константинополя были проанализированы Р.Л. Вулфом в статье «Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261». См. Wolff 1954.

⁴³ Wolff 1954.

⁴⁴ Имеется в виду именно Иерусалимский устав. Больше о типиконах см. Galadza 2017.

служениях, связанные с перепланировкой храма Гроба Господня под нужды нового – католического – клира⁴⁵. Это означало, что даже в отсутствие византийского патриарха⁴⁶ торжественные празднования по случаю Пасхи, Рождества и Богоявления на территории главной святыни Иерусалима⁴⁷ должны были проводиться совместно ромеями и латинянами. И существует весьма обоснованное предположение о желании Балдуина I поддержать таким образом status quo между духовенством двух церквей^{48, 49}. Отметим, что подобные «всехристианские» процессии имели место не только в храме Воскресения Христова, они периодически происходили в различных городах крестоносцев: Антиохии, Вифлееме и Эдессе⁵⁰. Причем в последней – совместно с армянскими священниками и прихожанами, что также сопровождалось выносом некоторых местных реликвий⁵¹.

Через столетие, минувшее после I крестового похода, светская власть Латинской империи и Фессалоникского королевства пошла дальше своих «восточных» предшественников, закрепив за собой право на защиту «греческих» монастырей. Тем самым они были полностью выведены из-под юрисдикции католических епископов⁵² и стали зависеть только от правителей названных государств. Такая повсеместная опека над византийскими обителями, одна из которых являлась еще и «законодателем» православной иерусалимской литургии, наводит на мысль о том, что высшие феодалы в то время пытались создать христианский аналог «*E pluribus unum*». Однако мы можем рассуждать об этом лишь гипотетически, так как данная доктрина властителями франкского Востока никогда не формулировалась официально: они все же были «духовными детьми» западной церкви.

Тем не менее лояльное отношение латинских правителей к ортодоксам не ограничивалось лишь поддержкой монастырей. Напротив, ни в одном государстве крестоносцев введение католического обряда не было санкционировано высшими феодалами. В Антиохии и Иерусалиме, несмотря на замещение «греческих» иерархов западными прелатами, «православные» монахи и приходское духовенство сохранили за собой полные церковные права, за соблюдением которых пристально следила светская власть⁵³. Схожая ситуация произошла и в Латинской империи с Ахейским княжеством. Так, для Константинополя периода 1204–1261 гг. нам известно число храмов, сохранившихся за ромейской общиной: 200 из 300 (еще 30 отошли франкам и 2 – фламандцам)⁵⁴. Подобное разделение не совсем точно отражало количественное соотношение местного и пришлого населения города, но принцип «большинству – большинство» здесь был соблюден неукоснительно.

⁴⁵ Перепланировка храма была завершена при Мелисенде.

⁴⁶ Византийский патриарх в то время находился в константинопольской ссылке.

⁴⁷ Jotischky 2017, 453–454.

⁴⁸ Jotischky 2017, 453–454.

⁴⁹ Таким образом, мы можем утверждать, что монастырь святого Саввы пользовался привилегиями со стороны светской власти как минимум при трех латинских королях Иерусалима: Балдуине II, Фульке – муже королевы Мелисенды, и Балдуине III – ее сыне, т.е. непрерывно с 1118 по 1161–1163 гг., что составляет более половины периода западной власти в Святом Городе.

⁵⁰ MacEvitt 2017, 458–462.

⁵¹ MacEvitt 2017, 461–462.

⁵² Успенский 1996, 371.

⁵³ Hamilton 1980, 18.

⁵⁴ Карпов 2000, 31.

Между византийской народной «массой» и северофранцузским императором существовала та же связь подданного и государя, что и в Святой Земле. И этот факт подтверждается одним беспрецедентным для латинского Востока событием. По словам Георгия Акрополита, в 1213 г. в Константинополь прибыл папский легат Пелагий. Цель, с которой он был послан в Романию, состояла в окончательном утверждении унии между двумя церквями. Византийский историк, описывая те события, сокрушался о поведении посланника Рима, бросавшего в заточение монахов и сковывавшего узами священников. Все это вынудило константинопольских горожан, в особенности знатных, совершить шествие ко двору императора: они требовали изгнать латинского архиерея из города и восстановить на местах все «греческое» духовенство⁵⁵. Их условия были выполнены незамедлительно: правитель, выбирая между собственной церковью и подданными, пошел на открытый конфликт с первой. Это не удивительно, ведь, как мы уже обращали внимание, многие «православные» монастыри после второго Андрavidского парламента перешли под личную опеку Генриха. Да и наличие среди протестовавших знатных людей позволяет сделать предположение об их вассальных отношениях с франкским властителем. Мы не знаем, включалась ли в клятву сеньора Латинской империи обязанность по защите веры византийской аристократии, но нам известно о наличии подобной практики на территории Ахейского княжества. Сведения об этом оставил автор Морейской хроники, описавший поход Жоффруа I де Виллардуэна⁵⁶ на земли Лаконии. На тот момент войско феодала не было крупным⁵⁷ и испытывало сильные затруднения в своем продвижении. Именно тогда помочь рыцарю согласились местные архонты, однако же выставив одно условие: их обряд при новом господине не должен быть заменен на латинский («...Φράγκος νὰ μὴ μᾶς βιάσῃ ν' ἀλλάζωμεν τὴν πίστιν μας διὰ τὸν Φραγκῶν τὴν πίστιν»)⁵⁸. Более того, в тексте хроники упоминается просьба этих византийцев создать письменный акт, подтверждавший их право на исповедание родной веры (ποιήσῃς ἐγγράφως)⁵⁹. Судя по дальнейшему контексту повествования, Жоффруа согласился на условия ромеев без какого-либо сопротивления. Таким образом, «православие» во франкском Пелопоннесе стало официально узаконенным, по крайней мере, среди архонтов и в обход официальной позиции католической церкви.

К сожалению (в первую очередь, для самих франков), все правители Латинской империи, наследовавшие Генриху Фландрскому, не обладали его силой воли и политическими способностями. Год от года они отдалялись все дальше не только от своих «греческих» подданных⁶⁰, но и от управления государством в целом⁶¹. Такое поведение последних латинских «порфирогенетов-автократоров» привело к плачевным последствиям: в 1261 г. Константинополь вновь перешел под власть

⁵⁵ Ακροπολίτης 1887, 1030.

⁵⁶ Будущий князь Ахейи приходился племянником упоминаемому нами хронисту.

⁵⁷ Виллардуэн упоминает о сотне рыцарей в отряде своего родственника. См. Villehardouin 1872, § 328.

⁵⁸ The Chronicle of Morea 1904, v. 2094–2095.

⁵⁹ Ibid. v. 2092–2093.

⁶⁰ Карпов 2000, 18.

⁶¹ О деятельности предпоследнего правящего императора латинского Константинополя см. статью Ф. Ван Трихта «Robert of Courtenay (1221–1227): An Idiot on the Throne of Constantinople?». Van Tricht 2013.

византийцев. В свою очередь, Ахейское княжество, просуществовавшее до первой половины XV в., уже с начала XIV в. пребывало в постоянном упадке вследствие внутренних раздоров, усугубившихся деятельностью наемников Каталонской компании. Продуманная религиозная политика основателей государства со временем ушла в небытие и здесь. Но это никоим образом не означает, что франкская знать кардинально изменила свое отношение к ортодоксам: военная и экономическая слабость Мореи XIV–XV вв. диктовала другие приоритеты.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что многочисленные внутренние противоречия, характерные для европейского общества Высокого Средневековья, наиболее сильно проявились именно в религиозной сфере. Так, германский император с упоением боролся за инвеституру, а простонародье, недовольное богатством монахов и клира, массово поддерживало многочисленные сектантские движения. Неудивительно, что и во времена Крестовых походов «яблоком раздора» между церковью и феодалами стал именно вопрос о вере. На этот раз, о вере византийской.

Для полководцев, впоследствии правивших государствами в Святой Земле и на Балканах, единство христианства заключалось не в общем управлении и не в унифицированной литургии, а, скорее, в почитании людьми «знака креста». Подобные взгляды во время крестоносного движения проявлялись у феодалов неоднократно: ранее мы привели лишь некоторые, наиболее яркие из них. Гораздо важнее то, что эти воззрения находили свое отражение в практической деятельности латинских властителей Востока и Романии. Короли Иерусалима и Фессалоник, равно как и император Константинополя, охотно брали под свою опеку «греческие» монастыри. Ни в одном государстве крестоносцев светские правители так и не позволили прелатам ввести католический обряд в ромейских приходах. В этом вопросе высшие феодалы не боялись действовать вопреки мнению Рима, изгоняя не только папских легатов, но даже и патриархов. Отношения с собственными христианскими подданными для этих людей зачастую были важнее повиновения Престолу. Поэтому мы категорически отрицаем существование некоего общего заговора Запада против Византии, «торжественно» завершившегося падением Константинополя.

ЛИТЕРАТУРА

- Брюн, С.П. 2013: Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. *Культура и цивилизация* 1–2, 33–48.
- Карпов, С.П. 2000: *Латинская Романия*. СПб.
- Горянов, Б.Т. 1958: К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи. *ВВ* 14 (39), 85–96.
- Заборов, М.А. 1980: *Крестоносцы на Востоке*. М.
- Ле Гофф, Ж. 2005: *Цивилизация средневекового Запада*. Екатеринбург.
- Литаврин, Г.Г. 2004: От схизмы христианской церкви в 1054 году – к захвату Константинополя крестоносцами в 1204. В сб.: *Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византистов*. М., 3–5.
- Лучицкая, С.И. 2006: Четвертый крестовый поход глазами русского современника. *ВВ* 65 (90), 107–126.

- Медведев, И.П. 2004: Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. как средневековый аналог событиям из современной международной жизни. В сб.: *Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византинистов*. М., 120–123.
- Мутафян, К. 2007: *Армянские прелаты и монархи в Иерусалиме в эпоху Крестовых походов: легенды и достоверные свидетельства*. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aniv.ru/archive/2/korolevy-ierusalima-klod-mutafjan>.
- Успенский, Ф.И. 1996: *История Византийской империи XI–XV вв.* М.
- Fine, J. 1994: *The Late Medieval Balkans: A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest*. Ann Arbor.
- Galadza, D. 2017: Greek liturgy in crusader Jerusalem: witnesses of liturgical life at the Holy Sepulchre and St Sabas Lavra. *Journal of Medieval History* 43.4, 421–437.
- Hamilton, B. 1980: *The Latin church in the crusader states: the secular church*. London.
- Jacoby, D. 2014: Byzantine Culture and the Crusader States. In: D. Sakel (ed.), *Papers from the Conference «Byzantine Days of Istanbul»*. Ankara, 197–207.
- Jotischky, A. 2017: Greek Orthodox monasteries in the Holy Land and their liturgies in the period of the crusades. *Journal of Medieval History* 43.4, 438–454.
- Le Goff, J. 1964: *La civilisation de l'Occident medieval*. Paris.
- Lock, P. 1995: *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*. Boston.
- MacEvitt, C. 2017: Processing together, celebrating apart: shared processions in the Latin East. *Journal of Medieval History* 43.4, 455–469.
- Miller, W. 1908: *The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece (1204–1566)*. New York.
- Neocleous, S. 2012: Financial, chivalric or religious? The motives of the Fourth Crusaders reconsidered. *Journal of Medieval History* 38.2, 183–206.
- Norwich, J. 1999: *A Short History of Byzantium*. London.
- Robert de Clari 1924: *Conquête de Constantinople*. Paris.
- Runciman, S. 1987: *A history of the Crusades*. Cambridge.
- Schmitt, J. (ed.) 1904: *The Chronicle of Morea*. London.
- Setton, K. 1976: *The Papacy and the Levant*. Philadelphia.
- Van Tricht, F. 2011: *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204–1228)*. Leiden.
- Van Tricht, F. 2013: Robert of Courtenay (1221–1227): An Idiot on the Throne of Constantinople? *Speculum* 88(4), 996–1034.
- Wolff, R.L. 1954: Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261. *Dumbarton Oaks Papers* 8, 225–303.

REFERENCES

- Bryun, S.P. 2013: Vizantyskie ikony na monetakh normandskogo pravatelya siryskoy Antiokhii [Byzantine iconography on the coinage of the Norman Prince Roger of Antioch]. *Kultura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]* 1-2, 33–48.
- Fine, J. 1994: *The Late Medieval Balkans: A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest*. Ann Arbor.
- Galadza, D. 2017: Greek liturgy in crusader Jerusalem: witnesses of liturgical life at the Holy Sepulchre and St Sabas Lavra. *Journal of Medieval History* 43.4, 421–437.
- Geoffroy de Villehardouin 1872: La conquête de Constantinople. In: M. Natalis de Wailly (ed.), *La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes*. Paris, 3–299.
- Goryanov, B.T. 1958: K voprosu ob obshchestvenno-politicheskom stroe Latinskoy imperii [On the issue of the social and political system of the Latin Empire]. *Vizantiyskiy Vremennik [Byzantine Chronicle]* 14 (39), 85–96.

- Hamilton, B. 1980: *The Latin church in the crusader states: the secular church*. London.
- Jacoby, D. 2014: Byzantine Culture and the Crusader States. In: D. Sakel (ed.), *Papers from the Conference «Byzantine Days of Istanbul»* Ankara, 197–207.
- Jotischky, A. 2017: Greek Orthodox monasteries in the Holy Land and their liturgies in the period of the crusades. *Journal of Medieval History* 43.4, 438–454.
- Karpov, S.P. 2000: *Latinskaya Romaniya [Latin Romania]*. Saint Petersburg.
- Le Goff, J. 1964: *La civilisation de l'Occident medieval*. Paris.
- Le Goff, Zh. 2005: *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada [Medieval West Civilization]*. Yekaterinburg.
- Litavrin, G.G. 2004: Ot skhizmy khristanskoj tserkvi v 1054 godu – k zakhvatu Konstantinopolya krestonostsami v 1204 [From the schism of the Christian Church in 1054 – to the capture of Constantinople by the Crusaders in 1204]. In: G.G. Litavrin (pred.), *Tezisy dokladov XVII vserossyskoj nauchnoj sessii vizantinistov [Abstracts of the XVII All-Russian Scientific Session of the Byzantinists]*. Moscow, 3–5.
- Lock, P. 1995: *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*. Boston.
- Luchitskaya, S.I. 2006: Chetverty krestovy pokhod glazami russkogo sovremennika [The Fourth Crusade through the eyes of a Russian contemporary]. *Vizantijskiy Vremennik [Byzantine Chronicler]* 65 (90), 107–126.
- MacEvitt, C. 2017: Processing together, celebrating apart: shared processions in the Latin East. *Journal of Medieval History* 43.4, 455–469.
- Medvedev, I.P. 2004: Zavoevanie Konstantinopolya krestonostsami v 1204 g. kak srednevekovy analog sobytijam iz sovremennoj mezhdunarodnoj zhizni [The conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 as a medieval analogue to events from modern international life]. In: *Tezisy dokladov XVII vserossyskoj nauchnoj sessii vizantinistov [Abstracts of the XVII All-Russian Scientific Session of the Byzantinists]*. Moscow, 120–123.
- Miller, W. 1908: *The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece (1204–1566)*. New York.
- Mutafyan, K. 2007: *Armenyanskie prelaty i monarkhi v Ierusalime v epokhu Krestovykh pokhodov: legendy i dostovernye svidetelstva [Armenian prelates and monarchs in Jerusalem during the Crusades: legends and credible evidence]*, <http://www.aniv.ru/archive/2/korolevy-ierusalima-klod-mutafjan>
- Neocleous, S. 2012: Financial, chivalric or religious? The motives of the Fourth Crusaders reconsidered. *Journal of Medieval History* 38.2, 183–206.
- Norwich, J. 1999: *A Short History of Byzantium*. London.
- Robert de Clari 1224: *Conquête de Constantinople*. Paris.
- Runciman, S. 1987: *A history of the Crusades*. Cambridge.
- Setton, K. 1976: *The Papacy and the Levant*. Philadelphia.
- Schmitt, J. (ed.) 1904: *The Chronicle of Morea*. London.
- Uspenskiy, F.I. 1996: *Istoriya Vizantyskoj imperii XI–XV vv. [The history of Byzantine Empire in 11th – 15th centuries]* Moscow.
- Van Tricht, F. 2011: *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204–1228)*. Leiden.
- Van Tricht, F. 2013: Robert of Courtenay (1221–1227): An Idiot on the Throne of Constantinople? *Speculum* 88:4, 996–1034.
- Wolff, R.L. 1954: Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261. *Dumbarton Oaks Papers* 8, 225–303.
- Zaborov, M.A. 1980: *Krestonoscy na Vostoke [The crusaders in the East]*. Moscow.

SECULAR AUTHORITIES AND ORTHODOXES IN THE CRUSADER STATES:
BETWEEN THE WILL OF ROME AND THE FAITH OF THE SUBJECTS

Denis L. Frolov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
dancossa@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the attitude of the higher European feudal lords to the Byzantine Christianity in the territory of the Eastern Mediterranean and the Frankokratia. The author believes that the statement widespread in historiography (expressed by J. Le Goff) that from 1054 the western medieval man considered the Byzantine man as a schismatic, almost a heretic, is unfounded. Disagreement with this view is argued with the help of sources in the article. Thus, even during the Second Crusade, the leaders of the Frankish army rejected the appeals of Bishop of Langres to capture Constantinople. In addition, such chroniclers of the fourth Crusade as Geoffrey of Villehardouin and Robert de Clari did not experience any hatred for Orthodoxy. Based on the analysis of their texts, the author singles out two main features in the views of these knights: the desire to explain the conquest of Constantinople not by religious reasons and the absence of a “mental” barrier in the perception of images typical of the church “Orthodox” art of that period.

In the second part of the article various aspects of the “practical” relation of “bellatores” to the orthodoxes are considered. Much attention is paid to the patronage of secular authorities over Byzantine monastic centers in the Kingdom of Jerusalem (the Monastery of St. Sabba), the Latin Empire and the Kingdom of Thessalonica. It is also noted that in no state of the Crusaders the Western liturgy was universally approved. In this context, the facts of the expulsion of Catholic patriarchs and legates from Antioch and Constantinople, the quantitative distribution of churches between representatives of the main communities of the imperial capital, as well as the official recognition of the “Roman faith” by Geoffrey of Villehardouin in the Achaean principality are cited.

As a result, the author concludes that during the Crusades, one of the key contradictions between the church and the feudal lords was the question of Byzantine faith. For the generals who later ruled the states in the Holy Land and the Balkans, the unity of Christianity was not in the common administration, and not in a unified liturgy, but rather in the worship of people to the “sign of the cross”. Moreover, these views were reflected in the practical activities of the Latin rulers of the East and Romania everywhere: from Jerusalem to Constantinople.

Keywords: Crusades, Kingdom of Jerusalem, Latin Empire of Constantinople, Frankokratia, Odo of Deuil, Geoffrey of Villehardouin, Henry of Flanders, Melisende of Jerusalem, St. Sabba’s monastery

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 212–222
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 212–222
© Автор(ы) 2018

НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕРТЬ КАК НАКАЗАНИЕ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ, ОТРАЖЁННАЯ В ПАМЯТНИКАХ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.Г. Шулежкова*, П.М. Костина**

**Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
shulezkova@gmail.com*

***Школа иностранных языков «Experience», Магнитогорск, Россия
komshina.polina@gmail.ru*

Аннотация. Памятники общеславянского литературного языка Средневековья датируются X–XI вв. Чаще всего они представляют собой либо богослужебные книги, либо жизнеописания святых, пострадавших за веру Христову. В месяцесловах и синаксарях, упоминаются сотни мучеников и мучениц, подвергнутых страшным пыткам и казнённых властями за отказ отречься от веры в единого бога. В житиях же содержится не только информация об именах, месте рождения, времени казни святых, но и сведения о конкретных гонителях христиан, о том, как вели себя перед смертью христиане. Неудивительно, что тексты, написанные на языке Кирилла и Мефодия, содержат языковые единицы, характеризующие жестокую изобретательность тех, кто по должности или по собственной инициативе подвергал истязаниям и приговаривал к смерти последователей Христа. Они отражают также стойкость и мужественную жертвенность страдальцев за веру, холодное «мастерство» палачей и поведение толпы зрителей, жаждущей кровавых зрелищ. Несмотря на то, что и с изощрёнными пытками, и с различными формами казней, описанными в древнейших кириллических и глаголических текстах, славяне познакомились через византийское посредство после крещения, языковые средства, используемые

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова.

Костина Полина Михайловна – преподаватель школы иностранных языков «Experience», Магнитогорск.

для описания преследования, пыток и казней христиан в эпоху раннего Средневековья, имеют общеславянские корни. И само обозначение процесса лишения человека жизни в наказание за мнимые или реальные преступления – устойчивый словесный комплекс (УСК) «сѣмрътъна» казнь, который обнаружен нами в Супрасльской рукописи XI в., состоит из общеславянских элементов.

Ключевые слова: общеславянский литературный язык, рукописи, святыне, христианство, мученики, смертная казнь, устойчивый словесный комплекс

Памятники общеславянского литературного языка Средневековья представляют собой богатейший источник сведений о событиях, связанных с распространением христианства в первые века нашей эры. Зародившись в Римской империи, новое религиозное учение после трагической смерти Сына Божьего на кресте подверглось ожесточённому преследованию. «Причины и мотивы трехвековых гонений на христиан со стороны Римской империи сложны и разнообразны. С точки зрения римского государства, христиане были оскорбители величества (*majestatis rei*), отступники от государственных божеств (*ἄθεοι*, *sacrilegi*), последователи запрещенной законом магии (*magi*, *malefici*), исповедники недозволенной законом религии (*religio nova*, *peregrina et illicita*). Христиане обвинялись в оскорблении величества как потому, что они для своего богослужения собирались тайно и ночью, составляя недозволенные собрания (участие в “*collegium illicitum*” или в “*coetus nocturni*” приравнялось к бунту), так и потому, что они отказывались чтить императорские изображения возлияниями и курениями»¹.

Обычно говорят о десяти гонениях христиан, связывая массовые казни последователей Христа с именами таких римских императоров как Домициан (81–96 гг.), Траян (98–117), Марк Аврелий (161–180), Максимиан (235–238), Деций (249–251), Валериан (253–260) и Диоклетиан (284–305). Лишь при императоре Константине (306–337) был издан указ (Миланский эдикт 313 г.), который положил начало постепенному признанию христианства государственной религией, а христиан – равноправными гражданами Римской империи. В условиях жесточайших репрессий каждая христианская община вела *мартирологи* – списки, куда вносились имена мучеников за христианскую веру с указанием места их мучений, пыток, которым они подвергались, и дня их смерти. Впоследствии уцелевшие мартирологи легли в основу «памятей» – календарных и синаксарных записей в богослужебных книгах², которые, в свою очередь стали ориентирами для празднования дней христианских святых и использовались при создании житий.

Язык – самое объективное зеркало событий, связанных с историей распространения христианства в первые века нашей эры. Кульминационной частью каждого жития святого, отдавшего жизнь за христианскую веру, является подробное описание его мучений и смерти. Оттого так разнообразны лексемы и УСК, объединённые темой пыток и насильственной смерти, и так высока частотность их использования в глаголических и кириллических текстах, выполненных на общеславянском литературном языке Средневековья.

¹ Брокгауз, Ефрон 1893/9, 177.

² См., например, такие записи в Арх (1997), Ас (1955), Ват (1996), Зогра (1879), Мар (1883), Остр (2007).

Ключевое место в массе языковых единиц, характеризующих насильственную смерть за веру христову в древнейших славянских текстах, по понятным причинам, занимает словообразовательное гнездо, где производящим является слово **сѣмръть**. По происхождению это слово является общеславянским. Составитель «Этимологического словаря современного русского языка» А.К. Шапошников, как и его предшественники, считает, что слово *смерть* ‘прекращение жизнедеятельности организма’; перен. ‘конец, полное прекращение какой-либо деятельности’; в знач. *сказ.* и *нареч.* ‘очень, в высшей степени, очень много, ужас (прост.)’... возникло «из праслав. *сѣмръть (наряду с *мърть), производного с приставкой сѣ- и суф. -ть от основы глаг. *мърти, *мърѣ ‘помереть’, восходящего к и.-е. *mer-: *mor-: *mr- ‘умирать’. Некоторые усматривают в праслав. *сѣмръть нечто подобное др.-инд. su-mrtis, т. е. своя, естественная смерть»³.

В «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)», который содержит данные только 18 старославянских рукописей, указано, например, что существительное **сѣмръть** встречается в них более 200 раз, прилагательное **сѣмрътънь** – 74 раза, **сѣмрътоносънь** – дважды⁴. Во 2-м томе «Старобългарского речника» слово **сѣмръть** представлено в четырёх своих значениях, и четвёртое из них связано с лишением жизни в качестве наказания: 1. ‘Смерть, прекращение жизни, кончина’ // ‘Умирание’; 2. ‘Гибельная сущность, стихия смерти как символ уничтожения’; 3. ‘Небытие, отсутствие жизни’; 4. ‘Смертельное наказание’⁵.

Лексема **сѣмръть** возглавляет в древних славянских текстах словообразовательное гнездо, которое объединяет ряд производных слов. Среди них отметим существительное **сѣмрътънь** ‘земной человек, который, по своей природе должен умереть’, и прилагательные **вѣсѣмрътъньни**, **сѣмрътоносъньни**, **сѣмрътънь**, **сѣмрътъньни**, **несѣмрътъньни**, входящие в состав многочисленных УСК с предметным значением: **болѣзнь сѣмрътъна**, **врата сѣмрътъна**, **сѣтъ сѣмрътъна**, **сѣнь сѣмрътъна**, **сѣмрътъна пжчина**, **сѣмрътъноѣ истѣлѣникъ**, **сѣмрътъноѣ причащениѣ**, **годъ сѣмрътъньни**, **родъ сѣмрътъньни**, **родъ несѣмрътъньни**, **страхъ сѣмрътъньни**, **часть сѣмрътъньни**, **сѣмрътъньни крѣстъ**, **сѣмрътоносъньни крѣстъ**, **сѣмрътоносъньни дъ**, **сѣмрътъньни сѣнь**, **жы сѣмрътъньни**.

В древнейших славянских рукописях нередко реализуется первое, основное значение существительного **сѣмръть** – ‘прекращение жизненных функций, жизнедеятельности организма и гибель его’⁶: **ты ослабѣвъшаа тѣлеса сѣжимаа • ѿ сѣмръти изгона • ѿ вѣскрѣшаа абиѣ • сѣлежащаа тѣлеса • отъ вѣка Синевх 26b 19; ѿ(соу)с(ъ) же рече о сѣмръти его (Ин 11: 13) Мар, Зогр, Ас, Сав. кн; тако кмоу богъ почъте • такоже и по сѣмръти кго славънѣша сѣтвори Супр 43: 10 и пр.** По вполне понятным причинам, авторы сакральных и житийных текстов большое внимание уделяли и самому процессу умирания, и последним мгновениям жизни человека: **си болѣзнь нѣстъ къ сѣмръти нъ къ славѣ в(о) жи (Ин 11: 4) Мар, Зогр, Ас; твои бо доуши погыбѣль прѣдолѣ и дожи до сѣмръти Супр 1: 3 и пр.**

³ Шапошников 2002/2, 338.

⁴ СтСл 1994, 658.

⁵ СБР 2009/2, 831–832. Здесь и далее перевод с болгарского С.Г. Шулежковой.

⁶ Черных 1993/2, 179.

Смерть как символ всеохватного уничтожения или как гибель также занимала значительное место в мировоззрении христиан, что отразили исследуемые тексты: и оуцѣсари са съмръть отъ адама до мосеа *Супр* 482: 18; онъ же рече (е)моу г(оспод)и съ тобою готовъ есмъ и въ темьницѣ и въ съмръти нти (*Лк* 22: 33) *Мар*, *Зогр*; прѣдастъ же братръ брата на съмръть• и о(ть)ць чадѣ• и въстанѣтъ чадѣ на родителѣ своѣхъ (*Мф* 10: 21) *Вам* 178: 2-4, *Мар*, *Зогр*, *Ас*; раздроушилъ еси съмръть• ѿ в'сѣхъ волѣзнь оумрътвилъ еси *Син евр* 30а 9.

Смерть воспринималась и как небытие, несуществование, что напрямую связано с основными постулатами христианского вероучения: и въсѣмъ от'цемъ нашимъ съведеномъ бывшемъ въ адъ• житиѣ въ съмръти *Супр* 9: 28; аминъ аминъ гл(агол)ѣхъ вамъ• ꙗко слоушаѣши словесе моего• и вѣрѣ емаа пославъшюмоу ма• иматъ живота вѣчнааго• ѿ на сѣдъ не придетъ• нъ придетъ отъ съмръти въ животъ (*Ин* 5:24) *Мар*, *Зогр*, *Ас*.

Однако самый значительный пласт языковых единиц в памятниках общеславянского литературного языка отражает смерть не как естественное угасание жизненных сил, не как уход в небытие в результате болезни, старости и не как гибель под влиянием стихийного бедствия. В центре внимания авторов древнейших славянских текстов – смерть христианских мучеников как наказание, как насильственное лишение жизни. Помимо убийц, грабителей, изменников, бунтовщиков, в Римской империи насильственно лишали жизни тех, кто не признавал государственной религии: «... по законам империи за принадлежность к чуждой религии люди высшего сословия подлежали изгнанию, а низшего – смертной казни. Христианство являлось <...> полным отрицанием всего языческого строя: религии, государства, быта, нравов, общественной и семейной жизни. Христианин для язычника был “враг” в самом широком смысле этого слова <...> Императоры, правители и законодатели видели в христианах заговорщиков и мятежников, колеблющих все основы жизни государственной и общественной»⁷. А потому, чем активнее проявляли себя христиане, тем чаще их лидеров обрекали на смерть. В одном из житий описывается, как мучитель, призвав из темницы христианина Феодора, уговаривает его отречься от веры в Христа, обещая ему и богатство, и всевозможные почести; в противном же случае непокорившегося ждёт смерть: **Бемоу же ставшюу тькомъ рече мженикоу• покори ми са чловѣче• и оставь са крѣстиньства съ нами ед'нако вѣди• да и честь великѣ отъ мене възмѣши• и богатъство дамъ ти много• а не съмръти осѣжденъ бѣди**• *Супр* 60: 24-29. Практически в каждом из житий подобного рода уговоры заканчиваются угрозами лишить жизни: **аште не хоштеши• прѣпростѣ съмръти прѣдамъ та**• *Супр* 83: 7-8; **не лѣпо кстъ жити кмоу• нъ и тѣ съмрътиѣ да осѣдитъ са**• *Супр* 66: 6-8; **аште ли не хоштѣтъ• то въскорѣ съмрътиѣ погоубити ѿ**• *Супр* 20:4-6; **за велика запрѣштѣниѣ симъ осѣжденъ бывааше слыша• въ нѣже днь си съмрътиѣ оумрѣши**• *Супр* 487: 13-14.

Само наименование лишения жизни в наказание за совершённое преступление в период появления памятников, написанных на общеславянском литературном языке, ещё только начинало приобретать терминологическую опреде-

⁷ Брокгауз, Ефрон 1893/9, 178.

лённость, хотя в рукописях X–XI вв. уже появляется УСК **сѣмрътьнаѣ казнѣ**: Так, в «Житии преподобного отца Исаакія монастыря Далматского» который был посажен в темницу императором Валентом (364–378), придерживавшимся арианской веры, при описании освобождения Исаакія из темницы приводится указ очередного императора, Феодосия (379–395), в котором он объявляет: **ведомо да бѣдетъ вамъ • тако отъ днѣшняго днѣ аште да сѣ обратитъ кто отъ васъ вѣнѣтръ града събираѣ къ црѣкви правовѣрныхъхъ • то сѣмрътънѣѣ казнѣ приметъ** *Супр 199: 22-27*. Этим указом император, благосклонно относившийся к правой вере, намерен прекратить вражду между двумя христианскими течениями и угрожает смертной казнью арианам, которые несколько десятилетий принимали активное участие в гонениях против правой веры и не хотели смириться с потерей своих прежних привилегий.

В современном русском языке слово *казнь* означает ‘лишение жизни по приговору суда как высшая мера наказания’⁸. Старославянские памятники подтверждают гипотезу И.И. Срезневского, поддержанную П.Я. Черных, о том, что ‘лишение жизни’ – вовсе не исконное, а сравнительно позднее значение лексемы *казнь*. «Старшее значение – ‘кара, сопровождающаяся мучениями (в физическом или нравственном смысле)’ > *покаяние* как признание своей вины». «Происходит, надо полагать, от того же корня, к которому восходит др.-рус *каяти* – ‘порицать’»⁹.

В древнейших славянских памятниках общеславянское по происхождению слово **казнь** используется в двух значениях: 1) ‘наказание, возмездие’; 2) ‘предписание, распоряжение, заповедь’¹⁰: **оуправленъ естъ въ ц(ѣса)р(ь)ство н(ѣ) в(ѣсь)ное • ѡбо нѣстъ намъ мала казнѣ • обѣщаваѣщимъ сѣ хранити • в’сѣ прѣжде реченаѣ** *Син евр 91a 11*; **не приде во въ прѣвокъ пришьствикъ • мѣжити и казнѣ сътворити невѣрнымъ** *Супр 481: 11-12*.

Реализуя своё первое значение, лексема **казнь** в общеславянском литературном языке Средневековья входит в словообразовательное гнездо, возглавляемое глаголом **казити** 1) ‘разрушать, разваливать, портить’; 2) ‘кастрировать’¹¹, где формирует собственную ветвь (**каженикъ** ‘евнух, скопец, кастрат’, **казити сѣ** ‘оскопляться, кастрироваться’¹²). Эта ветвь со временем непрерывно пополнялась, «приглушая» семы порчи и кастрации за счёт внедрения семы ‘лишение жизни’, что можно наблюдать по данным восточнославянских рукописей, где в XI в. появились существительные **казнитель** ‘тот, кто наказывает, карает; палач’; **казнительство** ‘наказание, кара’; **казновати** ‘карать, насылать беды’; **казновати сѣ** ‘быть наказываемым’¹³. Мы полагаем, что приобретение словом **казнь** семы ‘насильственное лишение жизни’ связано с тем, что оно уже в X–XI вв. в общеславянском литературном языке попало в состав УСК **сѣмрътьна казнѣ**, который употреблялся наряду с процессуальным УСК **казнити сѣмрътъѣѣ**. В XII в. же, во всяком случае, у восточных славян, глагол **казити** вытесняется глаголом **казнити**, используемым в значении ‘предать смерти, казнить’¹⁴.

⁸ Черных 1993/1, 368–369.

⁹ Срезневский 1893/1, 1202.

¹⁰ СБР 1999/1, 707

¹¹ СтСл 1994, 280.

¹² СтСл 1994, 280; СБР 1999/1,

¹³ СРЯ XI–XVII/7, 24–25.

¹⁴ СРЯ XI–XVII/7, 24–25.

Смертная казнь всегда считалась исключительной мерой наказания. Её применяли по отношению к лицам, совершавшим особо тяжкие преступления. Однако представления и трудящихся, и молящихся, и сражающихся, и властвующих¹⁵ членов средневекового общества о степени тяжести того или иного проступка, за который в действие приводился смертный приговор, постоянно менялись. В Римской империи I–IV вв. использовался широкий арсенал смертельных наказаний и предшествующих им пыток. Самыми распространёнными способами насильственного лишения жизни были сожжение, удушение, утопление, колесование, сбрасывание в пропасть, бичевание до смерти, обезглавливание и распятие на кресте. Автор «Мучения святых и славных новоявленных мучеников Феодора, Константина, Феофила, Калиста, Васоя и дружины их» пишет: **и просто решити дрюґзиї колеми• дрюґзиї жеґоми• дрюґзиї же даґими• тако господьнъ҃ съмрьть възаша• да оґже никъ҃деже ослабькни• никъ҃деже животворашта• нъ҃ възьґде съмрьть възьґде печаль• възьґде плачь• възьґде въздыґання** *Супр* 57: 1–8.

Рукописные источники X–XI вв. свидетельствуют о том, что древним славянам были известны различные виды смертельных наказаний, применявшихся в Римской империи. Некоторые из этих наказаний впоследствии возьмут на вооружение древнерусские князья и будут применять их для поддержания общественного порядка и авторитета княжеской власти.

Множество свидетельств реального применения самых изощрённых пыток и разнообразных способов насильственного лишения жизни по отношению к гонимым христианам можно обнаружить в Супрасльском сборнике (*Супр*). Это кириллическая рукопись XI в., куда, помимо 24 проповедей, вошло 24 жития святых, памяти которых приходятся на март месяц.

Среди героев мартовской минеи есть христиане, казнённые только за то, что они отказывались приносить жертвы языческим богам. Таковы мученики Павел и Иулиания, брат и сестра, проживавшие в Птолемаиде. Они пострадали во время правления императора Аврелиана (270–275), который узаконил новый культ единого божества – Солнца и планировал масштабные гонения на христиан. Поводом для жестокой расправы с Павлом и Иулианией стало то, что император, въезжая в город Птолемаиду, заметил, как Павел осенил себя крестным знаменiem. Павел был тут же схвачен и брошен в темницу. Когда на следующий день его привели на судное место, Павел отказался принести жертву языческим богам и открыто защищал свою веру. Тогда Аврелиан приказал мучить Павла на глазах собравшихся: **и повелѣ аґрелианъ҃ принести дрѣво велико• и принесено бысть• и рече приваґете паґла на немъ• и пристѣпѣша слоґгы съґвазаша кмоу рґцѣ• и повелѣ принести свѣшта горашта и прижаґати лице паґле** *Супр* 6-7: 27-31. Иулиания, видя страдания брата, стала при всех обвинять императора в несправедливости и жестокости, за что тоже была подвергнута истязаниям: **и повелѣ и тѣґ приваґати къ дрѣвоу• и свѣшта горѣшта принести на лице кѣґ• и потомъ по въземоу тѣлоу приґизати** *Супр* 7: 10-13. Брат и сестра были казнены: **аґрелианъ҃ же оґбовъ҃ са народа кѣґа краґмолѣ въздыґнѣтѣ• дастѣ о нею**

¹⁵ О делении средневекового населения на властителей, молящихся, сражающихся и трудящихся см.: Вендина 2002, 28.

отъвѣтъ • повелѣвъ главѣ има отъсѣшти • и телесѣ юю поврѣшти п'сомъ и звѣремъ • и птицамъ невестъскимъ *Супр* 8: 2-7.

Общеславянский литературный язык содержал множество языковых единиц, характеризующих процесс гонения, страданий и мученической смерти последователей Христа в Римской империи. Он отразил социальную структуру огромного государства через наименования лиц, принадлежавших к разным слоям средневекового общества, так или иначе участвовавших в событиях, связанных с историей распространения христианства в качестве гонимых, преследователей, судей, палачей и зрителей. Это те, от кого зависела судьба нового религиозного течения, – «правлящие и управляющие»¹⁶; представители разных конфессий с их должностной иерархией, в том числе служители внутри складывающейся прослойки христиан, – «молящиеся»¹⁷; военная прослойка – «сражающиеся»¹⁸; те, кто создавал материальные ценности, – «трудящиеся»¹⁹.

Сформировался в общеславянском литературном языке и пласт слов и УСК, имеющих непосредственное отношение к судьбе христиан в языческом государстве. Их ядром являются лексемы и УСК, которые применительно к теме нашего исследования можно разделить на три группы.

В первую группу входят единицы, отражающие намерения властвующих насильственно лишить жизни христиан, – оубити, оусѣкнѣти, осждити на съмръть, (заповѣда не покораштинимъ) мжчени зъложъ съмрътиѣ оумрѣти, осждити съмрътиѣ, прѣдати (на осжженье) съмръти, съмръти прѣдати, съмрътиѣ погоубити и пр. Так, «Мучение святого Савина» начинается со слов: Цѣсарьствоуѣштоу диоклитиноу • заповѣдъ посла вселенѣи • такоже всѣмъ не покораштинимъ са заповѣди юго • и не жръжшти богомъ • мжчени бываѣште зъложъ съмрътиѣ оумрѣти • донде же си заповѣдъ по всеи егѣптьстѣи странѣ • гонению же оубо належааштоу на крѣстни зѣло егѣптьстѣи странѣ *Супр* 144: 29-30 – 145: 1-5. Святого мученика Василиска воевода приказал привести в храм, чтобы тот принёс жертву Аполлону. В случае отказа он угрожал Василиска «въскорѣ съмрътиѣ погоубити»: «Помысли оубо да не зълѣ оумрѣши», – говорил воевода. Но Василиск был непреклонен. И тогда разгнѣвавъ же са воевода повелѣ юго оусѣкнѣти • ведоша же и из града и оусѣкнѣша и • на мѣстѣ нарицаемѣ диоскоръ • воевода же повелѣ тѣло юмоу въврѣшти въ рѣкѣ *Супр* 28: 14-18. В «Слове Иоанна Златоуста на Воскресение Христово» передано состояние страха не только рядовых последователей, но и ближайшего окружения Сына Божьего после казни Иисуса Христа: они понимали, что каждого из них могла постичь аналогичная участь: кгда се глаголааша къ себѣ • вѣживѣ дрѣзости архирейскы • отъбѣживѣ владычѣна оубиѣствѣныа ржкы • аште во и съмръти наю прѣдадатъ(ъ) не имавѣ понести поношень ихъ • и аште крѣви нашеа не пролѣжтѣ • словесы ны оустрѣлатѣ *Супр* 472: 4-11.

Вторая группа языковых единиц характеризует способы насильственного лишения жизни инакомыслящих – распати, оусѣкнѣти, заклати, въ огни

¹⁶ Ефимова 2011, 127–138.

¹⁷ Ефимова 2011, 138–153.

¹⁸ Ефимова 2011, 153–160.

¹⁹ Ефимова 2011, 160–182.

съжешти, главѣх отъсѣшти мечемъ, распати жжи четырьми, распати на крѣстѣ, оудавити жжи, каменемъ повити и пр. Так, страстоносец Васой, отказавшийся отречься от Христа, не покорился мучителю Аменурмнину, и тогда разгнѣвавъ сѧ льстивѣи. и възжегъ сѧ гнѣомъ и акы левъ рикаа на правед'нааго. мечемъ повелѣ чьстьнѣхъ кго главѣх отъсѣшти *Супр 61: 23-26*. Такая же участь постигла страстотерпца Константина Патрикия: да прѣжде отъ дружины отътрѣгъше. лютыа и безмилостивыа слоугы днаволовы. костан'тина патрикия на земли сжшѣа. аггелъ же в(о)жи на небеси бывъ. растрѣзавъше же ризы кмоу. чьстьнѣхъ кго главѣх отъсѣкоша *Супр 64: 3-8*. В «Похвале о 40 мучениках» засвидетельствована ещё одна форма наказания за веру в Христа – смерть от замерзания. Князь Дукс со своими слугами, подвергнув захваченных христиан всевозможным позорным пыткам и не добившись от них покорности, замыслил для страдальцев страшную смерть: съмотрите же како ксть люто. съмотривъ бо кстьство томъ земьа. пако стоудень велика ксть въ немъ. и година врѣмене ко зимна. ношть съгладавъ въ немъ же паче лютость бывае. нъ и сѣвероу тѣгда въ тѣхъ ношть вѣжштоу. повелѣ въсѣхъ обнажше. на пачѣхъ посрѣдѣ града съмръзъшемъ сѧ оумрѣти *Супр 89: 1-10*. В «Житии святителя Василия, архиепископа кесарийского», приводятся его слова о муках, перенесенных сторонниками правой веры, которые снова стали практиковаться при императоре Валенте, приверженце арианской ереси: и многа ярость звѣриньска двизааше сѧ. отъ неправедъныхъ на благовѣрныхъ. кови же и съвѣти зѣли на на плетомъ бываахъ. и различни образи мжкъ примышлении бываахъ. и мжчении неослабимъ. огнь готовъ мечъ изъоштрень. распатикъ поставько. пропасть. коло воштагы. и ови вѣгаахъ. а дружины послоушаахъ <...> досажденик отъ насъ примъше негодоуе и страшными сими мжками прѣтѣе. грѣхъ на ны носашѣ. нъ не страшивомъ прѣтѣе. ни оужасънымъ. ни пристрашнымъ. по божию люб'ви ксе мы. и на колеси привазани быти готови. и вазани быти и жегоми. и въсѣхъ образъ мжкы приати *Супр 85: 9-18, 88: 18-27*.

Третья группа языковых единиц объединяет лексемы и УСК, отражающие поведение христиан во время пыток и их отношение к самой казни. Поражает не только безропотность, с которой христиане переносили выпавшие на их долю мучения, но и мужество, с каким они встречали смерть. Для передачи внутреннего состояния последователей Христа составители житий используют процессуальные УСК съмѣреник имѣти и съмѣреникъ приати, подкрепляемые предметными УСК съмѣрении срьдцемъ и съмѣрении доушьнок. Образцом для мучеников, попадавших в руки властвующих и палачей, был Иисус Христос, принёсший себя в жертву за грехи человеческие, безропотно принявший и оскорбления, и избиение, и крестные муки. Мученики первых веков существования христианства ощущали себя сопричастниками Иисуса Христа. В «Страсти святого чистителя и мученика Артемия» читаем: глагола к' немоу сватый артемонъ. рабе вожи филеа. шѣдъ възвѣсти владыцѣ мохмоу сватоуоумоу епискоупѣ. да молитъ сѧ за ма. да побѣждѣ нечистааго. и хрѣстоненавиднаго примышлѣа. и вѣждѣ съпричастникъ христосоу *Супр 225: 18-25*.

УСК съмръти възкоусити, съмръть приати, казнъ приати, прѣдати сѧ мжкамъ, съмръти не оуботи сѧ, съмръти не оуклонити сѧ передают реакцию

христиан на постигшие их страдания. Принципиальную позицию по отношению к гонениям выразил Иоанн Златоуст, сам испытавший немилость власть имущих: **мы же по правдѣ не сътрѣпимъ ли• смърти не оуклонимъ сѧ ѿ сѧ воины• не дадимъ зажда дияволони• плѣти сѧтъ не поштадимъ• понеже во всѣмъ оумрѣти кѣтъ** *Супр 91: 16-20*.

Мученическая смерть, принятая во имя Иисуса Христа, оценивалась христианами как своеобразная плата за попадание в царство небесное, а конец земной жизни, пусть и связанный с тяжелейшими муками, воспринимался как момент перехода в жизнь вечную в царствии Божьем.

После принятия крещения славяне через книги, написанные на общеславянском литературном языке, познакомились не только с догматами христианской веры. В этих источниках содержалась обширная информация из разных сфер европейской культуры, в том числе из правовой сферы и судебной практики. Вчерашние язычники, славяне допускали смертную казнь по праву кровной мести, что подтверждается Русской Правдой. Однако, великий князь Киевской Руси Владимир, став христианином, её отменил, «перейдя к хорошо известной и проверенной годами системе денежных пеней. Ярослав I и его преемники также отвергли смертную казнь, не оставив в Русской правде ни одной подобной санкции»²⁰. Но уже с XIV в. смертная казнь вошла в русское законодательство, а к XVII в. в Московском государстве были узаконены почти все виды казней, которые применялись в Римской империи, а также изобретённые на Руси: отсечение головы, повешение, утопление, четвертование, заливие расплавленного металла в горло, закапывание в землю заживо, посажение на кол, колесование, сожжение заживо²¹. При Петре I количество преступлений, за которые полагалась смертная казнь, превысило сотню, и лишь в послепетровскую эпоху были сделаны первые шаги по отмене смертной казни вообще. Вместе с судебной карательной практикой, двигавшейся по пути гуманизации, трансформировался и тот лексико-фразеологический пласт русского языка, который был унаследован из общеславянского литературного языка Средневековья. Превратились в архаизмы сами наименования пыток и жестоких казней, наименования орудий умерщвления и палачей.

ЛИТЕРАТУРА

- Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. 1893: Гонения на христиан в Римской империи. В кн.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (ред.), *Энциклопедический словарь*: в 41 т. Т. 9. СПб, 178–180.
- Вендина, Т.И. 2002: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М.
- Евреинов, Н. 1913: *Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи*. СПб.
- Ефимова, В.С. 2011: *Наименования лиц в старославянском языке*. М.
- Срезневский, И.И. 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3 т. СПб.
- Сулимов, И. 2013: Зарождение и развитие смертной казни в Древней Руси. *Военное обозрение*, 30.10.2013: <https://topwar.ru/35285-zarozhdenie-i-razvitie-smertnoy-kazni-v-drevney-rusi.html>.
- Тимофеев, А.Г. 1904: *Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русском правѣ*. СПб.

²⁰ Сулимов 2013.

²¹ См. об этом: Тимофеев 1904, Евреинов 1913.

- Черных, П.Я. 1993: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: в 2 т. Т. 1. М.
- Шапошников, А.К. 2010: *Этимологический словарь современного русского языка*: в 2 т. Т. 1. М.

REFERENCES

- Brokgauz F.A., Efron I.A. 1893: Goneniya na khristian v Rimskoy imperii [*Persecutions of Christians in the Roman Empire*]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'*: v 41 t. T. 9. [Encyclopedic Dictionary: in 41 vols.]. Vol. 9. Saint Petersburg.
- Chernykh, P.J. 1993: *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*: v 2 t. [Historical-etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vols]. Moscow.
- Efimova, V.S. 2011: *Naimenovanie lits v staroslavlyanskom yazyke*. [Naming of persons in the Old Church Slavonic language]. Moscow.
- Evreinov, N. 1913: *Istoriya telesnykh nakazaniy v Rossii* [History of corporal punishments in Russia]. Saint Petersburg.
- Shaposhnikov, A.K. 2010: *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*: v 2 t. [Etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vols]. Moscow.
- Sreznevskiy, I.I. 1893–1912: *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*: v 3 t. [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on manuscripts]: in 3 vols. Saint Petersburg.
- Sulimov, I. 2013: *Zarozhdenie i razvitie smertnoy kazni v Drevney Rusi* [Birth and development of death penalty in Ancient Rus'], <https://topwar.ru/35285-zarozhdenie-i-razvitie-smertnoy-kazni-v-drevney-rusi.html>.
- Timofeev, A.G. 1904: *Istoriya telesnykh nakazaniy v russkom prave* [History of corporal punishments in Russian justice]. Saint Petersburg.
- Vendina, T.I. 2002: *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavlyanskogo yazyka* [The Medieval man in a mirror of the Old Church Slavonic Language]. Moscow.

VIOLENT DEATH REFLECTED IN MANUSCRIPTS OF COMMON LITERARY LANGUAGE OF ALL MEDIEVAL SLAVS AS PENALTY FOR CHRISTIAN FAITH

Svetlana G. Shulezhkova*, Polina M. Kostina**

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
shulezhkova@gmail.com

**School of foreign languages "Experience", Magnitogorsk, Russia
komshina.polina@gmail.ru

Abstract. Manuscripts, written in common literary language of all Medieval Slavs are dated 10th–11th centuries. They are mostly either prayer books, or Lives of Saints, who suffered for Christian faith. Hundreds of martyrs and martyress were mentioned in menologies and synaxariums. Those people underwent different terrible tortures, and were sentenced to death by rulers for the refusal to abjure Christian religion. Lives of Saints contain information about not only the names, birthplaces of saints and times of the death, but also some facts about their persecutors and last moments before the penalty. It is no wonder that the texts, written in Cyril and Methodius's language contain language units, describing cruel ingenuity of those who in terms of the official status or by choice sentenced Christian preachers to death. The manuscripts depict firmness, courage and self-sacrifice of the Saints, heartless "skill" of the executioners, and reac-

tion of the audience, eagering for a bloody performance. Although Slavs got acquainted with different kinds of sophisticated tortures and executions, described in the most ancient Cyrillic and Glagolitic texts through the agency of Byzantium after the adoption of Christianity, the language means, used for description of the prosecution, tortures and executions of Christians during the time of the early Middle Ages have common Slavic roots. The set unit **сѣмрътъна казнѣ**, which we found in Codex Suprasliensis of the 11th century consists of Old Church Slavonic elements.

Keywords: common literary language of all Slavs, manuscript, Christianity, saints, martyrs, set units

---

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА И ЯЗЫКА ЖИТИЯ
ИАКОВА ЧЕРНОРИЗЦА (ПОСТНИКА)
(об одном необычном отрывке из Супрасльской рукописи)

А.А. Осипова, Н.В. Позднякова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
osashenka@yandex.ru; nvp2018@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируется жанровое своеобразие одного из интереснейших памятников общелитературного языка XI в. – Супрасльской рукописи. Рукопись представляет собой мартовскую минею, состоящую из 48 отрывков: 24 гомилий (посланий) и 24 житий и мучений «молящихся», которые в Средневековье составляли значимую социальную группу общества. Авторы статьи подробно рассматривают язык «Жития Иакова черноризца». Анализ языковых единиц позволяет выявить не только ключевые лексемы, характеризующие всю трагедию жития честного угодника Божьего преподобного Иакова (который после долгой праведной жизни монаха впал в смертельный грех, но смог вымолить прощение), но и устойчивые словесные комплексы, активно функционирующие как в древности, так и сейчас и обогатившие русский язык (например, бить себя в грудь, быть в недоумении, раб божий, сосуд дьявола, страх божий и др.). Интересно также метафорическое переосмысление духовных терзаний героя (образ бури; состояние человека, напоминающее стремительное падение с горы). Авторы приходят к выводу, что язык «Жития Иакова черноризца» очень эмоциональный, образный, через него передаются разнообразные трагические перипетии в судьбе монаха-отшельника, непохожей на судьбы других «молящих» святых, и именно эта особенность делает Супрасльскую рукопись бесценнейшим памятником Средневековья.

Ключевые слова: Супрасльская рукопись, жития, Иаков Черноризец (Постник), общелитературный язык славян, устойчивые словесные комплексы

Супрасльская рукопись – древнейший кириллический памятник общелитературного языка славян, созданный в XI в. одним писцом и состоящий из 285 пер-

---

Осипова Александра Анатольевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Позднякова Наталья Викторовна – старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

гаментных листов. Название свое рукопись получила по месту находки: в 1823 г. профессор Виленского университета М.К. Бобровский обнаружил ее в библиотеке Супрасльского монастыря под Белостоком¹.

Памятник представляет собой мартовскую минею (греч. «месячник»), то есть отрывок богослужебной книги, состоящий из текстов изменяемых молитвословий неподвижного годового богослужебного круга. Месячная минея содержит службы святых праздников (расположенные в соответствии с месяцесловом) одного из двенадцати месяцев. Супрасльская рукопись состоит из 48 отрывков. Половина текстов представляет собой гомилии, или проповеди святых отцов церкви, причем 21 из 24 – это проповеди архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста, посвященные различным темам: о церковных праздниках, о преданиях, связанных с жизнью Христа и его апостолов, и т.д.

Вторая половина текстов (Жития и Мучения) рассказывает о жизни и смерти людей, ставших впоследствии святыми. По словам Т.И. Вендиной, «средневековое общество в социальном отношении делилось на несколько групп – “властвующих и управляющих”, “сражающихся”, “молящихся” и “трудящихся”»². «Молящиеся» формировали чуть ли не самый важный социальный слой в средневековом обществе, так как влияние церкви и религиозного учения на формирование самосознания личности было велико. Наиболее почитаемыми являлись лица, которые вели отшельнический образ жизни: ушедшие от соблазнов мирского бытия, они «проводили свою жизнь в чистоте, молитвах, смирении, пощении»³.

И Жития, и Мучения читались в день памяти, т.е. в день смерти святого, что, конечно же, связано с восприятием смерти как границы, после которой мученик начинает жить вечно.

Из всего ряда житий выделяется житие Иакова черноризца (Постника) (день памяти приходится на 4 марта). Судьба честного угодника Божьего преподобного Иакова сложилась трагически и, если так можно выразиться, неординарно. Мы знаем множество историй, когда после многих лет несправедливой жизни грешник раскаивался и посвящал свою жизнь Богу; когда святые мученики, страдая за веру христианскую, терпели лишения, пытки, терзания, принимали смерть. В случае с Иаковом все произошло совсем иначе.

Отшельник Иаков оставил суету мирской жизни и монахом жил в пещере в течение многих лет. Он преуспел в постнических подвигах, был добродетелен и настолько угоден Богу, что мог во имя его исцелять людей и изгонять бесов. Не случайно в Житии по отношению к Иакову часто применяются такие наименования, как *рабъ божин, божин чловѣкъ, блага дѣтѣль, свѣтъин мѣжъ: събрати въ'са послушаша штаа к'го • другы и срь'доболж и рабы на лаганик сѣ'аго мѣжа* (514: 25–27)⁴; *аште възможе тѣ запати ѿжию рабоу н'аквоу* (515: 4–5); *да молж та члѣче ѿжиин помилѣи ма и прими* (515: 29–30); и *потомъ пришьдѣ къ рабоу ѿжию н'аквоу* (517: 29–30) и др. Из подвижнической жизни черноризца Иакова наиболее известен эпизод, когда неверующие самаряне

¹ Подробно об истории открытия и местах хранения частей рукописи см. Шулежкова 2012, 182.

² Вендина 2002, 28.

³ Вендина 2002, 32.

⁴ Здесь и далее цитируется по СУПР (1983) с указанием страницы и строк.

хотели изгнать его и подослали к монаху блудницу, чтобы она соблазнила праведника и опозорила его.

Неожиданность сюжета Жития заключается в том, что после подробнейшего рассказа о добродетельности Иакова, о чудесах, творимых им, о его стойкости перед блудницей (он даже сжег себе пальцы руки, дабы не привести свою душу к вечной гибели), о раскаянии грешницы и уходе ее в монастырь в качестве невесты Христовой, вдруг повествование непредвиденно меняет вектор направления деяний монаха в прямо противоположную сторону.

В Житии, несмотря на повествование о том, что Иаков не брал денег за исцеление больных, бежал от славы в пещеры, осторожно упоминается, что если бы все же где-то глубоко в душе монах не считал себя святым и великим в добродетели, дьявол не смог бы его одолеть: **такъ величаныа и о себѣ вель'мъдрѹиѡ штииѡхъ плодѣ • тако бо аште не бы никокиже страсти себе поравотилъ** (522: 5–7). Воспользовавшись духовной слабостью черноризца, сатана подослал к нему одержимую отроковицу, и тот не смог побороть плотской страсти. Иаков изнасиловал девушку, а потом, боясь огласки, убил ее, а тело выбросил в реку.

В повествовании до морального и физического падения Иакова источник зла, вселяющийся и действующий на людей, традиционного именуется как **дѡнаволъ, бѣсъ, лѡкавыи, сотона**, ср.: **такоже кмоу и даръ на бѣсы положити . и многы ины лѣчьбы** (514: 12–13); **нѣ на родѣ чловѣч'скыи иск'ни воѡжи дѡнаволъ** (514: 18–19); **коупно же и проказы'ства лѡкавааго вѣды и боа са** (516: 22–23); **сотониньскыимъ кѣземъ противѡа са** (516: 28–29). Описывая грехи Иакова, автор Жития, кроме указанных, применяет и более изощренные именованья дьявола, сумевшего совратить с пути истинного лучшего из лучших: **неискоу'сномъ' и ненасилакмоу быти • отъ зѣлокѣзньныхъ сѣтти прѣсквр'нь'нааго врага** (520: 21–23); **оуб'авъ бо са пагоу'б'ныи змии** (521: 20–21); **ни да пожретъ мене змии главин'ныи** (528: 21–22).

Сила порождаемых дьяволом козней в виде нечистых помыслов Иакова сравнивается в произведении со стихийным бедствием: **такъ достонѣтъ и нанесенѡа кмоу боу'рѡ** (520: 25–26). Грех человека, совершившего убийство, уподобляется падению поскользнувшегося вниз с горы и разбивающегося о камни: **такъ бо аште не бы никокиже страсти себе поравотилъ • не бы възмогъ лѡкавыи врагъ акы въ ал'ды жтѣ'лѣ • о камы того розвити съ'вѣсть** (522: 6–9). Состояние Иакова автор именует оборотом *Иудино отчаяние*, означающим страшный грех, также посылаемый дьяволом: **насѣваатъ кмоу отъ'ча'анѣ'а помыслы • то начало зѣ'лок на чловѣч'скъ родѣ • отъ отъ'чанѣ'а нюдина обрѣтъ** (523: 17–19). Образ бури возникает и при описании раскаяния, когда Иаков взывает к Господу: **и остави ми въ'са безаконѡа <...> погоу'битъ ма пагоу'б'нааго врага боу'ра до коньца** (528: 18–21).

Духовно терзаясь, Иаков становится странником. Его пытаются утешать монахи во встретившемся на его пути монастыре, одинокий пустынник. Старец напоминает ему о схожем грехе пророка Давида (согрешил прелюбодеянием с женой своего военачальника, отправив на смерть последнего), о грехе апостола Петра, отрекшегося от Христа. Иаков искренне вымаливает прощение, проведя 10 лет в непрестанных слезах, воздыханиях и молитвах к Богу. На протяжении повествования об искуплении греха Иаковом автор Супрасльской рукописи очень под-

⁵ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 44–45.

В заключение хочется отметить, что язык Жития Иакова черноризца очень эмоциональный, образный, через него передаются разнообразные трагические перипетии в судьбе монаха-отшельника, непохожей на судьбы других «молящих» святых. Известны и другие христианские святые, совершавшие прегрешения и прощенные Богом (такие, как Мария Магдалина, апостолы Павел, Петр, Фома, священномученик Киприян и др.), но все они прошли так называемый традиционный путь – были грешниками и, приняв учение Христа, стали праведниками. Иаков же, изначально и до преклонных лет будучи добродетельным монахом, получившим особый дар от Бога исцелять людей, впал в страшные грехи, раскаялся и получил божественное прощение. Все эти непростые этапы его жизни нашли отражение в Житии, причем эмоционального накала в языковом выражении достигают эпизоды, где повествуется о многолетнем раскаянии монаха. Такое равнодушное повествование с массой подробностей, зачастую характеризующих героев с необычных для жанра житий сторон, является отличительной особенностью Супрасльской рукописи – бесценнейшего образца общелитературного языка славян.

ЛИТЕРАТУРА

- Вендина, Т.И. 2002: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М.
 Шулежкова, С.Г., Коротенко, М.А., Мишина, Л.Н., Осипова, А.А., Михин, А.Н. и др. 2011: *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* М.
 Шулежкова, С.Г. 2012: *Хрестоматия по старославянскому языку: тексты, словарь, фоновое приложение*. М.

REFERENCES

- Shulezhkova, S.G. 2012: *Khrestomatiya po staroslavjanskemu yazyku: teksty, slovar', fonoprilozhenie* [Old Church Slavonic Reader: texts, vocabulary, phono-insert]. Moscow.
 Shulezhkova, S.G., Korotenko, M.A., Osipova, A.A., Mishina, L.N., Mikhin, A.N. et al. 2011: *Frazeologicheskij slovar' staroslavjanskogo yazyka: svyshe 500 ed.* [Phraseological Dictionary of Old Church Slavonic Language: over 500 units]. Moscow.
 Vendina, T.I. 2002: *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [The Medieval Man in a Mirror of the Old Church Slavonic Language]. Moscow.

THE LIFE OF JACOB CHORNORYZETS (THE MONK). SPECIFIC CHARACTERS OF THE PLOT AND THE LANGUAGE (an unusual fragment from the Codex Suprasliensis)

Aleksandra A. Osipova, Nataliya V. Pozdnyakova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
 osashenka@yandex.ru; nvp2018@bk.ru

Abstract. The article deals with genre peculiarities of one of the most interesting manuscripts of the 11th century, Codex Suprasliensis, written in common literary language of all Slavs. The

manuscripts is the March Menology, including 48 fragments: 24 homilies and 24 lives of saints and martyrs, who form a considerable part of the medieval society. The authors of the article analyze the language of the Life of Jacob Chornoryzets (the Monk) in details. The analysis of the language units helps to reveal not only the key lexemes, characterizing the life drama of Saint Jacob (who falls into mortal sin after the saintly life of the monk, but can pray the forgiveness), but also set units, functioning in ancient times as well as now, and enriching the Russian language (for example, *thump one's chest*, *be at a loss*, *servant of God*, *Devil's vessel*, *fear of the Lord and etc.*). Metaphoric reframe of the Saint's moral torments is also interesting (the image of storm, the state of the man, who rushes down the hill). The authors conclude that the language of the Life is very emotional, figurative, and it transfuses different dramatic events from the life of the monk-hermit. Jacob's life differs from the lives of the other saints, and this specific trait makes the Codex Suprasliensis worthless. It is the medieval manuscript of great value.

Keywords: Codex Suprasliensis, Lives of the Saints, Jacob Chornoryzets (the Monk), common literary Slavic language, set units

---

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 229–236
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 229–236
©Автор(ы) 2018

ДОМ 460 НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ (предварительные замечания)

А.А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва, Россия
bospor@inbox.ru

Аннотация. Наиболее интересные и важные открытия, сделанные во время раскопок на акрополе Фанагории (раскоп «Верхний город») в последнее десятилетие, связаны с исследованием слоев и построек VI–V, а также конца II – первой половины I в. до н.э. Это объясняется главным образом тем, что слои других периодов здесь сохранились хуже или вовсе не представлены. В этой заметке дан предварительный обзор материалов одного интересного архитектурного комплекса первой половины IV в. до н.э., который был построен на месте общественного здания, сгоревшего в середине V в. до н.э. Анализ сохранившихся фундаментов стен позволил определить площадь здания и его планировку. На этой основе стало возможным предположение, что здание имело не меньше двух этажей. Его крыша была покрыта черепицей. Вход в здание, оформленный портиком с двумя колоннами, располагался с востока. С трех сторон (запад, север, восток) дом окружали вымостки площадей и улицы, а с одной стороны (юг) он граничил с большим фундаментальным сооружением, назначение которого определить не удалось. Также пока невозможно с уверенностью судить о функциональном назначении самого здания, погибшего в сильном пожаре в 50-х годах IV в. до н.э.

Ключевые слова: Фанагория, акрополь, архаика, классика, эллинизм, архитектура, планировка, фундамент, вымостка, пожар

На протяжении последнего десятилетия наиболее интересные и важные открытия, сделанные во время раскопок на акрополе Фанагории (раскоп «Верхний

Завойкин Алексей Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

город), связаны, прежде всего, с исследованиями слоев и архитектурных остатков второй половины VI – первой половины V в. до н.э., а также конца II – первой половины I в. до н.э. Это объясняется, в первую очередь, сохранностью соответствующих культурных остатков, но также и характером событий, которые привели к их формированию (основание полиса и становление его градостроительной структуры, гибель древнейших построек в пожаре середины V в. до н.э.; строительство царской резиденции Митридата Евпатора и ее разрушение в ходе фанагорийского восстания 63 г. до н.э.).¹

На фоне этих ярких открытий диссонансом выглядит история этого района города в тот период, который справедливо считают «Золотым веком» Боспора – IV в. до н.э. И такое положение дел объяснимо. Здесь культурный слой III – конца II в. практически вовсе не сохранился (по всей видимости, был уничтожен во время очередных перестроек района, в том числе расчистки и нивелировки площади перед строительством «дворцового комплекса» в конце II в.), а от построек предыдущего столетия сохранилось сравнительно немного. В первую очередь, это те части построек (или другие объекты – ямы, котлованы), которые были заглублены относительно уровня синхронной их жизни дневной поверхности. Все наземные, наиболее фундаментальные элементы архитектурных сооружений времени расцвета впоследствии были полностью разобраны, в лучшем случае от них остались лишь следы.

Все это чрезвычайно затрудняет изучение истории фанагорийского акрополя в тот период, когда, *a priori* можно думать, его архитектурное оформление достигло высшей своей точки. Но делать эту работу необходимо. И в данной заметке мы кратко рассмотрим остатки одной из построек², занимавшей вплоть до середины IV в. до н.э. одну из узловых точек в общественном центре города.

Особый интерес к ней привлекают несколько обстоятельств. Во-первых, само месторасположение (на акрополе), с учетом конструктивных особенностей постройки, дает основание для отнесения ее к числу общественных зданий. Во-вторых, это здание было центральным элементом комплекса сооружений, появившихся на акрополе примерно на рубеже V и IV вв. до н.э. (рис. 1). И наконец, в-третьих, после его гибели в 50-х гг. IV в. до н.э.³ данный район подвергся серьезной перепланировке, в ходе которой здания получают новую ориентировку – строго по сторонам света, в то время, как в предшествующий период дома строили с некоторыми от них отклонениями. Говоря о местоположении дома 460, следует особо акцентировать внимание на том, что внешние фундаменты его стен легли точно на стены северного помещения общественного здания, построенного еще во второй половине VI в. до н.э. и погибшего в пожаре в середине V в. до н.э., тем самым «наследуя» традиционную ориентировку.

Несмотря на существенные утраты, вызванные сначала разборкой каменных кладок наземной части стен здания после его разрушения, а затем, спустя века, многочисленными хозяйственными ямами, планировка дома 460 в общих чертах устанавливается вполне надежно. В основу его был положен квадрат со сто-

¹ Например, см. Абрамзон, Кузнецов 2010; 2011; Завойкин, Кузнецов 2011; 2013; Кузнецов, Завойкин 2010; Кузнецов 2011; и др.

² Раскопана в 2004, 2005 и 2010, 2011 гг.

³ Завойкин, Монахов 2012, 120.

Рис. 1. Центральная часть Западного участка раскопа «Верхний город», общий вид с З-ЮЗ (2011 г.)

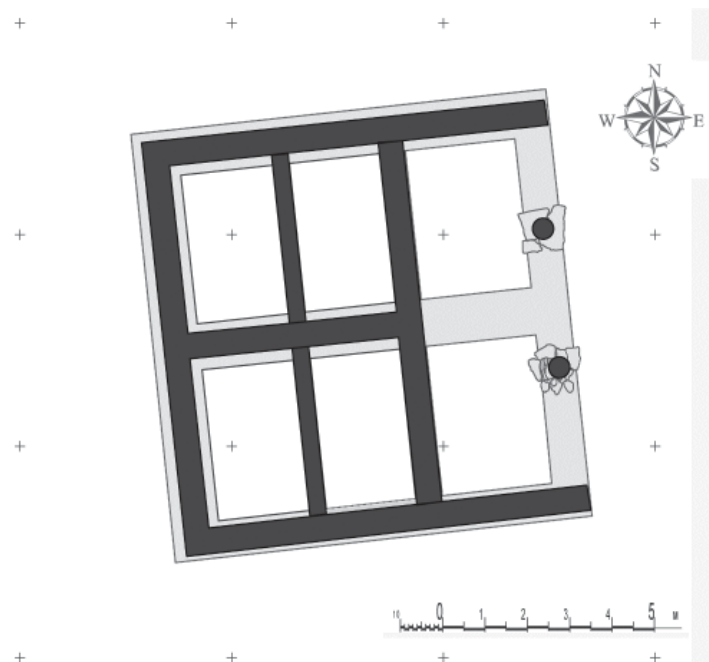

Рис. 2. Схематический план и вариант реконструкции дома 460

ронами примерно 10×10 м, внутренняя площадь которого разделена стенами-перегородками на пять помещений (рис. 2)⁴. Восточное помещение было открытым с одной стороны. В пользу этого говорит тот факт, что в восточном фундаменте постройки на равном удалении от концов его кладки были устроены две подпорные площадки из крупных камней известняка⁵, очевидно, предназначенные для установки колонн⁶. Косвенно в пользу этого свидетельствует и характер пола помещения, покрытого мелкой галькой. Если так, то очевидно, что и вход во внутренние помещения должен был располагаться с той же стороны через дверной проем в стене, которая ограничивала восточное помещение с запада⁷. Внутренние четыре небольших помещения образованы перекрестием стен: фундаментальной, протянувшейся с запада на восток, и узкой стеной-перегородкой, которая разделяла пространство с юга на север.

Наземные части внешних стен почти не сохранились. Исключение представляет небольшой участок внешней южной стены, сохранившейся в длину на 6,15 м и примыкающий к ЮЗ углу постройки⁸. Здесь ее кладка представлена тремя рядами камней на высоту 0,65 м, ширина самой стены (ее цоколя) – 0,6 м, а ее фундамента – 0,8–0,85 м. Не вызывает сомнений, что верхняя часть стены (как и всех других) была построена из сырцовых кирпичей, которые длинной стороной (0,48–0,50 м) располагались поперек кладки⁹.

От остальных внешних стен и одной стены-перегородки остались только их фундаменты. При этом *in situ* сохранился лишь огромный плоский угловой камень¹⁰ ЮЗ угла, а все остальные внешние углы дома были разрушены поздними ямами. Складывается впечатление, что камни этих фундаментов заполняли собой траншею, вырытую перед их закладкой. Примечательной их чертой является присутствие в фундаментах огромных необработанных глыб тяжелого песчаника наряду с разнокалиберными необработанными камнями, которые заполняли пустоты между более крупными. Ширина фундаментов – около 1,1–1,2 м. Каменное основание другой стены-перегородки, разделяющей внутреннее пространство на западный и восточный «отсеки», принципиально отличается от описанных выше фундаментов. Его ширина – всего 0,35 м.

⁴ С учетом того, что наземные части стен почти не сохранились, внутренние площади помещений могут быть рассчитаны весьма приблизительно: помещение 1 – $8 \times 3,2$ м (25,6 м²); помещение 2 – $4 \times 2,2$ м (8,8 м²); помещение 3 – $4 \times 1,9$ м (7,6 м²); помещение 4 – $3,1 \times 1,9$ м (5,9 м²); помещение 5 – $3,1 \times 2,2$ м (6,8 м²). Таким образом, площадь внешнего помещения (портика) – ок. 25,6 м², а площадь внутреннего пространства – всего 29,1 м².

⁵ В Фанагории известны и другие примеры использования «подпорных площадок» под колонны.

⁶ С большой вероятностью можно связывать с ордерным оформлением восточного портика находки двух обломков дорийских капителей, датированных первой половиной IV в. до н.э., которые были обнаружены в непосредственной близости (одна – в яме, другая – у фундамента стены 144 г.).

⁷ Нельзя исключать, что входа было два. Плохая сохранность стены, отделяющей внутренние помещения от проставды, не позволяет решить этот вопрос однозначно.

⁸ Стена сложена из камней керченского известняка (ракушечника) различных размеров, в том числе довольно крупных блоков и мелких бесформенных камней, заполняющих пустоты между более крупными.

⁹ Мощные завалы обгоревшего в пожаре сырца заполняли пространство внутренних помещений.

¹⁰ Его размеры $1,4 \times 0,9 \times 0,15$ –0,25 м.

Габариты заглубленных частей несущих стен здания 460 предполагают значительную на них нагрузку¹¹, что, в свою очередь, дает основание думать о наличии у постройки второго этажа (если не больше). Кажется, лишь такое допущение объяснит и столь же мощный фундамент одной из стен-перегородок (проходившей с запада на восток) при небольшой площади внутреннего пространства. По всей видимости, мощное основание должно было обеспечить прочность опоры межэтажного перекрытия и всей конструкции в целом.

Для понимания местоположения здания важно отметить, что к востоку от него располагалась мощенная камнем площадь¹². С запада к зданию также примыкала замощенная черепками и галькой площадь. Южным краем она выходила на широкую улицу, протянувшуюся с запада на восток вдоль северной стены дома 460 (с противоположной от него стороны улицы располагался небольшой храм в антах). Непосредственно к югу от дома, строго параллельно внешнему фасу южной его стены, в 0,56 м от нее, располагался фундаментальный объект (169–169а) поистине загадочного назначения и впечатляющих габаритов¹³. Таким образом, здание 460 располагалось изолированно от других построек.

Здание погребло в 50-х годах IV в. до н.э. в огне сильнейшего пожара, в результате которого внутрь рухнули черепичная кровля¹⁴, межэтажные перекрытия¹⁵, завалились обгоревшие сырцовые стены. Местами структура завала читалась вполне ясно, местами – не очень, и интерпретация отдельных его элементов вызвала затруднения. Сложнее обстоит вопрос о времени постройки здания. Стратиграфически *terminus post quem* – середина V в. до н.э. Но если исходить из того, что постройка была возведена единовременно с другими элементами архитектурного комплекса, окружавшего здание, – эту дату следует передвинуть к рубежу V–IV или к началу IV в. до н.э.

В начале заметки мы акцентировали внимание не только на том факте, что дом 460 был построен поверх общественного здания, разрушенного примерно на полвека раньше, но и на том, что новая постройка «унаследовала» традиционную ориентацию по сторонам света (с отклонениями) и даже ее стены частично

¹¹ Здесь мы наблюдаем строительный прием, хорошо известный в Фанагории уже со второй половины VI в. до н.э., когда здания со стороны склона холма верхней террасы, к которому понижалась поверхность, укреплялись при помощи каменных кладок основания сырцовых стен, выполняющих одновременно функции подпорных стенок, в то время как южная часть этих зданий возводилась из сырцового кирпича, положенного прямо на материковый песок. Так, например, было построено древнейшее в Фанагории общественное здание (300). См. Завойкин, Кузнецов, 2011, 188–189.

¹² Определить ее первоначальные размеры не представляется возможным в силу того, что позднее ее восточная часть была, видимо, уничтожена при строительстве большого общественного здания (144), построенного уже после того, как здание 460 было разрушено.

¹³ Сохранившаяся его длина ок. 17–18 м. Ширина определяется поперечными размерами двух его элементов: основного тела фундамента (2,25–2,30 м) и примыкающей к его северному фасу глинобитной «ступеньки», северный край которой оформлен рядом тщательно выложенных камней (1,15–1,20 м). Таким образом, общий поперечный размер всего сооружения при таком расчете достигает около 3,4–3,5 м.

¹⁴ В восточной части комплекса черепицы не только частично деформировались от жара, но даже ошлаковались.

¹⁵ Сохранившиеся отпечатки тростника и других растительных материалов позволяют говорить об использовании их в межэтажных перекрытиях и при обустройстве кровли. Ср. Hellmann 2002, 283, fig. 381 (по: Caskey 1910, 301 и вкладка между pp. 298–299; Hodge 1960, 63), согласно строительному контракту – IG II2, 463, l. 61–71.

были возведены на старых кладках. Едва ли это простая случайность. Кажется уместным поставить вопрос: не унаследовало ли новое здание, хотя бы отчасти, и функциональную роль предшествующего общественного здания гражданского назначения? Отличия в планировке дома 460 от планировки дома предшествовавшего ему, который с рядом перестроек функционировал на этом месте во второй половине VI – первой половине V в. до н.э., вроде бы не склоняют в пользу положительного ответа на поставленный вопрос.

Сравнительно небольшая в плане (ок. 100 м²) двухэтажная (или более?) постройка, крытая черепичной крышей, с портиком с восточной стороны ничем не напоминает культовые здания и мало что находит общего с наиболее известными типами гражданских построек. Правда, проблема определения функциональной принадлежности открытых раскопками общественных зданий относится к числу наиболее сложных, часто неразрешимых. Например, из значительного числа общественных зданий, определяемых в качестве пританея, С. Миллер считает возможным с большей или меньшей уверенностью говорить только о шести из них (в Дреросе, Эфесе, Колофоне, Магнесии-на-Меандре, Моргантине и Приене), притом что их планы могли существенно различаться.¹⁶

Удивительным образом, здание 460 на акрополе Фанагории, на первый взгляд, находит некоторое сходство с двухэтажными жилыми домами классического – раннего эллинистического времени с простодами, выходящими во внутренний двор¹⁷, хотя очевидно, что о рядовой жилой застройке в рассмотренном контексте не может быть и речи. Следует признать, что любое суждение о назначении этого неординарного здания раньше, чем будут изучены все другие остатки архитектурных сооружений данного района города, будет преждевременным¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2010: Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. *ВДИ* 1, 59–85.
 Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2011: Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н.э. *ВДИ* 2, 64–94.
 Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории. *ПИФК* 4, 188–198.
 Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2013: «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н.э. (проблемы периодизации и урбанистики). В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (XIV Боспорские чтения). Керчь, 182–189.
 Завойкин, А.А., Монахов, С.Ю. 2012: Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени. *ПИФК* 4, 117–127.
 Кузнецов, В.Д., Завойкин, А.А. 2010: О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н. э. В сб.: В.Н. Зинько. (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (XI Боспорские чтения). Керчь, 256–265.
 Кузнецов, В.Д. 2011: Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город»). В сб.: Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.),

¹⁶ Miller 1078, 93ff., 126–127; cf. 225–234 (Appendix C).

¹⁷ См. например: Hoefner, Schwander 1994, Abb. 33 (Пирей); Abb. 64 (Олинф); Abb. 176–177 (Абдера); Abb. 204 (Приена).

¹⁸ Выражаю искреннюю свою признательность В.Д. Кузнецову за ценные советы в ходе обсуждения работы, а также А.А. Наумову, выполнившему чертеж (рис. 2).

Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья (Методика полевых археологических исследований. 4). М., 117–130.

Монахов, С.Ю., Завойкин, А.А., Кузнецова, Е.В. 2006: Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.). *Античный мир и археология* 12. Саратов, 294–312.

Caskey, I.D. 1910: The Roofed Gallery on the Walls of Athens. *American Journal of Archaeology* XIV-3, 298–309.

Hellmann, M.-C. 2002: *L'Architecture grecque*. Vol. 1. *Les principes de la construction*. Paris.

Hodge, A.T. 1960: *The Woodwork of Greek Roofs*. Cambridge.

Hoefner, W. von, Schwander, E.-L. 1994: *Haus und Stadt im klassischen Griechenland*. München.

Miller, S.G. 1978: *The Prytaneion. Its Function and Architectural Form*. Berkeley–Los Angeles–London.

REFERENCES

Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2010: Fanagiriyskoe vosstanie 63 g. do n.e. [The Phanagorian uprising of 63 BC]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 1, 59–85.

Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2011: Novye dannye o Fanagoriyskom vosstanii 63 g. do n.e. [New Data Concerning the 63 BC Revolt in Phanagoria]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 64–94.

Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2011. Drevneyshee obshchestvennoe zdanie v Fanagorii [The most ancient public building in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural studies] 4, 188–198.

Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2013: “Verkhniy gorod” Fanagorii v 5 v. do n.e. (problemy periodizatsii i urbanistiki) [“The Upper city” of Phanagoria in the 5th century BC (problems of periodization and urbanistics)]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [Cimmerian Bosporus and the barbarous world in the period of Antiquity and the Middle Ages] (XIV Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 182–189.

Zavoykin, A.A., Monakhov, S.Yu. 2012: Amfornoe gorlo iz Fanagorii i dve serii keramicheskoy tary iz Fanagorii [The amphora neck from Phanagoria and two series of ceramic containers of the Late Classical Period]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural studies] 4, 117–127.

Kuznetsov, V.D., Zavoykin, A.A. 2010: O masterskikh fanagoriyskikh yuvelirov (?) vtoroy poloviny VI v. do n.e. [Workshops of Phanagorian jewelers (?) of the second half of the 6th century BC]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [Cimmerian Bosporus and the barbarous world in the period of Antiquity and the Middle Ages] (XI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 256–265.

Kuznetsov, V.D. 2011: Zametki o kul'turnom sloe Fanagorii (po materialam raskopa “Verkhniy gorod”) [Notes on cultural layers of Phanagoria (based on data of the “The Upper City” Site)]. In: N.A. Gavriluk, A.A. Maslennikov, A.A. Zavoykin (eds.), *Grecheskie i varvarskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya* [Greek and Barbarian sites of the Northern Black Sea Coast] (Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy [Technique of field archaeological researches]. 4). Moscow, 117–130.

Monakhov, S.Yu., Zavoykin, A.A., Kuznetsova, E.V. 2006: Keramicheskie komplekсы iz Fana-gorii (raskopki 2005 g.) [Ceramic assemblages from Phanagoria (the 2005 excavations)]. *Antichnyi mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 12. Saratov, 294–312.

Caskey, I.D. 1910: The Roofed Gallery on the Walls of Athens. *American Journal of Archaeology* XIV-3, 298–309.

Hellmann, M.-C. 2002: *L'Architecture grecque*. Vol. 1. *Les principes de la construction*. Paris.

Hodge, A.T. 1960: *The Woodwork of Greek Roofs*. Cambridge.

- Hoefner, W. von, Schwander, E.-L. 1994: *Haus und Stadt im klassischen Griechenland*. München.
- Miller, S.G. 1978: *The Prytaneion. Its Function and Architectural Form*. Berkeley–Los Angeles–London.

THE HOUSE NO. 460 AT THE ACROPOLIS OF PHANAGORIA
(PRELIMINARY REPORT)

Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
bospor@inbox.ru

Abstract. The most interesting and important discoveries were made under the recent decade excavation at the acropolis of Phanagoria (the trench “The Upper City”). They are connected with the research of the layers and constructions of the 6th – 5th and the end of the 2nd – the first half of 1st centuries BC. This is so because the layers of other periods have remained here worse or are not represented at all. The preliminary review of materials of one interesting architectural complex of the first half of 4th century BC, which was constructed over the public building burned down in the middle of 5th century BC, is given in this paper. The analysis of the remained bases of the walls allows us to determine the area of the building and its planning. On this basis, it was possible to assume that the building had at least two floors. Its roof was tiled. The entrance to the building decorated with a portico with two columns was located in the east side. From three sides (the west, the north, and the east) the house was surrounded by pavements of squares and a street, and its south side was contiguous with the large fundamental structure, the function of is obscure. It is also impossible now to draw conclusions on the functional purpose of this building, which was destroyed by conflagration in 350-s BC.

Keywords: Phanagoria, acropolis, Archaic and Classic Periods, Hellenism, architecture, layout, foundation, pavement, fire

---

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 237–257
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 237–257
© Автор(ы) 2018

А.С. УВАРОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОРИИ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ

Ю.М. Могаричев*, Д.А. Прохоров**

**Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
mogara@rambler.ru*

***Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
prohorov1da@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется версия происхождения и истории крымских караимов, содержащаяся в описании «пещерного города» Чуфут-Кале, составленного А.С. Уваровым в рамках четвертой главы «От Днепра до Таврических гор» третьего, неопубликованного выпуска «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря» (ныне хранится в архиве Государственного исторического музея). Источником для данного сюжета стало личное общение А.С. Уварова с С.А. Беймом и А.С. Фирковичем, взгляды которых и были во многом восприняты молодым исследователем. При этом А.С. Уваров являлся противником «хазарской» теории происхождения караимов, сформулированной в работах В.В. Григорьева за несколько лет до посещения им Чуфут-Кале (1848 г.). Доминирующим в этногенезе крымских караимов А.С. Уварову представлялся еврейский элемент: по его мнению, в целом караимы – это иудеи караимской секты, но часто сближавшиеся с хазарами. Именно караимы, благодаря усилиям легендарного Йицхака Сангари, обратили в иудаизм хазарского кагана, и, в определенной степени, слились с хазарами. После перехода в IX в. хазар в христианство (это случилось в результате посещения Хазарии свв. Кириллом (Константином) и Мефодием), они разделились с караимами. Исторические воззрения А.С. Уварова о хазарах, в основном, основываются на тру-

---

Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования. Ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.

Прохоров Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»).

дах И. Эверса и на западноевропейских переводах средневековых арабских авторов. Они страдают рядом анахронизмов, характерных даже для середины XIX в. Так, по мнению автора, столица Хазарии находилась в Аравии. При этом проявляется глубокое знакомство А.С. Уварова с работами византийских историков – патриарха Никифора и Константина Багрянородного.

Ключевые слова: А.С. Уваров, А.С. Фиркович, Крым, караимы, иудаизм, хазары

Выдающимся русским археологом – А.С. Уваровым, в рамках проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря»¹, планировался обзор археологических памятников Горного Крыма. Он должен был войти в третий выпуск «Исследований» (Гл. 4–7) и стать частью четвертой главы «От Днепра до Таврических гор». Однако данный труд остался незавершенным, а рукопись ныне хранится в Отделе письменных источников ГИМа². В разделе, посвященном городищу Чуфут-Кале (Л. 48 об. – 60 об.), А.С. Уваров поместил специальный очерк истории крымских караимов (Л. 49–56 об.). Причем при подготовке данного сюжета автор ориентировался на устные сообщения Шломо бен Авраама (Соломона Абрамовича) Бейма³ и Авраама бен Шмуэля (Авраама Самуиловича) Фирковича⁴, с которыми он встречался и беседовал на Чуфут-Кале (см. далее). Очевидно руководитель общины и идеолог крымских караимов оказывали особые знаки внимания молодому исследователю, сыну влиятельного в то время министра народного просвещения Российской империи и президента Императорской Академии наук С.С. Уварова. Известно, что они целенаправленно и настойчиво пытались донести до российского правительства и широкой общественности свою версию происхождения и истории караимов.

История изучения прошлого крымских караимов насчитывает несколько периодов, отличающихся разной динамикой и интенсивностью. И хотя историография вопроса имеет определенное число публикаций различного уровня, тем не менее, следует отметить, что многие эпизоды, связанные с этой проблематикой, остались вне поля зрения исследователей; помимо этого, ряд работ носит поверхностный и зачастую дилетантский характер. Существует также проблема интерпретации источников: в частности, это касается непосредственно полемики по вопросу об этногенезе караимов и о времени их появления в Крыму, которая ведется уже более столетия. С сожалением приходится констатировать, что зачастую данная дискуссия выходит за рамки научной аргументации и во многом носит ангажированный характер.

¹ См. Тункина 1996, 166–167.

² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196.

³ Шломо бен Авраам (Соломон Абрамович) Бейм (1817/1819 (?) – 1867) – караимский педагог и религиозный деятель. Был учеником видного караимского просветителя Мордехая бен Йосефа Султанского (1772–1863). После смерти отца, одесского купца 3-й гильдии и газзана Авраама Бейма, Шломо Бейм был избран на должность газзана в одесской кенасе, а в июле 1855 г., по определению таврического губернатора В.И. Пестеля, был назначен и. о. караимского гахама (в связи со смертью гахама Симхи Бабовича).

⁴ Авраам бен Шмуэль (Авраам Самуилович) Фиркович (1787–1874) – известный караимский собиратель древностей, положивший начало созданию обширной коллекции караимских, еврейских и самаритянских рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе, и Крыма.

Отметим, что у большинства авторов середины XIX – начала XX в. прослеживается предвзятость в освещении того или иного аспекта жизни иудейских общин России, выражавшаяся, прежде всего, в явном противопоставлении караимов и евреев-раввинистов⁵. В соответствии с версией, впервые выдвинутой российскими востоковедами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым, которой и сегодня придерживаются некоторые ученые и краеведы, этнически караимы являются потомками хазар, половцев и других тюркских народов⁶. Тем не менее, данная концепция не имеет достаточно серьезных доказательств; к тому же, ее позиции значительно ослабляет ситуация, связанная с деятельностью А.С. Фирковича и его наследием в связи с многочисленными фактами фальсификации источников.

Наиболее полемический характер носит проблема появления караимов в Крыму, Литве и Польше. В современной академической литературе принято считать, что караимы появляются в Восточной Европе уже в послехазарское время. Основанием для этого утверждения могут служить сведения, содержащиеся в ряде письменных источников. Наиболее достоверное упоминание о пребывании караимов на полуострове датируется второй половиной XIII в.⁷ Кроме того, существует еще одна, т.н. «синтетическая» версия – ее приверженцы попытались объединить отдельные постулаты первых двух теорий. «Синтетическую» версию принимали и некоторые видные караимские просветители XIX в.⁸ Серьезным доказательством в вопросе о времени появления караимов в Крыму следует назвать полную каталогизацию надгробных памятников на крымских караимских некрополях (прежде всего – на кладбищах в Иосафатовой долине под Бахчисараем и под Мангупом), а также их полное научное исследование⁹.

В середине XIX в. караимскими и российскими интеллектуалами был принят ряд мер по сохранению Чуфут-Кале как исторического, культурного и духовного центра проживания крымских караимов. Правительственные круги направляли духовным и светским лидерам караимских общин соответствующие запросы, вызванные необходимостью разобраться в вопросе о гражданско-правовом статусе караимского населения в контексте проводимого российским правительством антиеврейского внутривосточного курса. Так, 31 января 1839 г. по просьбе Одесского общества истории и древностей (ООИД), а также Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора князя М.С. Воронцова Таврическим губернатором М.М. Муромцовым караимскому гахаму Симхе бен Шломо Бабовичу официально были направлены шесть вопросов, в том числе, и о древности проживания караимов в Крыму. Гахаму предлагалось объяснить, «с которого времени и по какому случаю» караимы поселились в Крыму, «откуда или от какого народа Караимы ведут свое происхождение, какие есть разительные черты в характере их, не были ли из числа их таких мужей, которые бы ознаменовали жизнь свою чем-нибудь особенным, нет ли в преданиях караимов каких-либо памятников, которые бы свидетельствовали о прежнем политическом их быте» и «чем особенно отличаются догматы их религии от Еврейского исповедания?»¹⁰.

⁵ Прохоров 2017, 158–177.

⁶ Григорьев 1846, 3–49; Смирнов 1918, 119.

⁷ Анкори 2012, 281; Кеппен 1837, 289, 290.

⁸ N.N. 1911, 48, 49.

⁹ Федорчук 2008, 212–227.

¹⁰ ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 73, 73 об.

В связи с этим распоряжением гахамом С. Бабовичем была инициирована деятельность известного караимского ученого и собирателя иудейских древностей Авраама бен Шмуэля Фирковича. Последний вспоминал об этом следующее: «Предложение гражданского губернатора, говорит он, сделанное в такой форме гахаму, не могло не возбудить между Караимами самого живого сочувствия. Гахам собрал ученых Караимов и предложил им составить ответы на вопросы, сделанные правительством. Караимское общество единодушно обратилось ко мне с просьбой принять на себя исследование по разрешению этих вопросов; за отсутствием же достаточного количества наличных материалов, я нашел тогда необходимым посетить разные места Крыма»¹¹. 17 сентября 1839 г. С. Бабович рапортовал М.М. Муромцову о начале археографической экспедиции¹², в которой А.С. Фирковича сопровождал газзан Шломо бен Авраам Бейм. В результате проведенных изысканий ими была обнаружена 51 древняя рукопись и фрагменты Та-НаХа (Ветхого Завета), а также были изготовлены 58 копий с надгробных камней на караимских кладбищах в Чуфут-Кале и на Мангупе. 2 ноября 1839 г. А.С. Фирковичем был составлен рапорт на имя М.М. Муромцева об обнаруженных находках. К нему прилагалась справка, заверенная в старокрымской городской ратуше, о том, что «Фиркович отыскал в Старом Крыму при выезде из оногo <...> пять камней в кладбищах с надписями 4670, 4704, 4842, 4819 и 4864 годов»¹³ – т.е. 910, 944, 1059, 1089 и 1104 гг. н.э. – с которых он также снял копии. Однако, как полагают некоторые специалисты, надписи эти были А.С. Фирковичем фальсифицированы, как и многие приписки к колофонам в найденных им библейских рукописях, в том числе, и к четырем колофонам, где сообщается о посвящении свитков Торы синагоге хазар в Солхате (929, 939, 965 и 1140 гг.) – в действительности, самые древние из них датируются только XIV в. (1360 и 1376 гг.)¹⁴.

Часть собранного А.С. Фирковичем материала была передана в музей Общества истории и древностей, а их краткое описание помещено в первом томе «Записок» Общества¹⁵. Для детального изучения собранных документов членами ООИД был приглашен директор Одесского еврейского училища Бецалель Штерн. В сентябре-октябре 1842 г. им была совершена поездка в Крым. В целом отчет, составленный Б. Штерном, был для собранной А.С. Фирковичем коллекции благоприятным¹⁶, однако впоследствии многие детали сделанных находок вызвали у исследователей множество вопросов и сомнения в их аутентичности¹⁷. В 1845 г. собранный А.С. Фирковичем и Б. Штерном материал был обработан и опубликован на средства Общества немецким гебраистом, доктором философии из Берлина Э. Пиннером. Краткое извлечение из этого издания, помещенное во втором томе «Записок», помимо всего прочего, содержит сведения и о том, что «Сулхатское Козарское общество» существовало уже в конце IX в. (один из опубликованных

¹¹ Гаркави 1876, 7.

¹² Вихнович 2012, с. 111–112.

¹³ Стевен 1891, 88.

¹⁴ Шапира 2004, 105–106, 115–117, 121, 124, 127; 2010, 22.

¹⁵ Штерн 1844, 640–649.

¹⁶ Штерн 1844, 647.

¹⁷ Гаркави 1877, 98–121; Гаркави и др. 1875, 35–36.

свитков якобы был подарен местной общине в 881 г.), что, конечно же, не может не вызывать сомнений в его аутентичности¹⁸.

В дальнейших своих путешествиях по Крыму, Турции, Кавказу, Ближнему Востоку, Литве А.С. Фиркович собрал действительно уникальные рукописные коллекции по истории иудейских общины Крыма и Кавказа. В 1856 г. он обратился к дирекции Императорской публичной библиотеки с предложением приобрести это собрание. В октябре 1862 г. после рекомендации Особой комиссии Российской АН по «Высочайшему повелению» коллекция рукописей была куплена за 125 тыс. руб. В нее вошло 975 свитков и рукописей на коже и пергаменте, 703 документа (подлинники и копии), 734 снимка и копии с надгробных надписей. Собрание, которое также включало надгробные плиты с кладбища Чуфут-Кале, по словам современников, «обратило на себя внимание всего ученого мира, не только в России, но и вне ее»¹⁹. В 1872 г. А.С. Фиркович издал в Вильно книгу «Сэфер Авнэ-Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем», куда вошло 769 эпитафий: 564 – из Чуфут-Кале (древнейшая из них датирована Фирковичем 6 г. н.э.), 72 – из Мангупа (с 866 г.), 28 – из Кафы (с 1078 г.), 5 – из Солхата (по утверждению коллекционера, с 910 г.) и 100 – из Евпатории (с 1593 г.)²⁰.

Конец XVIII и вся первая половина XIX в. прошла для караимов под знаком борьбы за свои гражданские права, вызванной стремлением дистанцироваться в правовом поле от евреев-раввинистов, для чего караимские светские и духовные лидеры направляли в вышестоящие инстанции всевозможные прошения и ходатайства. Итогом этой деятельности стало принятие 8 апреля 1863 г. закона, в соответствии с которым за караимами закреплялись все права и свободы, предоставленные «титულной» нации империи²¹.

Текст рукописи

Л. 49.

«Благодаря содействию и просвещённой любви к науке главного Гахана²² Соломона Бейма, мы можем теперь передать некоторые, весьма любопытные сведения, найденные в разных местах обитаемых Караимами. Член-корреспондент Одесского общества²³ Авраам Фиркович, путешествовавший по Кавказу и Крыму, для изучения памятников Караимского народа, открыл самые любопытные сведения о Караимах и бросающие совершенно новый свет на его историю. Ученый мир должен с нетерпением (слово неразборчиво – авт.) историю, написанную по документам г. Фирковичем. – Л. 49 об. – Мы постараемся передать все важные сведения, которые он нам сообщил, и еще раз благодарим г.г. Бейма и Фирковича за оказанное нам содействие.

¹⁸ Михневич 1848, 50–52.

¹⁹ Вихнович 2012, 166.

²⁰ Федорчук 2008, 215.

²¹ Прохоров 2015, 76–88.

²² А.С. Уваров неверно указывают должность духовного главы караимов в XIX – начале XX в.: «гахан» вместо «гахам». Она была введена в соответствии с принятием в 1837 г. «Положения об учреждении Таврического Караимского духовного правления». Впоследствии псевдоисторический термин «гахан» был озвучен С.М. Шапшалом, который изменил привычный древнееврейский термин «гахам», или «хахам» (мудрец). Целью подобной деятельности являлось создание лингвистическо-этническо-тюркской идентичности караимов, не ориентированной на их религиозную принадлежность.

²³ Одесское общество истории и древностей.

Очерк истории Караимов и Караимских поселений в Крыму(Слева на полях – Статья Григорьева о Караимах)²⁴

Сведения, сообщенные мне г.г. Беймом и Фирковичем, можно разделить на два разряда

а) Надписи, высеченные на камнях.

б) Приписки, находящиеся при конце арамейских списков Пятикнижия Моисеева

Самые важнейшие из каменных надписей, сняты нами на месте и приложены к этому сочинению, что же касается до памятников письменных, то очень было бы важно изучить их палеографически и удостовериться в коей степени они могут выдержать подобный разбор.

Название Караимов, или как некоторые им неверно говорят Караитов, происходит от арабского глагола кара, читать. – Л. 50 – Они приняли это название, для различия от Талмудистов, или принявших Талмуд, изузное предание.

Караимы обитают теперь в Крыму во многих местах, но, когда поселились они на Таврическом полуострове? Самая древнейшая могила Иосафатовой долины относится к VII столетию после Р.Х.²⁵, следовательно, надо искать их переселения в прежних столетиях. ?? Г. Фиркович нашел в Дербентской области в синагоге деревни Менгелис, надпись определяющую время переселения Караимов в Крым²⁶.

(Слева на полях – авт. «Надпись а».).

(Прим. – авт.) «Надпись в (N 2) совершенно нового производства, потому что она будто писана в 957 году, а упоминает о Кафе, которая основана тремя столетиями позже. Вообще надо осторожно принимать Караимские документы, которые большей частью все подделаны»²⁷).

Доселе не были еще определены с точностью отношения Караимов к Хазарам. Все писавшие об этом предмете, основывали свои догадки на предположениях, а теперь с помощью открытых памятников, можно положительно определить – Л. 50 об. – что сначала Караимы старались распространить свою веру между Хазарами, которые приняв ее, тесно соединились со своими наставниками, и впоследствии с ними слились, что составляли одни общества и имели одни посе-

²⁴ Очевидно имеется в виду статья В.В. Григорьева «Еврейские религиозные секты в России», впервые изданная в «Журнале Министерства внутренних дел» в 1846 г. (Григорьев 1846) и впоследствии перепечатанная в сборнике статей этого автора «Россия и Азия» в 1876 г. (Григорьев 1876а, 423–447). Там впервые обосновывалась т.н. «хазарская теория» происхождения караимов (См. Михайлова 2007, 178–179). Из последующего текста становится очевидным, что А.С. Уваров «новаторские» взгляды российского востоковеда не разделял.

²⁵ В свете исследований современных ученых можно утверждать, что древнейшие датированные надгробия в Иосафатовой долине относятся только ко второй половине XIV в. (см. далее).

²⁶ Маджалисский документ – принятое в науке название небольшой рукописи исторического содержания, написанной на древнееврейском языке. Ее центральным сюжетом является сообщение о переселении евреев с Ближнего Востока в Крым в годы царствования персидского царя Камбиса в VI в. до н.э. После опубликования документа в 1845 г. среди ученых-семитологов разгорелась полемика относительно его достоверности: так, например, профессор Д.А. Хвольсон и С. Пинскер посчитали его подлинником, а такой специалист, как А.Я. Гаркави, называл источник подделкой, после чего документ, получивший сомнительную репутацию, так и не был введен в научный оборот.

²⁷ О проблеме фальсификации караимских рукописей А.С. Фирковичем см. выше.

ления. Древнейшие сведения о Хазарах²⁸, дошедшие до нас, находятся у византийского писателя Никифора Патриарха (на полях слева – авт. «III. стр. 545»)²⁹ и относятся к 626 году по Р.Х.³⁰

Все племена признали их остатками Гуннов, выгнанных из пределов Китая и поселившихся в I столетии Р.Х. на берегу Каспийского моря. Их прочие звали Коза и Хазары, Хотциры и Акатциры, и Косри (? – авт.) (слева на полях – авт. «page 277»). В VIII столетии мы встречаем Хазар в Бухарии³¹, а в Аравии³² они основали город Амал (Ашал? – авт.)³³. Тут же встречаем первый раз сведения о

²⁸ К середине XIX в. хазароведческие штудии не были популярны в российской историографии. Д.И. Языков, опубликовавший в 1840 г. пространную статью о хазарах (Языков 1840, 155–240), в которой попытался собрать все имеющиеся на тот момент сведения о них, в историографическом разделе среди русскоязычных исследователей упоминает только труды Н.М. Карамзина (Карамзин 1997, 62–65) и две статьи В.В. Григорьева (См. Григорьев 1876б, 45–65; Григорьев 1876в, 66–78). Так же он указывает сделанный М.П. Погодиным русский перевод, написанный на немецком языке, статьи И. Эверса (Погодин 1826, 107–128). Среди исследований на европейских языках Д.И. Языков отмечает труды Х. Френа и К. Доссона (Языков 1840, 155–156). Кроме этого, можно упомянуть изданный в 1844 г. перевод П. Тяжелова немецкоязычной статьи Б. Дорна «Известия о хазарах восточного историка Табари» (Тяжелов 1844). Как мы увидим в дальнейшем, А.С. Уваров повествуя о хазарах, во многом ориентировался на работу Эверса/Погодина и, очевидно, на иностранные публикации, в частности переводы средневековых арабских авторов.

²⁹ Имеется в виду «Бревиарий» константинопольского патриарха Никифора, написанный в 70–80-х гг. VIII в. (Чичуров 1980, 147). В данном случае А.С. Уваров фактически повторяет выводы И. Эверса, с той лишь разницей, что профессор Дерптского университета указывал: сведения Никифора являются наиболее ранними не вообще из всего круга источников о хазарах, а только среди византийских авторов (Погодин 1826, 115).

³⁰ Под 626 г. Никифор повествует об аvaraх и их нападении на Фракию и Константинополь. Наиболее ранние сведения о хазарах в «Бревиарии» соответствуют 679/680 г. (Чичуров 1980, 161–162). Как следует из дальнейшего повествования, А.С. Уваров, в русле господствующих тогда исторических построений, считает хазар прямыми потомками гуннов, соответственно хазарами следует признать и авар.

³¹ По мнению Б.Е. Рашковского, скорее всего, А.С. Уваров имел в виду Среднюю Азию, которую тогда в России именовали Бухарией. Восточные авторы, а А.С. Уваров, как предположил Б.Е. Рашковский, скорее всего, пользовался иностранными переводами ал-Мас'уди и, возможно, иных арабских писателей, помещали Хазарию, в том числе, и в районе Каспия. Авторы выражают Б.Е. Рашковскому искреннюю благодарность за обстоятельную консультацию по данному вопросу.

³² Откуда А.С. Уваров заимствовал информацию об хазарах в Аравии, до конца не ясно. Скорее всего, как считает Т.М. Калинина, из имевшихся тогда иностранных переводов арабских и еврейских авторов. Во-первых, здесь могла возникнуть аллюзия с Химиаритским царством в Южной Аравии, правитель которого Зу Нуvas Юсуф Асар Ясар (Масрук) в начале VI в. принял иудаизм. Вслед за правителем, иудеями стали и его подданные. Об этом знал и ал-Мас'уди. С другой стороны, истоки этой версии могут быть в Еврейско-Хазарской переписке и являться некой интерпретацией известий о Хазарии из письма царя Иосифа, сохранившегося у Иехуды бен Барзилая. Напомним, во вступлении Исаака Акриша к Еврейско-Хазарской переписке, впервые опубликованной в 1577 г. в Константинополе (Коковцов 1932, IX) и впоследствии неоднократно переиздававшейся, среди местностей, где живут иудеи, которые правят другими народами упоминается «царство Темана, внутри Аравии» (Коковцов 1932, 40). В любом случае, этой версии мы не нашли аналогов в русскоязычной литературе того времени. Поэтому, скорее всего А.С. Уваров заимствовал сию гипотезу из каких-то иностранных трудов по хазарам, или скорее всего из комментариев к переводам арабских авторов (ал-Мас'уди?). Авторы искренне благодарят Т.М. Калинину за профессиональную и обстоятельную консультацию по данному вопросу.

³³ Хотя текст рукописи А.С. Уварова достаточно сложен для прочтения, вероятнее всего там написано именно Амал. Несомненно, несмотря на очевидную путаницу, и достаточно поверхностное представление А.С. Уварова об исторической географии Хазарии, здесь идет речь об Итиле, столице Хазарского каганата. Локализация же этого города в Аравии – явная нелепая ошибка. Во-первых,

Евреях, живших в этом городе вместе с Христианами, Магометанами и Идолопоклонниками³⁴. На западе, к Азовскому морю – Л. 51. – Таврического полуострова они (слово неразборчиво – авт.) город ранее. В 680 году они победили Унгов³⁵, а в 702 император Юстиниан, удалившийся в Корсунь принужден скрыться к Кагану Хазарскому в крепости его Дарос или Дорос. Мы видим тут первое название крепости, бывшей во власти Хазаров, предположение что Дорос – это теперешний Инкерман, весьма правдоподобно (ссылка на полях – авт. «см. Дюбуа об Инкермане³⁶»). Далее мы видим, что Хакан дал Юстиниану город Фанагория³⁷ для жития, следовательно, этот второй уже город, принадлежавший Хазарам³⁸. В 834 году, Хазары с помощью корсунского архитектора Петроны Каматира строят на Дону город Саркел или Белгород. (ссылка на полях – авт. «Sub. III page 566 page 569»)³⁹.

Делиль в своих приложениях к географическим таблицам, составленным к описанию Константина Багрянородного, говорит, что Хазария занимает то пространство, которое впоследствии получило название Малой Татарии, что горо-

---

хазары Аравийским полуостровом не владели. Во-вторых, у Н.М. Карамзина Итиль пишется как Ател (Карамзин 1977, 63), а у И. Эверса (в переводе Погодина) (вспомним, именно на эту публикацию во многом ориентировался А.С. Уваров) – Ашель (Погодин 1826, 109). И в-третьих, контекст упоминания Амала у Уварова полностью совпадает с рассказами арабских авторов об Итиле (см. далее). Авторы благодарят Т.М. Калинин и Б.Е. Рашковского за консультацию по данному вопросу.

³⁴ О жителях Итиля – мусульманах, христианах, иудеях и язычниках – писали ал-Истахри, Ибн Фадлан, ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси (См. Новосельцев 1980, 8–28; Калинина 2014, 8–100; Древняя Русь 2014, 13–166 и др.).

³⁵ Можно предположить, что здесь уваровская интерпретация сообщения Никифора, который под 679/680 гг. повествует о разгроме хазарами болгар (Чичуров 1980, 161–162). Подобная информация присутствует и в «Хронографии» Феофана (Чичуров 1980, 60–62). Заметим, на Феофана, как и на Никифора ссылается источник А.С. Уварова – И. Эверс (Погодин 1826, 115).

³⁶ См. Дюбуа де Монпере 2009, 244–249. Что касается локализации Дороса в Инкермане, то А.С. Уваров повторяет ошибочное мнение, восходящее к Тунманну (Тунманн 1991, 31) и бытовавшее во времена А.С. Уварова. В свете современных научных представлений, не вызывает сомнений, что Дорос – это Мангуп (См. напр.: Герцен 2017, 349).

³⁷ Античный и средневековый город на побережье Керченского пролива (Таманский полуостров). После бегства свергнутого Юстиниана II к хазарам и его женитьбе на сестре хазарского правителя, Фанагория стала местом жительства бывшего византийского императора. Когда супруга Юстиниана узнала, что каган, поддавшись на уговоры из Константинополя, приказал избавиться от Юстиниана и сообщила об этом мужу, тот убив двух приставленных к нему людей кагана, бежал из города (см. далее).

³⁸ А.С. Уваров пересказывает сюжеты из подробно описанной в «Хронографии» Феофана Исповедника и «Бревиарии» Никифора истории о ссылке в Херсон свергнутого императора Юстиниана II (685–695 и 705–711 гг.), его бегстве к хазарам, женитьбе на сестре кагана, жительстве в Фанагории, возвращении на константинопольский престол с помощью дунайских болгар, последовавших за тем карательных мерах против Херсона, восстании против Юстиниана жителей Херсона и других византийских крепостей Крыма, свержении императора и воцарении в Византии Вардана-Филиппика (Чичуров 1980, 62–65, 163–166).

³⁹ Эта информация присутствует у И. Эверса. См. также (Языков 1840, 191–194). Первоисточником же выступает Константин Багрянородный («Об управлении империей» (42) (Константин Багрянородный 1989, 171–173). А.С. Уваров явно ошибается, когда интерпретирует Петрону Каматира как корсунского архитектора. Петрона к хазарам был направлен из столицы. Только после строительства Саркела и возвращении в Константинополь, тот был назначен стратигом только что созданной фемы в Крыму (Константин Багрянородный 1989, 173).

да их были – Л. 51 об. – Керчь, Херсон и Тамань (Ссылка на полях – авт. «Shit page. 568»)⁴⁰.

Бросим же теперь взгляд на внутреннее состояние этого народа. Мы видим, что в Бухарии и в Аравии они имели государство, коею столицею был Амал (Ашал? – авт.). Правитель этого государства, был из еврейского народа, его главный визирь – Магометанин, а жители, как и весь народ Хазаров, состояли из Христиан, Магометан, Евреев и идолопоклонников. Из этого описания мы видим, всю веротерпимость Хазар, веротерпимость, которая допускала даже достигать высшую должность между ними⁴¹. Заняв Тавриду, они продолжали действовать совершенно в том же духе, то есть покровительствовать всем вероятно, верованиям. Но, около IX столетия, Хазары увидели, что против набегов Русов и Печенегов, одна сила Византийцев могла противостоять, обратились в 858 году к Императору Михаилу III прося его научить их – Л. 52 – вере Христианской. Сыновья Льва, чиновника богатого, Кирилл и Мефодий отправились в Хазарскую землю⁴² (ссылка на полях – авт. «Четьи-Минеи 11 мая (у римлян 9 марта) О Кирилле и Мефодии в Московитянине 1843. III. № 6»⁴³). Прологи и Минеи нам подробно описывают усилия обоих братьев к распространению Христианской веры. Хазары были тогда уже Еврейской веры⁴⁴, а, славянские языки были меду ними общепринятыми. (Ссылка на полях – авт. «Рукописный пролог (прочерк – авт.) столетия 11 мая. «Некогда же посла Царь брата его Кирила, в Козарский град, до препрет приди, иже денутся они земля их, бяху бо о угри козары иудейскою прияли веру. Кирил же умоли брата своего Мефодия ити с собою, яка оумяша языки словеньский. Оба достали всю страну ту силою Христовою о уверити вся люди, и, приди поучата, просяху же словени крещения»)⁴⁵.

⁴⁰ Гийом (Вильгельм) де Лилль (1675–1726) – французский картограф. Имеется в виду следующее издание произведений Константина Багрянородного (Bandurius 1711). Карта де Лилля помещена на с. 104. Вероятно, источником информации о де Лилле выступила публикация И. Эверса (Погодин 1826, 124). Авторы благодарят М.В. Грацианского за обстоятельную консультацию по поводу различных изданий произведений Константина Багрянородного.

⁴¹ Источником данной информации для А.С. Уварова была статья И. Эверса (Погодин 1826, 110, 122. См. так же: Языков 1840, 162–171). Первоисточником же является ал-Мас'уди (Древняя Русь 2009, 109–118).

⁴² О хазарской миссии Константина Философа (860–861 гг.) см.: Флоря 1981, 76–86; Бернштейн 1984, 60–76 и др.

⁴³ Имеется в виду статья: Горский 1843, 405–434.

⁴⁴ По вопросу о времени перехода хазар в иудаизм существуют различные точки зрения. Так как источники, повествующие об этом, фрагментарны и противоречивы, в зависимости от степени доверия конкретного автора тому или иному информатору и вычислялась дата иудаизации хазар: 620–621 гг. (основание – письмо хазарского царя Иосифа); первая половина VIII в. (Иегуда Гелеви); конец VIII – начало IX в. (Гал-Мас'уди); начало 860-х гг. (Житие Константина Философа). Кроме того, некоторые ученые, на основании письма хазарского царя Иосифа, писали о двух стадийной иудаизации хазар, а О. Прицак – о трех стадийной. Авторам наиболее убедительной представляется точка зрения, высказанная Д. Марквартом, Г. Вернадским и в наиболее завершенной форме сформулированная К. Цукерманом, о принятии хазарами иудаизма в качестве государственной религии около 860 г., по К. Цукерману – около 861 г. (см. подр. Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017, 437–438). Как видим, к моменту путешествия Константина Философа в Хазарский каганат, иудаизм, вероятно, еще не был принят хазарами в качестве государственной религии.

⁴⁵ Еще Д.Е. Языков показал, что в данном произведении произошло «слияние» хазарской и славянской миссий Константина Философа и крещение моравских славян автор «совместил» с крещением хазар, которого реально не было (Языков 1840, 169–170).

Следствием проповеди Кирилла и Мефодия было вероятно крещение Евреев⁴⁶ из некоторых городов Хазарских и лишением некоторых льгот, которыми они прежде пользовались. Трудно определить, все ли Хазары были еврейской веры, или только часть народа. Самыми упорными противниками Христианства, были Евреи, с которыми в присутствии самого Хагана, Кирилл имел прения о вере⁴⁷. Эти прения записаны были Мефодием, и разделены на 8 глав или словес (ссылка на полях – авт. «Макарий стр. 112⁴⁸»).

С принятием Христианской веры рушилось отчасти и влияние Евреев. – Л. 52 об. – Так как переселение Хазаров в Крым произошло в VII столетии⁴⁹, то можно приписать к полному Еврейскому влиянию почти два столетия существования. Самый древний памятник Евреев в Крыму, есть надпись на гробнице Исака сына Яковлевого, находящего в Иософатовой долине у Чуфут-кале, и принадлежащая к 4400 году Еврейского числения, т.е. 640 по Р.Х.

(Ссылка на полях – авт. «Гробница Иософатовой долины под № 50. Сей камень, поставил его над гробом мужа (слова неразборчиво – авт.) и превосходного лица б(?) Исака благоумного сына Яковлева. Умер в среду 28 дня Швата (января) 4400 года»)⁵⁰.

(Красными чернилами на полях – авт. «Фиркович говорит, что есть надписи I века после Христа, и одна 20 года до Р.Х.; находятся ли они?»).

Следовательно, можно верно предположить, что Евреи, Караимской секты пришли в Крым вместе с Хазарами, или предшествовали им несколькими годами. Их первое поселение, основанное тоже по гробнице Исака⁵¹, было в Чуфут-Кале⁵². По годам, к которым принадлежали Караимские могилы в других местностях Крыма, мы можем проследить постепенное их расселение по Таврическому

⁴⁶ Вероятно, мы имеем дело с ошибочной интерпретацией сведений Жития Константина Философа. Там повествуется, что в результате диспутов при дворе кагана крестились двести человек, но подчеркивается, что те были язычниками (Флоря 1981, 85).

⁴⁷ О диспуте, состоявшемся между св. Кириллом и иудеями при дворе кагана, сообщает Пространное Житие Константина (Флоря 1981, 74–84).

⁴⁸ См. Макарий 1846, 12. В данном случае А.С. Уваров присоединяется к мнению, что Житие Константина Философа было составлено его братом Мефодием, хотя эта точка зрения достаточно дискуссионная (Флоря 1981, 44; Трендафилов Житие).

⁴⁹ В свете современных научных представлений, появление хазар в Крыму, как завоевателей, произошло не ранее второй половины VIII в. В начале этого столетия, они присутствуют на полуострове (в истории с Юстинианом II) исключительно как наемники, не имея никаких территориальных претензий. Боспор, Херсон и другие местности, в Южном Крыму в источниках выступают исключительно как византийские (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017, 401–429).

⁵⁰ А.Я. Фиркович в своей книге «Авнэ Зиккарон», написанной в 1841 г. и опубликованной лишь в 1871 г. в Вильне, сообщал, что среди надгробий им было обнаружено несколько древних памятников, при этом «самый древний из них (Чуфут-кале – авт.) – это памятник почтенному риbbи Йицхаку-маскилу, сыну Йакова, душа его в саду Эден, умершему в 4400 году, т.е. в 7 веке христианской эры. А самый молодой из них (Мангуп – авт.) – это памятник высокочтимому Давиду, газзану общины Мангупа, умершему в 4972 году, т.е. в 13 веке христианской эры» (Фиркович 2012, 15). Однако свидетельства А.Я. Фирковича вызывали и вызывают сомнения в их достоверности, т.к. даже многие его современники сообщали о фальсификации сделанных караимским ученым находок.

⁵¹ Йицхака Сангари.

⁵² По оценкам современных исследователей на кладбище в Иосафатовой долине находится порядка 7 тыс. надгробий, из которых 3400 снабжены эпитафиями. Самые ранние сохранившиеся надписи датированы 1364 и 1387 гг. Выявлено так же 25 эпитафий XV в., и 63 – XVI в. К XVII, XVIII и XIX вв. принадлежат от 800 до 1000 надгробий с надписями. Последние захоронения относятся к середине XX века. (Федорчук 2008, 219).

полуострову. Сначала поселились они в Мангупе (ссылка на полях – авт. «Фирк. В Мангупе древнейшая надпись принадлежит к IX веку, а самая новейшая к XVII веку»)⁵³, потом в Феодосии – Л. 53 – где в 848 году по Р.Х. существовала уже синагога (ссылка на полях – авт. «Письмо Фирковича»). А в Старом Крыме появились они только в X веке (ссылка на полях – авт. «Фир. В Старом Крыме древнейшая гробница относится к X веку и к XI, XII векам. Гробница № 5. Авраам сын Иакова умер 4600 года (910 по Р.Х.). № 4. Гулав, дочь Иосифа 4704 года (944 год по Р.Х.)»)⁵⁴.

Вот, что можно вывести из некоторых памятников Караимского народа, т.е. надписей, высеченных на каменных гробницах, и подделать которые труднее других письменных памятников.

Теперь, по припискам, находящимся на конце разных списков Пятикнижия, мы заключим и о состоянии Евреев при Хазарах и об отношении их к Хазарскому народу. На некоторых рукописях, Караимы вроде Молдован, писали всякие заключения против воров, или против предателей или небрежных хранителей. При этом приписывали в каком месте, и в каком году написано Пятикнижие. По этим выходам мы имеем очень важные сведения о местах обитания Караимами и вместе с ними и Хазарами. – Л. 53 об. –

Сефарад (Керчь)⁵⁵.

⁵³ Современные исследования иудейского некрополя в Табана-дере показали, что он возникает в 40-х гг. XV в. и функционирует до 1786 г. Всего на кладбище выявлено 1008 надгробий, из которых 223 содержат эпитафии (Кашовская 2003, 557).

⁵⁴ В Солхате (Старом Крыму) А.С. Фиркович исследовал караимские надгробные памятники, наиболее интересные из которых (18) вошли в собрание эпитафий 1872 г. Самое раннее захоронение, по мнению А.С. Фирковича, было датировано 910 г. Однако наиболее достоверное упоминание о пребывании караимов в Солхате датируется второй половиной XIII в. (Анкори 2012, 281). В XIV в. в Солхате проживал некий Авраам Къырыми (т. е. «из <города> Крыма» – как полагает Д. Шапира, прозелит общины евреев-раввинистов) (Шапира 2010, 21). Авраам Къырыми является автором теологического трактата «Сефат а-эмет» («Язык истины», 1358 г.) (Кизилов 2003, 124). Помимо всего прочего, упоминания в караимских преданиях о переселении в Крым караимов также могут косвенно свидетельствовать о том, что они появились на территории полуострова в XIII в. – возможно, караимы прибыли сюда вместе с татарами из Персии, Бухарии и Черкессии после одного из набегов татар в Крым в 1239 г. (Кеппен 1837, 289–290). Еще одним свидетельством в пользу вышеприведенной версии является обнаружение надгробной плиты с надписями на арабском (с указанием даты реставрации местной мечети – 1309 г.) и на иврите (размеры плиты: 83 x 44 x 8 см). Ивритская надпись относится к 1517 г.: «Здесь похоронен почетный старец Мардохей, сын Мардохея. Скончался в первый день недели 17-го Тевета 5277 г. Да будет душа его завязана в узле жизни у Господа Бога его» (Маркевич 1892, 127). До обнаружения плиты древнейшим эпиграфическим памятником мусульманского происхождения в Старом Крыму была надпись на портале мечети Узбека (1314 г.). Ныне этот ценный артефакт хранится в лапидарии Центрального музея Тавриды в Симферополе (КП-15558 А-20750).

⁵⁵ Данный топоним фигурирует в приписке к пергаментному свитку Торы, обнаруженному А.С. Фирковичем (а именно, это две копии с документа, найденного в 1840 г. в Дербенте). Маджалисский документ, впоследствии якобы утерянный, состоял из пергаментного листа, имевшего, по свидетельству Д.А. Хвольсона, 57,75 см в длину и 15,5 см в ширину. В тексте повествования, которое велось от лица некоего Авраама Керченского, в частности, говорилось: «Я, один из мирных, верных Израиля, Авраам Бен М. Симха, из города Сефарад, в царстве наших братьев, благочестивых прозелитов, Хазар, в 1682 году после нашего изгнания, т.е. в 4746 году по сотворении мира (в 986 году по Р.Х.), по летосчислению Употребляемому братьями нашими, иудеями города Матархи, когда прибыли послы князя Рош (Рос) Мешех (Мосох), из города Циова, к государю нашему Давиду, хазарскому князю, по делам веры Для исследования, (тогда) я был им (кн. Давидом) отправлен в страну Парас и Мадай (Персию и Мидию) чтоб покупать Древние книги Тора, пророков и агиогра-

(Ссылка на полях – авт. «На конце книги Пророчеств, находящейся в Евпатории в пещере⁵⁶ Синагоги, выход этот состоит из одиннадцати приписок разного времени»).

В сентябре месяце 916 года написана была Книга Пророчеств неизвестен год (ссылка на полях Чикурга (? – авт.) «документы стр. 35 на 843 году») но потом куплена в Сефараде, где вероятно и была написана. Шестая приписка сделана в 956 году уже вторым владельцем одним из сыновей, первого владельца и покупателя Исака, сына Иосифова. Далее видно, что сын Исака продал ее «великому учителю Князю Гедану, сыну Эльхана». Гедан носит сверх того звание «Князя Начальника и главы». В 1121 году, эта книга последний раз переходит опять в новые руки. В этих приписках встречается много восточных слов, как-то турецких и персидских (заметка на полях – авт. «Спросить у Тонгабалиева значение этих слов и принадлежность их»). Не показывает ли это нам ясно, что Караимы переняли у Хазаров, свойственные им по происхождению, это вероятно не чисто Персидские или Турецкие слова, но чисто Хазарские.

Солхат (Старый Крым)

(Ссылка на полях – авт. «Все Караимское общество в Старом Крыму делится на две части, вероятно по месту поселения. На Солхате (от слова – левая сторона) левое общество, а на Онхате (он – правая сторона, хат – общество) правое общество⁵⁷. К этому же самому раздвоению, принадлежит может быть и раздвоение, встречаемое в выходах, напр. нижний храм и др.)). Найдено всего пять выходов, упоминающих о Солхате. Хотя только два из них с значением года, но видно по складу, по выражению (ссылка на полях – авт. «Сверх того их подписали почти одни и те же лица»), что все они принадлежат к X веку. Ни один из этих выходов не похож на выход, написанный в XIV столетии, – Л. 54 – и, следовательно, не одновременны с ними (ссылка на полях – авт. «На конце Пятикнижия в Синагоге в Чуфут-кале»). Сей последний писан в 1360 году⁵⁸ и в нем встречается так сказать географическое объяснение где лежит город Солхат, в подоле горы Агармыш известной доселе под этим именем, и разделяющейся на собственно Агармыш и Газ Агармыш. Второй выход писан в 964 году (ссылка на полях – авт. «находится на пергаментном списке Пятикнижия в Синагоге Евреев Талмудистов в Карасу-базаре, числение Правительства (значение начинается от царствования Александра Македонского и, следовательно, до получения летоисчисления от Р. Христова

фов для хазарских общин» (Гаркави 1876, 7–9). Семитолог А.Я. Гаркави, посвятив этому вопросу отдельное исследование, сделал вывод, что данное свидетельство является фальшивкой: «многие географические названия в главном документе, в чем, по-моему, трудно сомневаться, не существовали в Крыму прежде татарской эпохи, т. е. раньше половины XIII века, то этим самым отрицается возможность упоминания этих названий в 986 году предполагаемым Авраамом Керченским» (Гаркави 1876, 22–23).

⁵⁶ Т.е. в генизе синагоги.

⁵⁷ В Солхате-Старом Крыму иудейские (караимские) кварталы локализованы в юго-восточном секторе города. В первой половине XIX в. в городе еще существовали три еврейских кладбища и синагоги, однако впоследствии они были разрушены; последнее сохранившееся здание синагоги видели здесь в 60-х гг. XIX в. (Шапира 2010, 22).

⁵⁸ Документ из Одесского собрания А.С. Фирковича 1839–1840 гг., по мнению ряда исследователей, подлинник (Шапира 2004, 128).

надо вычесть 312 лет⁵⁹. Это число находится на всех древнейших письменных памятниках Евреев, но вероятно было в употреблении у ученых и книжников и до XI века ставлено ими вместо числения от сотворения мира? Не произошло ли это летоисчисление, от особого какого-то почитания Евреев к Александру Македонскому, и что послужило к этому поводом? См. З.О.О. II. 53. пр. X»), оно пожертвовано в собор Храм Солхата, священного общества, живущего внизу (т.е. под горою Агармыш), который есть Храм Хазаров. Вот явное свидетельство о тесном соединении или даже слитии Евреев и Хазаров. Хазары выстроили Храм для Еврейского общества, обитавшего в Солхате. Это свидетельство нам еще важно, что по принятии Христианства в IX веке, Хазары вытеснили Евреев из некоторых местностей. В это время жители Еврейского поселения в Солхате, и что важно с Евреями, поселились здесь и Хазары, упорствовали против Христианства, и «выстроили из усердия к Иудаизму новый храм». – Л. 54 об. – Наши выводы еще более подтверждаются прочими выходами. В них прямо говорится, что, сию книгу закона, совершенную и верную, посвятили сыновья общества Солхата Сонма Хазаров нижнего храма (сноска на полях – авт. «выход на Пятикнижии, писанном на пергаменте в малой Синагоге в Чуфут-кале стр. 9»). Более этого в другой приписке сказано, что общество Сонма Хазаров посвятило большой котел и пр. (ссылка на полях – авт. «Там же стр. 5 видна явно что эта надпись современна надписи 954 года, потому что обе писаны теми же людьми: Шабетаем, сыном Самуила и Ошагною, сыном Самуила»)⁶⁰. В третьем выходе сказано, что пятикнижие посвящено Хаиму, сыну Лагуды Хазаров, следовательно, вот Еврей, исходящий прямо от Хазар (ссылка на полях – авт. «В синагоге Талмудистов в Карасубазаре стр. 6. З.О.О. II.52 XX.59, 8 З.О.О. II.55 и 56»⁶¹). В другом еще выходе сказано, «в обществе Солхата, в Синагоге Хазаров, в нижнем соборе (ссылка на полях – авт. «Там же II 59 II 58»)). Тут прямо указывается на религию Хазар поселившихся в Солхате. На том же основании как Хаим был Хазарского происхождения в чем кроме выписанного родства, мы встречаем еще доказательства и в созвучии имен, на том же основании можно и Ханука, сына старца Шамари признать за Еврея Хазарского происхождения. Из приведенных памятников, мы видим, что Хазары некоторые исповедывали до X столетия Иудейскую веру, что они также слились с Евреями, что вошли в их состав и что наконец – Л. 55 – имели с ними общие поселения. Но совершенно ложно мнение некоторых писателей (Ссылка на полях – авт. «Григорьев»), утверждавших, что Караимы происходят от Хазар. Караимы чисто Иудеи, но они часто сближавшиеся с Хазарами (Ссылка на полях – авт. «Кроме этого общества Хазаров, в Солхате существовали еще и другие обще-

⁵⁹ Установлено, что послание от хазарских караимов Солхата (не 964, а 965 г. н. э.), якобы обнаруженное А.С. Фирковичем в Карасубазарской синагоге, является не более чем высококачественной подделкой (Шапира 2004, 128).

⁶⁰ «Сулхатское Козарское общество», судя по датировке документа, представленного А.С. Фирковичем, существовало уже в конце IX в.: один из опубликованных свитков якобы был подарен местной общине в 881 г.; другой свиток, также судя по сделанной на нем приписке, был «куплен Козарским обществом в Сулхате для синагоги, и что это общество принесло в дар синагоге большой котел, для приготовления в нем пищи в праздничные дни») (Михневич 1848, 50). По заключению Д. Шапира, данный документ является подделкой (Шапира 2004, 121–128).

⁶¹ Михневич 1848, 47–77.

ства⁶² (слово неразборчиво – авт.), но трудно определить от какого народа они происходили. К. стр. 25»).

Матреха или Маторга (Тмутаракань) упоминается в одном выходе из Пятикнижия и означенным 1157 годом по Р.Х. И тут тоже было Еврейское общество, названное священным, в обителище которого и была эта книга, купленная за 50 динаров (Ссылка на полях – авт. «тр. 26 ЗОО II.59»). Какие это были динары трудно представить, потому что в это время Тмутаракань была во владении Русов. Между этим выходом и Тмутараканской надписью всего 8 лет разницы (Ссылка на полях – авт. «Сношения с Константинополем З.О.О.П.61.8, II.51. О введении знаков у Караимов З.О.О.П.79»).

Все почти имена, подписанные на выходах X столетия встречаются на гробницах в Иосафатовой долине, и, следовательно, показывают нам, что Чуфут-кале имело большое значение в это время, и что главные лица между Караимами, Учителя Закона погребались на его кладбище. – Лист. 55 об. – В VII веке Караимы переселились в Крым, а в конце этого же столетия и в начале следующего появляется стремление их к распространению Иудейства между Хазарами. Главным виновником этого направления был Караим Сангари⁶³ (Ссылка на полях – авт. «Биография Сангари?»).

Гробница Исаака Сангари найдена в Иосафатовой долине и обозначена 4527 годом (767 годом по Р.Х. ст. № 49). Числение в одно и то же время и составляет имя, погребенного здесь Учителя Караимов, надпись высечена на изголовье гробницы. Внешняя плита в виде плоской крыши имеет в длину 4 арш. 3 вершка, а в ширину 1 и $\frac{1}{4}$ аршина, высота плиты 8 $\frac{1}{2}$ вершка. Когда открыли могилу, то нашли в ней одни кости. У самой почти этой гробницы лежит другая могила, будто бы жены Сангари (Ссылка на полях – авт. «Не есть ли эта гробница № 48? Вообще можно положительно сказать, что самые древние могилы Караимов, то есть до (пропуск – авт.) столетия были все крышка, с двумя скатами, двурогие же гробницы принадлежат к новейшим временам. В Иосафатовой долине, на кладбище

⁶² В конце XIII – середине XIV в. Солхат являлся крупным городом с существовавшими там значительными иудейскими общинами. Однако уже после того, как было образовано Крымское ханство, столица была перенесена сначала в Кырк-Йер, а затем в Бахчисарай. Солхат постепенно утратил прежнее значение политического и торгового центра в регионе. В этот период начинается отток караимов в Карасубазар и Чуфут-Кале, который продолжился и в XVII, и в XVIII вв. В первой половине XIX в. в городе еще существовали три еврейских кладбища и синагоги, однако впоследствии они были разрушены; последнее сохранившееся здание синагоги видели здесь в 60-х гг. XIX в. (Шапира 2010, 22). Со второй половины XIX в. какие-либо данные о существовании в XIX в. в Старом Крыму караимской общины отсутствуют (Ломакин и др. 2016, 372–386).

⁶³ В 1841 г., когда А.С. Фиркович якобы обнаружил могилу Исаака (Йицхака) Сангари – полупрофессионального миссионера, обратившего хазар в иудаизм, то прибывший в Крым историк, археолог, нумизмат, эпиграфист, вице-президент ООИД Н.Н. Мурзакевич отмечал, что газзан «Мортхай Султанский привел меня к большой каменной плите, на которой в нижней части увидел я свежесрезанные ножом еврейские буквы, по словам Фирковича, имя Сангари. Буквы свежесрезанные были затерты местною землею, которая по прикосновению рукою отстала и обнажила свежие окраины букв, не пожелтевшие и не поросшие мхом, как это было в других еврейских надписях» (Караулов 1883, 97 прим.). Следует заметить, что дискуссия относительно данного вопроса продолжается и в наши дни (Шапира 2003, 533–555).

Чуфут-кале находятся до семи тысяч гробниц с надписями»⁶⁴) (Красными чернилами – авт.) Находятся в Запис. Московского общ. 1848 или 1847 года? Григорьев?

Доказательством усилий Сангари по распространению Иудейства приводят два письма, писанные будто к Хакану Хазарскому. Он увещевает его в этих посланиях принять его веру. Некоторые писатели сомневаются в подлинности этих писем. – Л. 56 – Во всяком случае, мы видим из памятников христианских. Что сто лет после смерти Сангари, первые проповедники Слова Божия, нашли Хазаров исповедующих Иудейство. Одному Сангари можно приписать этот факт, ибо при нем в особенности началось это направление. Видя количество сохранившихся списков разных книг Библейских, мы можем предположить, что письменность Еврейская была очень распространена между Учителями Закона, но весьма вероятно, что народ далеко не был образован как они. Мы имеем пример, когда за хороший список Пятикнижия давали до 50 динаров, а в другом выходе, как новые доказательства, что Караимы умели ценить хорошо написанные рукописи сказано, что, сию книгу (Пятикнижие) совершенно изумляющую необразованных посвятили Такой-то. В IX веке рушится влияние Караимов, они переходят из состояния – Л. 56 об. – народа господствующего, в положение народа терпимого. Главным местом пребывания их становится Чуфут-кале, и кроме того они обитают еще у Мангула, Феодосии и Старого Крыма».

ЛИТЕРАТУРА

- Анкори, Цви 2012: Крымские караимы и хазары (из книги «Происхождение караимов в Византии»). В кн.: В.Л. Вихнович (ред.), *Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия*. СПб, 255–304.
- Бернштейн, С.В. 1984: *Константин Философ и Мефодий*. М.
- Вихнович, В.Л. 2012: *Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия*. СПб.
- Гаркави, А.Я. 1876: *По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам*. СПб.
- Гаркави, А.Я. 1877: К вопросу об иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму. *ЖМНП СХСII*, 2, 98–121.
- Гаркави, А.Я., Штрак, Г.М. 1875: О Коллекции восточных рукописей А.С. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале. *ЖМНП CLXXVIII*, 4, 5–49.
- Герцен, А.Г. 2017: Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги». *МАИЭТ XXII*, 348–368.
- Горский, А.В. 1843: О свв. Кирилле и Мефодии. *Москвитянин* 6. III, 405–434.
- Григорьев, В.В. 1846: Еврейские религиозные секты в России. *Журнал Министерства Внутренних дел* 15. СПб, 3–49.
- Григорьев, В.В. 1876а: Еврейские религиозные секты в России. В кн.: В.В. Григорьев (ред.), *Россия и Азия*. СПб, 418–550.
- Григорьев, В.В. 1876б: Обзор политической истории хазаров. В кн.: В.В. Григорьев (ред.), *Россия и Азия*. СПб, 46–65.
- Григорьев, В.В. 1876в: О двойственности верховной власти у хазаров. В кн.: В.В. Григорьев (ред.), *Россия и Азия*. СПб, 66–78.
- Джаксон, Т.Н., Коновалова, И.Г., Подосинов, А.В. (ред.) 2014: *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия*. III. М.

⁶⁴ Как видим, указанное А.С. Уваровым количество памятников в Иосафатовой долине близко к подсчетам современных исследователей, с той лишь только разницей, что эпитафии присутствуют на половине надгробий (см. выше).

- Дюбуа де Монпере, Ф. 2009: *Путешествие в Крым*. Симферополь.
- Калинина, Т.М. 2014: Хазария по данным восточных источников. В кн.: Т.М. Калинина, В.С. Флеров, В.Я. Петрухин (ред.), *Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры*. М., 8–100.
- Карамзин, Н.М. 1997: *История государства Российского*: в 12 т. Т. 1. Ростов-на-Дону.
- Караулов, Г. 1883: Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа. Чуфут-Кале и еврей-караимы. *ЗООИД* 13, 93–103.
- Кашовская, Н.В. 2003: Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа. *МАИЭТХ*, 556–561.
- Кеппен, П.И. 1837: *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*. Крымский сборник. СПб.
- Кизилов, М.Б. 2003: К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова. *Тирош. Труды по иудаике* 6, 123–140.
- Коковцов, П.К. 1932: *Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.*
- Ломакин, Д.А., Прохоров, Д.А. 2016: К истории караимской общины Солхата-Старого Крыма: археографический и археологический аспекты. *История и археология Крыма* III, 372–386.
- Макарий (Булгаков), 1846: *История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской церкви*. СПб.
- Маркевич, А.И. 1892: Старо-Крымские древности. *ИТУАК* 17, 124–129.
- Михайлова, Д. 2007: Хазарская теория происхождения караимов Российской империи в трудах некараимских исследователей середины XIX – начала XX вв. *Тирош. Труды по иудаике* 8, 176–184.
- Михневич, Э. 1848: О еврейских манускриптах, хранящихся в музее Одесского общества истории и древностей. *ЗООИД* II/1, 47–77.
- Могаричев, Ю.М., Сазанов, А.В., Сорочан, С.Б. 2017: *Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии*. М.
- Новосельцев, А.П. 1980: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.
- Погодин, М.П. 1826: О козарах (из Эверсовых исследований). *Северный Архив* VI, 107–128.
- Прохоров, Д.А. 2015: Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. *Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки* 1, 76–88.
- Прохоров, Д.А. 2017: Отражение этнических стереотипов в официальных печатных изданиях и периодической прессе Таврической губернии конца XVIII – начала XIX вв.: славяно-еврейско-караимский контекст. В кн.: О.В. Белова (ред.), *Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции*. М., 158–177.
- Рашковский, Б.Е. 2011: «Выбор веры» в средневековом иудаизме: дисс... канд. ист. наук. М.
- Смирнов, В.Д. 1918: Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной комиссии. *ИТУАК* 54, 1–19.
- Стивен, А.Х. 1891: Дела архива Таврического губернского управления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии. *ИТУАК* 4, 84–94.
- Трендафилов, Хр. *Житие: Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3459>.
- Тункина, И.В. 1996: А.С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг.). В сб.: *Погибшие святыни. Охраняется государством. Четвертая Российская научно-практическая конференция*. СПб, 163–181.

- Тунманн, 1991: *Крымское ханство*. Симферополь.
- Тяжелов, П. 1844: Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гатис-Обру, Ибн-Аазем-Эль-Куфи и др. Статья Академика Дорна. *ЖМНП* XLIII, 1–25, 67–98.
- Уваров, А.С.: *Жители Таврических гор. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря*. Архив ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 18 об. – 84.
- Федорчук, А. 2008: Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние. В кн.: *Евроазиатский еврейский ежегодник 2007/2008*. М., 212–227.
- Фиркович, А.С. 2012: Авне Зиккарон (перевод В.А. Ельяшевича). *Известия Духовного Управления караимских религиозных организаций Украины* 4 (13), 10–17.
- Флоря, Б.Н. 1981: *Сказания о начале славянской письменности*. М.
- Чичуров, И.С. 1980: *Византийские исторические сочинения*. М.
- Шапира, Д. 2003: Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей. *МАИЭТ X*, 533–555.
- Шапира, Д. 2004: Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А.С. Фирковича. В сб.: В.Р. Капланов, В. Мочалова (ред.), *Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. Ч. 1. М., 102–130.
- Шапира, Д. 2010: Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья. В кн.: В.А. Кулик (ред.), *История еврейского народа в России*. Т.1. *От Древности до Раннего Нового времени*. Иерусалим–М., 13–43.
- [Штерн, Б.] 1844: Древние еврейские кодексы и другие памятники. *ЗООИД* 1, 640–649.
- Языков, Д.И. 1840: Опыт истории хазаров. *Труды императорской Российской Академии наук* 1, 135–241.
- Bandurius, A. 1711: *Imperium Orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quattuor partes distributae*, 2. Paris.
- N.N. [Казас, И.И.] 1911: Общие заметки о караимах. *Караимская жизнь* 3–4, 37–72.

REFERENCES

- [Shtern, B.] 1844: Drevnie evreyskie kodeksy i drugie pamyatniki [Ancient Jewish Codes and Other Monuments] *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey* [Transactions of the Odessa Society of History and Antiquities] 1, 640–649.
- Ankori, Tsvi 2012: Krymskie karaimy i khazary (iz knigi «Proishozhdenie karaimov v Vizantii») [Crimean Karaites and Khazars (from the book “The Origin of Karaites in Byzantium”)] In: V.L. Vikhnovich (ed.), *Karaim Avraam Firkovich: Evrejskie rukopisi. Istoriya. Puteshestviya* [Karaim Abraham Firkovich: Jewish manuscripts. History. Travels]. Saint Petersburg, 255–304.
- Bandurius, A. 1711: *Imperium Orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quattuor partes distributae*, 2. Paris.
- Bernshteyn, S.V. 1984: *Konstantin Filosof i Mefodiy* [Konstantin the Philosopher and Methodius]. Moscow.
- Chichurov, I.S. 1980: *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya* [Byzantine historical works]. Moscow.
- Djubua de Monpere, F. 2009: *Puteshestvie v Krym* [Journey to the Crimea]. Simferopol.
- Dzhakson, T.N., Konovalova, I.G., Podosinov, A.V. (eds.) 2014: *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya* [Ancient Rus' in the light of foreign sources. Chrestomathy]. III. Moscow.
- Fedorchuk, A. 2008: Evreskie nekropoli Kryma: istoriya issledovaniya i sovremennoe sostoyaniye [Jewish necropolises of the Crimea: the history of research and the current state]. In:

- Evroaziatskiy evreyskiy ezhegodnik 2007/2008* [*Euro-Asian Jewish Yearbook 2007/2008*]. Moscow, 212–227.
- Firkovich, A.S. 2012: Avne Zikkaron (perevod V.A. Elyashevicha) [Avne Zikkaron (translated by V.A. Eliashevich)]. *Izvestiya Dukhovnogo Upravleniya karaimskikh religioznykh organizatsiy Ukrainy* [Transactions of the Spiritual Administration of Karaite religious organizations of Ukraine] 4 (13), 10–17.
- Florya, B.N. 1981: *Skazaniya o nachale slavyanskoy pis'mennosti* [Legends about the beginning of the Slavonic script]. Moscow.
- Garkavi, A.Ja. 1876: *Po povodu izvestiya Avraama Kerchenskogo o posol'stve sv. Vladimira k khazaram* [In occasion of the news from Abrahham of Kerch about the embassy of St. Vladimir to the Khazars]. Saint Petersburg.
- Garkavi, A.Ja. 1877: K voprosu ob iudeyskikh drevnostyakh, naydennykh Firkovichem v Krymu [On the issue of the Jewish antiquities found by Firkovich in the Crimea]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education] CXII. 2, 98–121.
- Garkavi, A.Ja., Shtrak, G.M. 1875: O Kollektzii vostochnykh rukopisey A.S. Firkovicha, nakhodyashhihsya v Chufut-Kale [A.S. Firkovich's Collection of Oriental Manuscripts which is in Chufut-Calais]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education] CLXXVIII. 4, 5–49.
- Gercen, A.G. 2017: Knyazhestvo Feodoro: ot «al'fy» do «omegi» [The Principality of Theodoro: from “Alpha” to “Omega”]. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii* [Materials on the History, Archeology and Ethnography of Tauria] XXII, 348–368.
- Gorsky, A.V. 1843: O svv. Kirille i Mefodii [About the Holy Cyril and Methodius]. *Moskvityanin* [Muscovite] 6. III, 405–434.
- Grigorev, V.V. 1846: Evreyskie religioznye sekty v Rossii. [Jewish religious sects in Russia]. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs] 15. Saint Petersburg, 3–49.
- Grigorev, V.V. 1876a: Evreyskie religioznye sekty v Rossii. [Jewish religious sects in Russia]. In: V.V. Grigorev (ed.), *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia]. Saint Petersburg, 418–550.
- Grigorev, V.V. 1876b: Obzor politicheskoy istorii khazarov [Review of the political history of the Khazars]. In: V.V. Grigorev (ed.), *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia]. Saint Petersburg, 46–65.
- Grigorev, V.V. 1876v: O dvoystvennosti verkhovnoy vlasti u khazarov [On the duality of the supreme power of the Khazars]. In: V.V. Grigorev (ed.), *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia]. Saint Petersburg, 66–78.
- Kalinina, T.M. 2014: Khazariya po dannym vostochnykh istochnikov [Khazaria according to Eastern sources]. In: T.M. Kalinina, V.S. Flerov, V.Ja. Petruhin (eds.), *Khazariya v krosskul'turnom prostranstve: istoricheskaya geografiya, krepostnaya arkhitektura, vybor very* [Khazaria in the cross-cultural space: historical geography, serf architecture, choice of faith]. Moscow, 8–100.
- Karamzin, N.M. 1997: *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]: in 12 vol. Vol. 1. Rostov-on-Don.
- Karaulov, G. 1883: Primechaniya k poezdke vo vnutrennost' Kryma akademika Pallasa. Chufut-Kale i evrei-karaimy [Notes on the Academician Pallas' trip to the interior of the Crimea. Chufut-Kale and the Jews-Karaites]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] 13, 93–103.
- Kashovskaya, N.V. 2003: Zametki po iudeyskoy epigrafike Mangupa [Notes on the Jewish epigraphy of Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tauria] X, 556–561.

- Keppen, P.I. 1837: *O drevnostyakh Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. Krymskiy sbornik* [On the antiquities of the Southern coast of the Crimea and the Tauride mountains. The Crimean collection]. Saint Petersburg.
- Kizilov, M.B. 2003: K istorii maloizvestnykh karaimskikh obshhin Krymskogo poluostrova [To the history of little-known Karaite communities of the Crimean peninsula]. *Tirosh: Trudy po iudaike* [Tirosh: Works on Judaica] 6, 123–140.
- Kokovcov, P.K. 1932: *Evreysko-hazarskaja perepiska v X v.* [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century]. Leningrad.
- Lomakin D.A., Prokhorov D.A. 2016: K istorii karaimskoy obshhiny Solkhata-Starogo Kryma: arkheograficheskiy i arheologicheskii aspekty [On the history of the Karaite community of Solkhata-Old Krym: archeographic and archaeological aspects]. In: V.V. Mayko (ed.), *Istorija i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of the Crimea]. III. Simferopol, 372–386.
- Makariy (Bulgakov), 1846: *Istorija khristianstva v Rossii do ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira kak vvedenie v istoriyu Russkoy tserkvi* [The history of Christianity in Russia to the Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir as an introduction to the history of the Russian Church]. Saint Petersburg.
- Markevich, A.I. 1892: Staro-Krymskie drevnosti [Antiquities of the Old-Krym]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Transactions of the Taurida Academic Archive Commission] 17, 124–129.
- Mikhaylova, D. 2007: Khazarskaya teoriya proiskhozhdeniya karaimov Rossiyskoy imperii v trudakh nekaraimskikh issledovateley serediny XIX – nachala XX vv. [Khazar theory of the origin of the Karaites of the Russian Empire in the works of non-Karaim researchers of the middle 19th – early 20th centuries]. In: M. Chlenov (ed.), *Tirosh. Trudy po iudaice* [Tirosh. Works on Judaic] 8. Moscow, 176–184.
- Mikhnevich, Je. 1848: O evreyskikh manuskriptakh, khranyashhihsya v muzee Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [The Jewish manuscripts stored in the museum of the Odessa Society of History and Antiquities]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] II. 1, 47–77.
- Mogarichev, Ju.M., Sazanov, A.V., Sorochan, S.B. 2017: *Krym v «khazarskoe» vremya (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arkheologii* [The Crimea in the “Khazar” time (the 7th to mid-10th century): issues of history and archeology]. Moscow.
- N.N. [Kazas I.I.] 1911: Obshhie zametki o karaimakh [General notes on the Karaites] *Karaimskaya zhizn'* [Karaite life] 3–4, 37–72.
- Novoseltsev, A.P. 1980: *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow.
- Pogodin, M.P. 1826: O kozarakh (iz Eversovykh issledovaniy) [On the Kozars (from the Eversov's studies)]. *Severnyy Arkhiv* [Northern Archive] VI, 107–128.
- Prokhorov D.A. 2017: Otrazhenie etnicheskikh stereotipov v oficial'nykh pechatnykh izdaniyakh i periodicheskoy presse Tavricheskoy gubernii kontsa XVIII – nachala XIX vv.: slavyano-evreysko-karaimskiy kontekst [Reflection of ethnic stereotypes in official printed editions and periodical press of the Taurida Gubernia of the late 18th and early 19th centuries: the Slavic-Jewish-Karaite context] In: O.V. Belova (ed.), *Kontakty i konflikty v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [Contacts and conflicts in the Slavic and Jewish cultural traditions]. Moscow, 158–177.
- Prokhorov, D.A. 2015: Pravovye osnovy organizatsii konfessional'nogo samoupravleniya karaimov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [Legal foundations of the organization of the confessional self-government of the Karaites in the late 18th to the first half of the 19th century] *Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo*.

- Juridicheskie nauki* [Proceedings of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical sciences] 1, 76–88.
- Rashkovskiy, B.E. 2011: «Vybor very» v srednevekovom iudaizme [“Choice of faith” in medieval Judaism]: diss... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Moscow.
- Shapira, D. 2003: Yichak Sangari, Sangarit, Becalel’ Shtern i Avraam Firkovich: istoriya dvukh poddel’nykh nadpisey [Yitzhak Sangari, Sangarit, Bezalel Stern and Avraham Firkovich: the story of two forged inscriptions]. *Materialy po istorii, etnografii i arkheologii Tavrii* [Materials on the History, Ethnography and Archeology of Tauria] X, 533–555.
- Shapira, D. 2004: Nyneshnee sostoyanie ryada pripisok k kolofonom na bibleyskikh rukopisyakh iz pervogo sobraniya A.S. Firkovicha [The current state of a number of posts on colophons in biblical manuscripts from A.S. Firkowitch’s collection]. In: R. Kaplanov, V. Mochalova (eds.), *Materialy odinnadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdisciplinarnoy konferentsii po iudaizmu* [Materials of the Eleventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies]. 1. Moscow, 102–130.
- Shapira, D. 2010: Evrei v Severnom Prichernomor’e ot drevnosti do rannego Srednevekov’ya [Jews in the Northern Black Sea Region from Antiquity to the Early Middle Ages]. In: A. Kulik (ed.), *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii: ot drevnosti do rannego Novogo vremeni* [History of the Jewish in Russia: from Antiquity to the Early Modern Age. Vol. 1. From Antiquity to the Early Modern Age]. Jerusalem–Moscow, 13–43.
- Smirnov, V.D. 1918: Tatarsko-khanskyye yarlyki iz kollektsii Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy komissii [Tatar-Khan labels from the collection of the Taurida Academic Archive Commission]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Transactions of the Taurida Academic Archive Commission] 54, 1–19.
- Steven, A.H. 1891: Dela arkhiva Tavricheskogo gubernskogo upravleniya, otnosyashchiesya do razyskaniya, opisaniya i sokhraneniya pamyatnikov stariny v predelakh Tavricheskoy gubernii [Cases of the Archive of the Tauride Provincial Government, related to the search, description and preservation of historical monuments within the Taurida province]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Transactions of the Taurida Academic Archive Commission] 4. Simferopol, 84–94.
- Trendafilov, Kh. Zhitie: Zhitie Konstantina (Kirilla) Filosoфа (Prostrannoe). elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo doma) [Life: Life of Constantine (Cyril) Philosopher (Extensive). Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)], <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3459>.
- Tunkina, I.V. 1996: A.S. Uvarov i drevnosti Yuzhnoy Rossii (konets 1840-h – nachalo 1850-h gg.) [A.S. Uvarov and the antiquity of Southern Russia (late 1840’s to early 1850’s)]. In: *Pogibshie svyatyni. Okhranyaetsya gosudarstvom. Chetvertaya Rossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The dead shrines. It is protected by the State. The Fourth Russian Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, 163–181.
- Tunmann, 1991: *Krymskoe khanstvo* [The Crimean Khanate]. Simferopol.
- Tyazhelov, P. 1844: Izvestiya o khazarakh vostochnogo istorika Tabari, s otryvkami iz Gafis-Obru, Ibn-Aazem-Jel’-Kufi i dr. Stat’ya Akademika Dorna [The story on the Khazars by the eastern historian Tabari, with excerpts from Gafis-Obru, Ibn-Aazem-El-Kufi, and others. The article by Academician Dorn]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education] XLIII, 1–25, 67–98.
- Uvarov, A.S.: *Zhiteli Tavricheskikh gor. Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoy Rossii i beregov Chernogo morya* [Residents of the Taurida Mountains. Studies of the antiquities of Southern Russia and the shores of the Black Sea]. Arkhiv Otdela pis’mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Archive of the Department of Written Sources of the State Historical Museum]. Fund. 17. Inv. 1. Book. 196. Sheets 18 with reverse – 84.

- Vihnovich, V.L. 2012: *Karaim Avraam Firkovich: Evrejskie rukopisi. Istoriya. Puteshestviya* [*Karaim Abraham Firkovich: Jewish manuscripts. History. Travels*]. Saint Petersburg.
- Yazykov, D.I. 1840: Opyt istorii khazarov [History of the Khazars]. *Trudy imperatorskoy Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Imperial Russian Academy of Sciences]. 1, 135–241.

A.S. UVAROV'S STUDY ON ANCESTRY AND HISTORY OF THE CRIMEAN KARAITES

Yuri M. Mogarichev*, Dmitry A. Prokhorov**

*Crimean Republican Institute for Post-Gradual Pedagogical Education;
Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia
mogara@rambler.ru

**Crimean Federal V.V. Vernadsky University, Simferopol, Russia
prohorov1da@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the A.S. Uvarov' version of the origin and history of the Crimean Karaites. It is stated in the fourth chapter of the third unpublished issue of "Studies on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Coast" (Archive of the State Historical Museum). The source for this story was the personal communication of A.S. Uvarov with S.A. Beim and A.S. Firkovich, whose views were largely accepted by the young researcher. However, A.S. Uvarov was an opponent of the "Khazar" theory of origin of the Karaites, formulated by V.V. Grigoriev a few years before Uvarov's visiting Chufut-Kale in 1848. A.S. Uvarov considered that the dominant in the ethnogeny of the Crimean Karaites is the Jewish element: in his opinion, overall, the Karaites are the Jews of the Karaite sect, but they were close to the Khazars. Thanks to the efforts of the legendary Yitzhak Sangari, the Karaites turned the Khazar Khagan into Judaism, and, to a certain extent, merged with the Khazars. After the transition to the 9th century the Khazar to Christianity (this happened because of visiting Khazaria by St. Cyril (Constantine) and Methodius), they were divided with the Karaites. Historical views of A.S. Uvarov on the Khazars based on the works of I. Evers and Western European translations of medieval Arab authors. It suffered a number of anachronisms that was characteristic even for the mid-19th century. For example, Uvarov believed the capital of Khazaria was in Arabia. In doing so, it is evident profound acquaintance with works of Byzantine historians: Patriarch Nikephoros and Constantine Porphyrogenetos.

Keywords: A.S. Uvarov, A.S. Firkovich, Crimea, Karaites, Judaism, Khazars

---

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ГАРК	–	Государственный архив Республики Крым. Симферополь
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИТУАК	–	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
КСК	–	Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1883; 1891; 1894
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь-Керчь
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград
МИАК	–	Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
МИАСК	–	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
ОНК	–	Отчет Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска. Екатеринодар, 1892–1916
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
ПККЕГ	–	Материалы для статистики Керчь-Еникальского градоначальства. Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь, 1914
ПККО	–	Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1874–1881
ПФУЗС	–	Постановления Феодосийского уездного земского собрания. Феодосия, 1867–1915
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва
BASP	–	Bulletin of the American Society of Papyrologists. New York
CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini
CP	–	Classical Philology. Chicago
CQ	–	The Classical Quarterly. Oxford-London-New York
FHG	–	Fragmenta Historicorum Graecorum. Paris
ILS	–	Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini
JHS	–	The Journal of Hellenic Studies. London
Opere di Sinesio di Cirene	–	Garzya, A. (cur.), Opera di Sinesio di Cirene. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1989
Odonis de Diogilo 1660:	–	De profectioe Ludovici VII in Orientem. In: S. Bernardi Clarevallensis Abbatis genus illustre assertum. Accedunt Odonis de Diogilo, Johannis Eremitae, Herberti Turricum Sardiniae Archiepiscopi. Paris, 25–77.
PLRE	–	The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge
RE	–	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RIC	–	Sutherland, C.H.V. et all. The Roman Imperial Coinage. Vol. I–X. London, 1984–1994
Synesii Cyrenensis Epistolae	–	Synesii Cyrenensis epistolae by Synesius of Cyrene, Bishop of Ptolemais. Romae: Typis Officinae Polygraphicae, 1979
VC	–	Vigiliae Christianae. Leiden-Boston

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г.	5
<i>Гарбузов Г.П.</i> (Ростов-на-Дону) – К оценке урожайности зерновых на античном Боспоре	12
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – О древних проездах через Узунларский вал	24
<i>Мокробродов В.В.</i> (Москва) – О находках человеческих костей на среднеазиатских поселениях середины I тысячелетия до н.э.	39
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – О изображениях на одном типе монет Митридата I Каллиника (100–70 гг. до н.э.), правителя античной Коммагены	61
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Монетные комплексы в античных погребениях (к постановке проблемы)	68
<i>Чореф М.М.</i> (Нижневаторск) – К атрибуции монет Крымского ханства из раскопок поселений Виноградный 7 и Тамань-16	75
<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск), <i>Улитин В.В.</i> (Краснодар) – Категории античной керамики в Прикубанье и междуречье Волги и Урала: проблемы изучения функционального использования и роли в культуре варваров	80
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Прозвища у греков архаической и классической эпох. III. Прозвища политиков: архаика и ранняя классика	89
<i>Рунг Э.В.</i> (Москва) – «Длиннорукий» или «Долгорукий»? Греческие прозвища персидских царей	114
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула), <i>Иванов С.С.</i> (Бишкек) – «Со мной будут скифы...»: среднеазиатские конные лучники в армии Александра Македонского	123
<i>Ярцев С.В., Бутковский А.Ю.</i> (Тула) – К вопросу о восточном походе императора Нерона	146
<i>Миролюбов И.А.</i> (Москва) – «Сын божественного Константина»: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция	152
<i>Зайцева И.В.</i> (Белгород) – К вопросу об образовании Александрийской школы при Пантене	161
<i>Ващева И.Ю.</i> (Нижний Новгород) – «Церковная история» Евсевия Кесарийского: терминология и проблемы этно-культурной идентичности на пороге средневековья	169
<i>Болгова А.М.</i> (Белгород) – Гипатия и ее школа в Александрии (начало V в.)	184
<i>Фролов Д.Л.</i> (Ярославль) – Светская власть и ортодоксы в государствах крестоносцев: между волей Рима и верой подданных	197

ЛИНГВИСТИКА

<i>Шулежкова С.Г., Костина П.М.</i> (Магнитогорск) – Насильственная смерть как наказание за веру христову, отраженная в памятниках общеславянского литературного языка средневековья	212
<i>Осипова А.А., Позднякова Н.В.</i> (Магнитогорск) – Особенности сюжета и языка жития Иакова Черноризца (Постника) (об одном необычном отрывке из Супрасльской рукописи)	223

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Дом 460 на акрополе Фанагории (предварительные замечания).....	229
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Могаричев Ю.М., Прохоров Д.А.</i> (Симферополь) – А.С. Уваров о происхождении и истории крымских каримов	237
---	-----

 ARCHAEOLOGY, ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY

<i>O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – The 1975 Excavations at Phanagoria: Burials in Stone Boxes.....	5
<i>G.P. Garbuzov</i> (Rostov) – The Evaluation of Grains Yields in the Ancient Bosphorus.....	12
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol) – On the Ancient Gateways through Usunlar Rampart	24
<i>V.V. Mokroborodov</i> (Moscow) – Findings of Human Bones at the Central Asian Settlements of the Middle of the First Millennium BC	39
<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Some Coin Types of Mithridates I Callinicus, the King of Commagene.....	61
<i>A.E. Tereshchenko</i> (Saint Petersburg) – Coin Assemblages in Ancient Burials (the Problem Statement).....	68
<i>M.M. Choref</i> (Nizhnevartovsk) – The Attribution of the Crimean Khanate Coins from the Excavations at the Settlements of Vinogradny 7 and Taman 16	75
<i>A.V. Bezrukov</i> (Magnitogorsk), <i>V.V. Ulitin</i> (Krasnodar) – Categories of Ancient Ceramics in the Kuban Region and the Interfluvies of the Volga and the Ural: the Problems of Studying of the Functional Usage and its Role in Barbarian Culture	80
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Nicknames Among the Greeks' Nicknames of the Archaic and Classical Periods: III. Nicknames of Archaic and Early Classical Politicians.....	89
<i>E.V. Rung</i> (Kazan) – The Long-Armed: Greek Nicknames of Persian Kings	114
<i>A.A. Kleymenov, S.S. Ivanov</i> (Tula) – “With me will be the Scythians...”: Central Asian Mounted Archers in Alexander the Great's Army.....	123
<i>S.V. Yartsev, A.Yu. Butovskiy</i> (Tula) – The Eastern Campaign of Nero.....	146
<i>I.A. Mirolyubov</i> (Moscow) – “Son of Divine Constantine”: the Constantine's the Great Cult in the Reign of Emperor Constantius II	152
<i>I.V. Zaitseva</i> (Belgorod) – Pantaenus and the Alexandrian School's Formation	161
<i>I.Yu. Vashcheva</i> (Nizhny Novgorod) – Eusebius of Caesarea's “Church History”: Terminology and Problems of Ethno-Cultural Identity on the Threshold of the Middle Ages ..	169
<i>A.N. Bolgova</i> (Belgorod) – Hypatia and her School at Alexandria (the Early 5 th Century)..	184
<i>D.L. Frolov</i> (Yaroslavl) – Secular Authorities and Orthodoxes in the Crusader States: between the Will of Rome and the Faith of the Subjects	197

LINGUISTICS

<i>S.G. Shulezhkova, P.M. Kostina</i> (Magnitogorsk) – Violent Death Reflected in Manuscripts of Common Literary Language of All Medieval Slavs as Penalty for Christian Faith	212
<i>A.A. Osipova, N.V. Pozdnyakova</i> (Magnitogorsk) – The Life of Jacob Chornoryzets (the Monk). Specific Characters of the Plot and the Language (an unusual fragment from the Codex Suprasliensis)	223

PUBLICATIONS

<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – The House No 460 at the Acropolis of Phanagoria (Preliminary Reports)	229
---	-----

FROM SCIENCE HISTORY

<i>Y.M. Mogarichev, D.A. Prokhorov</i> (Simferopol) – A.S. Uvarov’s Study on Ancestry and History of the Crimean Karaites	237
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2018

Сдано в набор 7.03.2018. Подписано в печать 29.03.2018.

Дата выхода 30.03. 2018.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.